

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА.

1949
ГОД

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1953

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

★
1949
ГОД

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ СОВЕТЕ ООН
(МАРТ — АВГУСТ)

ВЫСТУПЛЕНИЕ С. К. ЦАРАПКИНА
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ СОВЕТЕ ООН
(1 марта)

1 марта на заседании Экономического и социального совета представитель Советского Союза С. К. Царапкин выступил с речью по докладу секретариата ООН «О мировом экономическом положении в 1948 году».

В начале своей речи советский представитель указал, что обзор мирового экономического положения в 1948 году, составленный экономическим отделом секретариата ООН, содержит ряд сведений, заслуживающих внимания. Обращает внимание прежде всего то, сказал он, что в докладе даётся неправильная группировка стран, не учтены различные условия и уровень их хозяйственного развития, что приводит к извращению действительной картины мирового экономического положения. Это находит своё выражение прежде всего в том, что собранные для характеристики мирового экономического положения в 1948 году экономические показатели приводятся таким образом, что в общую кучу сваливаются данные, относящиеся как к Советскому Союзу и странам народной демократии, так и к капиталистическим странам, включая побеждённые страны, а также нейтральные. При этом данные о странах, которые достигли или превзошли довоенный уровень производства, объединены с данными о странах, в экономике которых имеет место застой или упадок, и с данными о побеждённых странах (Германия, Япония, Италия), промышленное производство которых находится на ещё более низком уровне вследствие политики некоторых оккупирующих держав, стремящихся к увеличению своего производства за счёт побеждённых стран.

Доклад допускает, кроме того, и прямую фальсификацию данных о Советском Союзе.

В подтверждение этого советский представитель указал на то, что в докладе Советский Союз отнесён к группе стран, у которых за 9 месяцев 1948 года в сравнении с соответствующим периодом 1947 года производство увеличилось в пределах от 10 до 25 процентов. Согласно опубликованным в Советском Союзе официальным данным, как за 9 месяцев, так и за весь 1948 год валовая продукция промышленности Советского Союза дала прирост на 27 процентов против 1947 года.

Существенным недостатком доклада является также то, что в нём не дан анализ действительных причин, порождающих серьёзные экономические затруднения ряда стран, в частности стран, получающих «помощь» по плану Маршалла, и причин, мешающих подъёму промышленности в этих странах.

В докладе также не нашли должного освещения такие проблемы, как ухудшение материального положения трудящихся (наличие и рост безработицы, падение реальной заработной платы) и громадное обогащение наряду с этим небольшой кучки капиталистических монополий.

Для правильного освещения мирового экономического положения, подчеркнул Царапкин, необходимо проанализировать коренные отличия экономического развития Советского Союза, стран народной демократии и капиталистических стран с учётом особенностей и условий их развития.

Советский представитель остановился далее на развитии народного хозяйства Советского Союза в 1948 году, указав, что народы Советского Союза достигли больших успехов в выполнении послевоенного пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Советского Союза на 1946—1950 годы.

Он подробно рассказал о достижениях Советского Союза в 1948 году в таких отраслях народного хозяйства, как индустрия, транспорт, сельское хозяйство, советская торговля, строительство, в восстановлении хозяйства в районах, подвергшихся немецкой оккупации, а также о новых успехах в деле подъёма материального благосостояния советского народа. Свободный творческий труд советского народа, не знающего наёмного капиталистического рабства, является источником хозяйственных и культурных достижений, перевыполнения хозяйственных планов, непрерывного роста производительности труда. Социалистическое соревнование охватило самые широкие слои трудящихся и стало подлинно всенародным движением.

Эти итоги, указал Царапкин, являются ярким выражением преимуществ социалистического строя, в котором труд, освобождённый от капиталистической эксплуатации, творит чудеса.

Перейдя затем к обзору итогов хозяйственного строительства стран новой демократии, представитель СССР отметил, что хозяйство стран народной демократии в 1948 году характеризуется подъёмом. Хозяйственные успехи этих стран основываются на проведении новой демократической властью, опирающейся на поддержку народных масс, прогрессивных демократических преобразований. Осуществлена национализация крупной промышленности и банков, проведены аграрные реформы, ликвидировавшие помещичьи землевладения и передавшие землю безземельным и малоземельным крестьянам.

Хозяйственные достижения стран народной демократии основаны на внутренних ресурсах и трудовых усилиях народов этих стран, на укреплении дружественного сотрудничества и взаимопомощи между демократическими государствами и на дружественной помощи Советского Союза. Характерным для экономического развития стран народной демократии являются высокие темпы увеличения промышленного производства.

Сельское хозяйство стран народной демократии, понесшее исключительно тяжёлые потери в результате немецкой оккупации, также восстанавливается быстрыми темпами. Сбор зерновых намного превысил урожай 1947 года, что позволило значительно улучшить продовольственное снабжение населения.

Таким образом, в Советском Союзе и странах народной демократии имеет место общий неуклонный подъём. Этого нельзя сказать о странах капитализма, хотя они или совсем не пострадали, или пострадали от войны неизмеримо в меньшей степени, чем Советский Союз и государства новой демократии.

Экономическое состояние капиталистических стран в 1948 году, продолжал Царапкин, характеризуется неравномерностью экономического развития и неустойчивостью экономического положения. Это нашло своё выражение в застое, упадке или замедленных темпах развития промышленности во многих странах, низком уровне производства в побеждённых странах, росте инфляции, безработицы, усилении налогового обложения и понижении жизненного уровня широких слоёв населения при одновременном огромном росте прибылей небольшой кучки монополистов.

Темпы прироста мирового промышленного производства в 1948 году замедлились. Однако включение данных о СССР в общий индекс мировой продукции маскирует значительно большее замедление темпов, или даже застой, или упадок.

Как видно из доклада секретариата, за 9 месяцев 1948 года общий индекс промышленного производства в сравнении с последним кварталом 1947 года несколько снизился в таких странах, как Соединённые Штаты и Италия, или почти не повысился в таких странах, как Англия и Канада (где повышение составило менее одного процента). Следует обратить также внимание на то, что из приведённых в докладе данных видно, что падение промышленного производства в третьем квартале 1948 года во многих капиталистических странах является более значительным, чем обычное сезонное понижение.

Соединённые Штаты — единственная капиталистическая страна, которая вышла из войны не ослабленной, а значительно усилившейся в экономическом отношении. Американские монополисты основательно нажились на войне. Для Соединённых Штатов война послужила толчком для широкого развёртывания промышленного производства, к решительному усилению экспорта (главным образом в Европу).

Следует особо отметить, что в докладе секретариата ООН не только не содержится анализа вредного влияния гонки вооружений и внешней экономической политики Соединённых Штатов на мировое экономическое положение в 1948 году, но и имеется попытка приукрасить действительное положение Соединённых Штатов рассуждениями о высоком уровне производства и занятости.

Каково экономическое положение капиталистических государств Европы в 1948 году, в которых всё строится на расчётах получения американских кредитов?

В ряде стран Западной Европы, указал Царапкин, довоенный уровень промышленного производства ещё не достигнут, в частности в Бельгии, Греции, Италии.

Как видно из доклада, промышленное производство Бельгии в 1948 году на 7 процентов ниже уровня 1937 года, причём с апреля началось сокращение производства.

Газета «Кот либр» (орган промышленно-финансовых кругов Бельгии) в январе 1949 года признала, что «сокращение заказов бельгийской промышленностью вызывается планом Маршалла».

Такие важные отрасли промышленности Франции, как паровозостроение, судостроение, строительство, производство автомобилей и другие, испытывают серьёзные затруднения.

Американские товары широкого потребления своей конкуренцией подрывают национальную промышленность Франции.

Ряд западноевропейских стран, получающих «помощь» по «плану Маршалла», испытывает серьёзные экономические затруднения.

Американские кредиты предназначены не для того, чтобы восстанавливать или поднимать конкурирующую с Соединёнными Штатами Америки промышленность европейских государств, а для того, чтобы обеспечить монополиям Соединённых Штатов более широкий сбыт американских товаров в Европе.

Об этом красноречиво говорят данные администрации по осуществлению «плана Маршалла». По данным на 29 декабря 1948 года, из общей суммы разрешённых маршаллизированным странам поставок промышленного оборудования составляет 399 миллионов долларов, т. е. всего лишь около 9 процентов от общей суммы поставок. Низкий объём ассигнований на поставки промышленного оборудования и раскрывает истинный характер «помощи», которая вовсе не рассчитана на восстановление и тем более на развитие промышленного производства стран Западной Европы.

Опасность кабальных последствий «плана Маршалла» всё в большей степени осознаётся в странах Западной Европы.

Монне, автор известного плана «О реконструкции и техническом оснащении Франции», в своём отчёте за 1948 год признаёт, что «положение, созданное планом Маршалла, является искусственным и не может не быть опасным».

Потерю хозяйственной самостоятельности маршаллизированными странами признают и органы печати западноевропейских стран, отметил далее советский представитель.

Так, еженедельник «Трус» в декабре 1948 года писал: «Тот, кто платит, тот и распоряжается. Европейским нациям может не понравиться танец национального самоотречения, который Америка заставляет их плясать. По знаку безжалостной палочки Вашингтонского дирижёра грянула музыка, и они вынуждены принять соответствующие позы. Даже не пытайтесь догадываться, что надеются выиграть правители Америки от уничтожения национального суверенитета европейских стран, можно понять, что именно такова их цель и что они не удовлетворятся до тех пор, пока не достигнут её».

В феврале этого года в голландской газете «Де Недерландер» помещена статья, в которой выражается недовольство политикой Соединённых Штатов по отношению к западноевропейским странам. Редактор этой газеты писал: «Двойственная политика Соединённых Штатов таит в себе огромную опасность для нашей страны. Эта опасность заклю-

чается прежде всего в том, что в финансовом и экономическом отношениях мы становимся полностью зависимыми от Америки».

Печать западноевропейских стран пестрит сообщениями о росте безработицы в этих странах. Так, например, в такой сравнительно небольшой стране, как Бельгия, по заявлению Спаака, число безработных увеличилось до 300 тысяч человек.

Англия, получившая большие кредиты после войны от Соединённых Штатов и Канады и получившая наиболее крупные суммы по «плану Маршалла» в 1948 году, превысила в области промышленности довоенный уровень на 9 процентов. Тем не менее уровень 1937 года всё ещё не достигнут в таких существенных для Англии отраслях промышленности, как каменноугольная и текстильная.

Промышленное производство в побеждённых странах находится на крайне низком уровне. В результате подчинения итальянской промышленности контролю американских монополий началось свёртывание предприятий в ряде отраслей.

В Италии, по данным доклада секретариата, уровень промышленного производства в 1948 году составляет лишь 78 процентов довоенного. Большинство предприятий работает на 45—50 процентов своей производственной мощности.

Тяжёлое положение итальянской промышленности используется американскими монополиями для скупки за бесценок итальянских предприятий. Американский капитал захватил в свои руки нефтеперерагонные предприятия, значительную часть машиностроительных, автомобильных заводов и т. д.

На низком уровне находится промышленное производство Германии. Политика англо-американских оккупационных властей состоит в выкачивании угля, стального лома и лесоматериалов из Германии и задержке развития мирных отраслей, что и является причиной низкого уровня промышленного производства в Германии. Восстановление промышленного производства в англо-американской зоне оккупации Германии, контролируемое американскими монополиями, направлено на воссоздание военно-промышленного потенциала, а мирные отрасли удушаются в интересах англо-американского капитала. Для устранения возможной конкуренции германских товаров на мировом рынке американские монополии уничтожают конкурентные предприятия Германии.

В Японии, находящейся под американской оккупацией, промышленное производство находится на ещё более низком уровне. За 9 месяцев 1948 года индекс промышленного производства составил всего лишь 31 процент по отношению к довоенному уровню.

В ряде капиталистических стран, отметил далее Царапкин, сохраняется острый недостаток продовольственных товаров, несмотря на некоторое увеличение сбора зерновых в 1948 году. Сбор хлебов в ряде стран Западной Европы попрежнему находится на более низком уровне по сравнению с довоенным. На низком уровне находится и производство других продовольственных товаров. Американская программа «помощи» не направлена на восстановление производительных сил сельского хозяйства стран, получающих эту «помощь», а имеет целью сохранить европейский рынок для сбыта американских продовольственных продуктов.

Показателем неустойчивости экономического положения капиталистических стран является дальнейший рост инфляции в 1948 году, ещё более понизивший жизненный уровень населения этих стран.

В Соединённых Штатах стоимость жизни в 1948 году повысилась. Рост цен на продовольствие и другие предметы потребления обгоняет повышение заработной платы, в результате чего реальная заработная плата снизилась. Повышение стоимости жизни привело к уменьшению потребления широких слоёв населения.

В отчёте президента конгрессу об экономическом положении Соединённых Штатов в 1948 году содержатся данные, свидетельствующие о снижении потребления на душу населения в результате инфляции. По этим данным, в Соединённых Штатах снизилось потребление на душу населения мяса, молочных продуктов, свежих фруктов, овощей и других продуктов.

В докладе секретариата отмечается повышение в 1948 году стоимости прожиточного минимума в Англии на 7 процентов. Представитель Англии в своём выступлении по обсуждаемому нами вопросу заявил, что индекс недельной заработной платы с марта по декабрь 1948 года повысился всего лишь на 2 процента. Таким образом, указал Царапкин, сопоставление этих двух показателей свидетельствует о падении реальной заработной платы английских рабочих.

Повышение стоимости прожиточного минимума в 1948 году является особенно значительным во Франции, где, по официальным данным, он вырос на 57 процентов с третьего квартала 1947 года по третий квартал 1948 года.

В условиях действия «плана Маршалла» процесс развития инфляции не приостановился. Показательными в этом отношении являются темпы роста оптовых цен, которые приводятся в только что вышедшем втором квартальном отчёте американской администрации по «плану Маршалла». В этом отчёте указывается, что за два послевоенных года (1946-й и 1947-й) цены во Франции возросли на 80 процентов, а за 10 месяцев 1948 года почти на 72 процента, в Англии за два прелшествующих года на 10 процентов и за 10 месяцев 1948 года почти на 11 процентов.

В то время как в условиях инфляции понижается жизненный уровень трудящихся, прибыли капиталистических монополий растут. Несмотря на то, что промышленное производство в Соединённых Штатах находится на более низком уровне, чем в 1946 году, прибыли американских монополий непрерывно растут.

По данным, приведённым в экономическом докладе президента Соединённых Штатов конгрессу в 1948 году, эти прибыли достигли 34 миллиардов долларов против 24,5 миллиарда долларов в 1943 году и 6,2 миллиарда долларов в 1937 году.

Одной из наиболее серьёзных проблем, без которой нельзя осветить мировое экономическое положение, является вопрос о безработице. Приходится, однако, отметить, что в докладе секретариата ООН о мировом экономическом положении в 1948 году вопросы безработицы не нашли должного освещения.

Значение проблемы обеспечения работой видно из того, что даже по данным доклада, охватившим небольшое число стран, цифра безработных, официально зарегистрированных, достигает 6,5 миллиона

человек. Конечно, действительные размеры безработицы в капиталистических странах значительно выше. При этом необходимо учесть огромную армию полубезработных.

В Соединённых Штатах, по сообщению «Нью-Йорк таймс» от 19 февраля 1949 года, число безработных составляет 3 миллиона человек. При оценке действительных размеров безработицы в Соединённых Штатах необходимо принять во внимание различные формы скрытой безработицы, в частности полубезработных, работающих неполную рабочую неделю. По данным бюро статистики министерства торговли, число работающих менее 35 часов в неделю в январе 1949 года достигает 9,5 миллиона человек, в том числе работает менее 15 часов в неделю 2,3 миллиона человек.

В Италии число безработных достигает, по неполным данным, более 2 миллионов человек и в Западной Германии, находящейся под оккупацией американских, английских и французских властей, — около миллиона человек. В некоторых других западноевропейских странах безработица также достигает больших размеров и продолжает возрастать.

Бешеная гонка вооружений в Соединённых Штатах и некоторых других капиталистических государствах и создание ими агрессивных блоков препятствует как нормальному экономическому развитию отдельных стран, так и порождает неустойчивость международных экономических отношений.

Гонка вооружений усиливает налоговое обременение трудящихся масс и ещё больше снижает жизненный уровень, позволяя монополистам обогащаться на подготовке войны.

В то время как в Соединённых Штатах, Англии, Франции происходит гонка вооружений и милитаризация, расходы на вооружённые силы в СССР из года в год сокращаются и расходы на социальные и культурные мероприятия в СССР с каждым годом возрастают.

При обсуждении вопроса о мировом экономическом положении, отметил Царапкин, должно быть уделено необходимое внимание вопросам развития международной торговли. Развитию международной торговли, к которому призывал здесь делегат Соединённых Штатов и представители других стран, как средству улучшения мирового экономического положения и экономических отношений между странами, препятствует политика дискриминации, проводимая Соединёнными Штатами в отношении ряда государств — членов Объединённых наций. Такая политика не только находится в явном противоречии с принципами устава организации Объединённых наций, но и является нарушением принятых Соединёнными Штатами на себя обязательств по торговым соглашениям с другими странами.

(ТАСС)

«Известия» № 50 (9890)
от 2 марта 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА СССР КУЛАЖЕНКОВА НА СЕССИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО СОВЕТА ООН (2 августа)

2 августа Социальный комитет Экономического и социального совета ООН рассмотрел доклад генерального директора Международной организации по делам беженцев (МОБ) за период с 1 июля 1947 года по 31 декабря 1948 года. Эта организация, созданная в 1946 году решением Генеральной ассамблеи ООН, должна закончить свою деятельность 30 июля 1950 года. Однако, поскольку она служит политическим целям определённых западноевропейских и американских кругов, являясь поставщиком дешёвой рабочей силы, представители Англии, Франции, США, Бельгии доказывали в своих выступлениях необходимость продлить её деятельность. Они высказали пожелание, чтобы в случае ликвидации этой организации был создан специальный комитет по делам беженцев.

Советский представитель Кулаженков выступил с критикой МОБ. Он указал, что эта организация вместо того, чтобы содействовать возвращению на родину беженцев и перемещённых лиц, не занимается никакой работой по репатриации, не выполняет задач, поставленных перед ней организацией Объединённых наций и предусмотренных её уставом. Фактически она является конторой по вербовке дешёвой рабочей силы для промышленных предприятий, шахт, рудников и сельского хозяйства западноевропейских и американских стран. В результате деятельности МОБ сотни тысяч людей, оторванных от родины, оказались в совершенно бесправном положении. Они обречены на подневольный труд на чужбине и полуголодное существование.

О подлинном характере деятельности МОБ, сказал советский представитель, достаточно красноречиво свидетельствуют данные, приведённые в докладе её генерального директора. За период с 1 июля 1947 года по 28 февраля 1949 года этой организацией возвращено на родину 62 621 человек, а расселено в других странах 408 067 человек. Планы деятельности МОБ на будущее показывают то же самое. До июня 1950 года МОБ предполагает расселить свыше полмиллиона человек, а репатриировать только 33 тысячи человек. Показательно и то, что на нужды репатриации из 155 миллионов долларов бюджета МОБ на 1948—49 гг. намечается израсходовать только 2,2 миллиона долларов.

Советский представитель обратил внимание Социального комитета на то, что Международная организация по делам беженцев совместно с оккупационными властями Западной Германии и Австрии и администрациями лагерей для перемещённых лиц и беженцев создаёт всевозможные препятствия для репатриации советских граждан. В этих целях распространяется заведомо ложная и клеветническая информация о положении в СССР, лица, желающие выехать на родину, терроризируются бандами, действующими в лагерях, и т. д. В то время как советским представителям доступ в лагеря закрыт, туда свободно пропускаются представители всевозможных антисоветских организаций. Показательно, что в западных зонах оккупации Германии и Австрии не только не распускаются организации, ведущие антисоветскую пропаганду, но, наоборот, под покровительством оккупационных властей создаются новые.

Касаясь вопроса о вербовке различными организациями дешёвой рабочей силы из среды перемещённых лиц, советский представитель указал, что незаконный по своей природе процесс вербовки происходит в условиях, унижающих для человеческого достоинства и несовместимых с уставом организации Объединённых наций. Даже такой американский журнал, как «Ридерс дайджест», который никак нельзя заподозрить в желании опорочить деятельность МОБ, описывая лагеря для перемещённых лиц в Европе, вынужден был признать, что «над этими лагерями носится дух рынка подневольного труда». Вербовщики ходят по лагерям, как по универсальным магазинам, проверяя, соответствуют ли указанные цены физическому состоянию, квалификации, возрасту, мускулатуре, семейному положению, расе вербуемых лиц.

О том, что правительства стран, принимающих перемещённых лиц, смотрят на них, как на дешёвую рабочую силу, которую можно использовать на наиболее тяжёлых работах, свидетельствуют также данные, приведённые в ежемесячнике Международной организации труда. Советский представитель привёл выдержки из апрельского номера этого журнала, сообщающего, что в Бельгии и Англии перемещённые лица используются на работах в шахтах и на других тяжёлых работах. Газета «Нью-Йорк таймс» 4 мая 1949 года опубликовала заявление некоего священника Оронсби, который, описывая положение беженцев на сахарных плантациях в Луизиане, указывал: «Когда беженец задолжает 100—200 долларов, то становится ясно, что он уже никогда не покинет плантацию, так как он не может достаточно заработать, чтобы расплатиться с долгами. На некоторых плантациях рабочим вообще не приходится получать заработок на руки. Весь заработок уходит на покрытие всё нарастающей задолженности. Раньше рабы получали достаточное количество пищи и одежды, но перемещённые лица лишены и этого. Тем не менее они в неоплатном долгу у плантаторов».

Советский представитель указал, что в настоящее время в западных зонах Германии свыше 60 различных миссий и организаций занимаются вербовкой рабочей силы в лагерях для перемещённых лиц.

Советское правительство, заявил представитель СССР, не может допустить, чтобы советские граждане являлись жертвой насилия, произвола и обмана. Советская делегация считает, что организация Объединённых наций не может и не должна мириться с положением, которое в настоящее время существует в лагерях для беженцев и перемещённых лиц, а также в тех странах, куда они направляются Международной организацией по делам беженцев на работу. В связи с этим она вносит соответствующий проект резолюции, предусматривающий, чтобы Экономический и социальный совет предложил правительствам стран — членов организации Объединённых наций, на территории которых имеются беженцы и перемещённые лица, а также Международной организации по делам беженцев представить генеральному секретарю организации Объединённых наций полную информацию о всех перемещённых лицах и беженцах, находящихся в лагерях, а также расселённых в различных странах, об условиях их жизни и об их правовом положении.

«Известия» № 181 (10021)
от 3 августа 1949 г.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НА II ЧАСТИ 3-й СЕССИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
(АПРЕЛЬ — МАЙ)

РЕЧЬ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ СССР А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ ПЕРВОГО (ПОЛИТИЧЕСКОГО) КОМИТЕТА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
О БЫВШИХ ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЯХ
(9 апреля)

Генеральной ассамблее предстоит рассмотреть вопрос о бывших итальянских колониях.

СССР, США, Великобритания и Франция 15 сентября 1948 года известили генерального секретаря ООН о том, что в соответствии со статьёй 23 и приложением XI мирного договора с Италией вопрос о судьбе бывших итальянских колоний в Африке передаётся на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Необходимо отметить, что вопрос об окончательном определении судьбы бывших итальянских колоний в Африке имеет более чем трёхлетнюю давность. Этим вопросом занималась ещё Потсдамская конференция трёх держав, в решениях которой сказано:

«После обмена мнениями было решено, что вопрос о бывших итальянских колониальных территориях является таким вопросом, который должен быть решён в связи с подготовкой мирного договора для Италии, и что вопрос об итальянских колониальных территориях будет рассмотрен Советом министров иностранных дел в сентябре».

Как известно, мирный договор с Италией в 1945—46 годах был подготовлен и согласован Советом министров иностранных дел, подвергнут обсуждению на Мирной конференции и подписан 10 февраля 1947 года. Однако вопрос об итальянских колониях остался нерешённым, и до сих пор он не только не решён, но даже не согласован в какой бы то ни было степени между четырьмя державами: СССР, США, Великобританией и Францией, хотя советское правительство неоднократно предпринимало шаги с целью добиться справедливого разрешения этого вопроса как в интересах населения этих территорий, так и в интересах укрепления международного мира. Решение Потсдамской конференции о том, что вопрос о бывших итальянских колониях должен быть решён в связи с подготовкой мирного договора с Италией, не выполнено, и на этих территориях — в Ливии, Эритрее и Итальянском Сомали — всё ещё продолжает существовать оккупационный режим со всеми вытекающими отсюда последствиями для народов этих территорий.

Естественно, возникает вопрос: в чём кроются причины того, что дальнейшая судьба бывших итальянских колоний всё ещё не решена, кто виноват в создавшемся положении?

Для того, чтобы дать правильный ответ на эти вопросы, необходимо, хотя бы вкратце, коснуться истории переговоров о судьбе бывших колониальных владений Италии.

Изложив далее ход этих переговоров, т. Громько напомнил о том, что английский план решения вопроса о дальнейшей судьбе бывших итальянских колоний был разоблачён на совещании Совета министров иностранных дел в мае 1946 года В. М. Молотовым, заявившим:

«Осуществление таких планов вело бы к дальнейшему закреплению почти монопольного положения Великобритании во всём огромном районе Средиземного моря и Красного моря. Эти британские планы не встретили критики со стороны американской делегации. Напротив, всякие предложения, которые казались нежелательными Великобритании с точки зрения сохранения и дальнейшего укрепления её монопольного положения в Средиземном море, встречали решительное сопротивление не только с британской, но и с американской стороны. Вопрос об итальянских колониях остался нерешённым, а британские войска остаются и дальше хозяевами положения на этих территориях, да и на некоторых территориях Эфиопии».

Пытаясь добиться согласованного решения, учитывая как позицию американской делегации, настаивавшей на коллективной опеке, так и позицию французской делегации, высказавшейся за то, чтобы Италия также не оставалась в стороне от опеки над бывшими итальянскими колониями, делегация СССР внесла 29 апреля 1946 года на совещании Совета министров предложение об установлении над каждой из этих территорий коллективной опеки двух государств, одним из которых должна быть союзная держава, а другим — Италия. Советское предложение предусматривало также учреждение при администраторе особого консультативного совета, состоящего из представителей трёх союзных держав и двух представителей от местного населения.

Руководствуясь тем же желанием найти справедливое решение вопроса о дальнейшей судьбе бывших итальянских колоний, советское правительство вносило в Совет министров иностранных дел и другие предложения по данному вопросу. 10 мая 1946 года на заседании Совета министров В. М. Молотов отмечал, что советское предложение — оставить бывшие итальянские колонии за Италией, передав их от имени Объединённых наций под опеку Италии на неопределённый срок, — совпадало с предложением французской делегации и находило поддержку со стороны делегации США. Хотя на следующем заседании совета бывший государственный секретарь США Бирнс снял своё предложение, всё же было очевидно, что между тремя государствами — СССР, США и Францией — наметилась предварительная договорённость по этому вопросу. Если эта договорённость не повела к соглашению, то объясняется это главным образом позицией Великобритании, добивавшейся осуществления своего плана, основанного на стремлении укрепить своё монопольное положение в этих районах, на стремлении прочно осесть в бывших итальянских колониях.

В результате состоявшихся длительных переговоров по этому

вопросу между министрами иностранных дел и их заместителями удалось достигнуть лишь договорённости о том, что вопрос о судьбе итальянских колониальных владений должен быть решён в течение года после вступления в силу мирного договора с Италией. Причём было договорено, что в случае безуспешности такой попытки весь этот вопрос должен быть передан на решение Генеральной ассамблеи Объединённых наций.

Тем временем заместителями министров иностранных дел было дано поручение продолжать изучение вопроса с целью представления рекомендаций Совету министров иностранных дел, как это предусмотрено приложением XI к мирному договору с Италией. Работа заместителей, однако, также не дала положительных результатов ввиду позиции, занятой правительствами Великобритании, Соединённых Штатов и Франции. Было очевидно, что правительства этих стран попрежнему стремятся затянуть, а затем сорвать подготовку рекомендаций для Совета министров под самыми разными предлогами, в частности, добиваясь откладывания заслушивания мнений других заинтересованных правительств, без учёта которых заместители не могли присупить к подготовке своих рекомендаций.

Затягивание с подготовкой рекомендаций для Совета министров было использовано правительствами США, Великобритании и Франции также для того, чтобы договориться в сепаратном порядке и произвести делёжку этих территорий, руководствуясь не интересами международного мира или интересами населения этих территорий, а своими собственными военно-стратегическими и иными расчётами.

В ходе этого сепаратного сговора между правительствами США, Великобритании и Франции американская и английская делегации предлагали передать Киренаику под опеку Великобритании. План делёжки предусматривал также передачу Фессана Франции и северной части Эритреи Италии.

Нелишне в этой связи напомнить, что в совместной декларации правительств СССР, Великобритании, США и Франции по вопросу об итальянских территориальных владениях в Африке, включённой в качестве приложения XI в мирный договор с Италией, указывается, что при решении вопроса о судьбе итальянских колоний должно быть принято во внимание желание и благосостояние населения этих территорий, равно как и интересы мира и безопасности. Весь ход переговоров между представителями четырёх великих держав по вопросу о бывших итальянских колониях показал, что ни правительство США, представители которого не прочь произносить пышные речи в ООН о необходимости соблюдения прав и основных свобод человека, ни правительство Великобритании, ни правительство Франции не сделали ничего для осуществления этих высоких задач, указанных в декларации четырёх держав.

Позиции, занятые представителями этих держав, свидетельствуют о том, что правительства США, Великобритании и Франции полностью игнорируют желание населения бывших итальянских колоний, не говоря уже о том, что позиции этих держав весьма далеки от того, чтобы принимать в расчёт, хотя бы в какой-либо степени, интересы поддержания международного мира при решении вопроса о судьбе бывших колониальных владений Италии.

Советское правительство предприняло новые усилия с целью добиться соглашения по вопросу о бывших итальянских колониях, несмотря на то, что после представления заместителями министров соответствующего документа в распоряжении Совета министров иностранных дел оставалось лишь 15 дней до истечения годичного срока. Правительство СССР предложило правительствам США, Великобритании и Франции немедленно созвать Совет министров иностранных дел для дальнейшего обсуждения этого вопроса, руководствуясь необходимостью достигнуть соглашения. Формально это предложение советского правительства было принято. Однако, как показывают факты, в действительности правительства Великобритании, США и Франции не согласны были с этим предложением. Это видно уже из того, что они отказались прислать своих министров иностранных дел для участия в заседаниях совета и, таким образом, сделали невозможным его созыв. Тем самым правительства трёх держав нарушили выполнение постановления мирного договора с Италией, согласно которому вопрос о бывших итальянских колониях должен быть рассмотрен до 15 сентября 1948 года именно на Совете министров иностранных дел, а не просто на совещании представителей четырёх стран.

Несмотря на это грубое нарушение правительствами трёх держав упомянутого постановления мирного договора о необходимости обсудить вопрос о колониях именно в Совете министров иностранных дел, советское правительство тем не менее согласилось принять участие в совещании представителей четырёх держав. В начале же этого совещания, состоявшегося 13—15 сентября 1948 года в городе Париже, делегация СССР внесла предложение о том, чтобы итальянские колонии, а именно: Итальянское Сомали, Эритрея и Ливия, были переданы под опеку Италии в пределах тех границ, которые были установлены на 1 января 1934 года. Однако это предложение оказалось явно не по вкусу правительствам США, Великобритании и Франции, которые, действуя в сговоре, сделали и здесь всё возможное, чтобы не допустить разрешения этого вопроса, добиваясь передачи его на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Советская делегация при создавшейся обстановке согласилась не настаивать на своём предложении о передаче под опеку Италии всех трёх её бывших колоний — Ливии, Эритреи и Итальянского Сомали — и в целях облегчения возможности достижения соглашения внесла новое предложение, воспроизводившее предложение Соединённых Штатов, внесённое Бирнсом 13 сентября 1945 года. Сущность этого предложения состоит в том, что оно предусматривало передачу всех бывших итальянских колоний под коллективную опеку организации Объединённых наций. При этом делегация СССР исходила из того, что за это предложение в своё время высказались США и Франция.

Казалось бы, создалась благоприятная для достижения соглашения ситуация. Однако Великобритания гнула свою прежнюю линию. Она была поддержана также Соединёнными Штатами и Францией, которые настаивали на том, чтобы из вопроса о бывших итальянских колониях был выделен вопрос об Итальянском Сомали и чтобы на данном совещании был решён только этот вопрос.

Ввиду такой позиции Великобритании, США и Франции парижское совещание 13—15 сентября также не принесло должных результатов, и весь вопрос о судьбе бывших итальянских колоний был передан на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Указав далее на систематические проволочки со стороны Великобритании, США и Франции в решении вопроса о бывших итальянских колониях, т. Громыко отметил, что общим для позиций трёх держав являлось предложение — передать Итальянское Сомали под опеку организации Объединённых наций с Италией в качестве управляющей власти на неопределённый срок, хотя Великобритания обусловливала это предложение некоторыми оговорками, а именно: 1) Эфиопия должна быть назначена в качестве управляющей власти в Эритрее на 10 лет. 2) К Британскому Сомали должна быть присоединена часть территории, отрезанная от Итальянского Сомали, с населённым пунктом Бендер-Зиада. 3) Италия должна принять на себя ряд финансово-экономических обязательств, изложенных британской делегацией в приложениях к рекомендациям заместителей министров Великобритании, США и Франции.

Обрисовав позиции Великобритании и Франции, т. Громыко остановился на выступлении представителя США Даллеса в Политическом комитете, подчеркнув, что американский представитель не высказался по вопросу о том, кто должен являться управляющей властью в остальной части Ливии, кроме Киренаики, которая, по американскому предложению, должна быть передана под управление Великобритании, а также о том, как должен быть решён вопрос об Эритрее, за исключением той части, которая, согласно американскому предложению, должна быть передана Эфиопии. Даллес не уточнил также вопроса о сроках опеки над Киренаикой и Сомали.

Из выступления Макнейла видно, что позиция Великобритании остаётся в основном неизменной. Однако представитель Великобритании также не уточнил, как должен быть решён вопрос о будущем Триполитании и Эритреи, за исключением той её части, которая, согласно английскому предложению, должна быть присоединена к Эфиопии, кто должен, по мнению правительства Великобритании, управлять этими территориями и на каких условиях.

Эти неясности в заявлениях представителей США и Великобритании нельзя считать случайными. Они явно говорят о наличии сговора между этими странами, целью которого является — добиться того, чтобы Триполитания и часть Эритреи остались под контролем Великобритании, а значит, и США.

Таковы известные нам планы некоторых великих держав в отношении бывших итальянских колоний. Они свидетельствуют о наличии далеко идущих захватнических устремлений правящих кругов этих государств, отнюдь не заинтересованных в развитии колониальных народов в политическом, экономическом и культурном отношениях и в прогрессе их в направлении к самоуправлению и независимости, как это предусмотрено уставом организации Объединённых наций.

Советская делегация считает, что тот путь, на который пытаются толкнуть Генеральную ассамблею при обсуждении данного вопроса делегации США и Великобритании, является неправильным путём.

О том, что Великобритания и Франция при рассмотрении вопроса о бывших итальянских колониях руководствуются отнюдь не интересами международного мира и не интересами подготовки населения этих территорий к самоуправлению и независимости, свидетельствует то положение, которое существует в настоящее время на этих территориях в результате хозяйничания там англичан и французоз. Из материалов комиссии четырёх держав по обследованию бывших итальянских колоний видно, к какому состоянию нищеты, голода и страха перед произволом колониальных властей приведены жители Ливии, Эритреи, Итальянского Сомали в результате хозяйничания британской и французской военных администраций.

Из докладов комиссии видно, что в Ливии, Эритрее и Итальянском Сомали создано совершенно нетерпимое положение. Экономика этих стран находится на низком уровне и лишена всякой перспективы своего развития. Свою экономическую деятельность в бывших итальянских колониях британская военная администрация в значительной мере сводила к ликвидации промышленных предприятий и к массовому вывозу из этих колоний промышленного оборудования. Так, например, эритрейская торговая палата сообщила комиссии четырёх держав 19 декабря 1947 года о том, что большая часть фабричного оборудования была реквизирована и вывезена за границу, причём стоимость такого оборудования исчисляется в 85 миллионов фунтов стерлингов.

В меморандуме сомалийской торговой палаты от 7 января 1947 года, представленном комиссии четырёх держав, говорится:

«В период британской оккупации железная дорога, которая связывала Могадишо и Вилладжо, была полностью вывезена». Следует иметь в виду, что это была единственная железная дорога в Итальянском Сомали.

В письме торговой палаты Сомали от 14 февраля 1947 года на имя комиссии отмечается, что британские военные власти реквизировали и уже частично вывезли на Средний Восток оборудование и материалы соляных промыслов, рыбоконсервных заводов, маслобойный завод, автомастерские и прочее оборудование, общей стоимостью около 25 миллионов восточно-африканских шиллингов.

Грузооборот основного порта Эритреи — Массауа сократился в 10 раз, подвесная дорога протяжённостью в 71,8 километра, соединяющая порт Массауа с городом Асмара, в 1943 году была закрыта распоряжением британской военной администрации.

В докладе комиссии по Итальянскому Сомали говорится: «Народ Миджертейнской провинции... сильно пострадал от британской оккупации, было отобрано 200 тысяч верблюдов, 500 тысяч коз и овец, и 60 парусных судов с грузом были конфискованы. Все итальянские предприятия в Бендер-Касим и в других местах, которые служили источником заработка и благосостояния населения, были вывезены из этой провинции. В результате этого среди населения царит безработица, хотя война уже закончилась».

Полученные комиссией доклады и многие другие факты свидетельствуют о том, что земледелие и скотоводство в Ливии, Эритрее и Итальянском Сомали, которые являются основным занятием большинства населения, пришли в упадок и неуклонно деградируют, что объясняется

не столько последствиями войны, сколько политикой, проводимой в отношении этих территорий оккупационными властями. По данным, приведённым в докладе комиссии четырёх держав, урожай зерновых в Киренаике в 1946 году составлял лишь 31 процент от урожая 1938 года. В 1938 году бананов было собрано 258 тысяч квинталов, а в 1946 году — только 60 тысяч квинталов. Такое же положение существует и в отношении ряда других сельскохозяйственных культур. В результате упадка и деградации сельского хозяйства в Итальянском Сомали появились массовая безработица, голод, бродяжничество.

В Эритрее британская военная администрация полностью сохранила настоящий режим крепостничества, о чём говорит доклад комиссии по Эритрее. В докладе говорится: «Крепостной и его дети были навсегда прикреплены к своему хозяину, которому они обязаны оказывать различные услуги и нести повинности, через него они уплачивали налоги...

Вскоре после британской оккупации крепостные возобновили свой прежний протест... С этого времени крепостные непрерывно протестовали против системы, при которой ежегодный государственный налог собирали их главы через посредство агентов их аристократических групп, и требовали политической свободы и восстановления старых общин, к которым принадлежали их предки».

В Фессане, находящемся с 1942 года под управлением французской администрации, население находится на положении рабов и голодает, 90 процентов населения неграмотно. Медицинское обслуживание почти отсутствует. 80 процентов местных жителей больны трахомой. Широкое распространение получили и другие болезни, в том числе социальные.

Не лучше обстоит дело и на других территориях. Так, в Эритрее, Сомали и Триполитании одна больница приходится в среднем на 110 тысяч жителей, в Киренаике — на 50 тысяч. В Эритрее на одну тысячу жителей приходится 5 учащихся, в Сомали — 1, в Триполитании — 16, в Киренаике — 19 учащихся.

В докладе комиссии по Сомали приводится сообщение сомалийской конференции, объединяющей несколько партий с количеством членов более 180 тысяч человек, в котором говорится следующее:

«За последние семь лет нет мира, спокойствия и безопасности. Всюду воровство, грабежи и убийства; с населением обращаются плохо; существующий режим — тюремный режим...

Население умирает от нищеты и штрафов. Работы нет, торговля свёртывается, магазины закрываются. Основные товары находятся под контролем правительства. Товаров мало, цены очень высокие, народ одевается в шкуры».

К сказанному следует добавить, что в очень многих местах в колониях систематически происходят погромы, сопровождаемые убийствами и ранением сотен и сотен людей. В ноябре 1945 года в Триполи произошёл еврейский погром, повлекший за собой убийство и ранение нескольких сот евреев и арабов и оставивший без крова свыше 1 400 человек. В августе 1946 года в столице Эритреи Асмара суданские солдаты напали на мирных жителей и убили и ранили свыше 150 человек. В январе 1948 года в Могадишо во время пребывания там комиссии четырёх держав произошли серьёзные беспорядки, во время которых было убито до сотни итальянцев и туземцев.

Все эти факты свидетельствуют о тяжёлом, поистине трагическом положении, в котором находится население этих колоний в результате произвола оккупационных властей некоторых великих держав на этих территориях.

Эти державы уделяют всё внимание не улучшению положения населения этих территорий, а превращению их в плацдармы американских и английских вооружённых сил, о чём можно часто читать в прессе западных держав. О планах Великобритании и США можно судить по публикациям хорошо осведомлённого органа лондонского Сити — журнала «Экономист», который в августе 1948 года писал:

«Главным фактором, выступающим против Объединённой Ливии, является расхождение желаний великих держав. А эти желания, иногда стратегически исключительно важные, вероятно, будут играть преобладающую роль, ибо Ливия занимает командное положение в Восточном Средиземноморье. Ливия хорошо расположена по отношению к средиземноморскому проливам, а её аэродромы связывают наилучшим образом воздушный путь с Западом на Средний Восток... Британские старожилы, не колеблясь, использовали эти две северные провинции в качестве пространной базы для размещения своих войск и запасов, эвакуированных из Палестины.

Американцы также оборудовали аэродром в Меллахе в Триполитании в качестве главного остановочного пункта на линии, по которой идёт снабжение Греции и Турции.

Далее на юг французы, которые захватили провинцию Фессан силой своей армии у Чада в 1942—43 годах, используют эту провинцию с того времени, как свою собственную.

Комбинация всех этих владений поэтому приводит к разделу. Франция хочет Фессан, на который не претендует никто другой. Великобритания непреклонна в отношении её обещания Сенусси. Только Россия желает единства Ливии под итальянской опекой. Три опекуна названы. Если Франция и Британия будут осуществлять опеку над первыми двумя территориями, пожелает ли Триполитания, чтобы над ней насмеялись, предоставляя Италии опеку над третьей территорией, или же Соединённые Штаты скажут своё веское слово в этом вопросе».

Как известно, Соединённые Штаты уже сказали своё «веское слово» в этом вопросе, захватив сепаратным порядком в споре с правительством Великобритании военно-воздушную базу в Меллахе.

Советское правительство, в соответствии с мирным договором с Италией, в своих нотах правительствам Великобритании и США в январе и феврале 1948 года протестовало против указанных выше сепаратных действий американцев и англичан.

Разве неизвестно, что территория бывших итальянских колоний в Африке покрывается сетью англо-американских морских и воздушных баз. По неполным и уже устаревшим данным комиссии четырёх держав, только в Итальянском Сомали имеется девять аэродромов. Согласно карте, представленной комиссии французскими властями, на территории Фессана имеется 27 аэродромов, многие из них военные.

Все эти факты проливают свет на планы некоторых великих держав, связываемые ими с бывшими итальянскими колониальными владениями

и их использованием. Они проливают также свет на ведущиеся на протяжении уже длительного периода времени сепаратные переговоры между Великобританией, Соединёнными Штатами и Францией по разделу бывших итальянских колоний, о которых теперь уже говорят и пишут открыто. Тов. Громько приводит ряд высказываний английской и американской печати о результатах этих сепаратных переговоров.

Газета «Обсервер» 28 ноября 1948 года откровенно заявляла, что «причины, по которым Соединённые Штаты поспешили согласиться с британской точкой зрения, являются главным образом стратегическими».

Как в конце 1948 года, так и накануне созыва настоящей сессии Генеральной ассамблеи почти каждая американская газета подчёркивала стратегическое значение итальянских колоний и указывала, что политика США в этом вопросе определяется именно этими соображениями.

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» Элиот указывает на некоторые из соображений, которые, по его словам, были положены в основу рекомендации так называемого национального совета безопасности США по вопросу о бывших итальянских колониях. Он пишет, что «единственной надёжной базой для операции с воздуха против промышленного «сердца» России, которая прочно находилась бы в руках западных держав, была бы Северная Африка».

Это говорит человек, как всем хорошо известно, выражающий взгляды американской военщины. Более откровенно об американской политике в вопросе о бывших итальянских колониях трудно сказать.

Все эти факты показывают, что Великобритания, США и Франция стремятся во что бы то ни стало удержать бывшие итальянские колонии в своих руках с целью использования этих территорий в качестве военно-стратегических баз для осуществления агрессивных планов, находящихся своё выражение в последнее время в сколачивании разного рода агрессивных военно-политических блоков, направленных против СССР и стран народной демократии.

Вместе с тем такая политика этих государств направлена также на увековечивание колониального гнёта в бывших итальянских колониях.

Советская делегация вносит на рассмотрение Генеральной ассамблеи следующие предложения:

«Ливии будет предоставлена независимость по истечении десяти лет. В течение этого периода она будет управляться в соответствии с соглашением об опеке организации Объединённых наций. Это соглашение будет предусматривать администратора, имеющего полную исполнительную власть, который будет назначен Советом по опеке организации Объединённых наций и будет ответственен перед этим советом. При нём будет Консультативный комитет из семи человек, состоящий из представителей Соединённого Королевства, Союза Советских Социалистических Республик, Франции, Италии, Соединённых Штатов и европейского и арабского резидентов Ливии, избираемых пятью вышеуказанными представителями.

В отношении Эритреи будут приняты такие же меры, что и в отношении Ливии; но Консультативный комитет в данном случае должен включать двух резидентов Эритреи, назначаемых пятью правительствами. Однако в пользу Эфиопии будет осуществлена территориальная уступка, которая предоставит ей доступ к морю через порт Ассаб.

По отношению Итальянского Сомали будет установлен такой же порядок по опеке, но не будет определён срок, когда ему будет предоставлена независимость. Будет учреждён пост администратора, назначаемого Советом по опеке организации Объединённых наций и несущего перед ним ответственность, и Консультативный комитет, включающий, помимо представителей пяти вышеуказанных правительств, двух резидентов Сомали.

В отношении всех трёх колониальных районов Совет безопасности организации Объединённых наций может, если он найдёт необходимым, определить стратегические пункты, которые будут управляться им в качестве стратегических районов в интересах международной безопасности.

Как видно из текста советских предложений, они полностью совпадают с предложениями США, внесёнными в Совет министров иностранных дел Бирнсом 13 сентября 1945 года. Эти предложения, как известно, были поддержаны правительством Франции. Это облегчает возможность достижения соглашения в Генеральной ассамблее. Предложения, внесённые советской делегацией, полностью соответствуют принципам, установленным декларацией четырёх держав относительно итальянских колониальных владений в Африке. Предлагаемое делегацией СССР решение вопроса о судьбе Ливии, Эритреи и Итальянского Сомали обеспечивает развитие этих колоний в направлении достижения ими полной независимости. Их принятие положило бы конец старым колониальным порядкам на этих территориях, бесправию, угнетению, нищете и голоду, являющимся постоянными спутниками колониального режима.

В этой связи нельзя не отметить, что, согласно результатам обследования, произведённого комиссией четырёх держав в бывших итальянских колониях, подавляющее большинство населения определённо высказалось за предоставление этим территориям независимости или за ту или иную форму опеки над всеми бывшими итальянскими колониями, как промежуточной формы управления, с целью подготовки этих территорий к независимому существованию в будущем.

Таким образом, предложения делегации СССР полностью соответствуют устремлениям большинства населения этих территорий, соответствуют высоким целям и принципам устава Объединённых наций, равно как и интересам укрепления международной безопасности.

Делегация СССР позволяет себе выразить надежду, что её предложения найдут поддержку Генеральной ассамблеи и явятся основой урегулирования этого важного вопроса.

«Известия» № 85 (9925) и № 86 (9926)
от 12 и 13 апреля 1949 г.

РЕЧЬ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ СССР А. А. ГРОМЫКО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ПО ВОПРОСУ О ГОЛОСОВАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

(13 апреля)

Советская делегация уже указывала, что принцип единогласия постоянных членов в Совете безопасности, или, как его иногда называют, «право вето», является одним из наиболее важных положений устава Объединённых наций, одним из важнейших устоев этой организации, краеугольным камнем самого существования организации.

Противники «вето» делают вид, будто бы не помнят, что принцип единогласия постоянных членов есть условие создания и существования организации Объединённых наций. Советский Союз, Соединённые Штаты Америки и Великобритания, являющиеся инициаторами образования этой организации, согласились в своё время на том, что все важные вопросы во вновь создаваемой международной организации должны решаться с согласия великих держав. Именно к этому выводу пришли главы правительств трёх государств — Генералиссимус Сталин, президент Рузвельт и бывший премьер-министр Великобритании Черчилль на Ялтинской конференции в 1945 году.

Напомнив историю вопроса о принципе единогласия в Совете безопасности, Громыко продолжал:

Вся шумиха вокруг вопроса о «вето» является не случайной. Она представляет собой выражение определённого плана правящих кругов некоторых из великих держав превратить организацию Объединённых наций в своё послушное орудие, а поскольку это не удаётся ввиду позиции Советского Союза, стоящего за укрепление организации, то ослабить её, сделать её неспособной предпринимать какие-либо эффективные меры для поддержания международной безопасности.

Для противников «вето» затруднительно прямо требовать его отмены или ослабления на практике и указывать на подлинные мотивы таких требований. Они решили попытаться как-либо оправдать свою позицию, так сказать, теоретически её обосновать. В качестве такого «оправдания» они, касаясь недостаточной эффективности работы Совета безопасности, постоянно ссылаются на то, будто бы Советский Союз злоупотребляет правом «вето», полагая, очевидно, что, чем чаще они будут об этом трубить, тем убедительнее будет казаться их позиция.

Такого рода упреки по адресу Советского Союза являются совершенно необоснованными. Они представляют собой попытку ввести в заблуждение общественное мнение относительно того, кто в действительности повинен в том, что Совет безопасности не смог как следует решить ни одного из важных вопросов — ни греческого, ни индонезийского, ни палестинского, ни вопроса об установлении международного контроля над атомной энергией, ни вопроса о всеобщем сокращении вооружений, ни других важных вопросов.

На протяжении более трёх лет Совет безопасности занимается положением в Греции. Тем не менее, положение это отнюдь нельзя считать нормальным. Ещё в начале 1946 года Советский Союз поставил вопрос о необходимости вывода из Греции английских войск. Уже тогда было ясно, что иностранное вмешательство было направлено на подавление демократических сил страны, на оказание помощи тем людям в Греции, которые верой и правдой служили гитлеровской Германии. Советский Союз требовал очищения греческой земли от иностранных войск и предоставления греческому народу возможности самому решить свою судьбу, в том числе и вопрос о форме государственного управления.

Это законное требование, соответствующее национальным интересам греческого народа, как и интересам всех миролюбивых народов, встретило возражения со стороны прежде всего представителей Великобритании и Соединённых Штатов. Уже тогда было видно, что правящие круги этих государств, взявшие курс на интервенцию в Греции, осуществляемую путём посылки в Грецию войск, военных миссий и военного снаряжения, задалась целью удушить народное движение в Греции, направленное на восстановление независимости страны и против иностранной интервенции.

Соединённые Штаты и Великобритания добились создания так называемой греческой комиссии обследования. Представители Советского Союза предупреждали, что деятельность этой комиссии не может исправить положение. Нетрудно было уже тогда понять, что комиссия предназначена служить лишь ширмой, прикрывающей вмешательство Великобритании и Соединённых Штатов во внутренние дела Греции, что она способна лишь ещё больше обострить обстановку в Греции. Опыт работы комиссии показал, что она действительно была использована в качестве ширмы для усиления американской и английской интервенции в Греции, посылки в Грецию американского военного снаряжения, американских военных миссий и т. д.

Советский Союз, как известно, не применял «вето» при голосовании предложений о создании упомянутой комиссии. Но Советский Союз, разумеется, не мог допустить принятия Советом безопасности предложений, направленных против государств, которые не виновны в сложившейся обстановке в Греции, и поэтому голосовал против соответствующих англо-американских предложений. То обстоятельство, что советским представителям пришлось неоднократно голосовать против такого рода предложений, объясняется тем, что сами эти предложения вносились неоднократно. Представители Соединённых Штатов почти на каждом заседании Совета безопасности по греческому вопросу вытаскивали из портфеля «новую» резолюцию, в действительности воспроизводящую предыдущую. Для всех было очевидным, что делалось это для того, чтобы увеличить число случаев применения Советским Союзом «вето».

Советский Союз воспользовался своим правом «вето» также при обсуждении вопроса о приёме новых членов. Хорошо известно, что Соединённые Штаты при поддержке некоторых других государств давно уже пытаются добиться приёма в организацию таких стран, как Португалия, Ирландия, Трансиордания. В то же время они решительно возражают против приёма в организацию Албании, Монгольской Народной Республики, Венгрии, Болгарии и Румынии. Добиваясь приёма в организацию

стран, которые своей политикой в годы войны способствовали фашистским агрессорам, США и Великобритания в то же время возражают против приёма стран, которые либо с самого начала находились на стороне союзных государств и принимали участие в борьбе против гитлеровской Германии и милитаристской Японии, либо народы которых, свергнув продажные режимы, насаждавшиеся в своё время в этих странах гитлеровской Германией, присоединились к союзникам в ходе войны и, подобно Болгарии, Румынии и Венгрии, совместно с Советской Армией вели борьбу против гитлеровской Германии, внося определённый вклад в общее дело союзников в борьбе против фашистского агрессора.

Советский Союз не мог и не может допустить такого положения, когда в организации Объединённых наций очутились бы государства, помогавшие своим поведением гитлеровской Германии, и в то же время не допускались бы страны, заслуживающие быть принятыми в организацию. Именно поэтому представителю СССР в Совете безопасности пришлось голосовать против соответствующих англо-американских предложений по вопросу о приёме новых членов в ООН.

Советский Союз вынужден был применить «вето» при голосовании в Совете безопасности 22 июня 1948 года по докладом большинства атомной комиссии. Всем хорошо известно, что представляют собой эти доклады. Они воспроизводят американские предложения, в основу которых положен так называемый «план Баруха».

Представители Соединённых Штатов, несмотря на то, что для них была совершенно очевидной неприемлемость «плана Баруха» для Советского Союза, тем не менее вытаскивали его на Совет безопасности и добивались голосования по этому плану. Разумеется, Советский Союз не мог не голосовать против этих предложений, так как они противоречат тем целям, которые поставлены перед атомной комиссией, перед Советом безопасности и перед всеми Объединёнными нациями в связи с задачей запрещения атомного оружия и недопущения использования атомной энергии в военных целях.

Можно было бы привести немало других примеров, сказал далее Громыко, показывающих, что там, где Советский Союз применял «вето», он руководствовался исключительно необходимостью укрепления организации Объединённых наций, необходимостью ограждения суверенитета государств, необходимостью срыва планов агрессивных кругов некоторых великих держав, готовых растоптать независимость других стран и народов во имя достижения своих корыстных целей.

Необоснованность подобного рода обвинения видна и из того, что Совет безопасности показал полную беспомощность при рассмотрении многих важных вопросов, по которым Советский Союз не применял «вето».

Возьмём, например, индонезийский вопрос. На протяжении трёх лет Совет безопасности занимается положением в Индонезии. Казалось бы, задачи, стоящие перед ним, ясны — нужно было защитить Индонезийскую республику, явившуюся жертвой вооружённого нападения, обеспечить прекращение военных действий в Индонезии и вывод оттуда всех иностранных войск.

Но этого, к сожалению, не произошло. Соединённые Штаты и Великобритания сделали всё возможное для того, чтобы не допустить приня-

тия каких бы то ни было эффективных решений для прекращения военных действий в Индонезии, для очищения территории Индонезии от голландских войск.

Когда Советский Союз предложил послать в Индонезию авторитетную комиссию, в которую входили бы представители всех стран, представленных в Совете безопасности, то принятие этого предложения было сорвано. Представитель Франции наложил на него «вето». Всё это привело к тому, что Индонезийскую республику оккупировали голландские войска, что помощь от Совета безопасности получила больше Голландия, а не индонезийцы.

Война в Индонезии показала, как некоторые государства готовы жертвовать авторитетом этой организации во имя своих экспансионистских целей.

Спрашивается, кто виноват в создавшемся в Индонезии положении? Может быть, виновато советское «вето»? Ясно, что советское «вето» тут ни при чём, что виноваты в этом как раз те государства, которые ведут борьбу против него, которые стали на путь удушения национально-освободительного движения в колониях, государства, ставшие на путь развязывания новой войны.

Возьмём палестинский вопрос. Известно, что этим вопросом Совет безопасности также занимался немало после того, как Генеральная ассамблея приняла в 1947 году решение о разделе Палестины. Совету безопасности предстояло обеспечить проведение в жизнь этого решения. Вместо того, чтобы принять меры к предотвращению военных действий в Палестине, Соединённые Штаты и Великобритания стали на иной путь.

На примере палестинского вопроса и англо-египетского спора Громыко показал, что «вето» тут ни при чём, что ответственность за существующее в Палестине и Египте положение ложится целиком на Соединённые Штаты и Великобританию.

Несмотря на то, что между Соединёнными Штатами, Великобританией, Советским Союзом и Францией имеется соглашение о необходимости назначения губернатора Триеста, продолжал Громыко, несмотря на то, что соответствующее положение содержится в мирном договоре с Италией, на котором стоят также подписи США, Великобритании и Франции, губернатор Триеста всё ещё не назначен. Назначение его срывают Соединённые Штаты и Великобритания, отказавшиеся даже от выдвинутых ранее собственных кандидатов на этот пост.

Принцип единогласия представляет собой плотину, о которую разбиваются попытки правящих кругов Соединённых Штатов превратить Совет безопасности, как и организацию Объединённых наций в целом, в своё послушное орудие. «Вето» не даёт возможности этим кругам приспособить организацию к своим агрессивным планам, по крайней мере, поскольку речь идёт о Совете безопасности, на который возложена главная ответственность за поддержание мира. Отстаивая принцип единогласия великих держав, Советский Союз действует не только в собственных интересах, но и в интересах других народов, не желающих войны, которая выгодна лишь фабрикантам оружия, лишь крупным монополиям, получающим огромные прибыли от войны.

Остановившись затем на так называемом Западном союзе и Североатлантическом пакте, т. Громыко заявил, что Североатлантический до-

говор является многосторонним соглашением, не только не ставящим перед собой цели — недопущение новой германской агрессии, но, напротив, он направлен против державы, вынесшей на своих плечах основное бремя войны против гитлеровской Германии. Всё это показывает подлинные агрессивные цели инициаторов этого договора.

Тов. Громыко указал, далее, на то, что участники Североатлантического договора проводят широкие военные мероприятия, которые не могут быть оправданы интересами обороны этих государств. Это особенно относится к таким странам, как США, Великобритания, Франция, в которых происходит усиленная гонка вооружений, проводится разработка военных планов в отношении Советского Союза, в том числе разработка планов использования атомного оружия, которым всё чаще бряцают некоторые американские государственные деятели.

США и Англия создают широкую сеть военных баз, особенно на территориях поблизости от Советского Союза. В Вашингтоне продолжает существовать объединённый англо-американский военный штаб, созданный в своё время для планирования военных операций в период второй мировой войны. В прессе США часто можно читать сообщения о том, для каких целей содержится этот штаб и против кого разрабатываются им военные планы.

Подобные же задачи выполняет созданный участниками Западного союза военный штаб в Фонтенбло.

Нельзя считать случайным и то, что инициаторы создания Североатлантического союза проявляют такой интерес к включению в него государств, граничащих с Советским Союзом. Только слепые могут не видеть, что этим преследуется цель — получить возможность создания на территории этих государств военных и военно-воздушных баз для нападения на Советский Союз. Только наивные люди или невежды могут верить в то, что втягивание в число участников Североатлантического союза, например, Норвегии является проявлением миролюбивых целей Соединённых Штатов и других участников этого договора.

Позволительно спросить себя, как бы отнеслись Соединённые Штаты к созданию великой державой, находящейся за несколько тысяч километров от США, военно-воздушных баз, скажем, на территории Мексики. Очевидно, в Соединённых Штатах не склонны были бы считать такого рода действия мерами самообороны. Между тем почему-то многие считают нормальным, когда на территории соседних или близко расположенных к границам с Советским Союзом государств создаются американские военно-воздушные базы, когда на территорию таких государств засылаются американские военные миссии, американское вооружение и прочее.

По опубликованным в американской же печати сообщениям, США уже имеют на чужих территориях не менее 100 крупных военных баз, не считая баз, существующих на территории Германии, Австрии, Японии, Южной Кореи, Триеста. В книге Джорджа Мариона «Базы и империя» приводятся высказывания помощника морского министра Хенсела, согласно которым за время второй мировой войны США построили 484 военные базы, из них 256 баз в районе Тихого океана и 228 в районе Атлантического океана.

Кроме того, заслуживают внимания высказывания министра армии США Ройялла, заявившего, согласно сообщению Ассошиэтед Пресс

от 21 января 1949 года, что США строят большое число секретных баз на иностранных территориях, в том числе на Филиппинах, в Исландии, Греции, Канаде и других странах.

Все эти факты показывают вздорность утверждений о том, будто бы Северо-атлантический договор преследует оборонные цели. Они показывают, что участники договора преследуют агрессивные цели.

Участники договора выступают так же, как душители демократии, не скрывающие, что одной из целей договора является вмешательство во внутренние дела других государств вплоть до вооружённой интервенции под предлогом борьбы за сохранение в тех или иных странах удобных для них режимов. Разумеется, они проявляют заботу о поддержке реакционных фашистских режимов, о поддержке всяких мер по удушению национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах.

Участники Северо-атлантического договора пытаются доказывать, что этот договор является региональным мероприятием, допускаемым уставом ООН. Однако характер Северо-атлантического договора и его текст показывают, что эта группировка государств отнюдь не является региональной. Устав организации Объединённых наций и, в частности, статья 52 устава предусматривают заключение государствами — членами ООН региональных соглашений или создание органов для разрешения вопросов, которые, как говорится в этой статье, «являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с целями и принципами организации».

Однако Северо-атлантический договор ни в коем случае нельзя назвать региональным соглашением, так как он включает государства, находящиеся на двух континентах — в Америке и в Европе. Эти государства объединены, таким образом, не по региональному признаку. Участники договора не ставят перед собой задачу решения каких-либо региональных вопросов. В основе их объединения лежит общая политика инициаторов этого договора, заключающаяся в углублении раскола между государствами, в подготовке новых военных авантур, что несовместимо с целями и принципами Объединённых наций.

Кроме того, даже действительно региональные заключённые в соответствии с уставом соглашения не дают права их участникам предпринимать какие-либо военные действия без полномочий от Совета безопасности.

Вот что, например, было сказано в докладе государственного департамента США конгрессу в 1945 году об организации Объединённых наций:

«Было признано, что Совет безопасности должен иметь общую власть над региональным, созданным в целях безопасности аппаратом для того, чтобы предотвратить независимое развитие таких соглашений и исключить возможность преследования ими других целей». Другими словами, это положение было предназначено для координирования функций региональных группировок с функциями общей организации и в то же время для установления окончательной власти последней.

Это было сказано тогда, когда правительство США в какой-то мере считалось с ООН. Разве это определение роли и места региональных соглашений соответствует той политике, которая теперь проводится правительством США? Ясно, что между ними нет ничего общего. Статья 5 Севе-

ро-атлантического договора, как известно, предусматривает проведение таких мероприятий без санкции Совета безопасности, что противоречит уставу.

Столь же несостоятельными являются ссылки на статью 51 устава ООН. В этой статье сказано, что: «Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдёт вооружённое нападение на члена организации».

Как видно из приведённого текста статьи 51, лишь вооружённое нападение на члена организации даёт право предпринимать действия в целях самообороны. Как известно, ни один из участников Северо-атлантического договора не подвергся вооружённому нападению со стороны кого бы то ни было. Всякому понятно также, что такое нападение ни одному из участников этого договора не угрожает, тем более со стороны Советского Союза. Вот почему ссылки на статью 51, как и на статью 52, лишены всякого основания и предназначены лишь для того, чтобы вводить в заблуждение общественное мнение по поводу действительных целей, преследуемых участниками Северо-атлантического договора, чтобы прикрывать эти цели.

Кое-кто пытается оправдать заключение Северо-атлантического договора ссылкой на слабость организации Объединённых наций. Но этот довод является абсолютно несостоятельным. Заключение этого договора в действительности наносит удар по организации, подрывает организацию, задачей которой является не противопоставление одних стран другим, не создание военных группировок под руководством одних великих держав, направленных против других держав, а укрепление сотрудничества между всеми государствами, урегулирование возникающих разногласий и споров путём обсуждения их в соответствующих органах Объединённых наций.

Инициаторы создания агрессивных блоков и все их трубадуры в Америке и Европе иногда говорят, что Северо-атлантический договор представляет собой сотрудничество «одинаково мыслящих стран». Об этом поведал нам, в частности, государственный департамент США, выступивший с заявлением о Северо-атлантическом договоре 14 января с. г. Подобное утверждение, однако, является насквозь фальшивым, так как оно отождествляет мысли и планы реакционных милитаристских кругов Соединённых Штатов с мыслями народов, не желающих войны. Было бы абсурдом утверждать, что американские монополисты, возглавляющие крупные нефтяные, стальные, химические тресты, мыслят одинаково с американскими шахтёрами, с рабочими американских сталелитейных и химических заводов. Было бы в одинаковой степени абсурдом утверждать, будто английские рабочие, например, шахтёры, докеры, мыслят одинаково с английскими заводчиками и помещиками. Давно известно, что в дворцах и в хижинах люди мыслят по-разному.

Соединённые Штаты, Великобритания, Франция и другие участники Северо-атлантического договора объединяются в военно-политический агрессивный блок не потому, что народы этих государств мыслят одинаково, а потому, что правящие круги Соединённых Штатов и правящие круги других стран — участниц этого договора имеют одинаковые агрессивные цели в отношении Советского Союза, проводят одинаковую линию на развязывание новой войны.

Не случайно против Северо-атлантического договора раздаётся мощный протест во всех странах мира. Протестуя против этого договора, английские шахтёры заявляют, что они не будут добывать уголь для использования в войне против Советского Союза. Мощные народные демократические партии и организации Франции, Италии, Китая и других стран Европы и Азии заявляют, что они будут бороться против агрессоров, готовящих новую войну под прикрытием Северо-атлантического договора.

Случайно ли, что сколачивание такого рода блоков проводится вне организации Объединённых наций? Разумеется, не случайно, ибо в Совете безопасности, где принятие решений по важным вопросам поддержания мира требует согласия великих держав, невозможно одобрение подобных действий.

Советская делегация считает необходимым обратить внимание Генеральной ассамблеи на агрессивность политики правящих кругов США и Великобритании, выражающейся в сколачивании военно-политических блоков, направленных против Советского Союза и стран народной демократии, потому, что объективно эта политика направлена против народов всех государств. В развязывании войны заинтересованы лишь крупные капиталистические монополии, крупные промышленники, фабриканты оружия. В ней заинтересованы лишь те, кто наживает миллионные прибыли на горах трупов и реках крови, лишь те, кто вынашивает сумасбродные планы установления мирового господства, на чём уже сломала себе шею гитлеровская Германия, тоже претендовавшая на такое господство.

Северо-атлантическая группировка стран создаётся как орудие с целью насильственного установления господства Соединённых Штатов и Великобритании над другими странами и народами.

Заключение Северо-атлантического договора означает, что правящие круги Соединённых Штатов и Великобритании вернулись к старому антисоветскому курсу во внешней политике, направленному на изоляцию СССР. Эта политика, как известно, способствовала усилению гитлеровской Германии, поощряла её в подготовке к агрессивной войне, принесшей неисчислимые жертвы для Советского Союза и многих других государств, и принесла выгоды лишь американским промышленникам и финансистам.

Сколачивание северо-атлантической группировки, равно как и других агрессивных военно-политических блоков, знаменует собой окончательный разрыв этих кругов Соединённых Штатов и Англии с политикой Тегерана, Ялты и Потсдама, с политикой укрепления международного сотрудничества. Участие США, Англии, Франции в Северо-атлантическом союзе несовместимо с обязательствами, взятыми этими государствами по Ялтинскому, Потсдамскому и другим соглашениям, заключённым с участием Советского Союза.

Поскольку Северо-атлантический договор направлен против СССР, он противоречит задачам и целям англо-советского договора 1942 года и франко-советского договора 1944 года. Эти договоры предусматривают, что договаривающиеся стороны обязуются не вступать в какие бы то ни было коалиции, направленные против другой договаривающейся стороны.

Правительство Великобритании и правительство Франции несут полностью ответственность за нарушение обязательств, взятых по договору с Советским Союзом.

Советский Союз, как и прежде, будет последовательно отстаивать основные принципы Объединённых наций, будучи убеждённым в том, что это отвечает интересам народов всех государств. Он будет и впредь разоблачать агрессивные планы поджигателей войны.

Борьба вокруг вопроса о «вето» есть борьба двух тенденций в международной политике — тенденции диктата, изоляции СССР, развязывания новой войны и тенденции отстаивания основных принципов Объединённых наций, срыва планов агрессоров, разоблачения поджигателей войны.

Несколько слов о резолюциях, представленных на рассмотрение пленарного заседания. Что касается резолюции, принятой большинством Политического комитета, то советская делегация уже высказала своё отношение к ней в Политическом комитете на первой части сессии Ассамблеи в Париже. Поэтому я ограничусь лишь несколькими замечаниями относительно содержания этой резолюции.

Прежде всего необходимо отметить, что эта резолюция, предложенная делегациями Соединённых Штатов, Великобритании, Франции и Китая, должна рассматриваться в связи с прилагаемыми к ней перечнем из 33 вопросов, которые, по мнению авторов резолюции, должны рассматриваться в качестве процедурных и решения по которым должны приниматься Советом безопасности в процедурном порядке. В сущности говоря, основным документом является не резолюция, а именно это приложение.

Что собой представляет этот документ, видно уже из того, что в нём содержится, например, рекомендация считать процедурными такие вопросы, как утверждение годовых и специальных докладов Совета безопасности для Генеральной ассамблеи, образование тех или иных органов Совета безопасности, вопрос о компетенции таких органов и др.

Советская делегация не может согласиться с тем, чтобы такие вопросы считались процедурными. Разве можно считать процедурным, например, вопрос об утверждении докладов Совета безопасности, содержащих предложения или заключения? Разумеется, нельзя. Принятие такого рода рекомендации противоречило бы статье 27 устава ООН, предусматривающей, что процедурным голосованием, т. е. без наличия единогласия постоянных членов, могут приниматься решения лишь по процедурным вопросам.

В одинаковой степени является неприемлемым предложение, касающееся создания вспомогательных органов Совета безопасности, так как под предлогом создания вспомогательных органов некоторые государства добиваются часто создания органов, которые отнюдь нельзя назвать вспомогательными. Было бы неправильным дать заранее заготовленную формулу, согласно которой решения о создании каких-либо комиссий Совета безопасности должны приниматься процедурным голосованием только потому, что американским делегатам угодно будет назвать такую комиссию процедурной.

То же следует сказать относительно решений, касающихся компетенции создаваемых советом органов. Мы неоднократно являлись свидетелями того, как, например, представители США произвольно и в нарушение устава пытаются решить вопрос о компетенции как Совета безопасности, так и его органов. Они действуют, часто руководствуясь тем, насколько им выгодно или невыгодно в данный момент та или иная интерпретация.

В одно время они готовы расширять пределы этой компетенции в нарушение устава, в другое время они готовы сужать её пределы в нарушение устава.

То же можно было бы сказать о ряде других пунктов этого документа, однако и сказанного достаточно, чтобы составить себе представление о том, куда гнут его авторы.

Неприемлемой в резолюции является также рекомендация членам Объединённых наций, чтобы в соглашениях, возлагающих те или иные функции на Совет безопасности, предусматривались такие условия голосования в совете, которые заранее исключали бы применение правила единогласия постоянных членов. С такого рода предложением также невозможно согласиться. Никакие соглашения, заключённые между странами, не могут подменять устав Объединённых наций, в том числе статью 27 устава, в которой даётся определение порядка голосования в Совете безопасности. В уставе (статья 103) прямо указывается на то, что если обязательства, взятые государствами по уставу, вступают в противоречие с обязательствами, взятыми по любому другому соглашению, то «преимущественную силу имеют обязательства, взятые по настоящему уставу». Что касается других пунктов резолюции четырёх, в частности положения, предусматривающего консультации постоянных членов между собой, то сами по себе они возражений не вызывают. Однако они содержатся и в советском проекте. Разница в том, что в резолюции четырёх они пристёгнуты к неприемлемым, противоречащим уставу положениям, в то время как в советском проекте они являются частью общего плана, рассчитанного на укрепление Совета безопасности и Организации в целом.

Советская делегация считает, что принятие её проекта представляло бы большой шаг вперёд. В этом проекте, во-первых, указывается на необходимость дальнейшего укрепления авторитета организации Объединённых наций в соответствии с высокими принципами устава.

Во-вторых, в нём содержится призыв к государствам — членам Объединённых наций расширять международное сотрудничество на основе объединения усилий больших и малых народов в деле развития между ними дружественных отношений. Указывается также на необходимость содействия развитию практических достижений в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между народами.

В-третьих, в советском проекте указывается на то, что принцип единогласия является важным условием обеспечения эффективности действий Организации в развитии сотрудничества между народами и в поддержании международной безопасности, и выражается уверенность, что в будущем Совет безопасности будет учитывать опыт своей работы в течение предыдущего периода, применяя в необходимых случаях метод консультаций...

Советская делегация убеждена, что принятие предложенной ею резолюции представляло бы собой шаг вперёд в деле укрепления нашей Организации и борьбы против поджигателей войны, в деле упорядочения работы Совета безопасности и реализации высоких целей, поставленных перед организацией Объединённых наций в борьбе за мир и безопасность народов.

«Известия» № 89 (9929)
от 16 апреля 1949 г.

РЕЧЬ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ СССР А. А. ГРОМЬКО

В ПЕРВОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ВОПРОСУ О ФРАНКИСТСКОЙ ИСПАНИИ

(6 мая)

6 мая на утреннем заседании Политического комитета продолжалось обсуждение вопроса о франкистской Испании. С большой аргументированной речью выступил глава делегации СССР А. А. Громько.

Напомнив историю рассмотрения вопроса о фашистском режиме Франко в ООН, Громько указал, что организация Объединённых наций занимается этим вопросом с самого начала своего существования. Объединённые нации не только осудили франкистский режим морально и политически, но и приняли также решения о проведении в отношении этого режима конкретных мероприятий, направленных на то, чтобы добиться изменения положения в Испании и создания в этой стране демократических порядков, что позволило бы испанскому народу занять достойное место среди других государств в организации Объединённых наций. Чем же объяснить, что, несмотря на неоднократное рассмотрение вопроса о франкистском режиме в ООН и несмотря на принятие конкретных решений, организация Объединённых наций приходится возвращаться к нему на каждой сессии?

Причина этого, сказал Громько, кроется в невыполнении решений, принятых на конференциях в Сан-Франциско, на совещании глав трёх государств в Потсдаме, а также на сессиях Генеральной ассамблеи в 1946 и 1947 годах. Сложилось такое положение, когда на словах ООН осуждает франкистский режим, а на деле оказывается беспомощной провести в жизнь собственные решения.

Такое положение не является случайным. Оно объясняется тем, что некоторые государства, и прежде всего США и Великобритания, сделали всё возможное, чтобы не допустить проведения в жизнь принятых решений. На предыдущих сессиях Генеральной ассамблеи представители США занимали позицию сочувствия Франко и поддержки его. Делегация США шла на одобрение мер, направленных против режима Франко, лишь в той мере, в какой это было необходимо для того, чтобы удовлетворить требования американского общественного мнения. Однако она сопротивлялась всяким предложениям, более эффективным, чем те, которые были приняты Ассамблеей в 1946 и 1947 годах. Как в Совете безопасности, так и в Генеральной ассамблее правительство США в действительности поддерживало франкистский режим. Не успела в 1946 году закончить свою работу Генеральная ассамблея, как США перешли к усилению помощи франкистской Испании и к срыву решений, принятых Ассамблеей.

А. А. Громько привёл многочисленные факты, свидетельствующие о широкой экономической и политической поддержке франкистского режима со стороны США и Англии. Такая позиция, сказал он, не вызывает удивления, поскольку правительства этих стран с самого начала делали ставку на сохранение Испании как фашистского очага. В своё время

правящие круги Англии и Франции своей политикой пресловутого «невмешательства» в испанские дела помогли гитлеровской Германии и фашистской Италии удушить Испанскую республику. Теперь Великобритания и США тянут ту же старую песню и, разговаривая о «невмешательстве» во внутренние дела Испании, в то же время оказывают помощь фашистскому режиму Франко.

Глава советской делегации привёл, далее, многочисленные факты, со всей наглядностью демонстрирующие превращение Испании в военную колонию США и Англии, подчинение испанской экономики интересам американских монополий. От этой политики старается не отстать и французское правительство, расширяющее торговлю с франкистской Испанией и заключающее с ней экономические соглашения. В этом же направлении действуют правительства Аргентины, Бельгии и Голландии.

Однако, продолжал Громыко, дело не ограничивается только расширением экономических и политических отношений между этими странами, поощряемыми и побуждаемыми США и Англией. Правящие круги США и Англии строят далеко идущие стратегические расчёты в отношении Испании и Пиренейского полуострова в целом.

Многие политические деятели США прямо указывают, что правительство США и американская военщина должны превратить Испанию в военно-стратегический плацдарм для использования его в будущей войне, подготавливаемой агрессивными кругами США и Великобритании.

В этой связи заслуживает внимания паломничество американских официальных, полуофициальных и неофициальных лиц в Мадрид для переговоров с Франко. Громыко привёл высказывания американской и английской печати и заявления таких лиц, как бывший председатель комиссии американского сената по делам вооружённых сил Гэрни, бывший председатель национального комитета демократической партии США Фарли и других, раскрывающие намерения американских правящих кругов использовать стратегические базы и людские резервы Испании в своих агрессивных целях.

Глава делегации СССР назвал имена американских адмиралов, генералов и политических эмиссаров, посетивших за последние месяцы Испанию и ведших в Мадриде секретные переговоры с Франко и его правительством.

Удивительно ли, сказал Громыко, что многие задают вопрос, не существует ли уже между США и Франко военное соглашение, особенно в свете создания разного рода агрессивных военных группировок вроде Западного союза и Северо-атлантического союза и той возни, которую устраивают инициаторы создания этих союзов вокруг вопроса о вовлечении в них всё большего числа государств, особенно отличившихся своей враждебной политикой в отношении Советского Союза.

Громыко указал, что за всеми этими визитами и поездками следуют весьма практические дела. Американцы получили у Франко право на эксплуатацию испанских воздушных линий. По всей Испании строится сеть крупных аэродромов.

Правящие круги США всё в большей степени прибирают к своим рукам сырьевые ресурсы Испании, как и других стран мира. Недавно в печати западных стран сообщалось о том, что США сторговались с Франко относительно передачи им в аренду на 25 лет острова Менорка с правом

для США создавать на этом острове морские базы и аэродромы. Американские миссии обучают испанских лётчиков; большую активность проявляет в Испании военно-морская миссия, руководящая реконструкцией испанских портов. США проводят во франкистской Испании меры по восстановлению в ней германской военной промышленности за счёт оборудования, вывезенного из западных зон Германии.

Весной прошлого года американская печать сообщала о переговорах личного представителя президента Трумэна в Ватикане Тэйлора, которые последний вёл с Франко относительно «позиции Испании в случае возникновения войны между Востоком и Западом».

Таковы факты, показывающие отношение США и Англии к фашистскому режиму Франко. Эти факты с неопровержимой логикой доказывают, что США и Англия задалась целью не допустить уничтожения фашистского режима Франко, сохранить франкистскую клику в Испании.

Генеральная ассамблея не должна лишь регистрировать подобные факты. Задачей ООН является положить конец той политике потворства и поощрения фашистских режимов, которую всё с большей определённо-стью начинают проводить агрессивные круги некоторых государств.

ООН должна обеспечить не только выполнение уже принятых Генеральной ассамблеей резолюций, но и подумать над тем, к каким средствам следовало бы прибегнуть, чтобы добиться победы демократии в Испании и обеспечить испанскому народу достойное место в организации Объединённых наций.

Громыко указал в заключение, что делегация СССР полностью поддерживает резолюцию, внесённую польской делегацией, считая, что принятие этой резолюции представляет собой минимум того, на что должна пойти Генеральная ассамблея.

(ТАСС)

«Известия» № 107 (9947)
от 8 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО

НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ

(13 мая)

Выступая на пленарном заседании Генеральной ассамблеи 13 мая по вопросу о свободе информации, глава советской делегации А. А. Громыко заявил:

Вопрос о свободе информации неотделим от борьбы за мир.

Вот уже на протяжении трёх лет организация Объединённых наций занимается вопросом о свободе информации и печати. Впервые этот вопрос был поднят на 1-й сессии Генеральной ассамблеи в Лондоне в начале 1946 года. Уже тогда было ясно, от кого в действительности исходили эти предложения. В дальнейшем ещё более определённо выяснилось, какие цели преследуются его обсуждением.

Обсуждение вопроса о свободе информации показало, что инициаторы постановки этого вопроса отнюдь не ставят своей целью бороться за действительную свободу информации. Напротив, факты показывают, что они боятся свободной и объективной информации и задачу борьбы за такую информацию подменяют набором советов и правил, способствующих усилению роли американских газетных трестов в деле распространения ими пропаганды войны.

Критикуя проект конвенции о «собрании и международной передаче новостей», Громыко указал, что в конвенции отсутствуют важные положения, направленные на то, чтобы обеспечить распространение правдивой информации в интересах народа, зато в конвенции содержатся многочисленные статьи и пункты, предусматривающие всевозможные привилегии для корреспондентов, отвечающие интересам банкиров и крупных промышленников. Конвенция содержит также подробные указания, каким образом использовать средства информации и печати для бесперебойного обслуживания собственников газет, крупных издательств, держащих в своих руках управление всякими средствами информации и печати во многих странах. Между тем свобода информации может быть обеспечена лишь в том случае, если печать будет свободна от давления и диктата издательских трестов и синдикатов.

Перейдя к вопросу о так называемом «праве опровержения», т. Громыко подчеркнул, что в проекте подробнейшим образом расписывается, каким путём должны даваться в печать опровержения по поводу того или иного сообщения, подсчитывается количество строк и слов, которые должны содержать опровержения. В то же время авторы даже не ставят вопроса о том, как бороться с потоками недобросовестной и неправдивой информации, распространяемой в англо-американской прессе в отношении некоторых государств и прежде всего в отношении Советского Союза. Проект конвенции показывает, что её авторы далеки от мысли способствовать борьбе против извращённой и ложной информации.

Как это ни странно, продолжал Громыко, но при подготовке проекта конвенции была «упущена» основная задача, которой она должна быть подчинена. Авторы конвенции «упустили» из виду необходимость сделать конвенцию орудием борьбы за мир, борьбы против пропаганды войны.

Напрасно мы искали бы в обсуждаемом проекте конвенции, сказал т. Громыко, каких-либо призывов на борьбу против фашизма. Таких положений в конвенции нет. Против включения всяких таких положений, вносившихся советской делегацией, решительно возражали, как всегда, прежде всего представители США и Великобритании.

Громыко приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что печать в Соединённых Штатах принадлежит крупным монополистическим объединениям, трестам и синдикатам, которые оказывают давление на общественное мнение через печать.

76 газетных трестов США непосредственно принадлежит 375, или 25 процентов, всех ежедневных газет страны, причём наиболее крупных. Все они, вместе взятые, имеют под своим контролем 53,8 процента всего газетного тиража страны. По тем же данным, 200 крупных издательств составляют на американский рынок 90 процентов всех издаваемых книг и 10 крупнейших из них издают более 25 процентов книг.

На журнальном рынке США господствуют 8 крупнейших издательств, в том числе: Херст, Кэртисс, Тайм-Лайф, Кроуэлл-Кольер, Макколл, Ридерс Дайджест.

Не лучше положение и с американскими радиоконпаниями, которые, как известно, распространяют так называемую «свободную информацию» по всему миру. По данным доклада Хатчинса, в США имеется немногим больше тысячи радиовещательных станций. Но почти 800 из них входят в систему четырёх крупнейших радиовещательных концернов: «Нэйшнл бродкастинг компани», «Колумбия бродкастинг систем», «Мьючуэл бродкастинг систем» и «Америкэн бродкастинг компани».

Согласно опубликованной в США статистике, в 92 процентах населённых пунктов США, где издаются газеты, имеется только одна газета, владельцу которой во многих случаях принадлежит также и единственная радиостанция и который осуществляет, таким образом, полную монополию в области распространения «свободной» информации. Монопольный и унифицированный характер газетной и радиоиформации в Соединённых Штатах подчёркивается ещё и тем, что 95 процентов всех ежедневных газет США пользуются информацией трёх основных телеграфных агентств: Ассошиэтед Пресс, Юнайтед Пресс и Интернейшл ньюс сервис. Кто же не знает, что эти агентства снабжают своей информацией многие другие страны, в некоторых из них имея монопольное положение.

В известной книге «Британские газеты и кто их контролирует» лорд Кэмпбелл, владелец газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост» указывает, что английскую печать контролируют пять групп монополистов, которые издают больше чем 55 газет общим тиражом в 25 миллионов экземпляров. В этой же книге указывается, что все собственники газет являются известными промышленниками и финансистами или тесно с ними связаны.

Не лучше положение и в области радиовещания в Англии. Британская радиовещательная компания «Бритиш бродкастинг корпорейшн» почти полностью монополизировала радиовещание Великобритании.

Можно ли говорить, учитывая все эти факты, о каком-либо подобии свободы информации и печати в Соединённых Штатах и Великобритании? Нужно быть действительно наивным человеком, чтобы верить лицемерным заявлениям тех, кто пытается утверждать, что в Соединённых Штатах и в Великобритании существует свобода печати и информации.

Защитники представленной на обсуждение конвенции заявляют, что эта конвенция обеспечивает свободу информации и её правдивость потому, что предусматривает облегчение въезда корреспондентов в другие страны и сбор ими информации за границей. Но при этом упускается из виду, что цели, которые преследуются такой засылкой корреспондентов, например американских, в другие страны, далеко не всегда являются столь благородными, как это изображают авторы конвенции.

Задачи всей этой армии иностранных корреспондентов, находящихся на службе крупных газетных монополий, определяются общей политикой руководящих кругов государств, ставших на путь развязывания новой войны. Поэтому напрасно бы мы стали искать объективного освещения положения в других странах, или международного положения, или позиции государств по тому или иному важному вопросу со стороны основных органов американской печати и их представителей за границей. Они ставят своей задачей отравлять отношения между государствами, распро-

странять недобросовестную информацию в отношении СССР, воспитывать неприязнь народов своих стран к народам Советского Союза и стран народной демократии, разжигать вражду между ними — всё это под прикрытием пышных фраз о борьбе за мир, за демократию, за основные права и свободы человека.

Сказанное о прессе целиком применимо и к радио.

В конце 1947 года группа авторов во главе с неким Свирским опубликовала книгу «Ваша газета», в которой, в частности, указывается: «Нельзя отрицать, что печать США несёт основную ответственность за тот дух невежества и ненависти, который омрачает наши отношения с Советской Россией. В течение более чем одного поколения большая часть наших газет воспекает вражду почти ко всему русскому. Они наложили запрет даже на школу, так что в результате кампании Херста учитель должен или молчать, или говорить о России только весьма осторожно...».

Спрашивается, чего же добиваются крупные газетные монополии западных стран, в частности американские, от Ассамблеи? Чего добиваются авторы конвенции? Они добиваются получения возможности наиболее широкого проникновения в другие страны с целью распространения сообщений, подогревающих военную истерию, культивирующих ненависть одних народов в отношении других. Ясно, что вокруг этого греют руки лишь наиболее отъявленные милитаристы и поджигатели войны. Не так давно были разоблачены как шпионы некоторые американские корреспонденты, сидевшие в Москве в течение нескольких лет.

Сказанное мною о нравах прессы некоторых государств отнюдь не означает, что вся армия людей, работающих в качестве заграничных корреспондентов, обслуживающих американские и английские газетные концерны, состоит из недобросовестных людей или шпионов. Отнюдь нет. В ней есть люди, которые имеют убеждения и совесть. Но эти люди, как правило, не могут долго удержаться на своих местах, если они не приспособятся к удовлетворению потребностей своих хозяев, если не продадут своё перо и свою честь в угоду капиталистическим монополиям.

Дело не в отдельных личностях, не в субъективных качествах того или иного корреспондента. Дело в системе, дело в законах, по которым развивается, существует, проводит свою деятельность вся эта сложная машина средств распространения информации в некоторых западных государствах.

В ходе обсуждения вопроса о свободе информации на конференции в Женеве и в органах организации Объединённых наций представители Соединённых Штатов и Великобритании произнесли немало речей о вреде цензуры в области печати, об отсутствии якобы такой цензуры в Соединённых Штатах и Великобритании. Попутно делались кивки в сторону Советского Союза при обсуждении этого вопроса, хотя известно, что Советскому Союзу приходится прибегать к цензуре именно с целью борьбы против клеветы, которую пытаются поставлять некоторые проживающие в СССР иностранные корреспонденты по заказу своих хозяев. Такие цензурные ограничения не направлены против свободы информации. Они имеют целью помешать распространению извращённой информации. Они не причина недостатков в деле распространения информации, а следствие тех пороков, которыми страдает вся система распространения информации в западных государствах. Всем известно, что советская пресса, находясь

полностью в распоряжении народа, ведёт последовательно и неуклонно борьбу за мир и безопасность народов. В советских газетах, книгах, журналах вы не увидите призывов к войне. Их нет.

Факты показывают, что дело о цензуре обстоит совсем не так, как его изображают делегаты США и Англии. Если ни в Соединённых Штатах, ни в Англии не существует в мирное время формальной цензуры, то это не значит, что её не существует фактически. Напротив, фактически цензура существует, цензура жестокая, просеивающая всякие сообщения и отбирающая лишь те, которые выгодны газетным концернам.

Существующая на практике в Соединённых Штатах цензура, позволяющая публиковать лишь то, что угодно собственникам газет и газетных объединений, вывела однажды из терпения даже президента Соединённых Штатов. Выступая 30 октября 1948 года с предвыборной речью в Сент-Луисе (штат Миссури), президент Трумэн заявил: «Когда я послал своё первое послание конгрессу (сентябрь 1945 года), против вашего президента началась грязная кампания со всеми её отвратительными и неправдоподобными заголовками, статьями и передовыми. Херстовские саботажники, губители репутации из компании Маккормик — Паттерсон, консервативные обозреватели и радиокомментаторы открыли по мне огонь. Они делали это не потому, что они верили в то, что они говорили и писали, а потому, что им платили за это».

Конечно, так откровенно президенты могут говорить о прессе только тогда, когда они являются вместе с тем и кандидатами в президенты. Это — авторитетное признание того, что американская пресса с точки зрения распространения информации является тенденциозной, управляемой из нескольких центров, к которым ведут все видимые и невидимые нити от газет, журналов, радиостанций и других средств и каналов.

Но что же говорить тогда о рядовом читателе, или, как любят выражаться в Соединённых Штатах, о «простом человеке», который не имеет в своём распоряжении никаких средств печати.

Для того, чтобы иметь собственную, даже небольшую газетёнку в США, необходимо иметь миллионные капиталы, которыми, конечно, не располагают рабочие, служащие или их организации. Характерным примером в этом отношении является пресса профсоюзов США, состоящая из нескольких чахлах газет, которые обслуживаются информацией тех же крупных агентств и газетных концернов.

Таково положение со свободой печати и информации в англо-саксонских странах, т. е. в государствах, представители которых в ООН кичатся демократизмом своей прессы. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этот демократизм есть призрак, что в самом деле его не существует.

Может быть, обсуждаемая конвенция направлена на исправление существующего положения, на ограничение произвола газетных концернов в распространении информации. Нет, ничего подобного авторы её не допускают. Они не допускают даже и мысли, что распространение информации должно быть организовано таким образом, чтобы оно способствовало действительно объективному освещению фактов и событий, способствовало бы улучшению отношений между странами и укреплению международного мира. Никаких, даже самых робких попыток в этом направлении не сделано.

Всё это показывает, что конвенция не имеет ничего общего с демократическими принципами Объединённых наций. Она наруку антидемократическим силам. Она наруку агрессорам и душителям демократии. В конце своего выступления т. Громыко подчеркнул, что лозунгом «свободы информации» прикрывается борьба против демократии, против мира и дружественного сотрудничества народов. «Свободой информации» хотят прикрыть возможность беззастенчивого давления на общественное мнение в угоду своим интересам. Делегация СССР, сказал т. Громыко, в отношении этой конвенции придерживается той же позиции, которой она придерживалась и ранее. Она возражает и будет голосовать против её принятия.

(ТАСС)

«Известия» №115 (9955)
от 18 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР Я. А. МАЛИКА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ (17 мая)

17 мая на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН выступил представитель СССР Я. А. Малик.

Генеральной ассамблее, заявил Малик, предстоит обсудить на пленарном заседании важный вопрос — о судьбе бывших итальянских колониальных владений. Как известно, этот вопрос явился предметом длительного обсуждения сначала в Совете министров иностранных дел с участием представителей Советского Союза, Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Франции, а затем и на Генеральной ассамблее.

Напомнив историю обсуждения вопроса о судьбе бывших итальянских колониальных владений в Совете министров иностранных дел и на Генеральной ассамблее ООН, Малик продолжал:

Имея в виду необходимость скорейшего решения этого вопроса и руководствуясь исключительно интересами населения этих территорий и интересами международной безопасности, Советский Союз ещё в Совете министров иностранных дел внёс предложение о необходимости установления опеки Объединённых наций над этими территориями, имея в виду, что организация Объединённых наций будет являться также управляющей властью над этими территориями. Советские предложения, как делегация СССР уже указывала при обсуждении этого вопроса в Первом комитете, совпадали во всех своих основных частях с предложением, которое было внесено в своё время в Совет министров иностранных дел правительством Соединённых Штатов Америки. Это обстоятельство давало основания считать, что не представляется серьёзных затруднений для достижения договорённости.

Между тем, последующий ход переговоров в Совете министров, равно как и обсуждение советских предложений на данной сессии Генеральной ассамблеи, показали, что Соединённые Штаты Америки отказались от своей прежней позиции в этом вопросе.

Вкратце сущность англо-американских предложений можно выразить следующим образом: Генеральная ассамблея призывалась к тому, чтобы отдать Киренаику под управление Великобритании, Фессан — под управление Франции, Сомали — под управление Италии, часть Эритреи передать Эфиопии. Что касается остальной части Ливии — Триполитании, а также западной части Эритреи, то ни английская, ни американская делегации на этот счёт не внесли каких-либо конкретных предложений в начале сессии. Уже тогда было ясно, что отсутствие с их стороны конкретных предложений в отношении Триполитании и Западной Эритреи объясняется тем, что между некоторыми державами ещё не была достигнута окончательная договорённость по некоторым из бывших колониальных владений Италии.

Как известно, в ходе дискуссии на Генеральной ассамблее было внесено также третье особое предложение — я имею в виду предложение, внесённое восемнадцатью странами Латинской Америки, предусматривающее предоставление Италии администрирования в её бывших колониях.

Как англо-американские предложения по вопросу о бывших итальянских колониях, так и предложения латино-американских стран не могли составить базы для справедливого решения вопроса о будущем этих территорий. Предложения Соединённых Штатов Америки и Англии означали фактический раздел этих территорий, предоставление их, по крайней мере основных из них, в распоряжение Англии, а тем самым и в распоряжение Соединённых Штатов Америки. Принятие предложения латино-американских стран означало бы такое решение вопроса, которое не соответствовало бы ни интересам населения этих территорий, ни интересам поддержания международного мира. Ни одно из этих предложений не могло явиться основой для справедливого решения этого вопроса. Об этом свидетельствует тот факт, что представители общественных партий и организаций от этих территорий, заслушанные в Политическом комитете, возражали, как правило, как против англо-американской позиции о предоставлении этих территорий или основных из них англо-американцам, так и против предложения латино-американских стран, предусматривающего передачу этих территорий под управление Италии.

В результате в Политическом комитете сложилось такое положение, когда после месячной дискуссии ни одно из внесённых предложений не могло получить требуемого большинства голосов. Создался тупик. И вот в это время англо-американская дипломатия начинает поиски новых вариантов решения этого вопроса в пользу Соединённых Штатов Америки и Англии. В порядке продолжения закулисных сделок правительства Соединённых Штатов Америки и Англии договариваются с правительством Италии о новом решении вопроса о судьбе бывших итальянских колоний в обход и помимо организации Объединённых наций. Всем известно, к чему сводилась эта закулисная договорённость. Она сводилась к соглашению между правительствами Соединённых Штатов Америки, Англии и Италии о том, чтобы Киренаика была передана под управление Великобритании, хотя формально она и включается в систему опеки организации Объединённых наций.

Что касается Триполитании, то над этой территорией должно быть установлено английское администрирование до 1951 года, а затем, с 1951

года, — администрирование Италии путём включения этой территории формально в систему опеки организации Объединённых наций. Относительно третьей части Ливии — это предложение предусматривает передачу Фессана под управление Франции также путём формального включения этой территории в систему опеки ООН.

Иначе говоря, новое предложение, явившееся результатом сговора между правительствами Соединённых Штатов Америки, Англии и Италии, представляет собой не что иное, как делёжку бывших итальянских колоний в соответствии с аппетитами правящих кругов Соединённых Штатов Америки и Англии.

И вот это-то предложение, проникнутое насквозь духом захватнических устремлений некоторых государств, положено в основу резолюции, одобренной большинством Политического комитета.

Лишь в одной части это новое предложение не было одобрено большинством в Политическом комитете — в части, относящейся к западным районам Эритреи. Захватнические устремления Англии, направленные на присоединение этих районов к Судану, являющемуся, как известно, до сих пор английской колонией, не нашли поддержки.

Делегация СССР считает, что принятие большинством Политического комитета англо-американского предложения отнюдь нельзя считать справедливым. Напротив, оно не имеет ничего общего с подлинными интересами населения этих территорий, равно как и с интересами организации Объединённых наций в целом.

О том, что навязываемое англо-американцами Ассамблее решение этого вопроса не соответствует ни желанию, ни устремлениям народов этих территорий, неоспоримо свидетельствует тот факт, что, как только население этих территорий услышало о новом англо-американском сговоре относительно дележа этих территорий, оно решительно стало протестовать против этой сделки и настаивать на защите своих законных прав и интересов.

Вместе с тем народы этих территорий не скрывают своего одобрительного отношения к советским предложениям о постановке этих территорий под управление организации Объединённых наций путём включения их в систему опеки организации в соответствии с уставом организации Объединённых наций. Уже один тот факт, что население этих территорий протестует против англо-американского плана дележа этих территорий и поддерживает советские предложения, показывает, что Советский Союз одержал большую морально-политическую победу, несмотря на то, что англо-американское большинство отклонило советские предложения.

Разве может кто-либо, кто не на словах, а на деле защищает высокие принципы и цели организации Объединённых наций, возражать против советского предложения о подготовке Ливии и Эритреи в течение 5 лет к полной независимости путём установления опеки организации Объединённых наций с администрирующей властью, назначаемой Советом по опеке и осуществляемой также организацией Объединённых наций, а не какой-либо отдельной колониальной державой.

Ясно, что тот, кто не на словах, а на деле защищает принципы и цели организации Объединённых наций, не может не поддерживать это советское предложение. То же относится и к советскому предложению относительно Сомали, для которого предусматривается десятилетний период опеки,

также под администрацией непосредственно организации Объединённых наций. По глубокому убеждению советской делегации, предложения Советского Союза в случае их принятия обеспечили бы возможность подготовки этих территорий к независимости в кратчайший срок.

Чем объясняется, что Генеральная ассамблея до сих пор не нашла в себе достаточно сил и мужества решить этот вопрос в соответствии с требованиями международного мира, в соответствии с принципами устава организации Объединённых наций, в соответствии с требованием населения этих территорий?

Объяснить это можно только тем, что некоторые государства и, прежде всего, Соединённые Штаты Америки и Англия задалась, как уже делегация СССР неоднократно отмечала, целью приспособить эти территории к своим военно-стратегическим планам. Они хотят создать на этих территориях беспрепятственно и в неограниченном количестве военные, военно-морские, военно-воздушные базы. Они хотят приспособить эти территории к агрессивной политике, проводимой правящими кругами Соединённых Штатов Америки и Англии в отношении Советского Союза и стран народной демократии.

Советская делегация считает, что ещё не поздно исправить положение, отвергнув решительно этот новый вариант решения вопроса о будущей судьбе итальянских колониальных владений в угоду захватническим притязаниям Соединённых Штатов и Англии.

Что касается советских предложений, то делегация СССР, как и в Политическом комитете, настаивает на их дальнейшем обсуждении и на принятии их Генеральной ассамблеей.

(ТАСС)

«Известия» № 119 (9959)
от 22 мая 1949 г.

МАТЕРИАЛЫ ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(МАЙ — ИЮНЬ)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(24 мая)

Вышинский напомнил, что представители четырёх держав не в первый раз сталкиваются с проблемой экономического и политического единства Германии. Ещё во время войны, на Крымской конференции руководители трёх великих держав — СССР, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — уделили своё основное внимание этому вопросу. Установив тогда свою политику в отношении Германии, они поставили перед собою важнейшую историческую задачу — уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Руководители правительства СССР, США и Великобритании признали тогда, что решение вопроса о судьбе гитлеровской Германии возможно лишь на основе указанной программы. Впоследствии к этому присоединилась и Франция.

— Это было, как всем нам известно, — продолжал Вышинский, — накануне разгрома гитлеровской Германии. Спустя два месяца на Потсдамской конференции, уже после капитуляции гитлеровской Германии, было достигнуто новое соглашение об экономических и политических принципах координированной политики союзников в отношении Германии. Потсдамская конференция в качестве важнейшей цели политики четырёх держав в отношении Германии провозгласила преобразование Германии на демократической и мирной основе, исходя из признания Германии в качестве единого политического и экономического целого; это нашло своё выражение, в частности, в том, что было решено создать ряд германских административных департаментов, возглавляемых государственными секретарями.

— Таким образом, — заключил Вышинский, — уже на Потсдамской конференции державы-победительницы признали, что они будут обращаться с Германией как с единым целым в экономическом и политическом отношениях, и это было вполне правильно; лишь при условии соблюдения принципа единства Германии в экономическом и политическом отношениях возможно осуществление тех задач, какие поставили перед собой руководители четырёх правительств в своей политике в отношении Германии. Эта политика должна была обеспечить ликвидацию германского

милитаризма и фашизма, должна была обеспечить развитие германской мирной промышленности, сельского хозяйства и всего народного хозяйства Германии, должна была обеспечить развитие внутренней и внешней торговли, экономических связей между Германией и другими странами, что облегчило бы как удовлетворение нужд и мирных потребностей германского народа, так и выполнение его обязательств перед союзниками.

Дальнейшее развитие принципов указанной выше политики в отношении Германии нашло своё выражение в постановлении, принятых в 1947 году на 4-й сессии Совета министров иностранных дел в Москве, когда министры Франции, Великобритании, США и СССР пришли к заключению о необходимости подготовить мероприятия, направленные на создание временного общегерманского правительства. Я подчёркиваю, — сказал Вышинский, — общегерманского правительства. Это заключение соответствовало принятому на Потсдамской конференции принципу политического единства Германии и явилось конкретизацией этого принципа.

Вышинский напомнил, что Московская сессия Совета министров иностранных дел подробно определила полномочия будущего центрального германского правительства, подчеркнув, что это правительство «будет компетентно принимать законодательные и исполнительные меры в целях обеспечения необходимого единства». Далее было указано, что речь идёт о политическом единстве, экономическом единстве, финансовом единстве и юридическом единстве. К компетенции центрального правительства делегации четырёх держав — СССР, Франции, Великобритании и США — отнесли такие вопросы, как выпуск денежных знаков и монеты, координация банковских дел, обложение налогами, контроль над экспортом и импортом и над иностранной валютой, а также внешнеторговые и таможенные дела. Представители трёх держав — СССР, США и Великобритании — отнесли к компетенции центрального германского правительства, сверх того, мероприятия по контролю над поставками продовольствия, по распределению дефицитного продовольствия и сырья, по планированию промышленности, по контролю над условиями труда, заработной платой и ценами и ряд других важных вопросов общегерманского значения.

Вышинский напомнил также о соглашении относительно контрольного механизма в Германии, подготовленном ещё Европейской консультативной комиссией. Согласно этому соглашению, верховная власть в Германии по всем вопросам, затрагивающим Германию в целом, должна осуществляться главнокомандующими союзных вооружённых сил зон оккупации Германии совместно, для чего четыре главнокомандующих и образовали верховный контрольный орган, называемый Контрольным советом. В задачи Контрольного совета были включены:

1. Обеспечение соответствующей согласованности в действиях главнокомандующих в их зонах;
2. Выработка планов и достижение согласованных решений по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии;
3. Контроль над германской центральной администрацией;
4. Руководство через соответствующие органы администрацией Большого Берлина.

— Таковы были четыре важнейшие области вопросов, — сказал Вышинский, — которые возлагали на Контрольный совет определённые обязанности. Из этого видно, что весь механизм Контрольного совета был приспособлен к тому, чтобы осуществить демилитаризацию и демократизацию Германии, к тому, чтобы содействовать преобразованию Германии в единое демократическое миролюбивое государство. Советское правительство в течение всего времени деятельности Контрольного совета неизменно стремилось к осуществлению этих задач. Оно справедливо считало деятельность Контрольного совета, построенную в соответствии с указанными задачами, важнейшим условием предотвращения опасности возрождения германской агрессии, проведения демократизации Германии и удовлетворения законных требований союзных государств, пострадавших от германской агрессии. Позиция Советского Союза в вопросе о германских репарациях хорошо известна. Однако по всем этим вопросам Совет министров иностранных дел до сих пор не смог прийти к согласованным решениям.

Вышинский отметил, что правительства США, Великобритании и Франции стали на путь трёхсторонних решений и мероприятий, которые находятся в явном противоречии с ранее принятыми четырёх держав — США, Великобритании, СССР и Франции — по германскому вопросу. К числу таких мероприятий относится и план создания западно-германского правительства, предназначенный для закрепления раскола Германии, — план, рассчитанный на противопоставление западной части Германии остальной Германии. Тем же целям служат и принятые в апреле этого года в Вашингтоне решения правительств США, Великобритании и Франции об основных принципах слияния трёх оккупационных зон Западной Германии, решения о так называемом оккупационном статуте для Западной Германии, а также трёхстороннее соглашение о создании контрольного органа для Рура.

Что касается Рура, — сказал Вышинский, — то советское правительство ещё на Потсдамской конференции предложило признать, что Рурская промышленная область, как неразрывная часть Германии, должна находиться под совместным контролем США, Великобритании, СССР и Франции. Советское правительство предлагало тогда создать для Рурской промышленной области на определённый срок специальный Союзный совет, который состоял бы из представителей указанных держав. Эта позиция СССР хорошо известна, и я на ней подробно не стану останавливаться.

Вышинский подчеркнул, что советское правительство придавало и придаёт большое значение вопросу о Руре. Советское правительство считало и считает неправильным такое положение, при котором Рур, имеющий исключительное значение в военном и промышленном отношениях, находится вне международного контроля на четырёхсторонней основе. Неправильно также и то, что Контрольный совет в Германии отстранён от рассмотрения и решения вопросов, связанных с Рурской областью, в частности от контроля за производством и распределением угля и стали, играющих решающую роль во всей экономике Германии. Организация международного контрольного органа по Руру из представителей США, Великобритании, Франции и СССР с участием в Союзном совете для консультаций по вопросам, связанным с производством и распределением продукции Рура и других пограничных с Германией государств, особен-

но заинтересованных в германском вопросе, а именно, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании, Польши и Чехословакии, а также представителей немецких экономических органов, явилась бы надёжным способом обеспечения надлежащего международного контроля над Рурской промышленной областью.

Не останавливаясь в данное время подробно на всех мероприятиях западных держав в отношении Западной Германии и, в частности, Рура, так как отношение советского правительства к этому было достаточно освещено и хорошо известно, советская делегация считает необходимым подтвердить свою позицию в отношении этих мероприятий и вновь заявить, что они находятся в противоречии с интересами мира и безопасности народов Европы.

Советское правительство стояло и стоит за установление экономического и политического единства Германии. Советское правительство стремилось к тому, чтобы в таком направлении развивалась деятельность Контрольного совета, который призван осуществлять в период оккупации верховную власть в Германии и обеспечить осуществление демилитаризации и демократизации Германии, обеспечить её преобразование в единое миролюбивое демократическое государство.

В заключение своего выступления Вышинский представил Совету министров иностранных дел конкретные предложения советской делегации, в которых говорится следующее:

1. В целях обеспечения экономического и политического единства Германии:

а) Восстановить деятельность Контрольного совета в Германии на прежней основе, как органа, призванного осуществлять верховную власть в Германии.

б) Восстановить Межсоюзную Комендатуру Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом.

2. Считая, вместе с тем, что экономическое и политическое единство Германии невозможно осуществить без создания единого германского центрального органа, в ведении которого находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом, признать необходимым:

а) Создать на основе существующих в настоящее время в Восточной и в Западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет.

б) Восстановить общегерманский магистрат.

Вопрос о сроке выборов в общегерманский магистрат передать на рассмотрение Межсоюзной Комендатуры Берлина.

«Известия» №121 (9961)
от 25 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(25 мая)

Сегодня я хотел бы кратко ответить на замечания, сделанные вчера представителями США, Великобритании и Франции по поводу предложений, внесённых на рассмотрение Совета министров иностранных дел советской делегацией...

Мне кажется, что имеются все основания отметить то обстоятельство, что и г-н Ачесон, и г-н Шуман, и г-н Бевин в своих вчерашних выступлениях ссылались на Потсдамское соглашение, как на исходную позицию в данном вопросе.

Г-н Ачесон заверял, что политика Соединённых Штатов Америки в отношении Германии отправлялась от потсдамских решений и что, в сущности говоря, в американской зоне оккупации Германии всё, что требовало Потсдамское соглашение, уже проведено в жизнь: денацификация и демилитаризация почти выполнены, все преступники войны преданы суду и наказаны и, как сказал Ачесон, «германский народ уже действует на демократических началах». Правда, г-н Ачесон сделал тут же оговорку, из которой следовало, что задача денацификации и демилитаризации почти выполнена, что в Западной Германии не все органы действуют на основе законов, на принципах демократического государства, а лишь многие органы.

Эта оговорка, конечно, имеет немалое значение, так как вносит существенный корректив в оптимистическую картину положения в западных зонах оккупации Германии. Оговорка г-на Ачесона была сделана кстати, особенно если иметь в виду некоторые факты, имеющие место в западных зонах Германии, далеко не свидетельствующие о процветании в этих зонах демократических порядков.

Г-н Шуман со своей стороны признал, что в Потсдаме были предусмотрены меры, чтобы поставить Германию на путь единства. Беда, однако, по словам г-на Шумана, заключалась в том, что «разные пирамиды были построены на разных принципах, причём для этих пирамид не было общей крыши». В результате, как это было описано здесь г-ном Шуманом, возникли разногласия в Совете министров и в Контрольном совете. Обнаружилось, что Союзный контрольный совет не был в состоянии осуществить и обеспечить сотрудничество четырёх держав и не был в состоянии подготовить единство Германии, что входило в его компетенцию, в соответствии с Потсдамским соглашением. Таким образом, главное, на что я хотел обратить внимание, это то, что г-н Шуман также подтвердил необходимость в решении германского вопроса исходить из Потсдамских соглашений.

Что касается г-на Бевина, то здесь он прямо заявил, что британское правительство — я цитирую по русской стенограмме — «всегда прилагало всяческие усилия к тому, чтобы полностью придерживаться тех условий, которые были установлены Потсдамским соглашением в 1945 го-

ду». Г-н Бевин тут же сослался на пункт «с» параграфа 15 потсдамских решений, где говорится о необходимости установивших союзный контроль для обеспечения равномерного распределения основных предметов между зонами с тем, чтобы создать сбалансированную экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте. Остаётся только непонятным, почему г-н Бевин выделил пункт «с» из всего параграфа 15 и как будто бы не придавал значения другим пунктам этого параграфа? Почему, в частности, он не напомнил о пункте «а» того же параграфа 15, где говорится о необходимости выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации Германии, или о пункте «д» того же параграфа, где говорится о контроле над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и достижения других задач, указанных в этом соглашении, между тем это важные пункты, и, казалось бы, нужно было говорить не об одном пункте «с», а обо всём параграфе 15 и не забывать не менее важные пункты, которые имеют актуальное значение. Почему-то г-н Бевин не сделал ссылки и на параграф 14, в котором говорится о том, что «в период оккупации Германия будет рассматриваться как единое экономическое целое», или на другие параграфы этого очень важного раздела Потсдамского соглашения, установившего экономические принципы политики оккупирующихся держав в отношении Германии.

Как бы то ни было, все три оппонента — министры иностранных дел США, Франции и Великобритании — в основу своих вчерашних выступлений положили признание обязательности для себя и для политики своих правительств в отношении Германии принципов, установленных Потсдамским соглашением. Они, однако, обошли в своих вчерашних выступлениях такие важнейшие принципы Потсдамских соглашений, как принципы экономического и политического единства, хотя как раз этот вопрос и стоит в повестке дня настоящей сессии Совета министров иностранных дел и этим именно вопросом мы и должны заниматься. Больше того, они заявили, что осуществление германского единства оказалось невозможным, что Германия, как вчера говорил г-н Ачесон, «совершенно автоматически распалась на отдельные клеточки». Как говорил вчера г-н Ачесон, за этим распадом последовал в таком же автоматическом порядке процесс восстановления — сначала была создана Бизония, потом Тризония, и, как объяснил г-н Ачесон, всё это произошло в результате «невозможности иметь единую Германию».

С таким объяснением советская делегация не может согласиться. В таком объяснении не всё в порядке. В самом деле, если невозможно иметь единую Германию, если невозможно иметь единство Германии, то единство, которое является предметом обсуждения Совета министров, то спрашивается, как же быть тогда с принципами Потсдамских соглашений, на которые ссылались вчера и Ачесон и остальные министры западных держав, как якобы на непреложное и обязательное руководство в своей политике в отношении Германии. Тут очевидное противоречие, устранить которое можно лишь следуя принципам Потсдамского соглашения.

Не более прав г-н Шуман, который раскол Германии вчера объяснял не теорией «автоматического распада Германии на клеточки», а тем,

как он сказал, — я опять пользуюсь русской стенограммой, — что «некоторым державам не удалось уклониться от искушения».

Все эти рассуждения нужны были, очевидно, для того, чтобы обосновать возражения против восстановления Союзного контрольного совета в Германии. Г-н Шуман вчера сказал, что восстановление Союзного контрольного совета в Германии не является решением вопроса, а г-н Ачесон восстановление четырёхстороннего контроля назвал шагом назад.

Следует ли это понимать так, что контроль несвоевременен, что, следовательно, теперь невозможно говорить о восстановлении контроля потому, что, как здесь говорили вчера, это будет шагом назад? Но чем же тогда объяснить, что только в апреле 1949 года было подписано в Вашингтоне соглашение о трёхстороннем контроле в Германии, которое установило, что будет действовать верховная комиссия, как назвали эту комиссию из представителей США, Англии и Франции авторы этого соглашения, в составе одного верховного комиссара от каждой державы, и что она будет являться верховным союзным органом контроля. Целый ряд пунктов этого соглашения посвящён этому контролю.

Таким образом, выходит, что трёхсторонний контроль своевременен, а четырёхсторонний — несвоевременен. Выходит, что трёхсторонний контроль — шаг вперёд, а четырёхсторонний контроль — шаг назад.

Что это означает? Не означает ли это, что, говоря о несвоевременности и нецелесообразности восстановления Союзного контрольного совета на четырёхсторонней основе, по существу выступают именно против четырёхстороннего контроля, т. е. против контроля с участием Советского Союза? Если всё это расшифровать, то получается так: мы будем осуществлять контроль без Советского Союза, с Советским Союзом мы не хотим осуществлять контроль. Правильна ли такая расшифровка позиции западных делегаций? Если это правильно, то тогда всеу говорить о единстве.

Вот почему советская делегация никак не может признать убедительными те доводы, которые были выдвинуты здесь против нашего предложения восстановить деятельность Контрольного совета на четырёхсторонней основе. Конечно, могут сказать — мы не согласны восстановить деятельность Контрольного совета потому, что в Контрольном совете решения должны приниматься не большинством голосов, а по принципу единогласия. Это нас связывает, это нам, мол, неприемлемо. Но следует напомнить, что и в Вашингтонском соглашении о трёхстороннем контроле предусматривается единогласное решение по ряду вопросов. Поэтому и такой довод против предложения советской делегации о восстановлении деятельности Контрольного совета едва ли может кого-либо удовлетворить.

Мы предлагаем восстановить деятельность Контрольного совета на прежней основе, т. е. на основе Потсдамского соглашения, т. е. тех самых соглашений, которые подтверждены были здесь вчера всеми тремя министрами — США, Великобританией и Францией.

Сегодня я пользуюсь представленной мне возможностью для того, чтобы подкрепить вчерашние мои соображения дополнительными соображениями в пользу нашего предложения.

Перехожу к другим вопросам. Вчера здесь мы слышали указание на то, что создание Бизонии и Тризонии представляет собой прогрессивное явление в деле обеспечения единства Германии. Но если действительно

стремиться к созданию центрального германского правительства, о чём вчера говорил г-н Бевин, то нельзя не заметить, что завершение образования бизональной или тризональной системы власти является мало подходящим способом для облегчения создания общегерманского правительства.

Г-н Ачесон, как можно было его вчера понять, отрицательно относится к предложению советской делегации об образовании Общегерманского Государственного Совета. Я должен напомнить это предложение советской делегации о создании Общегерманского Государственного Совета.

Предложение советской делегации заключается в том, чтобы создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет в качестве экономического и административного центра Германии, с правительственными функциями в указанных выше областях экономического и государственного строительства при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Это предложение г-н Ачесон склонен рассматривать как шаг назад. Так ли это в действительности? Советская делегация думает, что это не так, что это не шаг назад. В действительности предложение советской делегации создать Общегерманский Государственный Совет является шагом вперёд на пути к установлению единства Германии.

В самом деле, разве возможно осуществить экономическое и политическое единство Германии без создания единого центрального германского органа? Общегерманский Государственный Совет и должен явиться в настоящих условиях таким германским единым центральным органом с правительственными функциями, в ведении которого находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом, при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Я позволю себе поставить моим коллегам вопрос — имеется ли такой орган в настоящее время, имеется ли орган, который являлся бы центральным общегерманским органом в настоящее время? Вы не можете сказать, что такой орган есть, потому, что его в действительности нет. В таком случае, как можно говорить, что создание такого общегерманского центрального органа является шагом назад? Нам говорят — это шаг назад, потому что мы, на западе, пошли дальше. Но я повторяю: на западе нет центрального общегерманского органа, и поэтому ошибаются те, которые считают, что они пошли на западе дальше. Больше того, на западе, как хорошо всем известно, как раз делаются шаги не в сторону образования такого общегерманского центрального органа, а в обратном направлении — от образования общегерманского центрального органа к образованию зональных органов власти, как бы вы их ни называли, — бизональные это будут органы или тризональные, это всё же — зональные органы.

Вот почему советская делегация считает, что её предложение — создать общегерманский центральный орган на указанной выше основе и с указанными выше функциями — является действительным шагом вперёд, способным обеспечить, облегчить, во всяком случае, единство Германии в экономическом и политическом отношениях.

Здесь вчера говорили о том, что нельзя игнорировать то, что уже существует, что следует исходить из реального. Если этот упрек брошен в сторону советской делегации, то это несправедливый упрек. Ведь в пункте «а» параграфа 2 предложенной советской делегации, которые были вчера представлены Совету министров, говорится совершенно отчётливо — «создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет» и т. д.

Неправильно поэтому изображать дело так, будто бы советская делегация не считается с реальным положением, о чём вчера здесь говорилось: будто бы предложение советской делегации представляет собой призыв вернуться к прошлому, является будто бы шагом назад.

Вопрос о единстве Германии в экономическом и политическом отношении и об условиях его осуществления является весьма важным вопросом. Внесённые советской делегацией предложения, по нашему убеждению, представляют собой реальный и действительный шаг вперёд на пути к обеспечению единства Германии. Вот почему советская делегация поддерживает предложения, которые она внесла в Совет министров иностранных дел на вчерашнем заседании.

«Известия» №122 (9962)
от 26 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(26 мая)

Советские предложения сформулированы достаточно ясно и определённо, сказал Вышинский. Кажется, они не требуют разъяснений; тем не менее, поскольку г-н Шуман хотел бы получить дополнительные разъяснения, советская делегация готова их дать.

Советская делегация считает, что экономическое и политическое единство Германии нельзя осуществить без создания единого германского центрального органа. Это — первое положение.

Этот орган должен весть вопросы экономического и государственного строительства, имеющими значение для всей Германии в целом. Это — второе положение. Третье положение заключается в том, что Общегерманский Государственный Совет должен быть создан на основе существующих ныне в западных и восточной зонах немецких экономических органов.

Четвёртое положение состоит в том, что Общегерманский Государственный Совет должен обладать правительственными функциями, т. е. он должен быть органом правительственного характера, действующим при сохранении верховной власти Контрольного совета,

Таково наше предложение. В нём можно найти ответ на вопросы, заданные г-ном Шуманом, и, в частности, на вопрос о том, предусматривают ли советские предложения какое-либо изменение в отношении автономии, как выразился г-н Шуман, или в отношении существующей политической структуры в западных или в восточной зонах Германии.

Советские предложения исходят из того, что в восточной зоне оккупации, с одной стороны, и в западных зонах — с другой, существуют некоторые экономические немецкие органы. Деятельность их можно было бы координировать, создав на основе их Общегерманский Государственный Совет с правительственными функциями, как об этом было сказано выше.

— Здесь говорили, — сказал далее Вышинский, — о необходимости предоставить немцам большую самостоятельность в рассмотрении вопросов экономического и государственного строительства. Советское предложение об организации Общегерманского Государственного Совета на основе существующих немецких органов и направлено именно на то, чтобы немцам была предоставлена возможность самим решать общегерманские вопросы экономического и государственного строительства.

Принятие советского предложения обеспечило бы реальную материальную базу, на которой немецкий народ мог бы не на словах, а на деле заняться решением указанных проблем.

— Вчера г-н Шуман, — продолжал Вышинский, — с некоторым недоверием отнёсся к советским предложениям в той их части, которая касается экономических органов. Почему наше предложение говорит об экономических немецких органах, а не о каких-либо других органах, — спрашивал г-н Шуман. По очень простой причине, г-н Шуман. Потому что других подходящих немецких органов в оккупационных зонах в настоящее время не существует.

Советское предложение исходит из того, что есть в действительности. Правительство СССР считает необходимым строить единство Германии из того материала, который имеется, строить здание из тех кирпичей, которые существуют. Правительство СССР и действующая от его имени здесь советская делегация предпочитают предлагаемый нами путь не потому, что экономические мероприятия им кажутся предпочтительнее политических, а потому, что нужно брать за основу то, что есть сейчас в действительности.

Далее Вышинский напомнил, что советская делегация ещё на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в 1947 году ставила вопрос о необходимости привлечения самих немцев к решению проблем государственного строительства Германии. Советская делегация уже тогда заявляла, что осуществление экономического и политического единства Германии невозможно без активного участия самого немецкого народа в решении этой задачи.

— Теперь, два года спустя, к этой мысли пришли и другие делегации, — заметил Вышинский.

В заключение министр иностранных дел СССР подчеркнул, что он взял слово лишь для того, чтобы ещё раз кратко пояснить позицию советской делегации в отношении обсуждаемого вопроса, о чём просил его Шуман.

ВТОРОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

Взявший вновь слово А. Я. Вышинский заявил, что после выступлений Шумана, Ачесона и Бевина ему невольно приходится возвращаться к вопросам, которые были им уже разъяснены.

— Вчера и сегодня, — сказал Вышинский, — нам говорят, что вопрос о Контрольном совете — это вопрос скорее формы, чем существа. Нам говорят, что вопрос о восстановлении четырёхстороннего союзного контроля должен быть решён лишь после того, как будет решена вся совокупность различных экономических и политических вопросов, относящихся к Германии. Можно было бы не возражать против этого, если следовать арифметическому правилу, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Но мне кажется, что дело не в том, в каком порядке мы должны рассматривать те или другие проблемы. Дело в том, что вопрос о Контрольном совете — это не формальный вопрос. Он неотделим от существа германской проблемы.

Касаясь вчерашнего заявления Бевина о том, что он считает целесообразным ограничить союзный контроль вопросами безопасности, Вышинский сказал:

— Всё ли ясно в этом отношении в позиции самих западных держав? Вчера, 25 мая 1949 года, Бевин говорил, что немцы «должны сами развиваться и нам только следует обеспечить, чтобы они опять не создавали какого-то военного потенциала, не начали какого-то вооружения и т. д.». Он настаивал, чтобы контроль лишь ограничился вопросами безопасности. Но известно, что только месяц тому назад г-н Бевин, вместе с представителями США и Франции, подписал в Вашингтоне соглашение о трёхстороннем контроле и соглашение об оккупационном статуте. В этих двух соглашениях задачи контроля трактуется гораздо шире, чем вопросы безопасности. Если обратиться к тексту оккупационного статута, то можно увидеть, что имеется в виду контроль над внешней торговлей, над валютными операциями, над внешними сношениями, над международными соглашениями, заключаемыми Германией или от её имени, над внутренними делами Германии и т. д. Всё это записано в ряде пунктов параграфа 2 трёхстороннего соглашения об оккупационном статуте. Указанные вопросы можно отнести к категории вопросов безопасности лишь при очень вольном толковании.

Вышинский напомнил, что положение о контрольном механизме в Германии, выработанное Европейской консультативной комиссией в мае 1945 года в Лондоне, и Потсдамское соглашение достаточно чётко определили объём союзного контроля. Он показал, что трёхсторонний контроль, установленный западными державами в Тризонии, отнюдь не является более ограниченным, нежели тот, который был предусмотрен указанными соглашениями. «Разница только в том, — заметил Вышинский, — что оккупационный статут представляет собой ухудшенное издание хороших документов».

В связи с тем, что Ачесон противопоставил позицию советской делегации, отстаивающей принцип единогласия в Контрольном совете, позиции западных держав, которые настаивают на принципе решения вопросов большинством голосов, Вышинский сказал:

— Решать вопросы на основе единогласия — это обычный метод международных конференций, где участвуют представители равных, суверенных государств, где нужно договариваться, а не предписывать свои решения большинством голосов. Нельзя согласиться с г-ном Ачесоном, который назвал метод единогласия «негодной методикой». Свою методику, предусматривающую равенство всех участников международных конференций, мы считаем правильной.

Вышинский отметил далее, что и Вашингтонское соглашение о трёхстороннем контроле также предусматривает единогласие при разрешении всех важнейших вопросов, относящихся к демилитаризации Германии, к контролю над Руром, к реституциям (возвращение имущества, захваченного врагом), к репарациям, к осуществлению декартелизации, к внешней торговле, к иностранным интересам в Германии, к внешним отношениям и т. д.

— Почему же допустим трёхсторонний контроль на основе принципа единогласия, а четырёхсторонний контроль — недопустим? — спросил Вышинский.

Далее Вышинский обратил внимание на тот пункт соглашения о трёхстороннем контроле, который содержит довольно странное правило, дающее участникам этого контроля право голоса пропорционально средствам, отпускаемым соответствующими правительствами Западной Германии.

— Согласно этому правилу тот, кто ассигнует больше средств, получает и соответственно большее количество голосов при решении вопросов. Кроме того, если в данном вопросе заинтересовано объединённое Экспортно-импортное агентство или объединённое агентство по вопросам иностранной валюты, то решающий голос, как записано в соглашении, принадлежит США. Вот уже поистине одногласие в прямом смысле этого слова! Один голос США решает дело. Так, по крайней мере, сказано в самом соглашении. Это отнюдь не демократический способ решения вопросов. Мы считаем, что от добра добра не ищут. Хорошее правило было установлено в Потсдаме, и лучше вернуться к забытому хорошему правилу, нежели пытаться установить плохое новое, вроде того, какое записано в соглашении о трёхстороннем контроле, принятом в Вашингтоне в апреле 1949 года.

Касаясь вопроса о функциях Контрольного совета, Вышинский сказал: — Здесь говорили, что за четыре года, которые прошли со времени утверждения положения о Контрольном совете, произошли существенные изменения в жизни германского народа. В связи с этим, быть может, следовало бы рассмотреть вопрос о том, все ли функции Контрольного совета должны сохраняться в прежнем виде. Советская делегация считает, что можно было бы рассмотреть этот вопрос, имея в виду возможность передачи некоторых функций Контрольного совета немецким органам без ущерба для компетенции Контрольного совета, как органа, осуществляющего верховную власть в Германии.

В связи с тем, что Ачесон значительную часть своего вчерашнего выступления посвятил восхвалению экономического положения в западных зонах Германии, Вышинский привёл ряд фактов и цифр, освещающих это положение в ином свете.

— Об экономическом положении Бизонии, — сказал он, — можно судить не только по данным, приведённым г-ном Ачесоном, но и по таким

вопросам, как уровень цен и стоимости жизни. По данным, опубликованным статистическим управлением Бизонии, индекс (показатель) цен на пищевые продукты возрос с июня 1948 года по начало 1949 года со 123,5 до 152,2. Индекс цен на промышленные товары вырос за то же время со 175,6 до 216,2, а общий индекс возрос со 154,8 до 190,6, при этом за 100 берутся цены 1938 года. Естественно, что это не могло не отразиться и на индексе стоимости жизни семьи рабочего. Если принять уровень 1937 года за 100, то индекс стоимости жизни в 1946 году составил 125,1, в январе 1948 года — 125,9, а в декабре 1948 года он поднялся до 144,1. По данным гамбургского статистического управления, индекс стоимости жизни рабочей семьи сейчас достигает 190 — по сравнению с 1938 годом.

Вышинский отметил также, что в западных зонах Германии значительно возросла безработица. По данным, опубликованным в английской печати в начале мая, за последние пять месяцев количество безработных увеличилось в два с половиной раза.

— В таких условиях, — сказал Вышинский, — естественно, что покупательная способность населения снижается, возможности сбыта товаров широкого потребления на внутреннем рынке Западной Германии сокращаются, а торговый оборот падает. Таковы факты, которые нужно иметь в виду, характеризуя экономическое положение Тризонии.

Далее Вышинский привёл ряд фактов, характеризующих экономическое положение советской зоны оккупации Германии. Он сказал: — Начиная со второй половины 1945 года в зоне построено ряд каменно-угольных шахт и крупных электростанций, ряд заводов, восстановлено также значительное количество предприятий лёгкой и пищевой промышленности.

Разумеется, нельзя сказать, что процесс восстановления и развития германской промышленности в советской зоне оккупации не встречал на своём пути трудностей. Трудности были, и они ещё есть, но они успешно преодолеваются. К числу таких трудностей в первую очередь относится то обстоятельство, что на протяжении значительного периода времени Восточная Германия не получает из западных зон Германии ни каменного угля, ни кокса, ни металла, ни проката. Тем не менее уже в марте 1949 года выпуск промышленной продукции в восточной зоне достиг 96,6 процента по сравнению с 1936 годом. Производство бурого угля уже в 1948 году превысило уровень 1936 года. Производство электроэнергии, добыча железной руды, производство стекла, трикотажа стоят выше уровня 1936 года.

Вышинский подчеркнул далее, что успехи в восстановлении народного хозяйства в Восточной Германии в значительной мере объясняются тем, что были установлены нормальные торговые и экономические связи со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Значительное содействие делу развития мирных отраслей промышленности в Восточной Германии оказывает Советский Союз. СССР предоставил восточной зоне Германии зерно, когда его там не хватало, жиры, минеральные удобрения. Из СССР завозятся тракторы, грузовые автомобили, сельскохозяйственные машины, металл, прокат и другие виды материалов и сырья.

— Важно отметить, — сказал Вышинский, — что восстановление экономики Восточной Германии осуществляется без какого-либо внеш-

него долга, который лежал бы тяжёлым бременем на восточной зоне Германии. Всё идёт исключительно за счёт изыскания внутренних ресурсов. Предоставление помощи Восточной Германии не сопровождается нарастанием дефицита, о котором мы здесь слышали от наших коллег — представителей западных держав, когда они говорили о положении дел в Тризонии. Бюджет восточной зоны в 1948 году был закончен с положительным сальдо в 700 миллионов марок. В этом году положительное сальдо бюджета Восточной Германии, вероятно, превысит миллиард марок.

Вышинский подчеркнул, что в восточной зоне одновременно происходит снижение налогов, — они сократились более чем на 30 процентов, — в то же время наблюдается большой рост бюджетных ассигнований на развитие здравоохранения, просвещения и других областей культурного строительства. Расходы на бесплатное здравоохранение, например, увеличились с 232 миллионов марок в 1948 году до 290 миллионов марок в 1949 году.

— Как известно, — заключил Вышинский, — такое положение не всегда наблюдается в других более мощных странах мира, где населению приходится весьма серьёзно страдать, как об этом говорят вполне авторитетные лица, и от того, что сеть народного просвещения недостаточна, и от того, что население лишено бесплатной медицинской помощи.

* * *

Убедительные факты и цифры, приведённые Вышинским, вызвали несколько нервное реагирование у представителей западных держав. Видимо, пытаясь набросить тень на эти неопровержимые данные, Бевин вдруг заявил, что он «сможет представить приведённые Вышинским цифры тем немцам, которые находились в восточной зоне, но затем покинули её».

На это Вышинский заметил, что советские оккупационные власти имеют такую же возможность в отношении немцев, переходящих в восточную зону из английской зоны. «Но я не думаю, — сказал он, — что можно было бы считать с мнением этих людей и пользоваться ими как источником информации».

«Известия» №123 (9963)
от 27 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(27 мая)

Я не могу согласиться с тем, сказал Вышинский, что вопрос о единстве Германии, о том, как будет организована Германия, как она будет дальше действовать и к чему это поведёт, не является вопросом между-

народного значения. Конечно, это международный вопрос, потому что все миролюбивые народы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в будущем не повторилась немецкая агрессия, чтобы демилитаризация Германии была завершена, чтобы Германия превратилась в миролюбивое демократическое государство, достойное войти в семью миролюбивых народов и выполнить свои обязательства перед пострадавшими от затаенной Гитлером войны. Все вопросы, связанные с германской проблемой, — международные вопросы.

Касаясь замечания Ачесона о том, будто бы сейчас не ясно, что именно будет контролировать Контрольный совет и какие функции будут принадлежать Контрольному совету, Вышинский сказал:

— Разве мы сейчас предлагаем учредить союзный контроль? Конечно, нет. Мы предлагаем не учредить, а восстановить этот орган, созданный для определённых целей, далеко ещё не исчерпанных. Контрольный совет действовал на основании положения, построенного в соответствии с принципами Потсдамского соглашения. Этот документ уже применялся на практике. О том, что должен контролировать Контрольный совет, мы договорились почти четыре года тому назад. Если вы хотите сказать, что задачи, поставленные тогда перед союзным контролем, уже исчерпаны, то опять-таки ваша обязанность состоит в том, чтобы сказать, какие же в таком случае новые задачи, по вашему мнению, должны быть поставлены перед Контрольным советом. Но вы этого не делаете. Да и не можете сделать, так как перед Контрольным советом стоят в основном те же задачи и на Контрольный совет должны быть возложены те же обязанности, какие предусмотрены соглашением о контрольном механизме и Потсдамским соглашением четырёх держав. Таким образом, поставленный г-ном Ачесоном вопрос давно уже решён: положение о союзном контроле существует, и, следовательно, нет необходимости биться над решением этой уже решённой задачи.

Если ставится вопрос о том, чтобы изменить какие-то функции Контрольного совета, то советская делегация не возражает против обсуждения этого вопроса, имея в виду возможность передать некоторые функции немецким органам. При этом, однако, основная роль Контрольного совета как носителя верховной власти в определённый период должна сохраниться.

Напомним о том, что Шуман утверждал о необходимости сначала восстановить единство Германии, а затем воссоздать четырёхсторонний союзный контроль, Вышинский сказал:

— Мне хотелось бы привести наглядный пример: когда строится корабль, морской регистр контролирует шаг за шагом всё то, что делается в процессе строительства, — задолго до того, как корабль будет завершён и пустится в плавание. Если же рассуждать так, как говорит г-н Шуман, то нужно действовать иначе: сначала построить корабль, а потом учредить морской регистр для проверки того, как он строился. Я думаю, что это было бы неправильно.

Отметив, что все элементы для восстановления союзного контроля даны, что цели и задачи контроля ясны, Вышинский сказал:

— Следовательно, речь идёт только о принципе единогласия, который якобы служит препятствием к восстановлению четырёхстороннего контроля на потсдамской основе. Я вчера уже спрашивал, почему вы,

возражая против принципа единогласия в четырёхстороннем контроле, допускаете его в важнейших случаях в вашем проекте о трёхстороннем контроле?

Но это ещё не всё. Почему, когда организовался Совет безопасности, по инициативе правительства США был установлен принцип единогласия для решения всех неперечисленных вопросов? Почему принцип единогласия действовал в Лиге наций? Почему принцип единогласия действовал в десятках различных конвенций и международных соглашений? Принцип единогласия — обычное правило при разрешении международных вопросов. Конечно, есть и исключения. В Рио-де-Жанейро и в некоторых других случаях этот принцип не признавался.

Здесь говорят о Генеральной ассамблее, которая тоже решает все вопросы большинством голосов. Но забывают в этом случае об одном — о том, что Генеральная ассамблея вообще никаких решений не принимает. Все её «решения» — это только рекомендации...

Таким образом, метод единогласия — действительно обычный в международной практике метод. И если мы хотим встать на путь, который мог бы привести нас к установлению единства в Германии, мы не должны видеть никаких препятствий к применению принципа единогласия в органах четырёхстороннего контроля.

Вышинский подчеркнул, что было бы неправильно утверждать, что делегация СССР рассматривает Контрольный совет как главный фактор создания единой Германии. Контрольный совет является одним из главных факторов, поскольку вопросы организации союзного контроля тесно связаны и переплетаются с вопросами организации единой Германии.

Перейдя к советскому предложению о создании Общегерманского Государственного Совета, Вышинский сказал:

— Уже одно то обстоятельство, что советская делегация внесла одновременно два предложения — о восстановлении Контрольного совета и об учреждении Общегерманского Государственного Совета — показывает, что Контрольному совету отводится не исключительная роль, а одна из ролей в создании единой Германии. Делегация СССР предложила создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет в качестве экономического и административного центра Германии с правительственными функциями; в ведении Общегерманского Государственного Совета находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом.

Вышинский подчеркнул, что Общегерманский Государственный Совет будет немецким центральным органом, в котором будут представлены все зоны Германии. Немцы будут решать в нём те вопросы, которые касаются всей Германии в целом, в пределах компетенции совета. Это завязь, росток, который при дальнейшем развитии может вырасти в организм, способный обеспечить единство Германии, сказал Вышинский, он может создать то движение с обеих сторон, которое и приведёт к созданию единой Германии, а Союзный контрольный совет должен будет контролировать это движение, чтобы оно шло по демократическому пути, чтобы создавалось миролюбивое демократическое германское государ-

ство. Контуры будущей единой миролюбивой демократической Германии определены Потсдамским соглашением.

В заключение Вышинский сказал:

— Советские предложения, мы убеждены в этом, дают перспективу решения германского вопроса. Если подходить к делу практически, следовало бы выйти из сферы общих разговоров и конкретно обсудить эти предложения. Однако пока что от других делегаций нет никаких предложений. Нам говорили, что перед тем, как решать эти вопросы, следует знать, какой будет экономический баланс, каковы производительные силы восточной и западных зон Германии. Вчера я рассказал о фактическом положении дел в Восточной Германии. Г-н Ачесон подробно говорил о положении в западных зонах. Я думаю, что этого достаточно для того, чтобы при наличии доброй воли двинуться вперёд, а не топтаться на месте.

«Известия» №124 (9964)
от 28 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(28 мая)

Отметив, что Бевин, Ачесон и Шуман подчёркивали необходимость предоставить немецкому народу возможность самому решать свои дела и не быть под опекой иностранных держав, Вышинский сказал:

— Возникает вопрос, почему именно теперь три делегации считают необходимым и своевременным дать возможность немцам самим участвовать в решении своих дел и почему эти делегации не считали такую задачу актуальной и своевременной, скажем, полтора года тому назад?

Вышинский напомнил, что ещё в декабре 1947 года в Лондоне в Совете министров иностранных дел делегация СССР исходила именно из этой позиции, стараясь привлечь на свою сторону г-на Маршалла, г-на Бевина и г-на Бидо. 5 декабря 1947 года, например, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов говорил, касаясь вопросов восстановления мирной экономики Германии:

«...Необходимо, чтобы германский народ получил возможность сам взяться за восстановление своей мирной экономики. Мы не только не должны мешать этому, но обязаны помочь экономическому восстановлению Германии и улучшению материального быта германского народа». И дальше: «Надо признать, что нельзя обеспечить экономического единства Германии без активного участия в этом деле самого германского народа».

На том же заседании Молотов, касаясь вопроса об учреждении центральных германских административных департаментов, говорил: «Нельзя откладывать создание этих германских департаментов, которые дадут

возможность немцам активно включиться в работу по экономическому восстановлению во всех зонах Германии».

Как известно, делегации США, Великобритании и Франции тогда не сочли возможным поддержать позицию делегации СССР. Теперь то, что предлагала советская делегация полтора года тому назад, здесь пробуют преподнести как самое последнее слово своей собственной политики.

— Таким образом, — заключил Вышинский, — должно быть совершенно ясно, что в этом отношении можно лишь констатировать допущенное на полтора года опоздание.

Следовательно, заявления, которые мы здесь сегодня слышали, являются не каким-либо откровением или новшеством, а запоздалым признанием допущенной ошибки. Ну, что же, как говорят, лучше поздно, чем никогда. Но плохо другое. Плохо то, что этот принцип сейчас обставляется рядом таких условий, при которых провозглашаемое на словах в значительной мере обесценивается на деле.

Далее Вышинский коснулся заявления Ачесона о том, что представленный проект согласован между тремя державами и что это «весьма важный факт».

— Здесь г-н Ачесон подчеркнул, что это «весьма важный факт», — сказал Вышинский. — Как видно, то обстоятельство, что три державы уже договорились между собой, рассматривается как сильная сторона дела. Между тем это, мне кажется, далеко не сильная сторона, а скорее наоборот — слабая сторона, поскольку три делегации договорились за спиной четвёртой делегации, тогда как вопрос этот не может быть решён иначе, как на четырёхсторонней основе.

Может создаться даже такое впечатление, что трое договорившихся между собой предлагают четвёртому считаться с их предложением, как с совершившимся фактом.

Касаясь существа англо-франко-американских предложений, Вышинский сказал, что они, конечно, требуют изучения. «Однако, — заметил он, — даже предварительное беглое ознакомление с этим документом показывает, что он составлен весьма односторонне. Это обстоятельство создаёт значительные трудности при рассмотрении документа, предназначенного служить основой четырёхстороннего соглашения».

Мне кажется, что недостатки, которые имеются в этом документе и о которых я более обстоятельно хотел бы высказаться позже, после более детального изучения этого документа, делают представленный проект мало подходящим или вовсе неподходящим для того, чтобы можно было на его основе притти к общему согласию».

«Известия» №125 (9965)
от 29 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(30 мая)

В субботу, 28 мая, три делегации — США, Великобритании и Франции представили свои предложения по вопросу о единстве Германии.

Как можно видеть из предложений США, Великобритании и Франции, в этих предложениях не ставится вопрос о выработке демократическим путём общегерманской конституции, а говорится о присоединении советской зоны к так называемой боннской конституции, которая, как известно, выработана в нарушение демократических принципов искусственно подобранной группой лиц, действовавшей в обстановке полной секретности. Известно, что германский народ был лишён возможности принять участие в обсуждении этой конституции. Вместе с тем эта так называемая конституция была выработана под открытым давлением оккупационных властей западных держав, которые по существу и продиктовали основные положения этой конституции.

Таким путём германскому народу навязывается федеративное устройство, против которого протестуют германские демократические круги, и это вполне понятно, так как план федерализации Германии является планом не объединения, а расчленения Германии.

Важно также отметить, что так называемая боннская конституция не содержит никаких положений, которые ограничивали бы господствующую роль германских монополий и юнкерства, являвшихся вдохновителями и организаторами германской агрессии и служащих опорой гитлеровского режима. Уже одно это доказывает, что эту конституцию отнюдь нельзя считать демократической.

Предложение США, Великобритании и Франции распространить так называемую боннскую конституцию на всю Германию представляет собой не что иное, как попытку навязать Восточной Германии порядки, установленные без участия населения Восточной Германии и без участия Советского Союза, несущего, в соответствии с Потсдамским соглашением, ответственность за эту зону. Это предложение США, Великобритании и Франции игнорирует также тот факт, что немецкий народ в советской зоне уже выразил своё отношение к вопросу о будущем устройстве Германии в проекте конституции, разработанном Народным советом и подвёргнувшемуся всенародному обсуждению.

В пункте 3 проекта трёх держав содержится предложение ввести в действие во всей Германии так называемый оккупационный статут, выработанный в Вашингтоне. Это предложение означает на деле отказ от заключения мирного договора с Германией и продление на неопределённый срок оккупационного режима. Известно, что пункт 1 оккупационного статута ограничивается тем, что в нём говорится лишь о «периоде времени, в течение которого необходимо продолжение оккупации».

Попытка трёх держав представить дело так, будто бы этот оккупационный статут имеет целью «позволить германскому народу осуществлять демократическое самоуправление», как это сказано в коммюнике министров иностранных дел США, Великобритании и Франции о Вашингтонских переговорах, находится в полном противоречии с содержанием этого статута.

Как известно, согласно статуту (статьи 2 и 3), важнейшие функции государственного управления составляют монополию оккупационных властей, а германский народ отстранён от какого-либо участия в осуществлении этих важнейших функций. Введение такого оккупационного статута находится в противоречии с интересами германского народа, добывающегося, как известно, скорейшего заключения мирного договора и прекращения режима оккупации. Оно также противоречит задачам мирного урегулирования в Европе.

Что касается предложений трёх держав, относящихся к вопросу о репарациях и о германских предприятиях, приобретённых, как говорится в тексте указанного предложения, «какой-либо иностранной державой или от её имени», то это предложение не касается обсуждаемого Советом министров иностранных дел вопроса о единстве Германии. Нельзя при этом не отметить, что, настаивая на возвращении указанных предприятий, три державы в то же время умалчивают о широком проникновении американского и английского монополистического капитала при помощи оккупационных властей в экономику Западной Германии и, в первую очередь, в промышленность Рура.

В предложении трёх держав делается попытка обусловить объединение Германии «принципами», перечисленными в пункте 2 предложений этих держав. Советская делегация считает необходимым указать, что такая попытка является беспочвенной, поскольку в советской зоне уже обеспечено осуществление демократических свобод для всего населения, за исключением фашистских элементов. Что же касается положения, существующего в западных зонах, то так называемые «свободы» означают там на практике преследование демократических партий и организаций и свободу деятельности для крупных монополий и кругов, поддерживавших в своё время гитлеровскую агрессию.

Предложение Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Франции о переходе в четырёхстороннем контрольном органе (так называемой верховной комиссии) от установленного существующими соглашениями принципа единогласия к решению вопроса по большинству голосов имеет в виду не политику сотрудничества между всеми оккупирующими Германию державами, а политику диктата. Такая политика в отношении Советского Союза не может иметь успеха.

Каковы же наши общие выводы относительно предложения, внесённого 28 мая делегациями Соединённых Штатов, Великобритании и Франции на рассмотрение Совета министров иностранных дел по вопросу о единстве Германии? Наши общие выводы заключаются в том, что это предложение не свидетельствует о желании этих держав достичь с Советским Союзом соглашения по такому важному вопросу, как вопрос о единстве Германии. В то же время эти предложения противоречат законным интересам германского народа и его стремлению к скорейшему заключению мирного договора и прекращению оккупационного режима.

Советская делегация считает необходимым эти предложения трёх держав, находящиеся в противоречии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, отклонить.

Советская делегация в целях обеспечения экономического и политического единства Германии внесла в самом начале этой сессии на рассмотрение Совета министров иностранных дел свои предложения, принятие которых, по её глубокому убеждению, могло бы обеспечить решение стоящих перед Советом министров иностранных дел задач.

Советская делегация предложила восстановить деятельность Союзного контрольного совета в Германии на прежней основе, в соответствии с решениями, принятыми на Потсдамской конференции СССР, США и Великобританией, к которым впоследствии присоединилась Франция. При этом имеется в виду важное значение этого органа, призванного осуществлять в период оккупации верховную власть в Германии.

Вместе с тем советская делегация считает, что экономическое и политическое единство Германии невозможно осуществить без создания единого германского центрального органа, в ведении которого находились бы вопросы государственного и экономического строительства, имеющие значение для всей Германии в целом.

Советская делегация предложила создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет, в качестве экономического и административного центра Германии, с правительственными функциями в указанных выше областях экономического и государственного строительства, при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Советская делегация также предложила восстановить в Берлине четырёхстороннюю берлинскую комендатуру и общегерманский магистрат с тем, чтобы вопрос о сроке выборов в магистрат был передан на рассмотрение межсоюзнической комендатуры Берлина.

Все эти мероприятия могли бы облегчить разрешение задачи восстановления единства Германии в экономическом и политическом отношении. Эта позиция Советского Союза находится в полном соответствии с принципами Потсдамского соглашения, она в полной мере отвечает задаче восстановления единства Германии, интересам германского народа, добивающегося скорейшего заключения мирного договора и прекращения режима оккупации, она также полностью отвечает и задачам мирного урегулирования в Европе.

«Известия» № 126 (9966)
от 31 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(31 мая)

В начале своего выступления Вышинский остановился на предложении западных держав о введении в действие во всей Германии так называемого оккупационного статута, выработанного в Вашингтоне.

— Я уже указывал в своём предыдущем заявлении, — сказал Вышинский, — что это предложение неприемлемо, поскольку оно означает на деле отказ от заключения мирного договора с Германией и продление на неопределённый срок оккупационного режима. В пункте первом оккупационного статута говорится лишь о «периоде времени, в течение которого необходимо продолжение оккупации». Авторы статута не уточняют, какой же это будет период, сколько времени он будет продолжаться. Это обстоятельство даёт право говорить, что три державы не считают необходимым поднимать вопрос о каком-либо ограничении сроков оккупации Германии.

В связи с этим Вышинский обратил внимание на заявления ответственных военных деятелей США, Англии и Франции о сроках оккупации Германии. Он напомнил, что фельдмаршал Монтгомери ещё в апреле 1946 года высказался в том смысле, что оккупация Германии будет продолжаться по меньшей мере десять лет. Генерал Эйзенхауэр в сентябре 1946 года, выступая перед американскими солдатами в Берлине, подчеркнул, что оккупация Германии будет долгим делом. Главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Германии Макнерни в феврале 1947 года заявил, что оккупация должна продлиться 15 лет, добавив при этом, что для некоторых держав, например для Франции, такой срок, по его мнению, может показаться слишком коротким. Сменивший Макнерни американский генерал Клей счёл нужным подтвердить в своём выступлении на собрании англо-американского общества журналистов в Париже в 1947 году, что оккупация продлится 10 лет, а может быть, и 25 лет. Ещё более длительные сроки оккупации Германии отстаивали некоторые представители французских кругов. Так, главнокомандующий французскими оккупационными войсками в Германии генерал Кениг сказал, что он считал бы необходимым оккупировать Германию и управлять ею в течение 50 или 60 лет.

— Таково мнение авторитетных представителей военных властей США, Франции и Англии, — продолжал Вышинский. — Все они указывали на длительные сроки оккупации. Очевидно, авторы оккупационного статута не ставили своей задачей опровергнуть подобные суждения, а быть может, даже требования авторитетных властей своих военных ведомств. Я считаю необходимым напомнить об этом тем более, что вчера г-н Бевин сказал, что оккупационный статут был подготовлен военными людьми и что сам он, как я его понял, не имел к этому делу никакого отношения. Я хочу сопоставить такие факты: с одной стороны, военные утверждают, что срок оккупации должен быть длительным — 10—25 и даже 50—60 лет, если следовать мнению генерала Кенига; с другой сто-

роны, в оккупационном статуте нет ни слова о том, на какой срок рассчитано его действие. Теперь, когда мы узнали из заявления г-на Бевина, что оккупационный статут является плодом творчества военных людей, то становится ясно, что срок оккупации в статуте не указан по той причине, что этот статут имеет целью оставить Германию в состоянии оккупации на очень долгий срок. Но как это вяжется с утверждениями представителей западных держав о том, что они стремятся передать самим немцам наибольшее количество функций управления Германией?

Попав в затруднительное положение, Бевин попытался снизить впечатление от заявления Вышинского репликой: «Я ничего подобного не говорил, и меня цитируют неправильно». Тогда Вышинский огласил то место из текста стенограммы речи Бевина, в котором сказано: «Я лично не являюсь автором этого статута. Насколько мне известно, он был выработан военными губернаторами...» Бевин на это не реагировал.

— Я не могу допустить, — заметил Вышинский, — чтобы стенографистки придумали то, что здесь записано. Но даже если отвлечься от вопроса о том, кто был автором оккупационного статута, то в конечном счёте правительства, апробировавшие этот статут, оставляющий Германию на неопределённый срок в положении оккупированной страны, несут за него полную ответственность.

Далее Вышинский коснулся сделанного вчера Бевином заявления о том, что оккупационный статут якобы даёт немцам определённые права и что «те права, которыми будут пользоваться союзники, не означают, что германскому правительству будет отказано в получении всё большей и большей свободы». Вышинский напомнил также о заявлении Бевина, что дело идёт «не о том, какие слова будут записываться, а о том, как они будут исполняться на деле».

— Слова всё же имеют своё значение, — сказал Вышинский. — И если обратиться к статьям 2, 3 и 4 оккупационного статута, то из них очень определённо следует, что важнейшие функции государственного управления остаются монополией оккупационных властей. Германский народ согласно этому статуту отсоединяется от всякого участия в осуществлении этих важнейших функций. Таким образом, оккупационный статут противоречит интересам германского народа, желающего, чтобы мирный договор был выработан быстрее и чтобы состояние оккупации прекратилось. С другой стороны, оккупационный статут противоречит интересам мирного урегулирования в Европе в целом. Таким образом, этот статут не выдерживает никакой критики с точки зрения демократических принципов и даже с точки зрения того, что было провозглашено в сообщении трёх держав, где говорилось, что оккупационный статут имеет целью позволить германскому народу осуществлять демократическое самоуправление.

Вышинский напомнил далее, что Бевин, пытаясь оправдать навязывание Германии оккупационного статута, задал вопрос: «Чем же его заменить?». По-моему, — сказал Вышинский, — это неправильная постановка вопроса. Оккупационный статут не был введён и, следовательно, не был нужен в течение четырёх лет, прошедших после безоговорочной капитуляции Германии. В течение этого времени делегация СССР неоднократно подталкивала другие делегации в Совете министров иностранных дел к тому, чтобы приступить, наконец, к подготовке мирного договора с

Германией. Вчера г-н Ачесон заявил, что о мирном договоре не следует говорить при обсуждении первого пункта повестки дня, сославшись на то, что этот вопрос отнесён к третьему пункту повестки дня. Однако я вынужден коснуться и этого вопроса. Когда спрашивают — чем заменить оккупационный статут, я отвечаю вопросом: — Почему вы считаете, что оккупационным статутом можно заменить мирный договор?

Дело не в том, чем заменить оккупационный статут, а в том, чтобы оккупационным статутом не подменять мирного договора.

Разве не очевидно, что оккупационный статут предназначен для того, чтобы ещё дальше отложить подготовку и заключение мирного договора и продлить режим оккупации на неопределённое время?

Вышинский указал, что ещё в 1947 году советская делегация предлагала немедленно приступить к подготовке проекта мирного договора с Германией. Если бы тогда это предложение было принято, то сейчас не было бы нужды в оккупационном статуте, потому что за это время мирный договор был бы подготовлен и заключён. В таком оккупационном статуте сейчас, четыре года спустя после победы над Германией, нет никакой необходимости; оккупационный режим на протяжении этих четырёх лет действовал без этого статута, и действовал неплохо, пока существовал Контрольный совет, несмотря на все недостатки его работы.

— Теперь, спустя четыре года, — продолжал Вышинский, — вместо того, чтобы принять все меры к подготовке мирного договора, нам предлагают какой-то оккупационный статут. Этот статут нельзя рассматривать иначе, как средство оттяжки заключения мирного договора. Но оккупационный статут преследует, очевидно, и другие цели.

Вышинский отметил, что оккупационный статут рассчитан на закрепление раскола Германии, являющегося следствием деятельности США, Великобритании и Франции, наблюдавшейся уже с 1946 года и особенно в течение последних 18 месяцев в Западной Германии.

— Оккупационный статут, — сказал Вышинский, — предназначен для того, чтобы закрепить раскол Германии, и поэтому его нельзя охарактеризовать иначе, как выражение той раскольничьей политики, которая ведёт к закреплению расчленения Германии. Эта политика решительно противоречит принципам Потсдама. Однако нарушение принципов Потсдамского соглашения с известного времени западные державы считают не пороком, а добродетелью...

Коснувшись заявления Шумана о том, будто бы всё то, что западные державы осуществили в своих оккупационных зонах за последние 18 месяцев, не только не было направлено против Потсдама, а являлось «логическим развитием того, что было предусмотрено в Потсдамском соглашении на время оккупации до подписания мирного договора», — Вышинский сказал:

Это утверждение опровергнуть нетрудно, потому что оно искажает действительность. В действительности всё то, что было сделано в западных зонах Германии за последние 18 месяцев, не только не соответствует Потсдамскому соглашению, но является прямым нарушением этого соглашения. Известно, что Потсдамское соглашение ставило задачу преобразования Германии в единое демократическое миролюбивое государство. То же, что было сделано тремя державами за эти 18 месяцев, является прямым нарушением Потсдамского соглашения, прямым отрицанием его

принципов, которые должны были определить основу внешней политики четырёх держав по отношению к побеждённой Германии.

Далее Вышинский привёл факты, характеризующие раскольническую деятельность западных держав в Германии.

2 декабря 1946 года правительства США и Англии подписали соглашение об объединении двух зон. Это соглашение послужило началом углубления раскола в Контрольном совете и того разединения, которое с течением времени увеличивалось всё больше. Можно ли допустить, что это соглашение, как говорил г-н Шуман, явилось логическим развитием потсдамских принципов, предусматривавших единство Германии? На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Потсдамское соглашение предусматривало восстановление единства Германии, при осуществлении в период оккупации верховной власти в Германии четырёхсторонним Контрольным советом. Утверждать, что соглашение США и Англии о создании Бизонии является логическим развитием принципов Потсдамского соглашения, можно лишь насилуя факты и логику.

12 февраля 1947 года американский и английский командующие, отказавшись от четырёхстороннего проведения декартелизации Германии, ввели в действие в одностороннем порядке закон № 56 о декартелизации. Это было сделано невзирая на то, что Потсдамским соглашением задача декартелизации была возложена на Контрольный совет. Таким образом, Потсдамское соглашение было и на этот раз нарушено.

19 апреля 1947 года было заключено отдельное англо-франко-американское соглашение об экспорте и распределении рурского угля — новое нарушение Потсдамского соглашения.

29 мая 1947 года США и Англия создали в Бизонии экономический совет, исполнительный комитет и ряд других двухзональных органов с широкими полномочиями государственного характера, — мероприятия, грубо нарушавшие соглашение четырёх держав. 10 сентября 1947 года было подписано отдельное англо-американское соглашение о Руре.

Происходившее в феврале — марте 1948 года, а затем и позже в Лондоне трёхстороннее англо-франко-американское совещание по германскому вопросу приняло целый ряд решений, опрокидывающих Потсдамское соглашение.

20 марта 1948 года главнокомандующий советской оккупационной зоны в Контрольном совете просил трёх других главнокомандующих информировать Контрольный совет о решениях, принятых в Лондоне. Когда в этой информации было отказано, заседание было закрыто.

— Г-н Шуман пытался представить дело таким образом, что это обстоятельство решило судьбу Контрольного совета, — сказал Вышинский, — что решения, закрепившие раскол Германии, якобы были результатом вынужденных обстоятельств. Он говорит, что не было никакой другой основы, кроме трёхсторонней, и что поэтому нельзя винить западные державы в том, что ими был принят ряд решений, закреплявших раскол Германии. Но почему же перестала существовать четырёхсторонняя основа? Не потому ли, что 2 декабря 1946 года, 12 февраля 1947 года, 19 апреля 1947 года, 29 мая 1947 года, 10 сентября 1947 года, в феврале, марте и июне 1948 года три державы очень удобно расположились на трёхсторонней основе, совершенно игнорируя четвёртого партнёра, а

вместе с тем игнорируя и обязательства, взятые ими на себя по Потсдамскому соглашению? Факты говорят о том, что последовательность событий была иной, нежели это представляют здесь три западных министра: сначала были осуществлены трёхсторонние раскольнические действия, которые и привели к уничтожению четырёхсторонней основы. Отсюда и все последствия — Вашингтонское соглашение с его оккупационным статутом, закрепляющим трёхсторонний контроль, так называемая «боннская конституция» и т. д., и т. п. Таковы факты, — сказал Вышинский, — и эти факты, мне кажется, могут служить прекрасным примером того, что означает французская пословица, которую приводил здесь Ачесон; по-русски она переводится так — «ставить телегу впереди быков». Эту пословицу приводят тогда, когда факты представляют не в их естественной последовательности, а так, как этого хочется. Подобным образом действуют тогда, когда хотят доказать, что чёрное — не чёрное, а белое. Это, между прочим, никогда никому не удавалось.

Далее Вышинский коснулся предложения западных держав о том, чтобы решения в четырёхстороннем контрольном органе — «верховной комиссии» — принимались не на основе принципа единогласия, а по большинству голосов. Он напомнил, что положение о контрольном механизме в Германии прямо требует, чтобы решения Контрольного совета принимались единогласно. Вся деятельность Контрольного совета, как и Совета министров иностранных дел, строилась на основе этого принципа.

— Предложения трёх держав, — продолжал Вышинский, — отрицают этот принцип. Отказ от принципа единогласия является нарушением ранее состоявшихся четырёхсторонних соглашений и прямым отказом от сотрудничества в международных делах. Такое предложение означает попытку стать на путь диктата. И нетрудно, конечно, представить себе, какая картина получилась бы в четырёхстороннем контрольном органе, в основу деятельности которого не был бы положен принцип единогласия, особенно теперь, когда три державы договорились между собою на той основе, которая, как это было здесь показано, противоречит принципам Потсдамского соглашения.

Я уже говорил, что отказ от принципа единогласия в пользу «голосования по большинству» означает попытку ввести такой метод, который давал бы возможность навязывать решения трёх четвёртому. По отношению к Советскому Союзу такой метод не может иметь никакого успеха. Нам говорят, что это не диктат. Но что же это такое, если трое решают против четвёртого и четвёртый должен подчиняться этим трём? Этот принцип не годится при решении международных дел, потому что за этим круглым столом, как и за круглым столом в Контрольном совете, сидят представители равноправных суверенных государств и принимать решения против воли одного из участников этого решения значит пытаться осуществлять метод диктата.

Вышинский подчеркнул, что противники принципа единогласия, стремясь обеспечить себе решающее слово при любых обстоятельствах, не довольствуются даже методом голосования по большинству. Он напомнил, что пятый пункт Вашингтонского соглашения о трёхстороннем контроле предусматривает, что в некоторых случаях голосование в трёхстороннем контрольном органе должно осуществляться... пропорционально денежным средствам, предоставляемым иностранными держа-

вами правительству Германии. Больше того, в этом пункте оговорено, что в известных случаях решающий голос будет сохраняться за Соединёнными Штатами Америки при всех условиях.

— Я уже обращал внимание на этот пункт, — сказал Вышинский. — Но я что-то не слышал каких-либо замечаний по поводу нашей критики этого пункта, поражающего своей антидемократичностью. Этот вид голосования — не просто диктат, а какая-то финансовая диктатура. Это не большинство, не единогласие, а одногласие. Это такой порядок, когда один из членов контрольного органа получает право решать за всех. Такое голосование было бы справедливо назвать «долларовым голосованием», поскольку речь идёт о решающей роли США в случае предоставления ими Германии долларовой «помощи». Всё ставится в зависимость от того, сколько денег дали взаймы на так называемую помощь Германии Соединённые Штаты. Это довольно дорогая цена за так называемую «помощь», если говорить с точки зрения принципов демократии.

В заключение Вышинский подчеркнул, что предложения западных держав неприемлемы с точки зрения Потсдамского соглашения, с точки зрения принципов демократии, с точки зрения интересов германского народа и интересов мирного урегулирования в Германии и в Европе в целом.

— Поэтому, — сказал Вышинский, — советская делегация не может принять эти предложения; она не может согласиться ни с этими предложениями в целом, ни с их отдельными пунктами. Повторяю, — дело идёт не о деталях, а об основном. Поэтому мы отклоняем эти предложения. В то же время мы вынуждены констатировать, что эти предложения были продиктованы стремлением навязать волю трёх четвёртому, стремлением закрепить раскол Германии, отказавшись от какого бы то ни было реального осуществления задачи восстановления единства Германии. Эти предложения нельзя не рассматривать как завершение той расколочившей деятельности западных держав в Германии, о которой советское правительство не раз говорило в официальном порядке и о которой советская делегация должна была напомнить сегодня. Предложения, представленные тремя западными державами, являются логическим завершением систематических нарушений принципов Потсдамского соглашения со стороны правительств США, Великобритании и Франции.

«Известия» № 127 (9967)
от 1 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (1 июня)

Для характеристики федерального устройства недостаточно наличия местных органов законодательной и исполнительной власти. Более всего важен объём этой власти и особенно объём той власти, которая предоставляется центральному правительству. Сторонники федерализации Германии, как на это мы уже обращали внимание в предыдущих

выступлениях, придерживаются положения, что все полномочия должны быть переданы землям, а центральному правительству должна принадлежать лишь ограниченная сфера государственного управления. Этот принцип нашёл своё выражение и в так называемой «боннской конституции», которая, вследствие своей недемократичности, не может служить основой для восстановления единства Германии, умаляет значение центральной власти, предоставляет правительствам земель большие полномочия за счёт ослабления центрального правительства.

В этом суть. Вот почему советская делегация не может согласиться с точкой зрения г-на Шумана по этому вопросу.

Второе моё замечание будет относиться к вопросу, поставленному г-ном Бевинном.

В своём предыдущем заявлении г-н Бевин поставил перед советской делегацией вопрос: «Придерживается ли советское правительство старой позиции относительно образования общегерманского правительства». В связи с этим я должен заявить, что советское правительство никогда не отказывалось и не отказывается от своих предложений по этому вопросу, которые вносились на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел, где, как известно, эти предложения были отвергнуты западными державами. Я должен напомнить, что ещё на Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте 1947 года советское правительство предлагало создать временное германское правительство. Это предложение советского правительства не было принято правительствами США, Великобритании и Франции. На следующей сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне, в ноябре 1947 года, советское правительство вновь внесло предложение об образовании общегерманского демократического правительства. В этом предложении, которое можно найти в документе сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне за № 47 (л) 9 от 27 ноября 1947 года, говорилось: «Признать безотлагательным образование общегерманского демократического правительства в соответствии с решениями Потсдамской конференции».

Одновременно министр иностранных дел СССР указал тогда же на то, что вопрос об образовании общегерманского демократического правительства нельзя дальше откладывать. «Такое откладывание, — говорил министр иностранных дел СССР В. М. Молотов 26 ноября 1947 года, — наносит ущерб не только германскому народу, но и другим народам Европы, заинтересованным в скорейшем установлении прочного мира во всей Европе».

Однако, как известно, это предложение западными державами было вновь отвергнуто.

Тот факт, что советское правительство на настоящей сессии Совета министров иностранных дел внесло предложение об образовании Общегерманского Государственного Совета в качестве органа, предшествующего образованию общегерманского правительства на основе проведения всеобщих демократических выборов, объясняется тем, что советское правительство желает облегчить возможность достижения общего соглашения.

Таким образом, позиция советского правительства по вопросу об образовании общегерманского демократического правительства, чем интересовался г-н Бевин, остаётся неизменной. Если три державы—

Соединённые Штаты Америки, Великобритания и Франция — согласны принять за основу для обсуждения предложения по данному вопросу, которые были внесены советской делегацией на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел, то советская делегация, разумеется, готова обсудить вопрос о мероприятиях по созданию общегерманского демократического правительства на этой основе.

Советская делегация вновь обращает внимание на то, что предложения трёх держав по вопросу об образовании общегерманского правительства не могут послужить основой для достижения соглашения, поскольку эти предложения предусматривают образование общегерманского правительства на базе так называемой «боннской конституции».

Я не вижу необходимости повторять соображения, которые были уже высказаны советской делегацией по поводу недемократичности так называемой «боннской конституции», при помощи которой пытаются навязать германскому народу федеративное устройство, вызывающее протесты со стороны широких германских демократических кругов. Мы указывали уже на то, что германский народ был лишён возможности принять участие в обсуждении этой конституции, где отсутствуют положения, которые ограничивали бы господствующую роль германских монополий и юнкерства, являвшихся вдохновителями и организаторами германской агрессии и служивших опорой гитлеровского режима. К недостаткам так называемой «боннской конституции» необходимо также отнести и то, что эта конституция была выработана с нарушением демократических принципов искусственно подобранной небольшой группой лиц.

Уже сказанное показывает, что так называемую «боннскую конституцию» отнюдь нельзя считать демократической и что в силу этого она не может служить базой для образования общегерманского демократического правительства. Повторяю, если Соединённые Штаты Америки, Великобритания и Франция согласны принять за основу обсуждения предложения, внесённые советским правительством на Московской, а затем и на Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел, советская делегация готова обсудить мероприятия по созданию общегерманского демократического правительства на этой основе.

ОБСУЖДЕНИЕ БЕРЛИНСКОГО ВОПРОСА

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В начале своего выступления Вышинский подтвердил правильность толкования советского предложения о восстановлении Межсоюзной комендатуры, данного Ачесоном. «Г-н Ачесон сказал, что мы предлагаем восстановить Межсоюзную комендатуру на прежней основе. Это правильно. Ачесон предложил обсудить здесь основные вопросы, связанные с этой проблемой. Такое предложение, конечно, совершенно резонно, — не придя к взаимопониманию в основных вопросах, трудно и едва ли целесообразно углубляться в детали».

Коснувшись заявления Ачесона о том, что представители США находятся в Берлине и оккупируют свой сектор по праву, на основании международных соглашений, Вышинский сказал:

— Это очень важное утверждение. Если США действительно находятся в Берлине по праву, вытекающему из международных соглашений, то отсюда вытекает обязательство для правительства США соблюдать эти соглашения, а не представлять дело таким образом, будто бы этих соглашений не существует. Если бы эти соглашения были зачёркнуты, то была бы потеряна та правовая почва, о которой говорил Ачесон. Если нет международных соглашений, то как может существовать право, вытекающее из этих соглашений и определяющее их? Я не собираюсь оспаривать того, что американские, английские и французские оккупационные власти находятся в соответствующих секторах Берлина в силу международного соглашения. Но о чём идёт речь в этом соглашении о четырёхстороннем управлении Берлином? Оккупационные власти США, Англии и Франции находятся в Берлине не для того, чтобы там просто пребывать. Они находятся там для того, чтобы выполнять определённые функции по управлению Берлином, причём международное соглашение предусматривает четырёхстороннюю основу этого управления.

Вышинский напомнил, что делегация СССР предлагает не учреждать заново Межсоюзную комендатуру в Берлине на каких-то новых принципах, а восстановить эту комендатуру с тем, чтобы она действовала в соответствии с международным соглашением, являющимся источником права в этой области.

— Мне совершенно непонятно, — продолжал Вышинский, — как можно сочетать утверждение о том, что участие западных держав в управлении Берлином опирается на международное соглашение и на четырёхстороннюю основу, с отрицанием того метода решения вопросов, который единственно возможен при четырёхсторонней основе, — метода единогласия. Этот метод применялся до того, как Межсоюзная комендатура распалась, а нам известны причины, по которым она распалась. Теперь же нам говорят, что согласны восстановить комендатуру, но на какой-то новой, другой основе. Нам предлагают произвести реорганизацию основы, на которой была построена Межсоюзная комендатура, но эта реорганизация не вытекает из ранее заключённых и остающихся в силе соглашений.

Вышинский подчеркнул, что соглашение, заключённое четырьмя державами относительно четырёхстороннего управления Берлином, признало неизбежным и необходимым сотрудничество этих держав. Только на основе такого четырёхстороннего сотрудничества можно избежать беспорядка и хаоса в управлении городом, разделённым на четыре оккупационных сектора.

— Конечно, вопрос о функциях Межсоюзной комендатуры важен, — сказал Вышинский. — Но во всяком случае метод решения вопросов в пределах этих функций должен быть сохранён прежний — это метод единогласия.

Вышинский подкрепил свои соображения справкой юридического характера. Он напомнил, что в соглашении о контрольном механизме в Германии, утверждённом Европейской консультативной комиссией 1 мая 1945 года, сказано, что Межсоюзная комендатура создаётся для совместного управления районом Большого Берлина.

— Я подчёркиваю эти слова — «для совместного управления», — сказал Вышинский.

Далее Вышинский напомнил, что 18 января 1946 года четыре коменданта — представители СССР, США, Великобритании и Франции — утвердили устав Межсоюзной комендатуры города Берлина. Третий пункт этого устава гласит: «Только единогласные решения, принятые представителями всех четырёх держав, имеют силу. Вопросы, по которым не достигнуто соглашения, будут представляться высшим властям на их разрешение. Ни один документ, содержащий различные точки зрения и требующий разрешения, не будет представлен в Контрольный совет без предварительного рассмотрения его на заседании комендантов».

Ещё раньше, в первых числах июля 1945 года, на конференции представителей союзного командования по вопросу о совместном управлении Берлином было принято решение о том, что главные военные коменданты в Берлине должны осуществлять управление всеми зонами при помощи совещаний союзных военных комендантов, на которых должны решаться принципиальные вопросы и вопросы, касающиеся всех зон. При этом было указано, что решения на этих совещаниях должны приниматься единогласно.

27 ноября 1945 года в документе Координационного комитета №45/204 было сказано, что вопросы, которые будут рассмотрены Межсоюзной комендатурой и по которым не будет достигнуто единодушное решение, должны передаваться по просьбе несогласившейся стороны Координационному комитету. Совершенно ясно, что такая мера предусматривалась в целях достижения единогласия четырёх сторон.

— Иначе и не могло быть, — заметил Вышинский, — потому что нельзя осуществлять управление городом, в котором имеются четыре власти, без согласия между этими властями. Нельзя допускать такое положение, когда три власти делали бы одно, а четвёртая — другое, как нельзя, конечно, подчинять волю одной оккупационной власти решениям трёх других только потому, что три арифметически больше одного. Поэтому принцип единогласия, положенный в основу деятельности Межсоюзной комендатуры, является единственно правильным. Вот почему мы предлагаем восстановить четырёхстороннюю комендатуру на прежней основе, как правильно понял наше предложение г-н Ачесон. Мы предлагаем восстановить её на основе принципа единогласия, т. е. того принципа, который служил основой всего соглашения, обеспечившего каждой из оккупационных держав право участвовать в совместном управлении.

Совместное управление, конечно, требует и взаимного согласования всех вопросов. Ставить вопрос о том, чтобы внести какие-либо поправки в этот принцип, — значит вести дело к ликвидации этого принципа. Пытаться решать вопросы так, как захочет большинство, — значит пытаться навязать волю трёх одному. Это мешает делу и противоречит тем основным положениям и принципам, которые вытекают из международных соглашений. Но нельзя использовать международное соглашение таким образом, когда интересная и выгодная для одной из сторон часть признаётся, а невыгодная часть отбрасывается. Соглашение есть соглашение. Это международный акт, и его нужно брать в целом, а не рвать на куски.

«Известия» № 128 (9968)
от 2 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(2 июня)

— В связи со вчерашним выступлением г-на Ачесона мне хотелось бы сделать несколько замечаний по существу затронутых им вопросов, — сказал Вышинский. — Г-н Ачесон старался показать, что понятие *совместное управление*, о котором говорится в статье 7 соглашения о контрольном механизме, утверждённом Европейской консультативной комиссией, вовсе не предполагает *принципа единогласия* при решении вопросов. Г-н Ачесон сказал при этом, что соглашение, о котором вчера шла речь, не было подписано ни главами государств, ни министрами. Если г-н Ачесон имел в виду соглашение о контрольном механизме в Германии, где говорится о совместном управлении районом Большого Берлина Союзной комендатурой, то я должен напомнить, что это соглашение было подписано представителем правительства США Филиппом Мозли, представителем Великобритании Уильямом Стрэнг и представителем СССР — послом СССР в Великобритании Ф. Т. Гусевым. Дополнительный протокол о присоединении к соглашению Франции и внесении соответствующих в связи с этим изменений в первоначальное соглашение был подписан также французским представителем Массигли. Если же г-н Ачесон относил своё замечание к другим международным соглашениям, а именно к уставу Союзной комендатуры и решениям главнокомандующих о совместном управлении Берлином, то эти решения подписаны высшими представителями командования — генерал-лейтенантом Клеем (США), генерал-лейтенантом Уиксом (Великобритания), а устав подписан комендантами, которые действовали, естественно, по соответствующим полномочиям своих правительств. Поэтому и в данном случае ссылка на то, что эти соглашения не были подписаны главами правительств или министрами, не меняет дела и ни в какой мере не умаляет значения этих документов как актов международного характера.

Я думаю, — продолжал Вышинский, — что попытка г-на Ачесона доказать, что понятие совместного управления не может означать понятия единогласия, лишена основания. Я указывал, что в статье 7 соглашения о контрольном механизме говорится о совместном управлении, но я указывал также и на то, что это понятие было расшифровано в последующих документах именно как управление на основе единогласия.

Об этом, в частности, прямо говорится в уставе комендатуры, который имеет силу международного соглашения. Больше того, 17 декабря 1945 года за подписью главного начальника штаба Союзной комендатуры был препровождён Контрольному совету документ, в котором говорится, что Союзная комендатура будет выносить свои решения единогласно, причём делается ссылка именно на статью 7 соглашения о контрольном механизме в Германии.

Этот документ представляет собой решение конференции представителей союзного командования по вопросу совместного управления Берлином от 7 июля 1945 года, подписанное генерал-лейтенантом Клеем от

США и генерал-лейтенантом Уиксом от Великобритании совместно с главнокомандующим советской зоны оккупации. В нём после ссылки на статью 7 соглашения о контрольном механизме в Германии сказано:

«В целях осуществления совместного управления Берлином должна быть создана Союзная военная комендатура во главе с главным комендантом, обязанности которого должны поочередно выполняться каждым военным комендантом Союзной комендатуры Берлина в течение 15 дней. Главный военный комендант должен осуществлять управление всеми зонами Берлина, прибегая при этом к помощи совещаний союзных военных комендантов для решения принципиальных вопросов и вопросов, касающихся всех зон. Решение на этих совещаниях должны приниматься единогласно».

Таким образом, в представлении главнокомандующих совместное управление означало именно управление на основе принципа единогласия.

Г-н Ачесон вчера говорил, что управлять городом на основе единогласия невозможно. Но этому заявлению противоречат факты. Мы имеем австрийский пример, где Союзная комендатура в Вене действует на основе решений, принимаемых единогласно. Об этом ясно говорят статьи 12 и 13 соглашения о контрольном механизме в Австрии. В статье 12 этого соглашения сказано: «Решения Союзнического совета, исполнительного комитета и других подчинённых органов Союзнической комиссии должны быть единогласными». В статье 13 говорится, что «существующее в Вене межсоюзническое командование, известное ранее как комендатура, будет продолжать действовать в качестве органа Союзнической комиссии...». Таким образом, межсоюзнический контроль в Вене должен действовать на основании решений, принимаемых также единогласно. Этот пример показывает, что можно управлять городом на основе принципа единогласия, что Союзная комендатура может действовать на основе этого принципа и что вывод, к которому пришёл г-н Ачесон, является необоснованным.

Отвергая принцип единогласия, г-н Ачесон заявил, что этот принцип якобы представляет собою диктаторский способ решать дела, поскольку-де любой из решающих может по любому вопросу в любой момент заставить трёх других принять не те решения, с которыми они согласны, а какое-то другое решение. Такое рассуждение также нельзя признать правильным. В самом деле, принцип единогласия означает, что никакое решение не может быть принято, если кто-либо из участников с ним не согласен. Следовательно, не может быть и речи о навязывании решения против воли несогласующейся стороны. Наоборот, при отсутствии принципа единогласия сговорившиеся между собой стороны могут навязать своё решение меньшинству, что и означает диктат.

Отсюда нужно сделать вывод: принцип единогласия — вовсе не абстрактный метод, а реальный, установленный соглашениями четырёх держав. Он нашёл своё применение в практике работы Союзной комендатуры в Берлине и Союзной комендатуры в Вене. Это — тот принцип, который установлен международными соглашениями и международной практикой и который является единственно возможным при сотрудничестве равноправных сторон.

Говорят, что принцип единогласия не оправдал себя в работе Союзной комендатуры в Берлине. Конечно, в Союзной комендатуре возникали противоречия и разногласия, из-за которых не всегда удавалось разрешить те или иные вопросы. При всём том, однако, в течение трёх лет Союзная комендатура в Берлине всё же справлялась со своими задачами и справлялась с ними именно потому, что в основе её работы лежал принцип единогласия, обязывающий стремиться к согласованным решениям. Комендатура согласовала ряд серьёзных и трудных вопросов, например, вопрос относительно временной конституции Берлина, выработанной в 1946 году.

Поэтому ссылки на то, что якобы принцип единогласия был причиной прекращения деятельности комендатуры, являются необоснованными. Мы знаем, как произошло прекращение деятельности этой комендатуры в действительности: американский комендант Хаули во время одного из заседаний встал из-за стола и сказал:

«Ну, я пойду спать. Делать здесь мне нечего. У меня завтра много работы».

Конечно, эта выходка не могла не вызвать отпора со стороны советского коменданта, и когда Хаули отказался извиниться за свою грубую, неприличную выходку, то советскому коменданту ничего не оставалось делать, как отказаться от дальнейшего участия в работе органа, в котором было допущено такое издевательское поведение. Поэтому ссылаться на принцип единогласия как на причину крушения работы Союзной комендатуры нет решительно никаких оснований. От подобного рода грубых выходок никто и никогда не застрахован. Таковы факты.

«Известия» № 129 (9969)
от 3 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

3 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, после которого было опубликовано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами.

КОММЮНИКЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

3 июня 1949 г.

Сегодня под председательством министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел.

Министры обсуждали предложения делегации Советского Союза и предложения делегации США о Берлине.

Следующее заседание состоится 4 июня, в 15 часов.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 3 июня.

«Известия» № 130 (9970)
от 4 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

4 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, после которого было опубликовано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами:

КОММЮНИКЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
4 июня 1949 г.

Сегодня под председательством государственного секретаря США Д. Ачесона состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел.

Министры продолжали обсуждение предложений делегации Советского Союза и предложений делегации США о Берлине.

Следующее заседание состоится 6 июня.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 4 июня.

«Известия» № 131 (9971)
от 5 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

6 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, после которого было опубликовано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами:

КОММЮНИКЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
6 июня 1949 г.

Сегодня под председательством министра иностранных дел Франции Р. Шумана состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел.

Министры продолжали обсуждение предложений делегации Советского Союза и предложений делегации США о Берлине.

Завтра, 7 июня, состоится пленарное заседание Совета министров иностранных дел.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 6 июня.

«Известия» № 132 (9972)
от 7 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(7 июня)

— Перед нами стоят по существу два вопроса, — сказал Вышинский, — эти вопросы советская делегация сформулировала две недели тому назад. Речь идёт о восстановлении общегерлинского магистрата и о восстановлении Межсоюзной комендатуры Берлина.

1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕБЕРЛИНСКОГО МАГИСТРАТА

Известно, что берлинский магистрат был избран в 1946 году на основании положения о выборах, которое было утверждено представителями четырёх оккупирующих держав, и действовал до осени 1948 года. В основе деятельности магистрата лежала так называемая временная конституция Большого Берлина, также утверждённая в четырёхстороннем порядке.

Прекращение деятельности общегерлинского магистрата, несомненно, отрицательно отозвалось на жизни Берлина, значение которого, как столицы Германии, не требует особых пояснений. Делегация СССР предложила восстановить общегерлинский магистрат, поручив четырёх союзным комендантам провести в Берлине свободные общегородские выборы под четырёхсторонним контролем, имея в виду, — с чем согласились и остальные три делегации в Совете министров иностранных дел, — что этот контроль должен проводиться в таком же порядке, в каком он проводился при выборах в октябре 1946 года.

Однако в представленных 6 июня Совету министров иностранных дел предложениях США по поводу выборной процедуры говорится лишь о том, что для надзора за выборами будет назначен союзный орган в четырёхстороннем составе. В этих предложениях обходится вопрос о том, что этот контроль будет осуществляться в том же порядке, в каком он осуществлялся при выборах 1946 года.

Поскольку ко времени выборов не будет существовать магистрата, для проведения выборов в Берлине должна быть образована комиссия из немцев. Делегация СССР считает, что такая комиссия должна быть образована на паритетных началах, т. е. на основе равного представительства советского сектора, с одной стороны, и западных секторов, — с другой. Такой принцип образования комиссии является вполне целесообразным и справедливым, поскольку в результате проведённых тремя западными державами мероприятий Берлин фактически расколот на две части, каждая из которых и должна быть представлена в комиссии по проведению выборов. Предложение США о том, чтобы комиссия по выборам была составлена из равного числа представителей комендантов каждого из секторов Берлина, советская делегация не может принять. Такое предложение продиктовано явным стремлением обеспечить властям трёх западных секторов преимущественное положение при подготовке выборов и при проведении самих выборов в городское собрание и в

общегерлинский магистрат. С такими домогательствами, разумеется, нельзя согласиться, так как они лишены всякого основания.

Далее Вышинский коснулся вопроса о том, какой круг лиц должен пользоваться избирательным правом. Он указал, что делегация СССР считает необходимым пересмотреть соответствующие статьи положения о выборах 1946 года с тем, чтобы лишить круг лиц, лишённых избирательных прав. Советская делегация считает необходимым предоставить избирательные права бывшим членам нацистской партии и других нацистских организаций, за исключением тех, кто был лишён этих прав по суду.

— Это важный вопрос, и здесь нужна полная ясность, — подчеркнул Вышинский. — Между тем в предложениях США по этому поводу глухо говорится лишь о том, что закон о выборах 1946 года относительно необходимых условий участия в голосовании может быть изменён единогласным соглашением комендантов. В этих предложениях умалчивается о том, в каком направлении могут быть произведены изменения. Таким образом, важный принципиальный вопрос оставляется открытым, между тем возникает законный вопрос: почему бы по этому поводу не договориться уже сейчас в Совете министров иностранных дел?

При проведении выборов большое значение имеет право выдвижения кандидатов. В этом отношении положение о выборах 1946 года также является недостаточным и требует некоторого изменения. Статья 8 этого положения право выдвигать кандидатов предоставляет лишь разрешённым в Большом Берлине политическим партиям. Таким образом, крупнейшие общественные организации, такие, как Культурбунд, Демократический женский союз и другие, а также профессиональные союзы лишены права выдвигать кандидатов как самостоятельно, так и в блоке с политическими партиями. Это ничем не оправданное ограничение свободы выборов противоречит демократическим принципам и направлено на то, чтобы ограничить инициативу избирателей и снизить участие в выборах широких масс населения Берлина, организованного в профессиональные союзы и другие общественные организации.

Делегация Советского Союза поэтому настаивает на том, чтобы статья 8 положения о выборах 1946 года была изменена так, чтобы выдвигать кандидатов на выборах могли все разрешённые в Большом Берлине политические партии, а также все общественные организации, разрешённые Межсоюзной комендатурой.

Отметив, что в предложениях делегации США, представленных 6 июня, значительное место уделено вопросу о свободе личности, свободе слова, религии, печати, радио и т. д., защита которых должна составлять одну из основных функций властей Большого Берлина, Вышинский сказал:

— Надо сказать, что эти принципы были установлены почти четыре года тому назад Потсдамским соглашением. В этом соглашении прямо говорится об уважении свободы слова, печати, религии и т. п. Всё это повторяется теперь в предложениях США. Но почему же в американских предложениях ничего не сказано о свободе выборов, о том, что эта свобода должна быть обеспечена, о том, что не должно быть ограничений свободы выборов, нарушающих элементарные демократические принципы? Почему в этих предложениях ничего не сказано о том, что население, организованное в профессиональные союзы и другие общественные органи-

зации, должно иметь беспрепятственное право выдвигать своих кандидатов и бороться за то, чтобы эти кандидаты были избраны в городское собрание депутатов, а затем и в магистрат? Это существенный пробыл, и делегация СССР своим предложением об изменении статьи 8 положения о выборах стремится устранить этот пробыл.

Далее Вышинский отметил, что делегация США настаивает на исключении из утверждённой в 1946 году временной конституции Большого Берлина статьи 36. В этой статье говорится, что все постановления, принятые городским собранием депутатов, а также постановления и распоряжения, издаваемые городским магистратом, должны находиться в соответствии с законами и приказами союзных властей в Германии, Союзной комендатуры Большого Берлина и должны утверждаться последней.

— Советская делегация не может согласиться с предложением делегации США об исключении статьи 36, — сказал Вышинский. — Это предложение означает отказ от права Межсоюзной комендатуры утверждать мероприятия берлинского магистрата, что умаляет роль Межсоюзной комендатуры в управлении Берлином и не соответствует значению этой комендатуры, как органа, несущего ответственность за состояние Берлина и за его управление.

В то же время Вышинский отметил, что делегация СССР, настаивая на сохранении статьи 36 временной конституции Большого Берлина, считает необходимым внести в эту статью изменения, вытекающие из расширения функций общегерлинского магистрата и ограничения функций Межсоюзной комендатуры. Согласно советскому предложению, утверждению Межсоюзной комендатуры подлежат лишь те постановления городского собрания и магистрата, которые приняты по вопросам, относящимся к компетенции Межсоюзной комендатуры, а таких вопросов немного. Кроме того, утверждение Межсоюзной комендатуры, согласно советским предложениям, требуется для тех постановлений городского собрания или магистрата, которые будут опротестованы перед Межсоюзной комендатурой комендантом какого-либо сектора. Надо полагать, что и таких случаев будет, конечно, немного.

Мы считаем необходимым, — заметил Вышинский, — статью 36 с указанным выше изменением оставить в силе. Этого требуют интересы дела и сознание лежащей на оккупационных властях ответственности за обеспечение нормальной жизни Берлина.

Перейдя к вопросу о функциях общегерлинского магистрата, Вышинский напомнил, что делегация СССР предлагает оставить за городским собранием депутатов и общегерлинским магистратом весь объём вопросов, относящихся к муниципальной, в широком смысле этого слова, жизни Берлина. К компетенции городского собрания и магистрата отнесены, в частности, вопросы снабжения; общегородских финансов, включая общегородской бюджет, кредит, цены и налоги; топливо; городской транспорт; связь (почта, телеграф, телефон); полиция и поддержка общественного порядка; внешнеторговые операции; назначение, увольнение и перемещение руководящего состава общегерлинских органов управления; жилищностроительные дела; местные дела; вопросы культуры; правовые вопросы; вопросы образования и искусства; здравоохранения; труд; кадры; социальное обеспечение; коммунальное хозяйство и городские предприятия; торговля и промышленность.

Вышинский отметил, что многие из этих вопросов, согласно предложениям делегации СССР, должны быть отнесены к исключительной компетенции городского собрания и общегородского магистрата. Межсоюзная комендатура может рассматривать такие вопросы лишь в том случае, если на решение городского собрания или общегородского магистрата поступит возражение со стороны какого-либо из четырёх комендантов; в таком случае опротестованное решение вступает в силу лишь после утверждения его Межсоюзной комендатурой. Делегация СССР к этому пункту вносит дополнение в том смысле, что в случае разногласий в Межсоюзной комендатуре по поводу протестов на решение магистрата или городского собрания решение вопроса должно быть перенесено на рассмотрение вышестоящей инстанции и не будет приводиться в исполнение до достижения соглашения. Это в точности соответствует статье 3 устава Межсоюзной комендатуры Берлина 1946 года, предусматривающей такой порядок.

— Мы хотим, таким образом, сохранить это уставное положение, — сказал Вышинский. — Какие основания ломать устав Межсоюзной комендатуры, утверждённый почти три года назад и полностью оправдавший себя на практике? Никаких! Однако три делегации предлагают нам произвести такую ломку.

Вышинский напомнил, что делегация США предлагает распространить на Берлин порядок, применяемый в Австрии. В Австрии действия австрийского правительства считаются одобренными, если со стороны союзных властей не последует неодобрения в течение определённого срока. Делегация США предложила, чтобы законодательные постановления и распоряжения властей Большого Берлина, относящиеся к широкому кругу вопросов, также автоматически вступали в силу, если они не будут опротестованы Межсоюзной комендатурой в течение 21 дня с момента их представления комендатуре.

— С таким предложением нельзя согласиться, — сказал Вышинский, — так как условия, существующие в Австрии, отличаются от условий, существующих в Германии. В отличие от Германии, как известно, Австрия не рассматривается как побеждённая вражеская страна; и к моменту заключения в 1946 году соглашения о контрольном механизме в Австрии там уже имелось правительство, признанное Советским Союзом, Соединёнными Штатами, Англией и Францией. Этим и объясняется отличие в организации союзного контрольного механизма в Австрии от организации союзного контрольного механизма в Германии. Этот механизм, в том числе и в Берлине, был построен на иной основе, чем контрольный механизм в Австрии. Это, в частности, отражено в уставе Межсоюзной комендатуры Берлина и в конституции Берлина 1946 года. Согласно этим положениям, единогласное решение Межсоюзной комендатуры требуется не для отмены постановлений магистрата, а для введения в действие этих постановлений. Поэтому должно быть ясно, что правило союзнического соглашения по Австрии совершенно неприменимо к Германии и, в частности, к Берлину. Оно находится в полном противоречии с уставом Межсоюзной комендатуры 1946 года и с временной конституцией Берлина. Оно превратно изображает задачи Межсоюзной комендатуры Берлина и отношения, которые должны существовать между Межсоюзной комендатурой Берлина, с одной стороны, и об-

щегородским магистратом и городским собранием депутатов, с другой стороны.

Вышинский напомнил, что в американских предложениях говорится, что вновь избранное городское собрание Берлина будет уполномочено подготовить проект новой конституции для Большого Берлина. Мы считаем, — сказал он, — что в этом случае оно должно действовать в соответствии со статьёй 35 временной конституции Берлина, предусматривающей выработку новой конституции и вовсе не предполагающей закрепить на неопределённо долгий срок особое положение Берлина. Поэтому советская делегация предлагает средактировать соответствующий пункт постановления Совета министров иностранных дел по берлинскому вопросу следующим образом: «Вновь избранное городское собрание Берлина будет уполномочено подготовить проект новой конституции для Большого Берлина в соответствии с положениями статьи 35 конституции Берлина 1946 года».

Таковы вопросы, касающиеся общегородского магистрата Берлина и городского собрания, на которых делегация СССР считала необходимым сегодня остановиться.

2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ МЕЖСОЮЗНОЙ КОМЕНДАТУРЫ

— Делегация СССР, — продолжал Вышинский, — предложила восстановить Межсоюзную комендатуру. Это необходимо для того, чтобы можно было координировать общегородские мероприятия по управлению Берлином и обеспечить нормальную жизнь Берлина в целом. С этой задачей связан вопрос о функциях Межсоюзной комендатуры. Делегация СССР в этом случае исходит также из устава Межсоюзной комендатуры, на основе которого до осени 1948 года строились отношения между городским собранием и магистратом, с одной стороны, и Межсоюзной комендатурой — с другой.

Делегация СССР для осуществления указанных целей координации и обеспечения нормальной жизни Берлина предлагает ограничить функции Межсоюзной комендатуры, отнеся подавляющее большинство вопросов к компетенции городского собрания и магистрата. Таковы вопросы, относящиеся к снабжению Берлина, городскому транспорту, финансам, включая и бюджет, кредиты, цены, налоги, к топливу, электроэнергии, связи, назначению и увольнению руководящего состава общегородских органов управления, полиции и поддержанию общественного порядка и др. Все такие вопросы относятся к компетенции городского собрания депутатов и общегородского магистрата и подведомственны Межсоюзной комендатуре лишь в части контроля за деятельностью берлинского муниципалитета в соответствующих областях.

К компетенции Межсоюзной комендатуры, — можно было бы сказать: к исключительной компетенции Межсоюзной комендатуры, — относятся лишь вопросы о контроле за соблюдением временной конституции 1946 года, надзор за содержанием военных преступников, осуждённых нюрнбергским Международным трибуналом, некоторые вопросы общественной безопасности и те вопросы экономического и административного характера, решение которых связано с мероприятиями, проводимыми оккупационными властями.

Стоит только сравнить изложенные предложения делегации СССР о функциях Межсоюзной комендатуры с предложениями делегации США, чтобы убедиться в том, что американская делегация и поддерживающие её английская и французская делегации домогаются придать Межсоюзной комендатуре другой характер, когда они включают в компетенцию Межсоюзной комендатуры такие вопросы, как демилитаризация, деконцентрация, декартелизация, репарации, реституция и т. д., — вопросы, относящиеся к компетенции Контрольного совета, и не включают в компетенцию этой комендатуры вопросы, связанные с контролем за обеспечением Берлина топливом, продовольствием, транспортом, связью, электроэнергией и т. д. При таком положении становится ясным, насколько беспочвенны и лишены всякого основания попытки американской делегации возражать против советских предложений, ссылаясь на то, будто бы, согласно этим предложениям, ни один вопрос в Берлине не может быть решён без Союзной комендатуры...

Мы уже показали выше, какой широкий круг вопросов отнесён предложениями делегации СССР к компетенции общегерманского магистрата, который имеет право по всем этим вопросам действовать самостоятельно без предварительного утверждения его решений Межсоюзной комендатурой.

Делегация СССР стоит на том, что все решения комендатуры, как это предусмотрено статьёй 3 устава Межсоюзной комендатуры Берлина 1946 года, должны приниматься единогласно. Единогласные решения необходимы по всем вопросам, входящим в компетенцию Межсоюзной комендатуры. Они необходимы при утверждении постановлений городского собрания депутатов и общегерманского магистрата. Они необходимы при рассмотрении протестов на решения местных берлинских властей — городского собрания и магистрата. Только при единогласном утверждении таких решений будет обеспечено нормальное течение жизни в Берлине.

В заключение Вышинский коснулся вопроса об оккупационных расходах по Берлину. Он отметил, что делегация СССР исходит из необходимости добиваться сокращения оккупационных расходов до минимума методами, которые подлежат согласованию на четырёхсторонней основе.

«Известия» № 133 (9973)
от 8 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (8 июня)

В начале своего выступления Вышинский напомнил, что Ачесон возражал против предложения делегации СССР об организации комиссии по подготовке и проведению выборов в Берлине из немцев на паритетных началах, т. е. на основе равного представительства советского сектора, с одной стороны, и западных секторов — с другой. Ачесон, а вслед за ним Бевин и Шуман предлагали, чтобы в комиссию по выборам были вве-

дены в равном количестве представители каждого из четырёх секторов Берлина.

— Я думаю, — сказал Вышинский, — что нетрудно убедиться в неосновательности позиции, занятой г-ном Ачесоном. Комиссия по выборам, о которой идёт речь, должна быть составлена из представителей от немецкого населения, а не из представителей оккупационных властей. В предложениях США от 6 июня говорится, что эта комиссия должна быть составлена из равного числа представляющих общественное мнение немцев. Эта комиссия, таким образом, не является органом, представляющим оккупационные власти, и потому при разрешении вопроса о формировании этой комиссии нельзя выдвигать такие мотивы, как равноправие четырёх оккупационных властей. Что касается принципа равноправия оккупационных властей, то советская сторона всегда, когда дело идёт об управлении Германией, считает необходимым применять единственно возможную четырёхстороннюю основу. В данном же случае дело идёт о другом — о немецком представительстве, и здесь мы никак не связаны соображениями четырёхстороннего порядка.

Мы предлагаем положить в основу формирования избирательной комиссии из немцев принцип паритета. Я уже говорил, защищая это предложение, что Берлин по существу расколот на две части и что с этим фактом нужно считаться. Ачесон настаивает на том, чтобы в комиссию были введены представители от каждого сектора Берлина в равном количестве. Но немецкое население, живущее в трёх западных секторах Берлина, не разделено какими-либо межсекторными административными перегородками. Наоборот, нам неоднократно говорили, что три западных сектора представляют собою единое целое и в экономическом, и в административном отношениях. Известно, что в этих трёх секторах имеются единая полиция, единая банковская система, единый транспорт, управляемый из одного «трёхсекторного» центра, единое управление промышленностью трёх секторов. Там есть единый магистрат, причём выборы в этот магистрат проводились по единым спискам для всей западной части Берлина, а не для каждого сектора в отдельности. Поэтому ничем не может быть оправдано требование образовать общегерманскую комиссию по выборам не из представителей этих двух частей, на которые фактически расколот Берлин, а из равного количества представителей от каждого сектора.

Такое требование делегации США и поддерживающих её делегаций Англии и Франции можно объяснить лишь стремлением обеспечить в подготовке и проведении выборов преимущественное положение за представителями западных секторов Берлина; при этом, очевидно, имеется в виду, что эти представители должны представлять в действительности не немецкое население этих секторов, а оккупационные власти в лице комендантов каждого отдельного сектора.

Вышинский подчеркнул, что в условиях, в которых находится сейчас Берлин, единственно разумным и справедливым принципом образования избирательной комиссии является принцип паритета, а не какой-либо другой принцип. Этот принцип и предлагает делегация СССР положить в основу образования избирательной комиссии.

Далее Вышинский коснулся возражений Ачесона, Бевина и Шумана против советского предложения о том, чтобы общественным организа-

циям было предоставлено право выдвигать своих кандидатов на выборах в городское собрание Берлина.

— Ачесон согласен с тем, — сказал Вышинский, — чтобы члены общественных организаций имели право, как он сказал, «маршировать с флагами и значками по улице», но предоставить этим организациям право выдвигать своих кандидатов в городское собрание ни он, ни г-н Бевин, ни г-н Шуман не согласны. В оправдание такой позиции противники советского предложения не представили ни одного серьёзного аргумента. Ачесон сказал лишь, что он против такого «маскарада», считая, повидимому, что выдвижение общественными организациями своих кандидатов имеет целью замаскировать действительный смысл и значение такого выдвижения. Конечно, это неубедительно и даже несерьёзно. Общественные организации есть общественные организации. Каждая из них имеет свою программу, имеет своё общественное лицо. Каждым своим действием и всей своей деятельностью в целом та или иная общественная организация демонстрирует эту программу и своё общественное лицо.

О каком же «маскараде» в таком случае может идти речь?

Возникает, однако, естественный вопрос — почему же общественным организациям хотят отказать в праве выдвигать своих кандидатов на муниципальных выборах?

Ответ может быть лишь один. Это можно объяснить лишь стремлением ограничить участие в выборах широких кругов берлинского населения. Хотят ограничить их инициативу и снизить их активность, чтобы легче было провести своих кандидатов и чтобы легче затем было использовать муниципалитет в своих политических целях.

Вышинский напомнил, что Шуман третьего июня на заседании Совета министров иностранных дел подчеркнул, что дело идёт не о городских выборах, а о политических выборах. Шуман подчеркнул также, что в результате выборов в Берлине будет организовано фактически «учредительное собрание», призванное выработать конституцию, причём эта конституция якобы не должна быть чисто муниципальной.

— Не здесь ли, — спросил Вышинский, — нужно искать ответ на вопрос о том, почему при создании берлинского муниципалитета западные державы не хотят уделить должное внимание вопросам, связанным с организацией муниципального хозяйства — таким, как снабжение берлинского населения топливом, продовольствием, электроэнергией, водой, как забота о просвещении, больницах и т. д.? Все эти вопросы они оставляют в стороне, сосредоточивая внимание на проблемах политического характера и представляя сам берлинский муниципалитет чем-то вроде «учредительного собрания».

Конечно, на долю политических партий должна выпасть наиболее ответственная и руководящая роль при проведении выборов в берлинский муниципалитет. Но если правильно понимать задачу муниципальных выборов, то нельзя отстранять общественные организации от активного участия в проведении этих выборов. Им должно быть предоставлено право выдвигать своих кандидатов, а не только устраивать прогулки по улицам с флагами и значками. Общественные деятели, выдвигаемые этими организациями, могут принести своим опытом и знанием дела большую пользу; они могут и должны явиться лучшими строителями новой жизни города, особенно такого, как Берлин, являющийся столицей Германии.

Вот почему советская делегация отстаивает право общественных организаций на выдвижение кандидатов в берлинское городское собрание и рассматривает отказ от предоставления им такого права, как нарушение демократических порядков.

Далее Вышинский перешёл к предложению делегаций западных держав об исключении из временной конституции Берлина статьи 36, в которой говорится, что все постановления городского собрания депутатов и муниципалитета должны находиться в соответствии с законами и приказами союзных властей в Германии, Союзной комендатуры Большого Берлина и должны утверждаться последней. Требуя исключения статьи 36, делегации США, Англии и Франции стремятся представить дело таким образом, что они выступают за расширение прав и полномочий городского собрания и магистрата и за ограничение компетенции комендатуры.

— Так ли это в действительности? — сказал Вышинский. — Обратимся ко всем известному подписанному в Вашингтоне в апреле 1949 года так называемому оккупационному статуту трёх держав в отношении Германии и к особому оккупационному статуту для Берлина, утверждённому тремя державами 14 мая 1949 года. Если внимательно ознакомиться с этими двумя документами и особенно со статутом для Берлина, то оказывается, что трёхсторонняя Межсоюзная комендатура получает очень широкие полномочия. В компетенцию трёхсторонней комендатуры входят и разоружение, и репарации, и реституция, и декартелизация, и вопрос о перемещённых лицах, и надзор за внешней торговлей и за обращением иностранной валюты, и контроль над соблюдением временной конституции Берлина 1946 года, и контроль за внутренними делами, и ряд других вопросов. В полномочия комендатуры входят и контроль над берлинской полицией, и надзор за банковским делом и за кредитной политикой и т. д., и т. п. Таким образом, все существенные вопросы, касающиеся Берлина, не отнесены к компетенции одного лишь магистрата, а подлежат ведению также трёхсторонней Межсоюзной комендатуры. Такова линия, которая проводится и сейчас в предложениях делегации США. Разница заключается лишь в редакции формулировок.

Согласно этим предложениям, Союзная комендатура должна давать директивы берлинским властям по целому ряду вопросов. При этом, когда говорится о разоружении и демилитаризации, в компетенцию комендатуры включается и контроль над научной работой, и контроль над ограничениями в отношении промышленности и гражданской авиации. Далее предусматривается, что компетенция комендатуры будет распространена на репарации, реституцию, декартелизацию, деконцентрацию и т. д. Во всех этих областях муниципалитет не будет иметь права действовать самостоятельно.

Согласно второму пункту американских предложений, немецким властям Большого Берлина предоставляется ряд полномочий, однако, как сказано в этом пункте, комендатура сохраняет за собой право «действовать непосредственно» и в этой области. Таким образом, берлинский магистрат не получает права действовать самостоятельно и в отношении тех вопросов, которые указаны во втором пункте американских предложений.

Имеются ещё три категории вопросов, в отношении которых берлинские власти, согласно американским предложениям, также не в праве действовать самостоятельно: внесение поправок к временной конституции, принятие новой конституции и внесение последующих к ней поправок.

— Таковы вопросы, — заключил Вышинский, — в разрешении которых берлинский магистрат, согласно предложениям США, должен быть связан контролем Межсоюзной комендатуры или просто «непосредственной деятельностью» комендатуры, которая будет принимать по всем этим вопросам известные решения.

Здесь представители западных делегаций указывали, что американские предложения якобы имеют то преимущество, что они передают известный круг вопросов на полное усмотрение берлинского магистрата с тем, чтобы магистрат решал эти вопросы без какого-либо участия со стороны Межсоюзной комендатуры.

Правильна ли такая постановка вопроса?

Мы считаем, что она принципиально неправильна. Межсоюзная комендатура не может безразлично относиться к таким вопросам, как снабжение Берлина продовольствием, топливом, электроэнергией, водой, газом, как состояние городского транспорта. Все эти вопросы затрагивают существенные нужды населения. Поэтому Межсоюзная комендатура обязана проявлять к ним серьёзное внимание. Она не вправе упускать их из своего поля зрения.

— Утверждение решений магистрата и контроль, — продолжал Вышинский, — не ограничивают компетенцию магистрата, они представляют собою лишь форму помощи магистрату. О контроле, конечно, можно судить различно. Можно представить себе контроль в виде формального чиновничьего наблюдения за тем, что делается, в виде чиновничьего штемпелевания, без души и заинтересованности. Это, действительно, способно затормозить всякую жизнь. Но может быть и иной контроль — активный и благодетельный, помогающий контролируемому органу лучше действовать, лучше работать. Мы понимаем контроль именно так. Это — живое сотрудничество контролирующей инстанции с нижестоящей, находящейся под контролем. Это — содействие и помощь органу, несущему известную ответственность за решение тех или иных задач.

В пункте первом устава Межсоюзной комендатуры 1946 года сказано: «Функции комендатуры заключаются в регулировании всех городских дел, являющихся общей заботой оккупирующих держав, и контроль над деятельностью немецких городских властей». Здесь слово «контроль» не случайно связано со словом «забота».

Касаясь попыток Ачесона представить дело таким образом, будто бы советские предложения продиктованы стремлением обеспечить широкое применение «вето» в практике Межсоюзной комендатуры, Вышинский показал беспочвенность подобных заявлений.

— Вчера г-н Ачесон говорил: «Я не хочу, чтобы к результатам выборов, которые будут происходить в Берлине, применялось вето, как это было в 1946 году».

Г-н Ачесон, — сказал Вышинский, обращаясь к государственному секретарю США, — такого факта не было и результаты выборов 1946 года никакому «вето» никогда не подвергались.

Вышинский процитировал протокол 30-го заседания комендатуры от 5 ноября 1946 года, в котором изложен ход выборов и дана оценка этих выборов со стороны комендантов. В протоколе, в частности, сказано: «Американский представитель согласен с председателем (председательствовал советский представитель) в оценке работы проверочных групп. По его мнению, успех этих выборов отражает решимость союзников провести то, что называется действительно демократическими выборами». Далее в протоколе указывается, что выборы были организованы хорошо и что руководители, проводившие выборы, справились с работой. Американский представитель заявил, что выборы базировались на процедуре, предусмотренной заново созданной временной конституцией Берлина. Он сказал, что эти выборы явились образцом применения демократических методов и что они могут быть выгодно сравнены с выборами в любой демократической стране. Это мнение разделили коменданты английского, французского и советского секторов. Председательствовавший советский комендант констатировал общее согласие с тем, что выборы прошли организованно и что демократические принципы были соблюдены.

— Таким образом, — сказал Вышинский, — налицо согласованное, положительное мнение всех четырёх комендантов о ходе выборов 1946 года. Ясно, что заявление г-на Ачесона о каком-то «вето» в отношении результатов выборов 1946 года лишено основания.

Вышинский подчеркнул, что та система четырёхстороннего контроля над проведением выборов, которая была применена в 1946 году, не только не создала какого-то тупика, о чём говорил, между прочим, Шуман, но, наоборот, обеспечила успех проведения этих выборов.

Далее Вышинский огласил цифры, наглядно показывающие, что метод единогласия отнюдь не является препятствием в работе комендатуры. Опираясь на этот метод, Межсоюзная комендатура в 1945 и 1946 годах успешно разрешала стоявшие перед ней задачи. Так, в 1945 году Межсоюзная комендатура рассмотрела 217 вопросов, причём по 167 вопросам были приняты согласованные решения. Таким образом, почти 73 процента вопросов, рассмотренных комендатурой, были разрешены на основе принципа единогласия. Коменданты не пришли к согласию лишь по 9 из 217 рассмотренных вопросов, что составляло лишь 4 процента. В 1946 году картина несколько изменилась; согласованные решения были приняты по 70 из 199 рассмотренных вопросов, что составляет 35 процентов. Не удалось прийти к согласию по 5 вопросам из 199, что составляет 2,5 процента. Значительное количество вопросов было передано на дальнейшее согласование.

— Далее, в 1947 и 1948 годах, как известно, дела пошли хуже, — сказал Вышинский. — Чем же это объясняется? Очевидно, объяснить это методом нельзя, поскольку при том же методе раньше достигались хорошие результаты. Причина — в той политической атмосфере, которая окружала работу Межсоюзной комендатуры. Поэтому я считаю, что те критические замечания, которые были направлены своим остриём против метода единогласия, как основы работы Межсоюзной комендатуры, неправильны.

Отметив, что делегации западных держав выступают против этого метода, который до сих пор был принят и который является единственно правильным, Вышинский заметил:

— Принцип единогласия не устраивает представителей трёх держав, когда речь идёт о четырёхстороннем контроле. Им, однако, нравится тот принцип, который сформулирован в трёхстороннем соглашении о контроле, подписанном в Вашингтоне в апреле 1949 года. Я имею в виду метод так называемого «пропорционального голосования», когда представители союзных держав получают право голоса в зависимости от того, какие суммы они вкладывают в оказание так называемой «помощи» Западной Германии. При этом по известной группе вопросов решающее слово предоставляется одному лишь партнёру — Соединённым Штатам Америки. Такая система голосования изображается как «движение вперёд», как последнее слово демократии!

Об этом «пропорциональном голосовании» с оговоркой о решающей роли в определённых случаях Соединённых Штатов следует напомнить тем, кто склонен рассматривать применение принципа единогласия как «нарушение демократических принципов». Особенно следует напомнить об этом тем, кто любит кстати и некстати утверждать, будто бы защитники принципа единогласия добиваются того, чтобы один мог навязывать свою волю трём...

Далее Вышинский остановился на заявлении Шумана о том, что предложения делегации СССР представляют собой шаг назад, к 1946 году.

— Кажется, все согласились,— заметил Вышинский,— что выборы необходимо провести на основе избирательного закона 1946 года и что берлинский магистрат должен действовать на основе временной конституции 1946 года. Таким образом, разговоры о том, будто бы советская делегация пытается «тянуть назад», совершенно неосновательны и беспочвенны.

Г-н Шуман заявил, что общая характеристика позиции советской делегации состоит в том, чтобы открыто и сознательно предложить *отойти назад* к 1946 или даже 1945 году. Это, конечно, карикатура на советские предложения, совершенно не отвечающая действительности. Но всё же интересно: что значит «отойти назад»? Если послушать г-на Шумана, окажется, что шагом назад является выполнение решений, принятых на Потсдамской конференции. Если следовать мнению г-на Шумана, то выходит, что нарушать международные обязательства, принятые в 1945 году, значит двигаться вперёд, а требовать выполнения этих обязательств — значит двигаться назад.

Но если так свободно обращаться с международными обязательствами, то как можно в таком случае оправдать положение той державы, которая именно в силу международного соглашения, заключённого в 1945 году, участвует в Контрольном совете и осуществляет свою оккупационную власть в отношении Германии на основе этого соглашения? Положение такой державы можно оправдать, только исходя из указанного международного соглашения и из вытекающих из него обязательств, хотя это соглашение и было заключено почти четыре года назад.

Поэтому мы вправе ещё раз напомнить об этих обязательствах и, более того, настаивать на их выполнении, хотя бы они относились к 1945 году или даже к более раннему периоду.

Утверждать, что отрицание принципов Потсдамского соглашения и проведение мероприятий, нарушающих это соглашение, является движе-

нием вперёд, а требование соблюдать это соглашение является движением назад,— это значит перепутать все понятия...

Касааясь заявления Шумана о том, что сохраняющая силу до сих пор система союзного контроля «привела к тупику», Вышинский сказал:

— Если говорить о тупике и о причинах тупика, то должно быть ясно, что такие причины лежат в политике сепаратных мероприятий, нашедшей своё выражение в целом ряде раскольничьих действий западных держав. Если говорить о том, как найти выход из тупика, то сделать это можно, лишь ликвидировав эту раскольничью политику. Для этого нужно твёрдо стать на путь политики, направленной на обеспечение единства Германии, на преобразование Германии в единое миролюбивое демократическое государство.

Перейдя к выступлению Бевина, Вышинский констатировал, что Бевин допустил, говоря мягко, явное преувеличение, когда заявил, что предложение делегации СССР имеет в виду контроль Межсоюзной комендатуры над назначением и увольнением «любого служащего». Вышинский напомнил, что в советском предложении речь идёт лишь о контроле над назначением и увольнением *руководящего состава* общегерманского городского управления. Круг таких лиц был определён четырёхсторонним соглашением в документе № 56 от 1947 года. Он находится в полном соответствии с временной конституцией Большого Берлина.

Г-ну Бевино должен быть известен этот документ. Остаётся, однако, непонятным, почему г-н Бевин счёл возможным игнорировать тот факт, что контроль Межсоюзной комендатуры распространяется лишь на точно определённый круг назначений и увольнений должностных лиц, перечисленных в документе № 56.

Касааясь заявления Бевина о том, будто бы право опротестования решений муниципалитета и городского собрания, предусмотренное советскими предложениями, «способно остановить всю муниципальную жизнь большого города», Вышинский сказал:

— Это замечание г-на Бевина также можно отнести к преувеличениям, которые он нередко допускает в пылу полемики. Чтобы убедиться в этом, следует вспомнить ту часть нашего предложения, где говорится, что в случае разногласий по поводу протеста, вопрос переносится комендантами в вышестоящую инстанцию, как этого требует статья третья устава Межсоюзной комендатуры. Отношения между Межсоюзной комендатурой и берлинским магистратом строились на основе этого устава в течение ряда лет. Мы ни разу не слышали никаких протестов по поводу этого устава. Никто не предлагал внести в него изменения, никто не говорил, что устав не отвечает требованиям времени и что его нужно пересмотреть, так как его постановления угрожают тем, что «может остановиться вся жизнь большого города».

Если бы г-н Бевин не забыл о том, что существует устав Межсоюзной комендатуры, в котором имеются соответствующие, регулирующие данный вопрос правила, и предварительно ознакомился бы с этим уставом, он избежал бы допущенных им ошибок.

В заключение Вышинский сказал:

— Советская делегация предлагала и предлагает восстановить Межсоюзную комендатуру на основе её устава, утверждённого четырьмя

державами в 1946 году и оправдавшего себя на практике. Советская делегация предлагала и предлагает восстановить общегерманский магистрат, проведя свободные выборы на основе избирательного закона 1946 года с поправками, которые нужно внести в этот закон в соответствии с изменившимися обстоятельствами, не сужая, а углубляя выраженные в международных соглашениях принципы, на которых должна строиться жизнь и деятельность общегерманского муниципалитета и Межсоюзной комендатуры Берлина.

Советская делегация уверена, что принятие предложений правительства СССР, которые она здесь защищает, поможет урегулированию берлинского вопроса, приблизит нас к заключению мирного договора с Германией и ускорит осуществление задачи преобразования Германии в единое миролюбивое демократическое государство.

* * *

С ответом на выступления представителей западных держав выступил Вышинский.

Касаясь замечания Ачесона о том, что он имел в виду не применение «вето» советским комендантом в Берлине в отношении выборов 1946 года, а протест советского коменданта против назначения на руководящие посты в магистратуре некоторых лиц, в том числе Ройтера, Вышинский сказал:

— Я процитировал здесь лишь то, что было сказано г-ном Ачесоном, следовательно, неточность зависела не от меня. Что же касается назначения лиц, о которых он говорил, то по поводу наиболее крупного из них — Ройтера я могу напомнить об одном немаловажном факте. 18 марта 1947 года на заседании комендантов обсуждалось заявление четырёхстороннего подкомитета по электроэнергии, который единогласно решил снять Ройтера с той работы, на которой он тогда находился (Ройтер был начальником транспортного отдела берлинского магистрата). Это решение было принято представителями всех четырёх комендантов в связи с тем, что Ройтер не выполнил приказа Союзной комендатуры и сделал лживое выступление в прессе, в котором он пытался дискредитировать союзные оккупационные власти. Естественно, что, когда встал вопрос о назначении Ройтера на более высокий пост — на пост мэра Берлина, советская часть комендатуры возражала против этого. Она справедливо считала, что Ройтер является ненадёжным человеком, поскольку представители четырёх комендантов в подкомитете признали его неподходящим даже для должности начальника транспортного отдела. Таким образом, эта личность едва ли заслуживает того, чтобы приводить протест советского коменданта против его назначения в качестве образца несправедливости.

Касаясь вопроса, поставленного Ачесоном, Вышинский напомнил, что ответ на него дан советскими предложениями уж несколько дней тому назад. Советская делегация отстаивала и отстаивает принцип единогласия при решении всех вопросов, входящих в компетенцию Межсоюзной комендатуры.

— Со своей стороны, — продолжал Вышинский, — я хочу спросить г-на Ачесона, — правда или неправда, что по трёхстороннему соглашению оккупационные власти западных секторов Берлина могут

взять в свои руки в любое время всю полноту власти в этих секторах, отобрав её у магистрата? Задавая этот вопрос, я мог бы сказать г-ну Ачесону, что ответ на него содержится в пункте 3 оккупационного статута западных секторов Берлина.

По поводу замечания Шумана о том, что нужно «различать принципы и методы», Вышинский сказал:

— Принципы и методы надо различать, но не следует забывать, что в основе методов должны лежать какие-то принципы. В частности, в основе метода четырёхстороннего союзного контроля, установленного международными соглашениями, лежит принцип единогласного решения. При этом следует иметь в виду, что часто принципы опрокидывают, ссылаясь на то, что они хороши, но якобы не могут быть проведены в жизнь и что плохи методы, при помощи которых осуществляются эти принципы.

Касаясь заявления Шумана о том, что роль оккупационных властей заключается не в том, чтобы защищать интересы германского народа, а в том, чтобы подготовить мир, Вышинский заметил:

— Получается довольно страшное положение. Выходит как будто бы так, что интересы германского народа и подготовка мира не совпадают. Выходит, что мир, который западные державы хотели бы подготовить для Германии, не соответствует интересам германского народа. С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Мы считаем, что мир, который мы должны подготовить для Германии, это — демократический мир, отвечающий интересам всех миролюбивых народов, отвечающий интересам и германского народа. Другой постановки вопроса быть не может.

Дальнейший обмен мнениями не внёс ничего нового в дискуссию по обсуждаемому вопросу. Представители западных держав повторяли свою аргументацию против принципа единогласия в Межсоюзной комендатуре, неоднократно опровергнутой с советской стороны, и вновь пытались представить дело таким образом, будто бы они выступают за расширение прав немцев по управлению Берлином.

Однако, отвечая на вопрос, прямо поставленный Вышинским, Ачесон вынужден был признать, что так называемый оккупационный статут западных секторов Берлина предусматривает, что полномочия, предоставленные немецким органам, могут быть в любое время взяты обратно комендантами этих секторов.

«Известия» № 134 (9974)
от 9 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (9 июня)

Напомнив, что с советской стороны нет никаких задержек в рассмотрении вопросов, связанных с отменой указанных ограничений, А. Я. Вышинский сказал:

— 9 мая 1949 года в приказе главначальствующего советской администрации за № 56 было всенародно объявлено о снятии всех огра-

ничений, которые были введены советскими оккупационными властями с 1 марта 1948 года. К сожалению, в других зонах оккупации такие приказы не были опубликованы. Советская администрация сняла введённые ею с 1 марта 1948 года ограничения полностью. Переговоры, которые возникли вслед за тем, касались ряда вопросов, связанных с отменой этих ограничений, а также с тем, что в других зонах, по мнению наших представителей, не все ограничения были отменены. Вышинский сказал, что он запросил оккупационные власти советской зоны о ходе переговоров и даст ответ на предложение Ачесона, как только получит необходимые сведения. В ходе заседания Вышинский сообщил, что запрошенные им сведения получены и что у него нет возражений против предложения Ачесона.

Министры должны были сегодня продолжать рассмотрение второго пункта повестки дня: «Берлин и валютный вопрос». Однако председательствующий Ачесон предпринял попытку оборвать обсуждение этого вопроса, хотя министры ещё не высказались по существу валютной проблемы, рассмотрение которой на данной сессии было предусмотрено Нью-Йоркским соглашением четырёх держав от 5 мая 1949 года.

— Мы уже несколько дней обсуждали пункт второй повестки дня и в узких заседаниях, и на пленарных заседаниях,— сказал Ачесон,— и я не знаю, есть ли что ещё обсуждать по этому пункту?

Он предложил «пойти дальше», оставив возможность вернуться к данному пункту повестки дня позднее.

Шуман, забегаая вперёд, сказал, что он не думает, что следует начинать дискусию... по третьему пункту повестки дня — о подготовке мирного договора с Германией. «Это моё мнение,— сказал он. — Оно может оказаться пессимистическим, но находится в полном соответствии с логикой».

А. Я. Вышинский выступил против попыток уйти от обсуждения важнейших вопросов, стоящих в повестке дня Совета министров иностранных дел. Напомнив о том, что вопрос о валюте ещё не обсуждался, он сказал:

— Г-н Шуман, как мы видим, предлагает не обсуждать вопрос о валюте для Берлина. Я буду решительно возражать против этого, тем более что мы ещё ни слова не сказали по этому вопросу. В Нью-Йоркском коммюнике четырёх правительств было установлено, что берлинский вопрос включает и вопрос о валюте. Мы условились, что валютный вопрос должен быть здесь рассмотрен, и нет никаких оснований отзывать от этого.

Ачесон и Шуман поспешили заявить, что произошло «недоразумение» и что они «не имеют никаких возражений» против обсуждения валютного вопроса. «У вас есть право обсуждать любой вопрос, который стоит в повестке дня»,— сказал Ачесон.

— Я должен напомнить,— возразил Вышинский,— что Совет министров иностранных дел в самом начале сессии решил обсудить валютный вопрос. Я забочусь не только о своих правах, которые я хорошо знаю, но также об обязанностях моих коллег в Совете министров.

Далее Вышинский изложил позицию делегации СССР по существу вопроса о единой валюте для всего Берлина.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В начале своего выступления Вышинский сказал, что делегация СССР предлагает исходить при рассмотрении вопроса о валюте для Берлина из решений, уже согласованных четырьмя державами. Он напомнил, что 30 августа 1948 года между СССР, США, Англией и Францией была договорённость о введении в качестве единственной валюты в Берлине немецкой марки советской зоны и об изъятии из обращения в германской столице западной марки.

— Я хотел бы кратко напомнить содержание соглашения, достигнутого 30 августа 1948 года,— сказал Вышинский. — Согласно пункту (а) этого соглашения, должны были быть сняты ограничения связи, транспорта и торговли между Берлином и западными зонами, а также движения грузов в советскую зону Германии и обратно. На основе этого положения и было достигнуто последующее соглашение 5 мая 1949 года, которое и было реализовано 12 мая. Указанные ограничения в советской зоне уже сняты. Таким образом, первая часть согласованного решения от 30 августа 1948 года выполнена. Пункт (б) этого соглашения гласит: «Немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единственной валюты для Берлина, и западная марка будет изъята из обращения в Берлине». Эта вторая часть директивы от 30 августа не была приведена в исполнение.

Вышинский напомнил далее, что на основе приведённых выше двух положений главнокомандующим оккупационных войск в Германии было поручено консультироваться с тем, чтобы «провести в возможно короткий срок детальные мероприятия, необходимые для осуществления этих решений». Главнокомандующим было поручено обеспечить отсутствие дискриминации или действий, направленных против держателей западных марок, в связи с обменом этих западных марок, выпущенных в Берлине; эти марки должны были быть приняты к обмену на немецкие марки советской зоны по соотношению 1 : 1. Главнокомандующим было поручено, далее, обеспечить равные условия в отношении валюты и предоставления вполне доступных банковских и кредитных возможностей во всех секторах Берлина. Четыре главнокомандующих должны были предусмотреть достаточные гарантии в целях предотвращения того, чтобы использование в Берлине немецкой марки советской зоны не привело к расстройству денежного обращения или к нарушению устойчивости валюты в советской зоне оккупации. Согласно данному соглашению, мероприятия, предусмотренные главнокомандующими, должны были обеспечить удовлетворительную основу для торговли между Берлином и западными зонами Германии.

Мероприятия эти должны были обеспечить также предоставление достаточного количества валюты для бюджетных целей и для максимального снижения оккупационных расходов, а также для достижения нетто-баланса в Берлине.

Важным вопросом являлся вопрос о регулировании денежного обращения в Берлине. В директиве четырёх правительств главнокомандующим оккупационных войск по этому поводу было указано, что регулирование денежного обращения в Берлине должно осуществляться Немецким эмиссионным банком советской зоны через действующие в

настоящее время кредитные учреждения Берлина. Наконец, было предусмотрено, что для контроля за практическим осуществлением указанных выше финансовых мероприятий, связанных с введением и обращением единой валюты в Берлине, создаётся финансовая комиссия из представителей четырёх главнокомандующих.

Вышинский напомнил далее, что вопрос о единой валюте для Берлина был предметом обсуждения Совета безопасности ООН по инициативе США, Англии и Франции.

30 ноября 1948 года Совет безопасности поручил техническому комитету по вопросам валюты и торговли Берлина разработать мероприятия и рекомендации, которые могли бы послужить урегулированию этого вопроса. В работе комитета участвовали представители Аргентины, Бельгии, Канады, Колумбии, Кубы, Египта, Сирии и представитель генерального секретаря ООН.

Комитет работал с 30 ноября 1948 года по 11 февраля 1949 года. Он выработал рекомендации, в основу которых были положены принципы, согласованные четырьмя державами и нашедшие своё выражение в их директиве главнокомандующим от 30 августа 1948 года. Кроме того, комитет счёл необходимым предложить некоторые мероприятия в целях поддержания эмиссии валюты в Берлине; по мнению комитета, эти мероприятия могли бы создать гарантии, предотвращающие ненужное расстройство валютного положения в Берлине в результате возможных колебаний денежного обращения.

— Советская делегация, — продолжал Вышинский, — считает, что при рассмотрении вопроса о введении единой валюты для всего Берлина необходимо исходить из соглашения от 30 августа 1948 года, о котором я сейчас говорил. При этом следует иметь в виду, что в деле введения единой валюты значительная роль должна принадлежать финансовой комиссии, функции которой надо определить. Советская делегация предлагает взять за основу рекомендации технического комитета экспертов по вопросам валюты и торговли от 23 декабря 1948 года. Эти рекомендации рассматривались уже в своё время. Они привлекли к себе большой интерес со стороны представителей четырёх держав, но тогда по ним не удалось договориться. Советская делегация считает необходимо вновь внимательно и тщательно рассмотреть данный вопрос на настоящей сессии Совета министров иностранных дел.

Таким образом, предложения советской делегации по валютному вопросу в Берлине сводятся к следующему:

1. Ввести для всего Берлина единую валюту.
2. В качестве единственной валюты для Берлина принять немецкую марку советской зоны оккупации, как это согласовано в директивах от 30 августа 1948 года, выработанных совместно четырьмя державами — Великобританией, Соединёнными Штатами, Францией и Советским Союзом, со всеми теми последствиями, которые указаны в этих директивах и которые вытекают из того же решения.
3. При выработке положений о деятельности четырёхсторонней финансовой комиссии и при обсуждении этих функций взять за основу рекомендации технического комитета от 23 декабря 1948 года.

«Известия» № 135 (9975)
от 10 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(10 июня)

В начале своего выступления Вышинский напомнил, что всякий раз, когда министры подходят к вопросу о подготовке мирного договора с Германией, Бевин выражает «разочарование» и ссылается на какие-то препятствия, якобы мешающие подготовить этот договор.

Так, на Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте 1947 года Бевин видел это препятствие в том, что тогда делегация СССР настаивала на необходимости создать германское правительство, с которым можно было бы заключить мирный договор.

Полгода спустя, на Лондонской сессии Бевин уже сам говорил, что для заключения мирного договора нужно, чтобы было создано германское правительство. Он утверждал, что, пока такого германского правительства нет, нельзя браться за подготовку мирного договора.

Теперь Бевин говорит, что нельзя рассматривать вопрос о подготовке мирного договора, так как не представлено проекта мирного договора. Но разве нельзя теперь же начать подготовку такого проекта?

Бевин говорит также, что у нас нет процедуры подготовки мирного договора. Но разве нельзя выработать эту процедуру?

Всё это — далеко не непреодолимые препятствия, и дело, конечно, не в этих препятствиях.

— Обратимся, в частности, к вопросу о процедуре, — сказал Вышинский. — Существует документ № 78 от 12 ноября 1947 года, представляющий собой проект процедуры подготовки германского мирного договора. Это довольно обстоятельный проект. По этому проекту у нас действительно имеются разногласия. Но почему бы нам не попробовать теперь обсудить этот проект, почему бы нам не рассмотреть все параграфы, по которым имеются разногласия, и не попытаться устранить эти разногласия? Г-н Бевин, однако, не хочет этим заниматься. Он ограничивается тем, что просто констатирует наличие разногласий, и заявляет, что нам не следует дальше заниматься этим делом. Таким образом, получается какой-то заколдованный круг: с одной стороны, нельзя вести подготовку мирного договора потому, что не устранены какие-то разногласия; с другой стороны, не хотят предпринять ничего, чтобы устранить разногласия. Между тем подготовка мирного договора с Германией — это такая важная задача, от разрешения которой нельзя отказываться, ссылаясь на то, что не разрешены какие-то другие вопросы. Конечно, не решены многие вопросы, и они не могут быть решены сразу. Однако было бы наивно думать, что если нельзя решить все вопросы сразу, то нельзя решить и какой-либо один вопрос, тем более вопрос, связанный с процедурой подготовки договора. Если уже говорить о разочаровании, то можно быть разочарованным этим постоянным «разочарованием» г-на Бевина, когда дело касается подготовки мирного договора с Германией.

Вышинский напомнил далее, что вопрос о подготовке германского мирного договора был единогласно включён в повестку нынешней сессии

Совета министров иностранных дел. Это можно было принять за свидетельство того, что Совет министров считает вопрос о подготовке мирного договора с Германией вполне назревшим, требующим своего скорого разрешения.

— Мы вправе были ожидать, — продолжал Вышинский, — что все делегации сделают необходимые усилия, чтобы рассмотрение этого вопроса дало необходимые результаты. Делегация СССР была уверена, что все делегации представят Совету министров иностранных дел свои предложения, свои проекты решения проблемы, стоящей перед нами. Что касается делегации СССР, то она готова представить конкретные предложения, принятие которых, как мы надеемся, могло бы обеспечить или, во всяком случае, облегчить успешное выполнение тех обязательств, которые четыре державы приняли на себя в соответствии с решениями Потсдамской конференции, в частности по мирному урегулированию с Германией.

Вышинский отметил далее, что при учреждении Совета министров иностранных дел в Потсдаме была подчеркнута его специальная задача, а именно — подготовительная работа по мирному урегулированию. В частности, в Потсдамском соглашении было сказано, что Совет министров будет использоваться для подготовки мирного договора с Германией. Однако делегации США, Англии и Франции систематически уклоняются от выполнения этого обязательства.

— Вопрос о мирном договоре с Германией, — продолжал Вышинский, — является, как это всем нам понятно, одним из важнейших вопросов международной политики. Он является коренным вопросом для Германии, так как должен определить судьбы Германии на долгий период, как говорил об этом глава делегации СССР В. М. Молотов ещё на 5-й сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне в 1947 году.

Мирный договор с Германией — это широкий путь к ликвидации последствий войны не только для Германии, но и для всех миролюбивых народов Европы. Это путь экономического и политического восстановления Германии, путь её развития как единого миролюбивого демократического государства. В скорейшем заключении мирного договора поэтому заинтересован не только германский народ, но и все народы, стремящиеся к установлению и укреплению мира на демократических началах, установленных в Ялте и в Потсдаме в 1945 году. Эти начала нашли своё выражение в историческом заявлении руководителей правительств США, Великобритании и Советского Союза в феврале 1945 года об их решимости создать в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями построенный на принципах права международный порядок, посвящённый миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Вышинский напомнил далее, что Германия занимает важное место в системе международного хозяйства. Германия не может оставаться вне международного общения, за пределами семьи демократических государств; такое её положение нетерпимо для германского народа и вредно с точки зрения интересов всех миролюбивых народов Европы и всего мира. За четыре года, прошедшие после разгрома гитлеровской военной машины и после ликвидации гитлеровского государства, в Германии достигнуты значительные успехи в деле демократического преобразова-

ния. Заключение мирного договора обеспечит дальнейшие успехи в этом направлении, так как создаст благоприятные условия для дальнейшего роста и консолидации демократических сил во всей Германии, для укрепления демократических принципов в административном устройстве и в общественной жизни Германии, для укрепления воли немецкого народа к установлению международного сотрудничества со всеми демократическими странами мира. Мирный договор облегчит, таким образом, достижения дальнейших успехов Германии в деле её национального подъёма и сплочения всех прогрессивных сил для разрешения задач демократического и мирного сотрудничества с другими народами.

Понятно, что всё это обязывает Совет министров иностранных дел позаботиться о скорейшем заключении мирного договора с Германией.

Вышинский напомнил, что советское правительство ещё на 5-й сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне в 1947 году предлагало безотлагательно приступить к разработке мирного договора с Германией. При этом делегация СССР указала, что дальнейшее откладывание решения этого вопроса невозможно и что невозможно лишать германский народ права на мирное и независимое существование. Советское правительство предложило тогда, чтобы правительства четырёх держав в двухмесячный срок представили Совету министров проекты основ мирного договора с Германией. Однако это предложение не было поддержано другими министрами, которые уклонились даже от его обсуждения.

С другой стороны, делегация США на совещании заместителей министров иностранных дел в Лондоне в 1947 году выступила с предложением, идущим в направлении, прямо противоположном задаче скорейшей подготовки мирного договора. Она предложила подготовить вместо мирного договора так называемый «международный статут». Делегат США так прямо и заявил, что он хотел бы, «чтобы вместо традиционного мирного договора с Германией был представлен международный статут...».

С тех пор идея «международного статута» всё больше крепла в руководящих кругах США, Англии и Франции, а идея мирного договора всё более чахла. В конце концов вместо мирного договора появился подписанный в Вашингтоне Соединёнными Штатами Америки, Англией и Францией оккупационный статут.

— Мы уже имели случай, — сказал Вышинский, — говорить на этой сессии об этом оккупационном статуте, и потому сейчас нет необходимости повторять сказанное по этому поводу. Следует лишь напомнить, что главная цель введения оккупационного статута заключалась именно в том, чтобы подменить им мирный договор и продлить режим оккупации на неопределённое время. Введение оккупационного статута было направлено именно на то, чтобы отложить заключение мирного договора с Германией в долгий ящик или же, как говорят греки, «отложить до греческих календ», которых, как известно, никогда не существовало. Советская делегация уже обращала внимание на такое странное положение, когда через четыре года после прекращения военных действий в Европе немецкому народу пытаются навязать оккупационный статут, притом даже без установления срока его действия, и всячески оттягивают подготовку мирного договора с Германией.

Отметив далее, что в течение нынешней сессии представители западных держав не раз говорили о необходимости предоставить германскому народу возможно больше прав и возможностей по устройству своих дел, Вышинский сказал:

— В таком случае первым шагом на этом пути должна была бы явиться скорейшая подготовка мирного договора с Германией, без заключения которого теряют всякое значение заверения о готовности предоставить немцам право решать свои собственные дела без иностранной опеки.

Подчеркнув, что Советский Союз неизменно проводил и проводит политику, направленную на обеспечение демократического мира и дружественного сотрудничества народов, что советское правительство неоднократно ставило и ставит сейчас вновь вопрос о скорейшей подготовке и скорейшем заключении мирного договора с Германией, Вышинский сказал, что советская делегация вносит предложение, чтобы правительства Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Франции и Союза Советских Социалистических Республик в трёхмесячный срок представили в Совет министров иностранных дел проекты мирного договора с Германией и чтобы в этих проектах мирного договора с Германией было предусмотрено, что оккупационные войска всех держав будут выведены из Германии в годичный срок после заключения мирного договора.

Советская делегация вместе с тем предлагает Совету министров иностранных дел постановить, что на данной сессии совета будет закончено рассмотрение процедуры подготовки мирного договора.

Огласив эти предложения, Вышинский напомнил, что несколько месяцев тому назад на 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН была принята важная резолюция, единодушно поддержанная также делегациями, присутствующими ныне на сессии Совета министров иностранных дел. В этой резолюции от 3 ноября 1948 года сказано, что организация Объединённых наций не может полностью достигнуть своих целей, пока не завершён процесс ликвидации последствий второй мировой войны и пока не заключены и не вошли в силу все мирные договоры. В этой резолюции предлагается четырём державам удвоить свои усилия в духе солидарности и взаимного понимания, чтобы в возможно кратчайший срок притти к окончательному урегулированию последствий войны и к заключению всех мирных договоров.

— Должно быть понятно, — сказал Вышинский, — что без быстрого заключения мирного договора с Германией невозможно выполнение этой резолюции. Должно быть понятно, что скорейшая подготовка и заключение мирного договора с Германией отвечают интересам всех миролюбивых народов. Заключение мирного договора с Германией будет иметь важнейшее значение не только для судеб германского народа, но и для судеб всех других народов Европы и всего мира.

Советская делегация, — заявил в заключение Вышинский, — предлагает закончить на настоящей сессии рассмотрение процедуры подготовки мирного договора. Эта работа в известной степени уже была выполнена на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел.

Мы считаем, — сказал Вышинский, — что на этой сессии необходимо рассмотреть документ № 78, о котором было сказано выше, приложив усилия к тому, чтобы получить в свои руки инструмент подготовки

мирного договора с Германией. Это было бы реальным шагом на пути подготовки мирного договора с Германией, на пути выполнения того долга, который лежит на Совете министров иностранных дел, в силу обязательств, принятых четырьмя державами в соответствии с Потсдамским соглашением.

«Известия» № 136 (1976)
от 11 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (12 июня)

— Советские предложения о подготовке мирного договора с Германией, — сказал Вышинский, — встретили здесь возражения. Мотивы возражений, сделанных представителями США, Великобритании и Франции, в общем совпадают, и это облегчает мою задачу.

Вышинский отметил, что, возражая против советских предложений, представители западных держав утверждают, что эти предложения «нерезальны», так как к подготовке мирного договора можно якобы приступить лишь после того, как будет разрешён ряд других важных вопросов. Поскольку же эти вопросы остаются нерешёнными, обсуждение вопроса о подготовке мирного договора, как выразился Ачесон, совершенно не нужно и ни к чему не привело бы. Это — лейтмотив всех трёх делегаций.

— Г-н Ачесон заявил даже, что не следует обсуждать вещи, «которые кажутся совершенно абсурдными для всех, кроме нас самих», — сказал Вышинский, — советские предложения Ачесон назвал «дипломатическим менюэтом», а рассмотрение проекта процедуры подготовки мирного договора квалифицировал как «совершенно преступную потерю времени». Самое большее, на что готов пойти г-н Ачесон, — это предоставить заместителям «преступно терять время на рассмотрение проекта процедуры подготовки мирного договора» — проекта, который, кстати сказать, был предметом тщательного обсуждения на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел в 1947 году и который в значительной степени уже согласован.

Вышинский напомнил далее, что Шуман, присоединившийся к возражениям Ачесона, говорил, что составлению мирного договора препятствует то обстоятельство, что Германия «сама ещё внутренне не организована и находится в состоянии беспорядка и раскола». Предложение Советского Союза о подготовке мирного договора с Германией Шуман расценил даже как какую-то «маскировку», как отказ от разрешения других задач, стоящих перед Советом министров иностранных дел.

— Г-н Шуман, как и министры США и Великобритании, старался доказать, что подготовку мирного договора с Германией надо отложить до тех пор, пока не будут разрешены такие задачи, как достижение экономического и политического единства Германии, и другие важные проблемы. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, не выдерживает

критики; работа над решением и тех и других задач всегда может быть организована одновременно. Для этого нужно лишь, чтобы было желание работать и в том и в другом направлении, не создавая искусственно заколдованного круга, из которого нет выхода. Но именно такой заколдованный круг и создаётся, когда, с одной стороны, требуют сначала решить задачу восстановления единства Германии и лишь потом заняться подготовкой проекта мирного договора, а с другой — не только не принимают никаких мер к обеспечению единства Германии, но, наоборот, все усилия направляют на закрепление раскола Германии.

Если обратиться к истории последних двух лет, то можно найти немало фактов, свидетельствующих, что три западные державы направили свои усилия к тому, чтобы не допустить восстановления единой миролюбивой демократической Германии. Да и настоящая сессия дала немало доказательств стремления этих держав во что бы то ни стало закрепить раскол Германии.

Вышинский напомнил, что советская делегация предложила создать на основе существующих в настоящее время в восточной и в западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет в качестве экономического и административного центра Германии с правительственными функциями; в ведении Общегерманского Государственного Совета находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом. «Задача, кажется, вполне посильная для Совета министров, — заметил Вышинский, — поскольку при её решении советская делегация предлагала исходить из существующего положения в восточной и западных зонах Германии. Тем не менее это предложение было отклонено западными державами».

Делегация СССР предложила восстановить деятельность Контрольного совета в Германии на прежней основе, соответствующей принципам международного сотрудничества и международным соглашениям. Это предложение также было отклонено тремя державами.

Советская делегация предложила далее восстановить Межсоюзную комендатуру Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом. Она предлагала, чтобы Межсоюзная комендатура в Берлине работала на основе её устава, утверждённого четырьмя державами в 1946 году. Это предложение также было отклонено делегациями США, Англии и Франции.

Советская делегация предложила восстановить общеберлинский магистрат на основе свободных выборов и провести эти выборы в соответствии с избирательным законом, утверждённым четырьмя державами в 1946 году, и временной конституцией Большого Берлина, одобренной в том же году представителями четырёх держав; при этом делегация СССР предлагала внести в указанную конституцию некоторые изменения по соглашению между четырьмя державами. И эти предложения не были приняты делегациями трёх держав.

— Отклоняя одно за другим все советские предложения, — продолжал Вышинский, — западные державы в каждом случае находили отговорки, выдвигали всяческие мотивы. Однако ничего убедительного мы здесь от них не слышали, тем более, что некоторые из министров сочли

для себя более удобным говорить не о мирном договоре, а о сказках Андерсена, об изречениях какого-то американского провинциального судьи, некоего оракула из Голливуда.

Далее Вышинский коснулся второй категории возражений, выдвигаемых представителями западных держав. «Нам говорили здесь, — сказал он, — что неизвестно, с какой Германией предлагается заключить мирный договор, какова будет «географическая величина» Германии, для которой предлагают подготовить мирный договор. Г-н Ачесон сказал, что до тех пор, пока эти вопросы не будут решены, приступить к подготовке мирного договора невозможно. Однако все эти вопросы стояли перед нами и раньше, тем не менее Совет министров иностранных дел вёл работу по подготовке мирного договора».

Так действовал, по крайней мере, Совет министров иностранных дел на Московской и Лондонской сессиях.

Но сейчас противники подготовки мирного договора с Германией не находят ничего лучшего, как назвать всю работу, проделанную на предыдущих сессиях, «трагикомедией»; именно к этому выражению прибег г-н Бевин, жаловавшийся здесь на то, что ему несколько недель пришлось просидеть в Москве, а затем в Лондоне, занимаясь этим делом.

Г-н Бевин на прошлом заседании зачитал здесь несколько страниц из протокола заседания Совета министров иностранных дел от 15 декабря 1947 года. Это было заявление, с которым он выступил в тот самый день, когда американская и британская делегации решили покончить с сессией Совета министров иностранных дел. В этом заявлении г-н Бевин говорил: «Мы желаем единства Германии». А что последовало затем? Затем представитель Великобритании вместе с представителями США и Франции стал ещё энергичнее действовать в направлении раскола Германии.

Г-н Бевин напомнил также, что 15 декабря 1947 года он сказал: «Мы желаем демократической Германии». А что было на деле? На деле появилась на белый свет «боннская конституция» и ряд вашингтонских соглашений — таких, как оккупационный статут и соглашение о трёхстороннем контроле, которые, как здесь уже говорилось, находятся в полном противоречии с демократическими принципами и с задачей восстановления единства Германии.

Г-н Бевин прочитал из протокола заседания от 15 декабря 1947 года и то место, где он говорил: «Мы не желаем кукольного правительства, которое сможет действовать только тогда, когда кто-нибудь из оккупирующих держав дёргает за верёвочку». Но вслед за тем западные державы, как известно, приняли меры к тому, чтобы создать в западных зонах Германии именно такое правительство.

Г-н Бевин, наконец, прочитал и то место из протокола заседания от 15 декабря 1947 года, где он сказал: «Мы желаем справедливого мирного договора с Германией». Но сейчас британская делегация начисто отказывается от подготовки мирного договора, стараясь доказать, что сейчас такая задача совсем невыполнима.

Таковы факты. Упрямые, убедительные факты!

Я должен, однако, сказать, — заметил Вышинский, — что г-н Бевин, если я его правильно понял, заявил, что он готов рассмотреть предложения, внесённые советской делегацией, с тем, чтобы представить их

правительству Великобритании, обсудить и вернуться к ним в дипломатическом порядке. Если это так, то мы можем ожидать, что, несмотря на критику, которой г-н Бевин подверг предложения Советского Союза, он поддержит предложения советской делегации, внесённые на этой сессии.

Касаясь замечаний Шумана, Вышинский сказал:

— Возражая против предложения СССР о выводе оккупационных войск из Германии через год после подписания мирного договора, г-н Шуман указал, будто советская делегация предлагает предпринять этот вопрос без того, чтобы запросить мнение стран, пострадавших от германской агрессии. Продолжая эту мысль, г-н Шуман заявил, что «мы не имеем права предпринять этот существенный вопрос без консультации с другими странами, до того, как эта процедура подготовки мирного договора будет применяться на практике». Но надо сказать, что в предложениях советской делегации ничего подобного не говорится и не предлагается. Наоборот, наши предложения предполагают консультацию с другими странами, пострадавшими от германской агрессии. Об этом прямо говорится в той самой процедуре подготовки мирного договора с Германией, разработку которой советская делегация предлагает закончить на данной сессии. Таким образом, и эта стрела летит мимо цели.

Далее Вышинский напомнил о том, что Ачесон, касаясь советского предложения о выводе всех оккупационных войск из Германии через год после подписания мирного договора, предложил иной метод, как он заявил, разрешения оккупационного вопроса. Ачесон заявил, что западные державы довольствуются наличием в своих зонах 270 тысяч солдат, тогда как СССР якобы находит нужным иметь в своей зоне 340 тысяч солдат. Ачесон предложил при этом, чтобы Советский Союз предпринял «известные односторонние шаги в этом отношении».

— Заявление г-на Ачесона не соответствует действительности, — сказал Вышинский, — так как в самом деле численность советских вооружённых сил в Германии не превышает 200 тысяч человек. Преувеличивая численность советских войск, г-н Ачесон явно преуменьшает численность оккупационных войск в западных зонах оккупации Германии; в действительности, в западных зонах оккупации Германии находится не 270 тысяч солдат и офицеров, а свыше 400 тысяч. Таким образом, попытка г-на Ачесона привлечь внимание Совета министров иностранных дел от предложения Советского Союза о выводе оккупационных войск из Германии через известный, небольшой срок после заключения мирного договора является неудачной.

Возражая против предложения советского правительства приступить к подготовке мирного договора с Германией, с тем, чтобы в мирный договор был включён пункт о выводе оккупационных войск в годичный срок после того, как договор будет заключён, г-н Ачесон позавчера воскликнул: «Что значат слова «после заключения мирного договора»? Может быть, это будет через 50 лет». Очевидно, это восклицание определяет действительные позиции делегации США в отношении заключения мирного договора с Германией.

Не желая, видимо, заключать мирный договор с Германией, по крайней мере в течение ещё длительного срока, западные державы создали, как известно, свой оккупационный статут. Теперь они приводят всякие

доводы в пользу того, чтобы отклонить ясные, точные и действительно направленные на служение делу мира предложения Советского Союза — предложения о том, чтобы правительства четырёх держав в трёхмесячный срок представили в Совет министров иностранных дел проекты мирного договора с Германией, чтобы в этих проектах был предусмотрен вывод оккупационных войск всех держав из Германии в годичный срок после заключения мирного договора и чтобы на этой сессии было закончено рассмотрение процедуры подготовки мирного договора.

— Ни для кого не секрет, — сказал Вышинский, — что возражения против этих предложений, высказанные здесь позавчера, носят искусственный характер и в действительности отражают нежелание сделать реальный шаг по пути подготовки германского мирного договора.

Что касается процедуры подготовки мирного договора, то делегация СССР предлагала обсудить проект подготовки этой процедуры в самом Совете министров иностранных дел параграф за параграфом. Но г-н Ачесон и г-н Шуман предложили передать этот вопрос на рассмотрение заместителей с тем, чтобы они в трёхдневный срок представили Совету министров свои заключения и предложения. Советская делегация не возражает против этого предложения. Со своей стороны советская делегация назначает своим представителем в эту комиссию делегата А. А. Смирнова. Она ожидает, что другие делегации также назначат в эту комиссию своих представителей и что через три дня мы сумеем заслушать, как предложил г-н Ачесон, доклад заместителей по вопросу о процедуре подготовки мирного договора.

ВТОРОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

Отвечая на заявление Бевина, Вышинский указал на то, что Бевин согласен лишь «посоветовать» своему правительству «проследить изучение проблемы», но вопрос заключается не в том, чтобы вести какое-либо абстрактное изучение. Мы предложили, чтобы каждое правительство подготовило в определённый срок проект мирного договора с Германией. Приемлемо это предложение или нет? Сегодня г-н Бевин твёрдо заявил, что для британской делегации оно неприемлемо.

Второй вопрос — о выводе оккупационных войск. Делегация СССР предложила указать в проекте мирного договора, что оккупационные войска всех держав будут выведены из Германии по истечении годичного срока после заключения договора. Возражая против этого предложения, представители западных держав говорят, что прежде, чем записывать соответствующее положение в проект мирного договора с Германией, необходимо знать, с какой Германией будет заключён договор, какая власть будет установлена в Германии, каков будет географический объём Германии и т. д.

Но ведь когда договор будет заключён, то будет совершенно ясно, с кем он будет заключён, с какой Германией. Тогда всё будет совершенно ясно, поэтому не надо подменять один вопрос другим. Мы говорим — давайте установим, что мы предпримем тогда, когда договор будет подписан; нам же говорят — для того, чтобы подписать договор, надо иметь ответы на ряд вопросов. Это само собой разумеется. Но, во всяком

случае, в мирном договоре должен быть дан ясный ответ на вопрос о том, сколько же времени будут оставаться в Германии оккупационные войска?

Советская делегация спрашивает, согласны ли другие делегации с тем, чтобы эти войска ушли из Германии не позже чем через год после того, как договор будет подписан. На этот вопрос даётся отрицательный ответ; другие делегации считают, что в проекте мирного договора сроки пребывания оккупационных войск в Германии вообще не должны быть оговорены. В оккупационном статуте также не указан такой срок. Повидимому, американская, английская и французская делегации добиваются того, чтобы оккупация Германии продолжалась в течение длительного периода, и недвусмысленно предупреждают против «необоснованных надежд» на короткий срок. Не случайно же г-н Ачесон намекнул на то, что мирный договор может быть будет подписан через 50 лет! Что же касается делегации СССР, то она предлагает ускорить подготовку мирного договора и, в частности, представить проекты мирного договора в трёхмесячный срок, считая этот срок вполне реальным.

Касаясь заявления Бевина о том, что проект процедуры подготовки мирного договора с Германией, в значительной мере согласованный в 1947 году между четырьмя державами, «устарел», Вышинский сказал:

— Советская делегация хотела бы знать, что именно г-н Бевин имеет в виду, нельзя ли узнать, в чём именно устарел этот документ; если дело идёт о каких-либо новых принципах, на которых должен быть построен этот документ, то хорошо было бы узнать об этих принципах. Делегация СССР считает, наоборот, что проект процедуры подготовки мирного договора в своих основных чертах является вполне подходящим документом. Ссылки на то, что теперь имеются две Германии, неубедительны, так как порядок работы по подготовке мирного договора не зависит от того, имеются ли в данное время «две Германии» или одна, ибо всё-таки имеется один Совет министров иностранных дел, который должен выработать проект мирного договора.

Г-н Бевин говорит, что трёх дней недостаточно для того, чтобы заместители согласовали проект процедуры подготовки мирного договора. Конечно, три дня — срок небольшой. Но что же предлагает г-н Бевин? Он предлагает, чтобы заместители подготовили доклад к утру во вторник. Оказывается, трёх дней мало, а одного дня достаточно. Как же можно с таким предложением согласиться? Разве можно расценивать такое предложение иначе, чем как попытку уйти от действительного обсуждения вопроса?

Анализируя проект процедуры подготовки мирного договора, Вышинский показал, что в основе его лежат справедливые принципы, согласованные в своё время четырьмя державами. Этот проект предусматривает, в частности, что германский мирный договор должен быть подготовлен Советом министров иностранных дел, состоящим из тех членов совета, которые подписали акт о военной капитуляции Германии. Он предусматривает, что Совет министров должен консультироваться с союзными соседними с Германией государствами и другими государствами, которые участвовали своими вооружёнными силами в общей борьбе против гитлеровской Германии. Проект предлагает далее, чтобы для изучения вопросов, относящихся к германскому мирному договору,

были созданы постоянные комитеты, в работе которых должны принять участие союзные державы в том порядке, какой предусмотрен проектом процедуры. Далее предлагается создать информационно-консультативное совещание, в деятельности которого будет участвовать ещё более широкий круг государств. Наконец, предусматривается созыв мирной конференции.

— Разве это плохие принципы? Разве нужно что-либо менять в этих принципах? — спрашивал Вышинский. — Конечно, у нас имеется ещё ряд разногласий по проекту процедуры. Но для того, чтобы попытаться эти разногласия устранить, мы и предлагаем рассмотреть проект процедуры по пунктам. Можно было бы поручить эту работу заместителям, которые за три, может быть, даже за четыре дня выполнили бы её, а затем представили бы доклад Совету министров иностранных дел.

«Известия» № 138 (9978)
от 14 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

12 июня состоялось пленарное заседание Совета министров иностранных дел. Председательствовал Бевин. Министры обсуждали третий пункт повестки дня: «Подготовка мирного договора с Германией». Заседание длилось четыре с половиной часа.

Затем министры провели заседание в узком составе.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 12 июня.

«Правда» № 164 (11271)
от 13 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

15 июня представителям прессы было передано следующее комюнике, согласованное четырьмя министрами иностранных дел:

«КОМЮНИКЕ»

Четыре министра на частных заседаниях, имевших место в течение последних нескольких дней, рассматривали вопрос об австрийском договоре и *modus vivendi* (способе сосуществования) в отношении положения в Германии. Делегациями были внесены различные предложения, изучение которых вызвало необходимость отложить заседание, назначенное на сегодня, 15 июня.

Следующее заседание четырёх министров будет иметь место 16 июня в 3 часа 30 минут пополудни. Заседание будет закрытое.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 15 июня.

«Известия» № 140 (9980)
от 16 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

КОММЮНИКЕ

16 июня состоялось закрытое совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам, обсуждавшимся в предыдущем заседании в отношении Германии и Австрии.

Следующее закрытое совещание четырёх министров будет иметь место 19 июня.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 16 июня.

«Известия» № 141 (9981)
от 17 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

19 июня состоялось закрытое совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам, обсуждавшимся в предыдущих заседаниях в отношении Германии и Австрии. Завтра состоится пленарное заседание Совета министров иностранных дел.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 19 июня.

«Известия» № 144 (9984)
от 21 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

20 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, затем под председательством Бевина открылось пленарное заседание.

Вначале министры утвердили протоколы заседаний Парижской сессии. В связи с утверждением протоколов А. Я. Вышинский напомнил, что 23 мая советская делегация поставила вопрос: нет ли возможности договориться о том, когда Совет министров иностранных дел соберётся с участием Китая для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией?

О МИРНОМ ДОГОВОРЕ С ЯПОНИЕЙ

— Насколько я могу судить по нашим протоколам, — сказал Вышинский, — не все министры высказались тогда по этому вопросу. В частности, г-н Бевин сказал, что ему необходимо посоветоваться с правительством его величества. Таким образом, вопрос остался открытым.

Вышинский напомнил далее, что Ачесон на заседании 23 мая сказал, что необходимо приобрести опыт рассмотрения подобных проблем и что рассмотрение вопроса, поставленного делегацией СССР, будет зависеть от благополучного разрешения тех вопросов, которые стоят в повестке дня данной сессии.

— Я должен констатировать, — заметил в связи с этим Вышинский, — что, несмотря на то, что нам не удалось достигнуть соглашения по основным вопросам о восстановлении экономического и политического единства Германии и о мирном договоре с Германией, ряд вопросов был решён. Следовательно, условия, о которых говорил г-н Ачесон, налицо; таким образом, теперь можно ответить на вопрос, поставленный делегацией СССР. Я ещё раз напоминаю, что речь идёт о том, когда Совет министров иностранных дел соберётся для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией.

Отвечая на вопрос, поставленный Вышинским, Бевин сказал, что английское правительство в настоящее время не может указать «какое-либо число, когда Совет министров иностранных дел мог бы собраться для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией».

Взявший вслед за тем слово Ачесон сказал, что он хотел бы изложить точку зрения правительства США не только в отношении срока созыва сессии Совета министров иностранных дел по вопросу о мирном договоре с Японией. Он заявил, что правительство США не считает, что Совет министров иностранных дел является «подходящей организацией для подготовки мирного договора с Японией».

Вступая в противоречие с фактами, Ачесон утверждал, что «в Потсдамском соглашении нет ничего, что обязывало бы использовать Совет министров иностранных дел для этой цели». Он сказал, что правительство США продолжает считать, что подготовка мирного договора с Японией должна быть возложена на конференцию, состоящую из государств — членов Дальневосточной комиссии.

Шуман заявил, что Франция ещё два года тому назад согласилась с этим мнением Соединённых Штатов и что её позиция остаётся без изменений. Бевин ещё раз повторил, что британское правительство не в состоянии сегодня обсуждать вопрос о дате созыва Совета министров иностранных дел по вопросу о мирном договоре с Японией.

Касаясь замечаний, высказанных представителями западных держав, А. Я. Вышинский сказал:

— Г-н Бевин прав, — я поставил именно вопрос о дате. Но г-н Ачесон расширил этот вопрос и говорил уже не только о дате. Он затронул принципиальный вопрос о том, является ли Совет министров иностранных дел «подходящей организацией» для рассмотрения вопроса о мирном договоре с Японией. Поэтому я должен коснуться именно этого вопроса.

Вышинский напомнил, что в Потсдамских соглашениях прямо говорится, что «конференция достигла соглашения об учреждении Совета министров иностранных дел, представляющих пять главных держав, для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию и для обсуждения других вопросов, которые по соглашению между участвующими в совете правительствами могут время от времени передаваться совету».

— Здесь нет никаких ограничений, — подчеркнул Вышинский. — Здесь не сказано, что мирное урегулирование будет касаться только Германии или Италии и что оно не будет касаться Японии. И это вполне понятно. Разве Япония лишена прав, принадлежащих остальным государствам, хотя бы и побеждённым? Нет. И когда четыре державы учредили Совет министров иностранных дел, они определили его цели так, как сказано в Потсдамском соглашении, — для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию. Разве этого недостаточно? Разве из сказанного не вытекает, что Совет министров иностранных дел должен осуществить подготовку и мирного договора с Японией? Ведь эта страна также ждёт мирного урегулирования. Поэтому мне непонятно утверждение г-на Ачесона, будто бы Совет министров иностранных дел — «неподходящая организация» для подготовки мирного урегулирования с Японией.

Далее Вышинский сослался на тот пункт Потсдамских соглашений, в котором сказано: «Для разрешения каждой из этих задач (т. е. задач мирного урегулирования) совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача».

— Японии были продиктованы условия капитуляции, — сказал Вышинский. — Какие же государства продиктовали эту капитуляцию? В числе других — Китай. Кого же касается данная задача согласно этому пункту?

Естественно, что она должна касаться не только США, Великобритании, Франции и СССР, продиктовавших эти условия, но и Китая, который также продиктовал Японии условия капитуляции. Это совершенно ясно. Китай имеет полное право участвовать в Совете министров иностранных дел при подготовке мирного урегулирования с Японией. На это могут нам сказать — Китай может участвовать в этой работе как член Дальневосточной комиссии. На это я могу ответить: Потсдамские соглашения предусматривают участие Китая не в Дальневосточной комиссии, а в Совете министров иностранных дел.

Далее Вышинский остановился на вопросе о том, в какой форме смогут принять участие в подготовке мирного договора с Японией другие государства, входящие в Дальневосточную комиссию. Он дал анализ пунктов 3 и 4 Потсдамских соглашений, в которых содержится ответ и на этот вопрос. Далее Вышинский напомнил об опыте подготовки мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией.

— Мы предлагаем, — сказал Вышинский, — следовать этому порядку, соответствующему Потсдамским решениям, и не заводить иного порядка, отличающегося от того, который был предусмотрен Потсдамскими соглашениями, и противоречащего им.

* * *

Хотя А. Я. Вышинский с исчерпывающей полнотой показал, что Совет министров иностранных дел является единственным законным органом, призванным подготовить мирный договор с Японией, Ачесон

продолжал отрицать этот очевидный факт. Взяв слово вторично, он сказал, что «о японском мирном договоре ничего не сказано в Потсдамских соглашениях». Тут же он заявил, что «в то время, когда было подписано Потсдамское соглашение, Советский Союз даже не состоял в войне с Японией». Напомнив, что правительство США ещё в 1947 году высказалось за то, чтобы проект мирного договора с Японией был подготовлен не Советом министров иностранных дел, а Дальневосточной комиссией, Ачесон сказал: «Если бы Советский Союз принял тогда это предложение, мы теперь довольно далеко продвинулись бы вперёд с подготовкой этого мирного договора».

Отвечая Ачесону, Вышинский привёл ряд фактов, доказывающих полную несостоятельность доводов представителя США.

Касааясь роли, которую СССР сыграл на Дальневосточном фронте, Вышинский отметил, что она всем хорошо известна и что всякие попытки умалять её не могут не закончиться полным провалом.

— Во всяком случае, — продолжал Вышинский, — вопрос о том, должен ли Китай участвовать в работе Совета министров иностранных дел при выработке мирного договора с Японией, не может оспариваться. Китай участвовал в войне против Японии в тот период, когда выработалось Потсдамское соглашение.

По поводу замечания Ачесона, что подготовка мирного договора с Японией продвинулась бы вперёд, если бы СССР не отказался принять предложение США о том, чтобы эта подготовка велась в рамках Дальневосточной комиссии, Вышинский сказал:

— Подготовка мирного договора с Японией задерживают Соединённые Штаты, а не Советский Союз. Соединённые Штаты не хотят применить процедуру, принятую ими в Потсдаме. США подписали это соглашение, в котором говорится, что Совет министров иностранных дел учреждается для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию, причём не было сделано оговорки о том, что подготовка мирного договора с Японией исключается из компетенции совета. Следовательно, Совет министров иностранных дел должен подготовить мирное урегулирование и для Японии. Иначе толковать Потсдамские соглашения — значило бы очень вольно обращаться с фактами.

Не оспаривая доводов министра иностранных дел СССР, представители западных держав остались на своей позиции. Никакого решения по вопросу о том, когда Совет министров иностранных дел должен собраться с участием Китая для подготовки мирного договора с Японией, принято не было.

УТВЕРЖДЕНИЕ КОММЮНИКЕ ОБ ИТОГАХ ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ¹

Далее министры иностранных дел утвердили коммюнике об итогах Парижской сессии. При этом Ачесон, отметив, что министры согласовали главные вопросы, мешавшие до сих пор завершить подготовку австрийского договора, сказал:

— Некоторые вопросы, подлежащие обсуждению экспертов, как, например, вопросы о вывозе прибылей, о процедуре урегулирования

¹ См. стр. 111 — 114.

споров, могущих возникнуть при применении положений статьи о германских активах в Австрии, передаются нашим заместителям. Но, поскольку главные разногласия устранены, мы можем теперь с надеждой ожидать получения благоприятного доклада от наших заместителей к 1 сентября этого года.

В связи с этим Вышинский заявил:

— Как отметил г-н Ачесон, некоторые вопросы, в частности вопрос о вывозе прибылей, остались неурегулированными. Однако советская делегация понимает данный вопрос так, что право Советского Союза на вывоз прибылей в виде продукции или свободно конвертируемой валюты признаётся в принципе всеми делегациями.

Ачесон подтвердил толкование, данное Вышинским.

* * *

Перед тем как закрыть сессию, председательствующий Бевин выразил благодарность президенту Французской республики, французскому правительству, министру иностранных дел Франции г-ну Шуману и всем сотрудникам генерального секретариата за удобства, предоставленные делегациям, и за помощь в работе.

Вышинский и Ачесон также выразили французскому правительству признательность за гостеприимство. Шуман от имени французского правительства поблагодарил своих коллег за выражение этой признательности.

— Я убеждён, — сказал он, — что президент и правительство будут глубоко тронуты этими словами. Весь французский народ был счастлив принять конференцию в Париже. Он возлагал на неё много надежд. Конференция завершилась успехом, который был обеспечен благодаря духу общего взаимопонимания.

На этом Парижская сессия Совета министров иностранных дел закончила свою работу.

Париж, 20 июня.

«Известия» № 144 (9984)
от 21 июня 1949 г.

ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР А. Я. ВЫШИНСКОГО С КОРРЕСПОНДЕНТАМИ ГАЗЕТ «ПРАВДА» И «ИЗВЕСТИЯ»

ОБ ИТОГАХ ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В связи с обращением корреспондентов газет «Правда» и «Известия» к министру иностранных дел СССР т. А. Я. Вышинскому с просьбой высказаться по поводу недавно закончившейся в Париже сессии Совета министров иностранных дел, т. Вышинский сделал следующее сообщение:

— Происходившая в Париже в мае — июне сессия Совета министров иностранных дел собралась после перерыва, длившегося почти полтора года.

Как известно, Парижская сессия Совета министров иностранных дел была посвящена двум вопросам — о Германии и о договоре с Австрией, причём германский вопрос Совет министров рассматривал уже третий раз. Две предыдущие сессии Совета министров в 1947 году, на которых рассматривался германский вопрос, закончились безрезультатно, поскольку США, Великобритания и Франция не проявили стремления к решению германской проблемы и к подготовке мирного договора с Германией.

Следует напомнить, что ещё в 1946 году правительства США и Великобритании взяли курс на раскол Германии, отбросив в сторону обязательства, принятые ими на себя в Потсдаме. В соответствии с этим курсом они всячески оттягивали решение германской проблемы, стараясь использовать создавшуюся в связи с этим неопределённость. Уже тогда правительства США, Великобритании и Франции добивались того, чтобы прибрать западную часть Германии к своим рукам и использовать её в антидемократических и империалистических целях. Такая позиция находилась в грубом противоречии с Потсдамским соглашением, предусматривавшим необходимость демилитаризации и демократизации Германии.

Следуя этому антипотсдамскому курсу, правительства США, Великобритании и Франции провели в течение последних трёх лет ряд мероприятий, направленных на закрепление раскола Германии и превращение западных зон Германии в орудие осуществления своих экспансионистских планов.

Такие мероприятия, как сепаратная денежная реформа в западных зонах Германии; ликвидация Межсоюзной комендантуры в Берлине, действовавшей в составе комендантов восточного и западных секторов; прекращение деятельности общегерманского магистрата; приостановление работы Контрольного совета в составе главнокомандующих четырёх зон, действовавшего на основе международных соглашений, заключённых между СССР, США, Англией и Францией; навязанный Западной Германии оккупационный статут, цель которого заключается в продлении режима оккупации на долгие годы; создание антидемократической так называемой «боннской конституции», подготовленной за спиной германского народа, с тем, чтобы навязать германскому народу федералистское устройство; наконец, попытки включить западные зоны Германии в сферу действия «плана Маршалла», чтобы облегчить подчинение экономики западных зон Германии англо-американскому монополистическому капиталу, — все эти мероприятия достаточно красноречиво говорят о том, как далеко зашли правительства США, Англии и Франции в нарушении обязательств по вопросу о Германии, принятых ими на себя по Потсдамскому соглашению.

Таков курс, проводимый вот уже в течение нескольких лет правительствами США, Великобритании и Франции в германском вопросе. Не следует забывать, что германский вопрос имеет важное значение не только для Германии, но и для всех народов, стремящихся к установлению прочного мира. Такой курс, как это было очевидно с самого начала,

был обречён на провал, так как он находится в противоречии с историческим развитием Германии и встречает осуждение со стороны всей демократической Европы и демократических кругов всего мира.

Тем не менее правительства США, Великобритании и Франции, как это со всей ясностью обнаружилось в процессе работы Совета министров в Париже, не оставляли надежды на то, чтобы повести сессию по пути своего так называемого «твёрдого» курса и попытаться добиться успеха на этом пути. Именно такой смысл имел меморандум, внесённый гг. Ачесоном, Бевином и Шуманом в ответ на предложения советской делегации в Париже по вопросу о единстве Германии. Именно указанную выше цель — получить одобрение Совета министров иностранных дел своим сепаратным мероприятиям в отношении Германии, легализовать, так сказать, свою раскольническую деятельность и навязать свой анти-демократический план решения германской проблемы — преследовали три западных правительства, внося свой меморандум по первому пункту повестки дня — «о единстве Германии».

Три западных правительства не придумали в этом случае ничего лучшего, как предложить, чтобы восточная зона Германии попросту присоединилась к так называемой «боннской конституции», приняла оккупационный статут и подчинилась диктату трёх западных правительств, полностью развязывающих себе руки в решении любых вопросов, касающихся Германии.

Несмотря на обилие цветистых фраз, на которые не скупилась на Парижской сессии министры иностранных дел США, Англии и Франции, декламируя о предоставлении немцам «широкого права голоса при ведении собственных дел», как об этом заявил на пресс-конференции 23 июня г-н Ачесон, меморандум трёх западных делегаций предусматривал введение в действие бессрочного оккупационного статута, со всеми вытекающими из этого факта последствиями, предназначенного, как известно, для того, чтобы оттянуть заключение мирного договора с Германией и, вопреки интересам германского народа, подольше сохранить в Германии режим военной оккупации.

Эту программу представители трёх правительств хотели провести на Парижской сессии. Однако это им не удалось ввиду твёрдой позиции, занятой советской делегацией.

Таким образом, попытка трёх западных делегаций противопоставить предложения, изложенные в меморандуме, предложениям советской делегации потерпела неудачу. Министры иностранных дел США, Англии и Франции оказались вынужденными искать другого выхода из создавшегося положения, другого решения германского вопроса.

Необходимость искать другого выхода не была, конечно, неожиданностью для США, Великобритании и Франции, так как им самим была уже очевидна неудача, постигшая курс англо-франко-американской политики в отношении Германии. Не случайным поэтому было появление новых предложений трёх западных делегаций по германскому вопросу. В этих предложениях уже не только не было никакого намёка на то, что проводившаяся до сих пор правительствами США, Великобританией и Францией политика в отношении Германии была правильной, а, наоборот, прямо заявлялось о необходимости приложить усилия к восстановлению экономического и политического единства Германии с тем, чтобы до-

биться на следующей сессии СМД того результата, которого не удалось в этом отношении добиться на этой сессии. Это, конечно, никак нельзя назвать подтверждением правильности американской политики в отношении Германии, как это силятся теперь доказать официальные представители правительства США в своих последних выступлениях, посвящённых итогам Парижской сессии Совета министров иностранных дел.

В действительности, достигнутая на Парижской сессии Совета министров договорённость по германскому вопросу серьёзно расходится с первоначальными англо-франко-американскими предложениями и планами. Если внимательно вчитаться в коммюнике Совета министров иностранных дел, то нетрудно будет увидеть в коммюнике, принятом четырьмя министрами, основные идеи предложений, которые были внесены советской делегацией в Совет министров в первые же дни его работы.

В самом деле, какова была позиция Советского Союза в германском вопросе в Совете министров в Париже? С какими предложениями выступала советская делегация, какие принципы решения германской проблемы она отстаивала?

Кратко говоря, позиция советской делегации сводилась к тому, чтобы ускорить урегулирование германской проблемы с целью восстановления единства Германии как миролюбивого и демократического государства, а также подготовку и заключение мирного договора с Германией на основе потсдамских принципов, являющегося одним из важнейших условий обеспечения международного сотрудничества и безопасности народов.

Советский Союз твёрдо стоял и стоит за точное и последовательное соблюдение Потсдамского соглашения, отстаивая восстановление экономического и политического единства Германии, создание единого, миролюбивого демократического германского государства, возвращение Германии прав свободной и равноправной миролюбивой нации.

В этом и заключалась позиция Советского Союза на Парижской сессии Совета министров иностранных дел. Этим определялись и те предложения, которые были внесены на этой сессии советской делегацией, а именно:

1) о безотлагательной подготовке мирного договора с Германией с тем, чтобы в проекте договора был предусмотрен вывод из Германии оккупационных войск по истечении одного года после заключения договора;

2) о восстановлении деятельности Контрольного совета в Германии на прежней основе, как органа, призванного осуществлять верховную власть в Германии;

3) о восстановлении Межсоюзной комендатуры Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом;

4) о создании на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманского Государственного Совета в качестве экономического и административного центра Германии, с правительственными функциями в области экономического и государственного строительства, при сохранении верховной власти Контрольного совета;

5) о восстановлении общеберлинского магистрата, переставшего функционировать в 1947 году вследствие сепаратных действий западных оккупационных властей;

6) об установлении единой валюты для Берлина, исходя из согласованных между четырьмя державами положений о том, что в соответствии с достигнутой 30 августа 1948 года договорённостью между СССР, США, Англией и Францией немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единой валюты для Берлина, а западная марка будет изъята из обращения в Берлине.

Однако все эти предложения советской делегации встретили упорное сопротивление министров иностранных дел США, Великобритании и Франции. Даже предложение о завершении работы по подготовке процедуры составления мирного договора не было принято под тем предлогом, что имевшийся уже проект процедуры устарел и требует якобы коренной перделки. Однако никто из министров и, в первую очередь, американский министр иностранных дел Ачесон, который больше всего возражал против обсуждения на данной сессии вопроса о мирном договоре с Германией, не могли сказать, что именно нужно изменить в упомянутом проекте процедуры.

Из сказанного ясно, что в германском вопросе Советский Союз на Парижской сессии СМВД последовательно придерживался своей принципиальной позиции, полностью соответствующей Потсдамскому соглашению, отклоняя всякие попытки отойти от принципов потсдамских решений в германском вопросе.

В результате трём западным делегациям пришлось изменить курс. Они вынуждены были подумать о другой основе для урегулирования некоторых вопросов, касающихся Германии, чем указанный выше меморандум. Такой основой и явились, в конце концов, советские предложения.

Как бы ни старались три западных правительства отрицать это, но остаётся фактом то, что согласованное между четырьмя министрами коммюнике построено в духе советских предложений!

Разве это не подтверждается пунктом вторым коммюнике, в котором говорится, что «оккупационные власти, в свете намерений министров продолжать свои усилия в целях достижения восстановления экономического и политического единства Германии, будут консультироваться совместно в Берлине на четырёхсторонней основе»? Разве не об этом говорят также и другие пункты коммюнике, предусматривающие такие мероприятия, как четырёхсторонние консультации по управлению Берлином, участие в консультациях немецких экспертов, установление между немецкими руководящими органами восточной и западных зон более тесных экономических связей, расширение торговли между восточной и западными зонами, а также между Берлином и зонами и т. д.?

Эти пункты представляют собой явный отход трёх министров от своей прежней позиции, заключавшейся в том, чтобы решать германские вопросы без участия Советского Союза, как об этом правительства США, Англии и Франции договорились между собой в Лондоне в 1948 году и подтвердили это весной 1949 года в Вашингтоне.

Теперь на Парижской сессии Совета министров правительства США, Англии и Франции сочли необходимым согласиться на четырёх-

сторонние консультации по германскому вопросу, вместо трёхсторонних консультаций, которые они стали практиковать в последние два года, грубо нарушая принцип Потсдамского соглашения.

В этой связи нельзя не остановиться на той части заявления г-на Ачесона на пресс-конференции в Вашингтоне от 23 июня об итогах Парижской сессии СМВД, в которой г-н Ачесон утверждал, что якобы усилия США направлены на то, чтобы предоставить немцам «свободу в их собственных делах» и «ослабить контроль оккупационных властей», и что будто бы Советский Союз «не осмеливается поступить таким же образом».

Но это утверждение несерьёзно и лишено основания. В самом деле, если бы было так, как заявил г-н Ачесон, то чем же объяснить, что и он, и его западные коллеги решительно возражали против всех предложений советской делегации, направленных именно на то, чтобы восстановить единство Германии и предоставить немцам «свободу в их собственных делах»? Разве именно министр США и поддерживавшие его министры Англии и Франции не отклонили предложение советской делегации о создании немецкого Общегерманского Государственного Совета на основе экономических немецких органов, действующих в западных и восточной зонах? Разве они не отклонили также другое предложение советской делегации — рекомендовать немецким экономическим органам восточной и западных зон создать координационный экономический орган? Разве министры США, Великобритании и Франции не отказались оказать созданию такого органа и его деятельности необходимое содействие, на чём настаивала советская делегация? Разве они не отклонили также советское предложение восстановить общеберлинский магистрат и не отвергли предложение СССР рекомендовать немецким руководящим экономическим органам восточной и западных зон учредить экономические представительства в целях, между прочим, развития торговой и вообще экономической деятельности этих немецких органов? Наконец, разве не делегации США, Великобритании и Франции отвергли предложения Советского Союза о подготовке мирного договора с Германией и об установлении короткого срока для вывода оккупационных войск из Германии? Что же касается вопроса о создании общегерманского демократического правительства, то разве три западных министра не показали на Парижской сессии, насколько им нежелательно образование такого правительства?

Как же в свете всех этих неоспоримых фактов мог г-н Ачесон позволить себе заявить, вопреки очевидности, что США стремятся предоставить немцам «свободу в их собственных делах», а Советский Союз якобы не желает предоставить немцам «свободы в их собственных делах»?

На той же пресс-конференции г-н Ачесон заявил, что в успехах, достигнутых в восстановлении Западной Европы, он предлагает искать объяснение того, что произошло в Париже. Я считаю нужным по этому поводу заявить, что не об успехах, а о неудачах «плана Маршалла» надо было бы говорить, если считаться с фактами, известными всему миру. В самом деле, если «план Маршалла» оказался успешным планом, то чем объяснить, что автор этого плана снят с поста министра иностранных дел США и заменён другим министром? Я думаю, что именно в неудачах «плана Маршалла» следует видеть одну из причин отхода трёх министров

на Парижской сессии от их первоначальной так называемой «твёрдой политики».

Что касается вопроса об австрийском договоре, то на Парижской сессии удалось договориться по этому вопросу вследствие того, что правительствам США, Великобритании и Франции пришлось изменить свою позицию в этом деле и снять свои возражения против законных требований советского правительства в отношении бывшей германской собственности в Восточной Австрии. Именно отказ трёх западных правительств признать законные права Советского Союза на это имущество и служил главным препятствием к достижению соглашения по австрийскому вопросу, хотя обсуждению австрийского договора одни заместители министров иностранных дел посвятили более 160 заседаний.

Соглашением о договоре с Австрией были урегулированы и другие важные вопросы, остававшиеся спорными между Югославией и Австрией. Югославии были обеспечены её экономические интересы путём передачи ей австрийской собственности на югославской территории. Была обеспечена также и защита прав словенского и хорватского национальных меньшинств в Бургенланде, Каринтии и Штирии. Относительно югославских территориальных претензий к Австрии надо сказать, что уже два года тому назад, т. е. задолго до Парижской сессии Совета министров иностранных дел, представители Югославии вели за спиной Советского Союза тайные переговоры с представителями Англии в лице Ноэль-Беккера и государственного министра Макнейла, но не добились от них никаких уступок. Ясно, что за последствием таких закулисных переговоров советское правительство не может взять на себя никакой ответственности.

Говоря об итогах Парижской сессии Совета министров иностранных дел, следует отметить наиболее важный итог, — это несомненная неудача курса политики на раскол Германии, на обострение международных отношений, и несомненный успех курса политики на восстановление единства Германии, на улучшение международных отношений, на международное сотрудничество.

Таковы итоги Парижской сессии Совета министров иностранных дел. Что касается вопроса о подготовке условий для созыва Парижской сессии Совета министров иностранных дел, то в этом деле, как известно, имели место некоторые взаимные уступки как со стороны трёх западных правительств, так и со стороны советского правительства. Советское правительство заявило, что оно согласо снять транспортные и другие ограничения, если три западных правительства в свою очередь согласятся снять свои транспортные и иные ограничения, откажутся от бойкота сотрудничества четырёх правительств и пойдут на восстановление Совета министров иностранных дел. Три правительства пошли на эти уступки.

Я думаю, что и в дальнейшем придётся пойти на некоторые взаимные уступки, совместимые с основами Потсдамского соглашения.

«Известия» № 152 (9992)
от 30 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НА 4-й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН И ЗАЯВЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

(СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ)

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
ПО ПРИБЫТИИ В НЬЮ-ЙОРК

(19 сентября)

19 сентября А. Я. Вышинский по прибытии на аэродром в Нью-Йорк сделал следующее заявление корреспондентам:

«Вступив на американскую землю, я прежде всего хотел бы через ваше посредство передать приветствие народу Соединённых Штатов Америки».

Советская делегация прибыла на сессию Генеральной ассамблеи с твёрдым желанием внести свой вклад в дело укрепления организации Объединённых наций. Делегация исходит при этом из убеждения, что организация Объединённых наций является, как сказал глава советского правительства И. В. Сталин, серьёзным инструментом сохранения мира и международной безопасности.

Нет сомнений в том, что Генеральная ассамблея сможет успешно разрешить стоящие перед ней важнейшие задачи, если члены Объединённых наций проявят искреннее стремление сотрудничать друг с другом и будут действовать в соответствии с целями и принципами устава Организации».

(ТАСС)

«Известия» № 222 (10062)
от 20 сентября 1949 г.

ОБ ОСУЖДЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВОЙ ВОЙНЫ И О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА ПЯТИ ДЕРЖАВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(23 сентября)

По установившейся традиции Генеральная ассамблея начинает свою работу с общей дискуссии, чтобы критическим взором окинуть пройденный путь, дать оценку своей деятельности за истекшее время, наметить перспективы своей дальнейшей работы, определить условия, которые могли бы помочь организации Объединённых наций решить стоящие перед ней задачи.

Однако далеко не все делегаты так понимают свои задачи и свою роль на данной сессии. Один из таких делегатов, представитель гоминдановского правительства г-н Тзянг пытался вчера использовать трибуну Генеральной ассамблеи для грязных инсинуаций и клеветнических выпадов против Советского Союза. Пустившись в историю, г-н Тзянг не проявил естественно элементарной добросовестности и честности в отношении исторических фактов, которые подверглись с его стороны грубой фальсификации и извращениям. Он скрыл, например, правду о том, что Советский Союз, и только Советский Союз, подписав с Китаем соглашение об основных принципах по урегулированию вопросов между СССР и Китаем, был единственным государством, которое ещё 25 лет тому назад отказалось от всех царских договоров, нарушавших суверенитет Китая. Он скрыл правду и о том, что это соглашение было единственным равноправным договором, который заключила с Китаем великая держава на основе уважения принципа равенства и независимости Китая, принципа, которому был, есть и всегда будет верен великий Советский Союз. Фальсифицируя факты, инсинуируя по адресу СССР, г-н Тзянг доказал только одно — звериную ненависть представляемых им, идущих ко дну реакционных кругов Китая ко всему передовому и подлинно демократическому, за что борются сейчас во всех странах во главе с лучшими своими представителями народы, отстаивая свою независимость и свободу от империалистического гнёта и бесправия. Но полемизировать с господами тзянг и им подобными было бы недостойно уважающих себя людей.

Перехожу к своей основной теме.

Известно, что деятельность организации Объединённых наций теснейшим образом связана с внешнеполитическими отношениями, складывающимися между государствами — членами ООН, связана с внешней политикой этих государств, и, раньше всего, государств, которые в организации играют ведущую роль, на которых лежит и главная ответственность за направление деятельности организации Объединённых наций. Вполне поэтому естественно, что на положение дел в организации Объединённых наций не может не влиять политика таких её членов, как Соединённые Штаты Америки и Великобритания, под руководством которых действует сколоченный ими блок.

Прошедший со времени последней сессии год отмечен большими и важными событиями в международной жизни. Эти события показывают, что господствующее в Генеральной ассамблее англо-американское большинство не только не стремится к укреплению организации Объединённых наций, а следовательно, и к укреплению международного сотрудничества, но, наоборот, действует в направлении подрыва её влияния и авторитета и самых основ организации. Факты говорят, что правительства США и Англии, несмотря на свои фальшивые заявления о поддержке организации Объединённых наций на деле действуют в обход, за спиной организации Объединённых наций, а нередко и против неё. Об этом говорят такие факты, как незаконное создание межсессионного комитета, как организация в нарушение устава так называемой Балканской комиссии, комиссии по Корее, как непрекращающийся поход против принципа единогласия, являющегося одним из важных устоев организации.

I. СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ СОЮЗ И «ПЛАН МАРШАЛЛА» — ПОДКОП ПОД ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

К числу наиболее значительных фактов такого рода принадлежит созданный по инициативе США и Великобритании Северо-атлантический союз, являющийся прямым подкопом под организацию Объединённых наций. Все помнят, как в заявлении государственного департамента США 14 января 1949 года возвещалось, что создание Северо-атлантического союза было продиктовано якобы стремлением укрепить организацию Объединённых наций. Инициаторы Северо-атлантического союза ссылались при этом на статью 51 устава ООН, предусматривающую право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооружённого нападения на члена организации. В действительности Северо-атлантический союз не только не предназначен служить и не служит делу укрепления организации Объединённых наций, но, напротив, наносит новый тяжёлый удар по организации и способствует дальнейшему её ослаблению. Создание группировки государств — участников Северо-атлантического союза прямо противоречит уставу ООН и является прямым нарушением со стороны государств — членов ООН обязательств, принятых ими на себя по этому уставу.

Советское правительство неоднократно указывало на то, что создание Северо-атлантического союза нельзя оправдать ссылками на право каждого члена ООН на индивидуальную или коллективную самооборону. Такое право, согласно статье 51 устава, может возникнуть лишь в случае вооружённого нападения на члена организации. Между тем ни Соединённым Штатам, ни Великобритании, ни какому-либо другому государству — члену этой агрессивной группировки — никакое вооружённое нападение, как известно, не угрожает, и, таким образом, ссылки на статью 51 лишены всякого основания. Такие ссылки являются не чем иным, как попыткой затушевать действительный политический смысл Северо-атлантического договора и обмануть общественное мнение народов стран — участниц этого пакта и всего мира. Действительный политический смысл Северо-атлантического договора и основанного на этом договоре союза был разоблачён советским правительством в меморандумах от 29 января и 31 марта 1949 года, показавших, что цели Северо-атлантического пакта заключаются в стремлении правящих кругов США и Великобритании лишить как можно большее количество государств возможности проведения самостоятельной национальной внутренней политики и использовать эти государства в качестве подобного средства осуществления своих агрессивных планов, направленных на установление мирового господства. Советское правительство указывало, что Северо-атлантический пакт предназначен вместе с тем для того, чтобы служить для «устрашения государств, не согласных подчиняться диктату англо-американской группировки держав, претендующих на мировое господство, хотя несостоятельность подобного рода претензий вновь подтвердила вторая мировая война, закончившаяся разгромом фашистской Германии, тоже претендовавшей на мировое господство».

Вот в чём состоит подлинный смысл Северо-атлантического союза, цели и задачи которого не имеют ничего общего с целями и задачами ор-

ганизации Объединённых наций, устав которой обязывает уважать суверенное равенство государств и их независимость. Агрессивный характер Северо-атлантического союза полностью подтверждают и официальные выступления таких представителей США, как президент Трумэн, государственный секретарь г-н Ачесон, начальник объединённой группы штабов ген. Брэдли и др., которые имели место в последнее время в связи с ассигнованиями на вооружения членов Северо-атлантического союза и проведением других военных мероприятий, направленных на подготовку новой войны.

Ряд других мероприятий, продиктованных нынешним курсом внешней политики Соединённых Штатов и Англии, также направлен на подрыв организации Объединённых наций. Это следует в первую очередь сказать о провалившемся «плане Маршалла», который является одним из важных звеньев системы военно-политических блоков западных государств, направленных против СССР и стран народной демократии. Эту цель организаторы «плана Маршалла» старательно затушёвывают ссылками на то, что «план Маршалла» имеет якобы цель оказать западноевропейским государствам лишь экономическую помощь. «План Маршалла» означал и означает раскол Европы на два лагеря. Этот план, противодействуя развитию национальной промышленности западноевропейских стран, фактически ведёт к ликвидации национального суверенитета этих стран. Он направляет западноевропейские страны не по пути восстановления и подъёма их национальной экономики, а по пути приспособления её к требованиям американских капиталистических монополий. «План Маршалла», несомненно, принёс значительные выгоды крупным американским капиталистическим монополиям, прибыли которых достигли в 1947 году 18 миллиардов долларов и в 1948 году — 21 миллиарда долларов. Но теперь уже ни для кого не секрет, что «план Маршалла» не только не оздоровил экономику Западной Европы, о чём столько трубили его инициаторы и поклонники, но окончательно её подорвал. Для подтверждения этого факта достаточно сослаться на доклад секретариата ООН «О мировом экономическом положении», опубликованный в июне — июле 1949 года. Из этого доклада ясно видно, что во всех странах Западной Европы выпуск промышленной продукции в первом квартале 1949 года резко сократился. В то же время резко увеличился в этих странах рост безработицы. Во Франции количество безработных возросло за этот период в полтора раза, в американской и английской оккупационных зонах Германии — почти вдвое, в Голландии и Норвегии — вдвое и т. д. Как известно, безработица возросла и продолжает расти и в США, где налицо свыше 4 миллионов безработных. Рост безработицы в США отмечен и в упомянутом выше докладе секретариата ООН. «План Маршалла» больно ударил по трудящимся маршаллизированных стран, приведя к снижению их покупательной способности и к дальнейшему обнищанию.

II. НОВЫЕ УСПЕХИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В СССР И В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В противоположность такому положению западноевропейских стран, несущих на себе тяжесть так называемой помощи по «плану Маршалла», Советский Союз и страны народной демократии успешно осуществляют свои планы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства.

Советский Союз уверенно идёт вперёд по пути дальнейшего развития своей экономики, всё более и более усиливая свою экономическую мощь и дальнейший подъём культурного и материального уровня жизни советского народа.

В то время как в капиталистических странах, и особенно в маршаллизированных странах, экономическое положение день ото дня ухудшается и экономика этих стран катится вниз, понижается жизненный уровень населения, падает реальная заработная плата, а прибыли капиталистов, как мы видели выше, растут, — в Советском Союзе и странах народной демократии, напротив, мы наблюдаем мощный подъём во всех отраслях народного хозяйства, сопровождающийся громадным подъёмом культурного и материального благосостояния населения. Из недавно опубликованного сообщения Центрального статистического управления о хозяйственных итогах в СССР во втором квартале 1949 года видно, что выпуск промышленной продукции возрос в СССР на 20 процентов по сравнению со вторым кварталом прошлого года. Растёт численность рабочего класса, повышается производительность труда, снижаются цены на товары массового потребления, растёт реальная заработная плата трудящихся и вместе с тем покупательная способность населения.

Успехи Советского Союза и стран народной демократии в деле восстановления народного хозяйства отмечаются и в упомянутом выше докладе секретариата Объединённых наций «О мировом экономическом положении», вынужденном признать, что в противоположность странам Западной Европы и всем странам мира промышленность и сельскохозяйственное производство в Советском Союзе и странах народной демократии в первом квартале 1949 года неуклонно продолжают расти.

III. ПОЛИТИКА США И АНГЛИИ НАПРАВЛЕНА НА ПОДГОТОВКУ НОВОЙ ВОЙНЫ

Политика Соединённых Штатов Америки и Великобритании, направленная, как это мы видели выше, на ослабление и даже на подрыв организации Объединённых наций, является основной причиной совершенно неудовлетворительного положения дел в таких ответственных органах ООН, как Совет безопасности, атомная комиссия, комиссия по обычным вооружениям, военно-штабной комитет, Экономический и социальный совет и др. Во всех этих органах США и Великобритания, преследуя свои цели, не имеющие ничего общего с целями и задачами организации Объединённых наций, и опираясь на послушное им большинство, пытаются действовать методом диктата и навязывания своих

решений остальным государствам. В результате такой важный орган, как, например, атомная комиссия, в течение почти четырёх лет не выполняет решений Генеральной ассамблеи по разработке мероприятий, направленных на запрещение атомного оружия и установление международного контроля над атомной энергией в целях недопущения использования этой энергии для военных нужд. Такое положение в атомной комиссии создалось вследствие непрекращающихся попыток со стороны США и Великобритании навязать комиссии свой план международного контроля, с которым не может согласиться ни одно государство, дорожащее своей независимостью и государственным суверенитетом.

Не дала до сих пор никаких результатов по тем же причинам и работа комиссии по обычным вооружениям, на которую возложена важная задача подготовки мероприятий по сокращению вооружений и вооружённых сил.

Что касается Экономического и социального совета, то он совершенно не уделяет внимания таким важным проблемам международного экономического сотрудничества, как содействие восстановлению экономики пострадавших от войны стран, как вопрос о правах профессиональных союзов, вопрос о борьбе с безработицей, которая всё более и более даёт себя знать в капиталистических странах, обрекая миллионы людей на разорение, нищету, голод. Всё это не привлекает должного внимания Экономического и социального совета, предпочитающего заниматься такими «проблемами», как вопрос о вреде жевания листьев кока.

Столь же неудовлетворительно положение дел и в других органах ООН. С таким положением нельзя мириться. Организация Объединённых наций должна исправить создавшееся положение, должна принять меры к устранению препятствий, мешающих её органам нормально вести свою работу, чтобы выполнить стоящие перед организацией Объединённых наций важные и ответственные задачи.

Советский Союз считает, однако, необходимым сказать, что улучшение положения в организации Объединённых наций возможно лишь в том случае, если все члены организации будут соблюдать устав и его принципы, заботясь об укреплении авторитета организации Объединённых наций, вместо того, чтобы, преследуя свои узко групповые цели, не имеющие ничего общего с целями Объединённых наций по укреплению международного сотрудничества, мира и безопасности народов, расшатывать фундамент, на который опирается организация Объединённых наций.

Соединённые Штаты и Великобритания, а также некоторые другие страны, идущие в фарватере англо-американского блока, преследуют прямо противоположные цели — не сотрудничество и развитие дружественных отношений между народами, а подрыв этого сотрудничества, создание военных агрессивных блоков государств, подготовка новой войны. Преследуя эти цели, Соединённые Штаты и Великобритания ведут бешеную гонку вооружений, раздувают военные бюджеты, создают всё новые и новые военные базы на территориях других государств, принимают и другие меры по подготовке новой войны, сопровождая всё это разнузданной пропагандой войны, поощряемой этими правительствами.

О бешеной гонке вооружений в США можно судить по тем прямым ассигнованиям на военные цели в США, которые выражаются в 14,3

миллиарда долларов на 1950 год против 11 миллиардов долларов на 1949 год, тогда как прямые ассигнования на военные расходы в США в довоенные годы составляли: в 1936 году — 1,1 миллиарда, в 1937—1938 годах — по 1,2 миллиарда долларов, т. е. прямые ассигнования в 1950 году на военные расходы в США в двенадцать раз превышают ассигнования на военные расходы в годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне! В то же время на здравоохранение, народное образование и социальное обеспечение ассигнования в США составляют лишь 2,3 миллиарда долларов.

Гонка вооружений в настоящее время характерна также и для Англии, где военные расходы по бюджету растут с каждым годом и где в правящих кругах в настоящее время получил широкое распространение геринговский лозунг — «пушки вместо масла».

Несмотря на то, что война уже давно закончилась, США не только не ликвидировали сотни построенных во время войны своих военных баз во всех концах мира, но продолжают строить всё новые и новые военные, военно-морские и военно-воздушные базы. США и Великобритания создали объединённые военные штабы из представителей стран — участниц агрессивных блоков, которые заняты сейчас разработкой планов новой войны, отводя в этих планах видное место атомному оружию, на которое поджигатели войны возлагают свои главные надежды. Удивительно ли, что при таком положении вещей Соединённые Штаты Америки и Англия отказываются от заключения конвенции по запрещению атомного оружия, предпочитая обходиться без такой конвенции, чтобы быть с развязанными руками. Следует напомнить, что цивилизованные народы давно уже осудили применение в войне ядовитых газов в целях массового уничтожения людей и отказались от использования такого оружия. Правительства же США и Великобритании не соглашаются пойти по этому пути в отношении атомного оружия и отказаться от использования этого оружия агрессии, предназначенного для массового уничтожения людей.

Что касается пропаганды войны, то, несмотря на единодушно принятое Генеральной ассамблеей в 1947 году постановление, осуждающее пропаганду и подстрекателей войны, эта пропаганда в США и в Англии не только не прекратилась, но ведётся с ещё большей наглостью и в ещё больших размерах, при явном попустительстве и покровительстве американских правящих кругов, сознательно подогревающих эту пропаганду. Нельзя не отметить, что при этом преследуется также цель оправдать перед народными массами своих стран проводимые в США и Великобритании военные мероприятия и использовать пропаганду войны и военную истерию как средство давления для увеличения ассигнований на военные цели. Это откровенно заявил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс», в номере которого от 5 августа 1949 года можно прочесть следующие признания: «В этом году программу помощи другим странам будет труднее осуществлять, чем в прошлом году. Снова должна быть развернута кампания военной истерии, чтобы добиться поддержки программы вооружения других стран. Преднамеренно распространяемые слухи о войне являются обманом, но их считают необходимыми для того, чтобы возбудить конгресс в достаточной степени и таким путём получить требуемое число голосов в пользу программы вооружения».

Можно легко себе представить, сколько лжи, клеветы, гнусных инсинуаций пускают в ход присяжные лжецы и фальсификаторы, чтобы лучше выполнить заказ поджигателей новой войны.

IV. СССР — НА СТРАЖЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

Такова политика США и Великобритании с установкой на завоевание мирового господства.

«Политика нынешних руководителей США и Англии,— сказал глава советского правительства И. В. Сталин,— есть политика агрессии, политика развязывания новой войны».

Такой политике противостоит политика Советского Союза, политика мира и сотрудничества между всеми странами, желающими такого сотрудничества, политика поддержки организации Объединённых наций, являющейся, по справедливому выражению главы советского правительства И. В. Сталина, «серьёзным инструментом сохранения мира и международной безопасности».

Советский Союз верен принципам международного сотрудничества. Советский Союз стоял и стоит против организации военных блоков и военных агрессивных группировок.

На пленарном заседании I-й сессии Генеральной ассамблеи в 1946 году советская делегация заявила, что в признании Советским Союзом принципов международного сотрудничества выражена твёрдая воля к всеобщему миру и готовность к мирному соревнованию в социально-экономических делах государственных и общественных систем. Советская делегация заявила, что в советском народе нет колебаний и нет сомнений в том, что мир среди народов, широкое и дружественное сотрудничество целиком отвечают интересам Советского Союза и не могут не отвечать интересам всех миролюбивых стран и народов.

В 1934 году вождь народов Советского Союза И. В. Сталин сказал: «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

Спустя пять лет, в марте 1939 года, говоря о внешней политике Советского Союза, И. В. Сталин вновь указывал на то, что «мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны».

Советский Союз сейчас, как и раньше, верен принципам, выраженным в этих словах своего великого вождя. Осуществляя свою внешнюю политику, Советский Союз неизменно отстаивает дело мира, разоблачая поджигателей новой войны, готовых обрушить на миролюбивые народы новые и ещё более ужасные бедствия.

В настоящее время, когда не прекращается мобилизация агрессивных сил, Советский Союз считает своим долгом вновь поднять свой голос против подготовки и поджигателей новой войны, в защиту мира и безопас-

ности народов. Во всех странах идёт, и всё более и более ширится, могучее движение народных масс за мир. Демократические силы, стоящие за мир, растут во сто крат скорее, чем чёрная рать поджигателей войны. Растёт всё больше и больше и решимость демократических сил к сопротивлению гнусным делам империалистических агрессоров. Долгом Объединённых наций, заявивших в уставе своей организации о решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, является присоединить и свой голос к голосам миллионов и миллионов людей, вступающих против войны, за мир и дружбу народов.

Советская делегация, по поручению советского правительства, обращается к Генеральной ассамблее с призывом принять со своей стороны меры в целях укрепления мира и устранения угрозы новой войны, подготавливаемой агрессивными блоками государств во главе с США и Великобританией. По поручению советского правительства делегация СССР предлагает Генеральной ассамблее принять следующие предложения:

V. ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

По поручению советского правительства делегация СССР предлагает Генеральной ассамблее принять следующее постановление:

«Первое. Генеральная ассамблея осуждает ведущуюся в ряде стран, в особенности в Соединённых Штатах Америки и в Великобритании, подготовку новой войны, выражающуюся в поощряемой правительствами пропаганде войны, в гонке вооружений и раздувании военных бюджетов, ложащихся тяжёлым бременем на население, в создании многочисленных военных, военно-морских и военно-воздушных баз на территориях других стран, в организации военных блоков государств, преследующих агрессивные цели в отношении миролюбивых демократических стран, и в проведении других мероприятий с агрессивными целями.

Второе. Подобно тому, как цивилизованные нации уже давно осудили как тягчайшее преступление против человечества использование ядовитых газов и бактериологических средств в военных целях, Генеральная ассамблея признаёт противоречащим совести и чести народов и несовместимым с принадлежностью к организации Объединённых наций использование атомного оружия и других средств массового уничтожения людей, считая недопустимыми дальнейшие оттяжки в принятии Объединёнными нациями практических мер по безусловному запрещению атомного оружия и по установлению соответствующего строгого международного контроля.

Третье. Генеральная ассамблея призывает все государства разрешать свои споры и разногласия мирными средствами, не прибегая к использованию силы или к угрозе силой. Генеральная ассамблея, отмечая при этом непреклонную волю и решимость народов предотвратить угрозу новой войны и обеспечить сохранение мира, что нашло своё выражение в могучем народном движении во всех странах за мир и против поджигателей войны, и имея в виду, что главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несут пять держав — постоянных членов Совета безопасности, единодушно выражает пожелание,

чтобы Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Китай, Франция и Советский Союз объединили с этой целью свои усилия и заключили между собой Пакт по укреплению мира».

«Известия» № 227 (10067)
от 25 сентября 1949 г.

ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В СПЕЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(11 октября)

1. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ ЗАЩИЩАЮТ СВОЮ АГЕНТУРУ

Когда на 3-й сессии Генеральной ассамблеи был поставлен вопрос о соблюдении прав человека и основных свобод в Болгарии и Венгрии, было совершенно ясно, каковы подлинные цели и мотивы постановки этого вопроса. Уже тогда не было сомнения, что дело вовсе не в нарушении в Болгарии и Венгрии прав человека и основных свобод, а совсем в другом. С самого начала бросалось в глаза то странное обстоятельство, что такие обвинения предъявляются именно странам народной демократии, народы которых завоевали демократические права и свободы, провели демократические реформы и установили народно-демократический строй.

Бросалось в глаза то, что именно против этих демократических стран, как по сигналу из какого-то центра, начался поход, сопровождающийся самой разнузданной кампанией лжи, клеветы, фальсификации фактов, прикрываемой лицемерными криками о защите прав человека и основных свобод, якобы попираемых в этих странах. Эту попытку замаскировать подлинный смысл затеянной англо-американскими реакционными кругами кампании против Болгарии, Венгрии и Румынии некоторые делегации во главе с делегациями США и Великобритании продолжают и здесь, на Генеральной ассамблее в Специальном политическом комитете. Они усердно стараются придать своей затее благородный вид, разглагольствовать роль бескорыстных поборников прав человека, защитников свободы и демократии. Они стараются такими манёврами отвлечь внимание общественности от своих истинных целей, от своих истинных планов, ничего общего не имеющих в действительности с защитой прав человека, выдуманной для отвода глаз.

Представители США и Англии пускались здесь в разглагольствования по поводу всяких высоких материй вроде «интересов цивилизации», «обычной человечности» и т. п., что якобы и побуждает английское и американское правительства интересоваться делами Болгарии, Венгрии и Румынии. Для лучшей маскировки своих действительных целей и планов представители США и Англии свои обвинения против Болгарии,

Венгрии и Румынии в нарушении прав и свобод пытаются связать с обвинениями в угрозе миру и безопасности народов, в нарушении мирных договоров и международных обязательств.

Это им кажется подходящим поводом для вмешательства в дела Болгарии, Венгрии и Румынии.

Мы постараемся показать дальше, что в действительности никаких нарушений мирных договоров ни со стороны правительства Болгарии, ни со стороны правительства Венгрии, ни со стороны правительства Румынии нет, что, наоборот, эти правительства с исключительной точностью, добросовестностью и скрупулёзностью выполняют все требования мирных договоров, и это несмотря на то, что провокаторы и проходимцы всяких мастей типа петковцев, царанистов, салашистов и т. д. всячески стараются сорвать созидательную работу в указанных выше странах по организации нового, народно-демократического строя.

Мы постараемся показать, что весь вопрос о мирных договорах и якобы нарушении этих договоров притянут за волосы, проговорился со специфическими целями, о чём, очевидно, проговорился г-н Шоукросс, обронивший многозначительную фразу о силе мирового общественного мнения, при помощи которого можно будет срочно убедить соответствующие правительства в необходимости устранить имеющиеся трудности. Легко догадаться, что значит это устранение «трудностей», возникших, как известно, вследствие того, что указанные правительства не расползены подчинить интересы своих стран интересам американского монополистического капитала, упорно стремящегося проникнуть в страны Восточной Европы, и попытаться там обеспечить себе такое же положение, как, например, в Англии, Франции или Турции. Здесь надо искать объяснение всей англо-американской политики в отношении Болгарии, Венгрии и Румынии, политики, ведущейся не с сегодняшнего дня, давнишней политики.

Известно, что вопрос о так называемом нарушении прав человека в Болгарии, Венгрии и Румынии возник в связи с таким выдающимся в истории этих стран фактом, как крушение и политическое банкротство реакционных антинародных групп Николы Петкова — Лулчева в Болгарии, Надь Ференца, Миндсенти и К° в Венгрии, Юлиу Маниу и семейства Братиану в Румынии и т. д., групп, тесно связанных с англо-американским монополистическим капиталом и с представлявшими его интересы реакционными группами в США и Великобритании. Мы помним, с каким азартом, с какой страстностью правительства США и Великобритании защищали эти группы, на которые они ставили свою последнюю ставку, мы помним, как правительства США и Англии ещё в 1945 году добивались введения представителей групп Н. Петкова и Лулчева в правительство Отечественного фронта, а представителей группы Маниу — Братиану в правительство д-ра Петру Гроза.

План англо-американских покровителей этих групп и таких господ, как д-р Гемето (Болгария), ген. Радеску, б. министр иностранных дел Вишоану и др. (Румыния), как Надь Ференц и К° (Венгрия), выброшенных в сорную яму истории, состоял в том, чтобы спасти эти группы от окончательного крушения и разоблачения, поддержать их и при их содействии обеспечить себе возможность оказывать влияние на жизнь Болгарии, Венгрии и Румынии.

Авторы такого плана, однако, просчитались. Несмотря на все усилия, несмотря на мобилизацию и активизацию своей агентуры, несмотря на готовность осуществить свой план вооружённой рукой купленных и подкупленных заговорщиков из петковско-манистской-райковской челяди, план этот рухнул в результате бдительности и преданности своей родине болгарского, венгерского и румынского народов, обезоруживших своих врагов, разоблачивших врагов, наказавших врагов.

Судебные процессы над Н. Петковым и др. в Болгарии, Венгрии и Румынии явились серьёзным ударом по проискам иностранных авантюристов, любителей шляться по чужой земле с глазами, как говорится в русской сказке, завидущими, с руками загнутовыми... Эти процессы разоблачили корни чёрной измены петковцев в Болгарии, родственных им групп в Венгрии и Румынии. Они показали глубокую бездну падения этих людей, тоже большею частью называвших себя «социалистами», как здесь называли себя некоторые ораторы, но в действительности предателей социализма и демократии, предателей своего народа. Но эти судебные процессы показали не только измену этих людей. Они вскрыли перед глазами всего мира коварные планы покровителей этих разоблачённых преступников. Они показали и доказали, что американские и английские монополистические круги не примирились и не хотят примириться с потерей в Восточной Европе своей агентуры, что они не сложили оружия и не думают складывать этого оружия и дальше в борьбе против народно-демократического движения в этих странах, что они будут вновь и вновь добиваться осуществления своих планов, главный смысл которых заключается в том, чтобы попытаться подчинить эти страны своему экономическому и политическому влиянию, чтобы диктовать им свои условия, свои требования.

Вот, господа, где нужно, по нашему мнению, искать оснований на твёрдых и многочисленных фактах объяснений появления на повестке дня Генеральной ассамблеи вопроса о якобы нарушении Болгарией, Венгрией и Румынией прав человека и основных свобод.

Провал в 1945 году англо-американской политики, направленной на то, чтобы обеспечить себе необходимое влияние на болгарское и румынское правительства путём включения в состав этих правительств представителей так называемых лояльных оппозиционных групп, этот провал привёл к усилению подпольной подрывной деятельности этих групп. Логика борьбы брала своё, как это бывает всегда в таких случаях, со ступеньки на ступеньку опускались представители этих групп и сами эти группы в пропасть борьбы с законными народными правительствами этих стран, пуская в ход диверсии, саботаж, террор, заговоры, подготовку насильственного свержения законных правительств. Эти группы действовали дерзко и нагло, уверенные в защите и помощи со стороны своих сильных покровителей. Отвергнутые народом, они действовали очертя голову.

Ошиблись. Просчитались. Просчитались и они, эти группы, просчитались и их высокие, сильные покровители.

Понукание и щедрые денежные подачки иностранных покровителей не помогали, как не помогали и попытки запугать представителей законных властей в Болгарии, Венгрии и Румынии угрозами пустить в

ход «мировое общественное мнение», чтобы спасти от заслуженной кары изменников, шпионов, террористов и заговорщиков. Перед лицом всего мира прошли судебные процессы в Болгарии, Венгрии и Румынии над этими изменниками.

Даже самые придирчивые критиканы не могли ни к чему придраться. Свидетели, документы, вещественные доказательства, признания обвиняемых, сделанные на гласном суде перед лицом всего мира, — всё это с полной убедительностью подтвердило вину осуждённых и справедливость судебных приговоров. Даже специальные английские и американские наблюдатели, присутствовавшие на этих процессах, не могли при всей своей изобретательности найти хоть одно чёрное пятнышко.

Тогда началась дипломатическая атака. Появились ноты, в которых правительства США и Англии подняли крик, пытаясь дискредитировать эти процессы, пытаясь изобразить свою провалившуюся агентуру настоящими демократами, так сказать, демократами чистой воды, а страны народной демократии — Болгарию, Венгрию, Румынию — каким-то адом крошечным, где нет ни человеческих отношений, ни человеческих прав, нет никаких свобод, никакой демократии. Вот в это время и появились обвинения в нарушении этими странами мирных договоров, международных обязательств, что должно было открыть прямую дорогу в организацию Объединённых наций и Международный суд.

Что касается Международного суда — скажу теперь же об этом, — то предложения трёх делегаций — Канады, Боливии и США и поддерживающих их Англии и некоторых других стран отводят, надо признаться, этому суду весьма незавидную роль. Видно, что и Канада, и Боливия, и США, и Англия всё более и более склоняются к тому, чтобы рассматривать Международный суд как простое отделение госдепартамента или Форейн оффиса. Очень незавидное положение Международного суда. Как бы не пришлось защищать Международный суд от англо-американо-боливийских защитников прав человека и основных свобод!

2. ВМЕШАТЕЛЬСТВО АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО БЛОКА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА БОЛГАРИИ, ВЕНГРИИ, РУМЫНИИ ПОД ПРИКРЫТИЕМ ЛОЖНЫХ ОБВИНЕНИЙ

В чём же заключаются предъявленные Болгарии, Венгрии и Румынии обвинения?

Эти страны, оказывается, обвиняются в нарушении мирных договоров и в частности тех частей, которые предусматривают обязанность этих государств обеспечить уважение к правам человека и основным свободам. В качестве доказательств обвинители ссылаются раньше всего на упомянутые выше судебные процессы. Но всему миру известно, что эти процессы не имеют никакого отношения к статье 3 мирного договора с Румынией или к статьям 2 договоров с Болгарией и Венгрией, так как эти статьи ни в какой мере не предназначены для того, чтобы преступления, совершаемые против родины, против государства и своего народа, и в частности такие, как измена, шпионаж, заговоры и т. п. тяжкие преступления, могли оставаться безнаказанными на том основании, что в мирном договоре имеется статья, защищающая права человека и

основные свободы, что в мирном договоре имеется статья, которая является лазейкой для преступников против страны, подписавшей мирный договор.

Нелепость подобных рассуждений сама собой очевидна. Она становится тем более очевидной, что в договорах имеются особые статьи (статья 5 в румынском договоре, статьи 4 в болгарском и венгерском договорах), прямо обязывающие соответствующие правительства бороться против деятельности организаций фашистского типа; в этих статьях прямо сказано: против политических, военных, военизированных, а также других организаций, ведущих враждебную Советскому Союзу или любой из других Объединённых наций пропаганду и преследующих цель лишения народа его демократических прав. Но разве именно такими фашистскими организациями не являлись эти преступные группы петковцев, манистов и тому подобных преступников, пойманных, изобличённых, осуждённых судом?!

Поэтому всякому объективному человеку должно быть ясно, что обвинение в нарушении Болгарией, Венгрией и Румынией мирных договоров является грубой фальсификацией, что такое обвинение совершенно искусственно, не оправдано никакими фактическими обстоятельствами, что это только предлог, повод, который кажется англо-американским инициаторам всего этого дела очень удобным для того, чтобы замутировать воду и отвлечь общественное мнение от провокационной подрывной деятельности англо-американской агентуры в этих странах, всех этих филдов, чэпинов, берри и компаний. Правительства США и Великобритании всячески добиваются, чтобы вопрос о нарушении мирных договоров тремя указанными странами был разрешён в порядке процедуры, предусмотренной статьёй 36 мирного договора с Болгарией, статьёй 38 мирного договора с Румынией и статьёй 40 мирного договора с Венгрией. Они настаивают, что в данном случае налицо спор и что этот спор должен быть разрешён в соответствии с процедурой, указанной в этих статьях. Мы категорически отказываемся признать наличие здесь какого-либо спора в смысле мирного договора, а не в обывательском смысле. Нельзя же в самом деле считать, что достаточно представителю какого-либо одного государства заявить, что он оспаривает какое-либо обстоятельство, чтобы автоматически вступали в действие соответственно статьи 36, 38 и 40 указанных выше мирных договоров! Такое положение совершенно исключается. Оно совершенно противоречит юридическому смыслу этих статей. Это ясно следует из самого текста мирных договоров, где указывается, что по всем вопросам, касающимся выполнения и толкования мирных договоров, представители Соединённых Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании должны действовать, как говорится в соответствующих статьях мирных договоров, по согласованию. Я прошу членов комитета обратить внимание на это обстоятельство: во всех случаях, когда речь идёт о толковании или выполнении договоров, — говорится в мирных договорах с Болгарией, Венгрией, Румынией, — три государства должны действовать по согласованию. Нет такого согласования — невозможно никакое действие в порядке процедуры, предусмотренной мирными договорами.

В данном деле такого согласования нет, ибо Советский Союз не признаёт наличия спора и наличия нарушения. Спор нет. Согласован-

ных действий трёх держав в отношении к четвёртой нет. При чём же здесь процедура, предусмотренная статьёй 40 венгерского договора, ст. ст. 36 болгарского и 38 румынского договоров? При чём, спрашиваю? Конечно, говорят, что юристы существуют для того, чтобы извращать понятие права и закона. Здесь нашлись такие юристы, о чём я здесь буду говорить дальше, говоря о г-не Шоукроссе и г-не Коэне, которые приложили свои старания к тому, чтобы извратить понятие права и закона. Следовательно, попытки в таком случае применить указанную процедуру являются нарушением устава столь явным, что нет необходимости обращаться по этому поводу за консультацией к Международному суду. Я не сомневаюсь, что Международный суд отвергнет эти домогательства получить у него подобные консультации. Здесь же следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство, которое можно было бы принять за дурной анекдот, если бы это не было, однако, фактом.

В проекте Боливии, США и Канады, как в этом можно убедиться из соответствующего документа, имеются 3-й и 4-й вопросы для Международного суда. 3-й вопрос имеет в виду случай, когда одна из сторон не назначит своего представителя в комиссию, предусмотренную мирными договорами с Болгарией, Венгрией и Румынией. 4-й вопрос сформулирован так:

«4. Явится ли комиссия, предусматриваемая договорами и состоящая из представителей одной стороны и третьего члена, назначенного генеральным секретарём организации Объединённых наций, комиссией согласно смыслу соответствующих статей договоров и компетентной для вынесения окончательного и обязательного решения для урегулирования спора? Что предлагается в этом вопросе? Предлагается, чтобы арбитраж состоял из двух сторон без обвиняемой стороны. Предлагается учинить такой арбитраж, когда будет обвинитель и судья, но не будет обвиняемой стороны. В этом 4-м вопросе предлагается Международному суду санкционировать такую комиссию, которая будет состоять не из трёх сторон — двух заинтересованных сторон и арбитра, — а лишь из представителя одной заинтересованной стороны (обвиняющей) и арбитра, и чтобы эта комиссия и решила весь вопрос. И это называется арбитражем, но это — извращённое понятие об арбитраже, ибо в арбитраже должны быть представлены две стороны, а не одна сторона, как предлагает проект канадо-болливийско-американской резолюции. В 4-м вопросе хотя заранее предсказать, что если Румыния, Венгрия и Болгария откажутся принять участие в этой комиссии, то можно будет обойтись и без них, можно будет принять решение. Эта комиссия из двух сторон плюс арбитр превращается, по желанию Боливии, Соединённых Штатов и Канады, в комиссию из одной стороны и арбитра. И это называется арбитражем! Это ли не извращение права и справедливости?»

Таким образом, от Международного суда ожидают положительного ответа на вопрос о том, может ли комиссия, которая должна состоять из представителей двух спорящих сторон плюс арбитр, назначенный генеральным секретарём ООН, считаться компетентной и в том случае, если она будет состоять из представителей не каждой из сторон, а лишь из представителей одной стороны, обвиняющей, и арбитра. Можно ли себе представить более откровенное, более циничное нарушение мирных договоров, чем этот анекдотический вопрос, который предлагается по-

ставить перед Международным судом? Нужно потерять всякое уважение к Международному суду, чтобы рассчитывать на то, что Международный суд примет к своему рассмотрению такой вопрос, являющийся издевательством над мирным договором и над юридической логикой.

В оправдание своего вмешательства во внутренние дела Болгарии, Венгрии и Румынии обвинители ссылаются, как мы видели, на статью 55 устава ООН и в частности на пункт «с» этой статьи, которая, как известно, требует оказывать содействие «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Но статья 55 говорит не только об этом. Она имеет в виду — и это её основная цель — создание «условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов». Я должен откровенно сказать, что выступления представителей в комитете *ad hoc* (по данному вопросу) и особенно представителей США, Англии, да и некоторых других, следовавших за ними, свидетельствуют о том, что они далеки от целей, указанных в преамбуле статьи 55, что они преследуют не цели укрепления дружественных и мирных отношений между государствами, основанных на уважении принципов равноправия и самоопределения народов, а совершенно противоположные цели — цели вражды, ненависти и отрицания указанных выше высоких принципов, провозглашённых уставом организации Объединённых наций.

Но, говоря о статье 55, нельзя забывать о статье 2 пункта 7, которая не допускает вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Ст. 55 не может ни исключать, ни ослаблять статьи 2 пункта 7, которая направлена в этой части на защиту независимости и суверенных прав, суверенного равенства государств. Это хорошо понимали учредители ООН при выработке устава. Ведь на конференции в Сан-Франциско представители США настаивали на том, что принятие статьи 55 не может давать никакого основания для вмешательства во внутренние дела других государств. Об этом идёт речь. Делегация США настаивала на том, чтобы в протоколе третьего комитета второй комиссии конференции ООН в Сан-Франциско (см. докум. № 567 от 25 мая 1945 года) была записана следующая формула, — я это цитирую дословно:

«Члены третьего комитета второй комиссии полностью согласны с тем, что глава 9 не содержит ничего, что могло бы быть истолковано, как дающее организации полномочия вмешиваться во внутренние дела государств-членов».

Было это записано или небыло записано в протоколе Сан-Франциско, в протоколах, которые регистрировали позицию отдельных делегаций, их понимание тех статей, которые они тогда формулировали для включения в устав организации Объединённых наций? Было записано.

Следовательно, статью 55 нельзя рассматривать как статью, дающую право вмешиваться во внутренние дела государств, подписавших договор. На конференции в Сан-Франциско представители США, Великобритании, Австралии и Франции говорили, что статья 55 даёт основания вмешиваться во внутренние дела государств, подписавших мирный договор. Они говорили это специально в связи с вопросом об уважении прав человека.

По этому же вопросу в параграфе 10 доклада третьего комитета второй комиссии (см. документ от 6 июня 1945 года) было единодушно решено записать следующее:

«Имели место некоторые неправильные толкования о том, что заявление о рекомендуемых в настоящее время целях даёт организации право вмешиваться во внутренние дела стран-членов. Для того, чтобы устранить все возможные сомнения, комитет решил включить в протокол следующее заявление...»

Далее следует текст приведённого выше заявления о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств.

Таким образом, в Сан-Франциско составители устава по предложению Соединённых Штатов, при поддержке Австралии, Франции и Англии единогласно приняли решение о том, что глава 9, а следовательно, и статья 55 устава, входящая в эту главу, не даёт организации права вмешиваться во внутренние дела государств. Добавляю, что тем более организация не имеет никакого права на основании главы 9 устава вмешиваться во внутренние дела стран — не членов организации. Вот как обстояло дело, когда мы организовывали нашу организацию, когда писали наш устав, когда мы формулировали принципы, выраженные в статье 55. Тогда была решительно отвергнута позиция тех, которые думали использовать статью 55 для вмешательства во внутренние дела государств. Конечно, теперь вы можете всё это зачеркнуть. Сказать, что страница перевёрнута, то было раннее весной, то был медовый месяц организации Объединённых наций, когда каждый строил иллюзии и представлял себе события в розовом свете. Теперь, мол, всё изменилось. Ну, конечно, теперь всё изменилось, потому что теперь некоторыми государствами ставятся совершенно другие цели перед организацией Объединённых наций, чем те, которые они ставили, создавая организацию Объединённых наций. Об этих целях мы уже говорили.

Что же делают теперь США, Австралия и другие, как не нарушают это единогласно принятое в Сан-Франциско решение о невмешательстве во внутренние дела других государств, не говоря уже о нарушении ими статьи 2 пункта 7 устава? Это ещё одно свидетельство, что обсуждение данного вопроса организацией Объединённых наций является абсолютно незаконным и действия, предпринятые США, Австралией, Канадой, Боливией и другими в отношении Болгарии, Венгрии и Румынии, являются грубым нарушением устава ООН.

Можно ли мириться с таким положением?

Нет, с таким положением нельзя мириться, и мы мириться с таким положением не намерены, ибо нарушение устава, нарушение важнейшего уставного принципа о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств здесь очевидно, грубо, неопровержимо.

3. КАК АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ ФАКТЫ

Представители некоторых делегаций, в первую очередь затеявшие всю эту провокационную историю делегации США и Англии, пытались ссылаться на какие-то факты. Перейдём к фактам. Начну с Австралии. Австралийский делегат, говоря о нарушении якобы в Румынии

прав человека и основных свобод главным образом, как я его понял из текста его речи, говорил о правосудии и свободе религии. Он пытался сослаться даже на факты, говорил, что он приводит не просто факты, а факты «prima facie», т. е. факты, убеждающие с первого взгляда.

Что же это за факты? Австралиец сослался, например, на якобы изданное в Румынии в апреле 1949 года постановление, в котором говорится, что «задачей суда в Румынской народной республике является защита социально-экономической и государственной структуры, установленной согласно конституции». Но, конечно, он сознательно не сказал, что задачей суда в Румынии является защита прав и интересов граждан от всякого рода преступлений, угрожающих собственности, личности, достоинству граждан, что эта задача является важнейшей функцией румынского суда. Он уцепился за указанное выше постановление, якобы изданное в Румынии в апреле 1949 года. Австралиец кипятился: это — «новое понятие роли правосудия», — восклицал он. Это — извращение правосудия. Но перепугавшее австралийского делегата постановление означает, и это ясно для каждого здравомыслящего человека, не что иное, как то, что к компетенции суда относится борьба с преступлениями против государства, с такими преступлениями, как шпионаж и измена, саботаж и террор и т. д., и т. п. Это вполне правильно, это не нарушает никаких прав человека и никаких свобод, кроме права совершать преступления и свободно затем разгуливать по улицам. Ни одно государство не может поощрять таких «прав» и таких «свобод»! По мнению австралийского делегата, суду, оказывается, нет дела до конституции и не дело суда — защищать конституцию и установленный конституцией государственный строй! Но разве защита конституции в каждой стране не является одной из священнейших обязанностей каждого гражданина и каждого государственного учреждения? Разве, кроме того, конституции других государств, например Соединённых Штатов Америки, не предусматривают, что судебная власть распространяется, как говорится в разделе 2 статьи 3 конституции США 1787 года, на все дела, касающиеся «права и справедливости, которые возникнут под действием настоящей конституции», а это — обязанность суда защищать права и справедливость, вытекающие из конституции, — и означает обязанность защищать господствующий в той или иной стране государственный и общественный строй.

Вот первое доказательство prima facie, представленное австралийской делегацией. Жидкое, надо сказать, доказательство.

Посмотрим, как выглядит другое доказательство г-на Мэйкина, тоже объявленное им доказательством prima facie. Какой-то, он говорил, политический деятель Румынии будто бы сказал, что «если трудно будет из судей сделать хороших демократов, то нужно будет из демократов сделать хороших судей». Однако австралийский делегат видит в этом нарушение демократических принципов организации правосудия! Вот второе доказательство нарушения прав человека, анекдотичность которого сама говорит за себя! Вот ещё одно доказательство тоже «prima facie». Австралийский делегат, ссылаясь на закон № 341, договорился до такого абсурда, что народными заседателями в Румынии якобы могут быть только коммунисты и что ни один человек, не состоящий членом коммунистической организации, вообще не имеет права участвовать в

выборах народных заседателей. Он договорился до того, что в Румынии судьи являются, как он выразился, лишь компетентными советниками народных заседателей, в руках которых и находится всё отправление правосудия.

Я утверждаю, что всё сказанное здесь австралийским делегатом о законе № 341 от 2 декабря 1947 г. выдуманно от начала до конца. Ни одного слова, похожего на то, что говорил здесь почтенный австралиец, в этом законе нет.

Говоря о законе № 341 — кстати сказать, отменённом с введением конституции, — Мэйкин заявил, что группы заседателей облечены властью рассматривать все уголовные дела в деревнях и городах, и им рекомендуется использовать судей только как компетентных советников. Это выдумка. В статье 85 этого закона говорится, что народные заседатели будут принимать участие в разборе дел, которые будут рассматриваться в месте пребывания суда.

Это суд с народными заседателями. Народно-демократическое правительство в Румынии вымело из судов весь феодально-средневековый мусор, создало суд с участием народных заседателей, поставило на место суда из чиновников суд с участием представителей народа. Эту судебную реформу теперь пытаются изобразить как нарушение демократических принципов правосудия, основанного на уважении прав человека. Румынское правительство обвиняют не больше не меньше, как в том, что оно ввело суд народных заседателей! Можно ли дойти до более позорного обвинения? Но такое обвинение предъявлено с трибуны организации Объединённых наций.

Вот вам третье доказательство нарушения прав человека! Но чего же стоят все эти доказательства? Они ничего не стоят. Это не доказательства, а собрание анекдотов!.. Должен добавить, что г-н Мэйкин — опытный политик, бывший австралийский министр, член парламента, глава австралийской делегации, — взяв на себя неблагодарную роль выступить здесь со своими вздорными «доказательствами» нарушения Румынией прав человека, видимо, не читал ни закона № 341, ни румынской конституции. Он сделался, видимо, жертвой мистификации, невежества или недобросовестности тех, кто ему готовил эту дикую безграмотную справку. Иначе, как мог г-н Мэйкин заявлять, что в Румынии не существует равенства перед законом и что якобы в Румынии один закон существует для трудящихся, а другой — для лиц, принадлежащих к другим классам, когда в статье 93 конституции Румынии прямо говорится, что «все судьи в осуществлении своей деятельности подчиняются только закону и применяют законы ко всем гражданам на равных основаниях», а в статье 16 — что все граждане Румынской народной-демократической республики равны перед законом.

Австралийский делегат привёл ещё одно доказательство якобы нарушения Румынией прав человека и основных свобод. Дело касается религии.

Австралийский делегат привёл здесь указ № 177 Великого Национального Собрания, чтобы показать, как в Румынии якобы нарушается свобода религии. Но из этого указа со всей ясностью видно, какая широкая автономия предоставляется в Румынии исполнению религиозного культа при одном условии, что «практическое проявление культа и ри-

туалов не должно противоречить конституции и не должно нарушать государственные и общественные порядки и мораль». Мы считаем это абсолютно правильным и не содержащим в себе ни одного грамма нарушения основных свобод. Это законное и справедливое требование, против которого могут возражать только те, кто пытается использовать религию, как орудие или как прикрытие для политической борьбы, для антинародной заговорщической деятельности, как это было, например, в процессе 15 болгарских церковников, как это было в процессе кардинала Миндсенти в Венгрии.

Вот факты, которые на учёном языке юристов г-н Мэйкин преподнёс под видом доказательств prima facie, но которые в действительности — пусть он меня извинит за откровенную квалификацию — являются базарными сплетнями и враньём, достойными знаменитого барона Мюнхаузена!

Австралийское правительство, видимо, интересуют внутренние дела Румынии. Но его, видимо, вовсе не интересуют внутренние дела самой Австралии, между тем как эти дела представляют действительный интерес, особенно в связи с вопросом об уважении прав человека и основных свобод.

По этому поводу австралийская делегация, однако, молчит. В таком случае советская делегация может сама кое-что рассказать о действительном бесправии, царящем в Австралии, о действительно грубом нарушении в Австралии основных свобод и прав человека.

Напомним, например, о статьях в сиднейской газете «Сан» и мельбурнской газете «Геральд» известного австралийского учёного-антрополога доктора Томпсона. Из статей видно, как он пишет, что «во многих частях Северной территории туземцы вынуждены работать в условиях, равноценных рабству».

«Тем, — говорится в этих статьях, — кто не видел скотоводческих хозяйств в штатах Северная территория, Западная Австралия и Квинсленд, трудно представить себе весь ужас этой трагедии».

Комментируя статьи Томпсона, газета «Сан» писала: «Статьи Томпсона о нынешнем обращении с австралийскими аборигенами вызовут у большинства австралийцев, прочитавших эти статьи, чувство ужаса и стыда... Обвинения, выдвинутые Томпсоном против системы, которая оправдывает безжалостную эксплуатацию и преследование австралийских туземцев, являются потрясающими».

И действительно, разве против этого бесправия коренных жителей Австралии не протестуют лучшие люди Австралии! Австралийская делегация на нашей Ассамблее делает вид, что её волнует несуществующее нарушение прав человека в Румынии, но она совершенно не обращает никакого внимания на действительно грубое нарушение прав человека в самой Австралии, под носом у самого австралийского правительства.

Вместо того, чтобы клеветать на страны народной демократии, австралийскому правительству следовало бы подумать обо всех этих фактах у себя в Австралии в связи со статьёй 55 устава, которая обязывает содействовать уважению и соблюдению основных прав человека и свободы для всех.

Представитель США выступил здесь с аналогичными обвинениями в отношении Болгарии и Венгрии, якобы нарушающих принципы демо-

кратии. Он не был в этом отношении оригинален, он повторял избитые клеветнические выпады относительно якобы гонения в этих странах на религию, на права человека, на основные свободы. Он дошёл до того, что недавний судебный процесс над шпионом и изменником Райком в Будапеште назвал «фазой политической стратегии Коминформа». Он не постеснялся пойти по пути бульварных сплетен, инсинуируя по поводу признаний на суде и по поводу фальсификации судебной процедуры. Но г-н Коэн старательно обошёл факты, которые он обязан был бы привести, если бы они были в его руках. На место фактов он, однако, поставил огульные бездоказательные заявления, пустые фразы, к тому же самого дурного пошиба. Провалившись со своими вздорными обвинениями в отношении якобы преследования в Болгарии, Венгрии и Румынии религии, господа обвинители ухватились за выборы, за свободу печати, за всё, что попадалось под руку.

Коэн не постеснялся заявить, что выборы в Венгрии напоминали выборы, устраивавшиеся Гитлером. Но эта клевета повторяется каждый раз, когда заходит речь о выборах в странах народной демократии. Это мы слышали и по поводу выборов в Венгрии в 1947 году. Но разве Коэн и его друзья не имели уже случая убедиться в провале подобных клеветнических выпадов? Разве они не помнят, как уже тогда, в 1947 году, была разоблачена эта клевета и самой английской и американской печатью. Ведь известно, что даже корреспонденты британского радио или английской «Таймс» не могли не подтвердить, что на всех избирательных участках во время выборов в Венгрии строго придерживались установленной законом процедуры и что голосование было действительно тайным и прямым. Важно отметить, что в Венгрии в 1947 году в выборах участвовало около 5 миллионов избирателей, т. е. на четверть миллиона больше, чем во время предыдущих выборов, и что относительное число голосующих было гораздо выше, чем в Англии, где, как известно, приблизительно четверть всех избирателей не пользуется избирательным правом.

Майкл Бэрн, корреспондент «Таймс», побывавший на выборах в Венгрии, публично заявил, что «провокационные слухи, распространяемые оппозицией о фальсификации, невероятны», и он заявил, что «техническое проведение выборов было настолько организованным и тайным, что невозможно фальсифицировать подлинные результаты». Чем же кончились эти выборы? Они принесли избирательному блоку демократических партий крупную победу, так как четыре партии коалиции вместе собрали 60 процентов всех голосов, причём за коммунистическую партию голосовало свыше миллиона человек, и она заняла первое по количеству голосов место.

Представители США и Великобритании набрасываются на Венгрию с грязными обвинениями. Они пробуют опорочить майские выборы в 1949 году, прибегая к тем же своим избитым приёмам, ссылкам на «назначение» кандидатов официальными организациями, на «наблюдение» за выборами избирательными комитетами и т. п., и т. д. Но они проходят мимо таких очевидных фактов, как участие в выборах 96,7 процента всех избирателей, что было бы невозможно без того подъёма высокого патриотизма, который проявили венгерские граждане при этих выборах, совершенно действительно, необычных и невозможных в большинстве буржуазных стран, где широко распространены всякие выборные ма-

хинации, всякие избирательные ухищрения и избирательные мошенничества.

О выборах в 1947 году в Венгрии имеется отзыв находившегося в то время в Будапеште настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона, который сказал между прочим: «Я должен отметить, что ораторы оппозиции совершенно не сдерживали свои языки, свободно нападая на правительство и на трёхлетний план, который повышает благосостояние страны... В день выборов я посетил целый ряд избирательных участков и нигде не наблюдал злоупотреблений, которые препятствовали бы свободному проявлению воли народа».

Это говорит почтенный Хьюлетт Джонсон. Тем не менее клевета распространяется со стороны главным образом тех, кто там не был и ничего не видел, но черпает свои сведения из недоброкачественных источников.

Такое же положение наблюдалось в Румынии и в 1948 году, когда из восьми с половиной миллионов избирателей участвовало в голосовании 7 663 375 человек, причём 90 с лишним процентов избирателей, участвовавших в голосовании, отдали свои голоса блоку в составе Румынской рабочей партии, земледельческого фронта, народно-национальной партии, народного венгерского союза (партия трудящихся венгров Трансильвании), национально-крестьянской партии Александреску и др. Участвовали в голосовании и так называемая независимая партия, национал-либеральная партия Бежана, крестьянская демократическая партия Лупу, отколовшаяся два года тому назад от партии Манну — Поппа. Несмотря на то, что все эти партии получили незначительное число голосов, они получили несколько мандатов в парламенте. Так было дело с выборами в Румынии.

Американский и английский представители стараются опорочить выборы и в Болгарии. Однако известно, что в выборах 1946 года приняла участие свыше 4 миллионов избирателей, причём за Отечественный фронт голосовало почти 3 миллиона избирателей (75 процентов). Известно и то, что не были лишены участия в выборах и так называемые оппозиционные партии. Но эти партии, в частности партию петковцев, постигла впоследствии судьба всех тех групп, которые скатываются к заговорщической подрывной деятельности против своего народа. Суд над Петковым и его соучастниками показал, что эта так называемая «оппозиция» была в действительности группой отпетых реакционеров, агентурой иностранной разведки, причём сам Петков был организатором и вожаком таких подпольных террористических военных организаций, как «военный союз» и так называемый «нейтральный офицер», как террористическая банда так называемого Гемето. Так называемый «земледельческий союз» превратился в сборище злостных врагов народа. Это обстоятельство и действительно привело к принятию Великим народным собранием Болгарии 25 августа 1947 года закона о роспуске этого так называемого союза.

Г-н Шоукросс негодует по этому поводу и объявляет это нарушением права на свободу политических мнений и собраний. Можно понять негодование Шоукросса — ведь дело шло о ликвидации группы Н. Петкова и Лулчева, которая была единственной опорой в Болгарии английского и американского влияния. Устранение с политической арены этой груп-

пы действительно наносило серьёзный удар интересам английских и американских реакционеров. Inde ira. Отсюда гнев. Но Шоукросс между прочим сказал, что «в переходный период от нацизма или недемократических систем могут быть необходимы на время особые чрезвычайные меры...»

Это верно. Но ведь закон 25 августа 1947 года и явился такой чрезвычайной мерой, которая была необходима в условиях 1947 года, когда фашистские и профашистские группки ожесточённо сопротивлялись демократическим реформам, проводившимся в Болгарии правительством Отечественного фронта! Закон от 25 августа 1947 года и был необходим именно как чрезвычайная мера.

4. КОНСТИТУЦИИ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАН ОБЕСПЕЧИВАЮТ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Гг. Шоукросс и Коэн затронули важный вопрос об оппозиции. Коэн и Шоукросс сетуют на отсутствие в этих странах оппозиции и видят в этом недостаток демократичности. Так ли это? Во-первых, нужно понять, что оппозиции искусственно ни создаются, ни ликвидируются. Во-вторых, не надо забывать, что так называемая оппозиция в буржуазно-демократических странах является лишь оппозицией «его величества», т. е. ручной, домашней, формальной оппозицией, стоящей на той же почве и действующей в тех же рамках, что и правящая партия. Такой оппозиции действительно нет и не может быть в странах народной демократии, где вся власть исходит, как говорится в статье 2 конституции Болгарии, статье 3 конституции Румынии, статье 2 конституции Венгрии, от народа и принадлежит народу. Англо-американские представители нападали на Болгарию, Венгрию и Румынию за то, что в этих странах руководство государством принадлежит партиям народной демократии и что это-де является нарушением принципов демократии, нарушением прав человека и основных свобод. Это — избитое, заезженное обвинение. Напомню, что ещё в 1927 году в связи с подобного рода заявлениями в отношении Советского Союза глава, вождь советского народа И. В. Сталин указывал на то, что выражаемое при этом «удивление» насквозь фальшиво.

«Известно, — говорил И. В. Сталин, — что в капиталистических странах точно так же «вмешиваются» в дела государства буржуазные партии и руководят правительствами, причём руководство сосредоточивается там в руках узкого круга лиц, связанных так или иначе с крупными банками и старающихся, ввиду этого, скрывать от населения свою роль».

Кому не известно, что у каждой буржуазной партии в Англии или в других капиталистических странах имеется свой тайный кабинет из узкого круга лиц, сосредоточивающих в своих руках руководство? Вспомните хотя бы известную речь Ллойд-Джорджа о «теновом» кабинете у либеральной партии».

Г-да критики из англо-американского блока и в частности г-н Шоукросс указывали на принятую Генеральной ассамблеей Декларацию прав человека, которая, по их словам, устанавливает, как сказал г-н

Шоукросс, минимальный уровень, которого должны достичь цивилизованные народы. Слов нет, в декларации есть кое-что полезное. Но не будет ли г-н Шоукросс любезен назвать такую статью этой декларации, которая гарантировала бы каждому человеку работу, кусок хлеба, здоровое жилище, равную оплату женщине за труд, аналогичный труду мужчины? Таких статей в хвалёной декларации прав нет. В декларации, правда, робко говорится о праве на труд, о праве на жизненный уровень. Но чем обеспечено это право? Где гарантии, возможности воспользоваться таким правом? Их нет, да и быть не может в обществе с капиталистическими порядками! В конституциях же Болгарии, Венгрии и Румынии есть такие статьи, и не только статьи, но и реальные права, которые гарантируются трудящимся всеми средствами и силами народно-демократических государств. Вот факты.

Вот статья 12 румынской конституции: «Труд является основным фактором экономической жизни государства. Труд — долг каждого гражданина. Государство оказывает поддержку всем трудящимся с целью защиты их от эксплуатации и повышения их жизненного уровня».

Вот статья 45 венгерской конституции: «Венгерская Народная Республика обеспечивает гражданам право на работу с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством».

Вот статья 73 болгарской конституции: «Граждане имеют право на труд. Государство обеспечивает осуществление этого права каждому гражданину, планируя народное хозяйство, систематически и непрерывно развивая производительные силы и создавая общественные работы».

Таковы факты. Эти факты говорят о том, что конституции стран народной демократии обеспечивают в действительности права человека, настоящие реальные права человека и первое священное право — жить без страха завтра умереть с голода. Они, эти конституции, отражают тот бесспорный факт, что хозяйство народной демократии не знает кризисов и не знает безработицы, которые душат уже ряд капиталистических стран сегодня и которые дадут себя знать ещё больше завтра и послезавтра. Но об этих фактах г-да обвинители, гг. Коэны и Шоукроссы и слышать не хотят. В своей речи г-н Шоукросс указывал и на то, что важно обращать внимание не на отдельные случаи нарушений прав человека, а на самые законы государств, свидетельствующие об их политике. Это верно. Мы и обращаем внимание на законы, на конституции Болгарии, Венгрии, Румынии, являющиеся основным законом государства. Мы указываем на такие законы, опрокидывающие все обвинения. Тогда нам говорят: обратите внимание на практику, а не на законы. Законы могут быть и хорошими, но практика плоха.

Вот логика обвинителей, с головой выдающая их лицемерие, пристрастие, отсутствие всякой объективности, их предвзятость.

5. ПРОВАЛ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ КЛЕВЕТНИКОВ

Это особенно видно и из того, как изображали здесь гг. Шоукросс и Коэн положение дела в Болгарии, Венгрии и Румынии с отправлением правосудия. Какого только вздора не наговорили здесь они по этому поводу. Всего, конечно, не перечесть. Но остановлюсь на самом важном.

Вот, например, г-н Шоукросс, видимо, считающийся выдающимся экспертом по этим делам, заявил здесь буквально следующее: 1. В странах народной демократии арестованных вообще не судят, если они не признают себя виновными до суда; это — первое положение, которое выставил г-н Шоукросс. 2. В странах народной демократии обвиняемых принуждают к признанию. Так ли, г-н Шоукросс? Не оговорились ли вы впопыхах?

Вот, например, дело Миндсенти. беру официальный отчёт о судебном процессе, издание государственного издательства Венгрии. Будапешт, 1949 г. Открываю стр. 42 и читаю следующее: Допрос Юстина Бараньяи — напомним, Бараньяи — правая рука Миндсенти.

Председатель (обращается к Бараньяи). Вы поняли обвинение?

Бараньяи. Да.

Председатель. Признаёте ли вы себя виновным?

По системе, которой придерживается г-н Шоукросс, должен был бы последовать ответ: «Конечно, признаю, г-н председатель». А в действительности что получилось?

Бараньяи. Нет... не признаю себя виновным.

Известно ли это г-ну Шоукроссу? Если нет, то это нехорошо для генерального прокурора Англии. Если да, то ещё хуже, так как этот факт полностью опровергает то, что громкогласно утверждал здесь почтенный генеральный прокурор, говоря, что в странах народной демократии на суде появляются только те подсудимые, которые сознались до суда в своей вине. Но может быть это исключительный факт?

Напомним и другой факт, а именно, что Н. Петков, судившийся открытым судом, также не признал себя виновным.

Не находит ли г-н Шоукросс, что это опровергает его утверждение? Не согласится ли г-н Шоукросс также и с тем, что его утверждение, которое я только что огласил, начисто опровергается и таким фактом, как поведение на суде Лулчева, который не признавал своей вины до тех пор, пока не был уличён свидетелями?

Чего же стоит после этого заявление Шоукросса (такое патетическое заявление): «Разве не странно, что в любом открытом политическом процессе в этих странах подсудимый обязательно признаёт свою вину?»

Разве не странно, скажу я, что генеральный прокурор Великобритании, который должен быть, по видимому, серьёзным человеком, специально, по видимому, прибывший сюда, чтобы выступить в комитете ad hoc по этому вопросу, занимает у нас время сказками, которые я из уважения к арабским странам не назову арабскими сказками.

Вот как обстоит дело с провозглашённым здесь с таким авторитетом, с такой заносчивостью заявлением г-на Шоукросса, что в странах народной демократии судят только тех, кто заранее признал свою вину. Вот вам факты «grata facies». Если говорить юридическим языком, — факты, опровергающие клеветническое заявление г-на Шоукросса.

Посмотрим, как обстоит дело со вторым утверждением г-на Шоукросса о том, что в странах народной демократии обвиняемых принуждают к сознанию.

Факты? Фактов у Шоукросса, конечно, нет. Вместо фактов какой-то лепет о «психологической обработке» обвиняемых, о том, что именно в

результате такой обработки, процесс которой он здесь описывал с таким знанием дела, вынужден был сознаться, например, Миндсенти.

Но почтенный прокурор забыл об одном обстоятельстве, играющем очень важную, я бы сказал, решающую роль в судебном процессе. Это вещественные доказательства. Они сыграли решающую роль и в деле Миндсенти. Его изобличили не только и не столько живые свидетели — это Бараньяи, Закар, Эстерхази, Миклош Надь и др. Его больше всего изобличили «немые свидетели», самые опасные для всякого преступника «свидетели» — вещественные доказательства, в первую очередь собственноручные письма Миндсенти и в том числе письма, изобличившие Миндсенти в антисемитизме. Его изобличил этот закопанный в подвале дома, где жил Миндсенти, железный футляр, в котором находился список членов правительства, написанный собственноручно Миндсенти, правительства, которое должно было взять власть после свержения нынешнего правительства Венгрии, что организовывали Миндсенти и его соучастники.

Перед лицом таких доказательств что оставалось делать Миндсенти, как не каяться в совершённых грехах? Ну, а это дьявольское снадобье, которым якобы поили бедного кардинала и под воздействием которого он якобы и признал свою вину? Увы, после того, как даже «Дейли экспресс» сообщила, что это снадобье можно купить за пару форинтов в любой будапештской аптеке, г-н Шоукросс не рискнул повторить эту бездарную болтовню. Он подошёл к делу тоньше: он пустил в ход новую версию — о «тихих местах», на фронте которых написано: «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate» («Оставь надежды всяк сюда входящий»).

По этому поводу я бы сказал, также пользуясь итальянским красноречием: «Se non é vero, é ben trovato» («Если это и ложь, то хорошо придумана»).

Итак, «тихие места»; «психологические лаборатории»; «игра на идеях» обвиняемого. Тема для любого бульварного приключенческого детектива. Всё это мы уже, г-н Шоукросс, слышали лет 20 тому назад от таких господ, как члены английского парламента майор Хилс, как б. министр торговли Рэнсимен Ванситарт и им подобные, имеющие в таких сплетнях несомненный приоритет перед г-ном Шоукроссом, повторяющим их выдумки с опозданием почти в 20 лет!

Чтобы произвести должный эффект, г-н Шоукросс сослался на дошедший до него слух, будто министр юстиции Венгрии сказал, что «одним из средств доказательства в Венгрии в настоящее время является политическая позиция обвиняемого», но г-н Шоукросс достаточно опытен, чтобы не повторять глупые выдумки от своего имени. Поэтому он острожно добавил: «As saying» («Как говорят»). Г-н Шоукросс знает, что даже по английскому праву свидетельство по слуху не имеет доказательственного значения. Тем не менее он повторяет этот вздор. Но зато мы имеем твёрдое доказательство того, что вот в английском праве действительно существует такое правило. Я имею в виду английский закон о государственных тайнах (22 августа 1911 года), подтверждённый потом в декабре 1920 года, где говорится буквально следующее:

«При уголовном преследовании на основании этой статьи не требуется, чтобы вина обвиняемого была установлена каким-либо определённым

ным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности и интересам государства. Обвиняемый может быть осуждён, хотя бы такое деяние и не было установлено, если из обстоятельств дела, из его поведения или из доказанных свойств его характера явствует, что цель, которую он преследовал, заключала в себе угрозу и опасность интересам государства».

Значит, английский закон допускает осуждение и в случае, когда не установлено, что он совершил преступление, — лишь бы было установлено, что «свойства его характера заключают в себе угрозу и опасность интересам государства». Зачем же венгерскому законодательству и венгерскому министерству юстиции приписывать то, что принадлежит английскому законодательству и английским министрам?

Ничего не стоит, я думаю, после всего сказанного лицемерный плач британского Иеремии на реках вавилонских.

Наконец, несколько слов о печати.

Г-н Шоукросс недоволен положением печати, свободой изданий и прессы в странах народной демократии, так как, по его словам, там не дают свободному человеку и независимым газетам говорить то, что думают. Он вспомнил при этом известное изречение Вольтера. Я бы попросил г-на Шоукросса лучше вспомнить своё собственное изречение. Это было, кажется, в 1946 году, когда г-н Шоукросс предложил, чтобы каждая газета Англии поместила на первой странице следующее объявление:

«...газета принадлежит лорду такому-то. Целью этой газеты является извлечение экономических выгод и выражение личных мнений, которых его лордство сообразовалит придерживаться время от времени. Нет никакой гарантии, — это писал г-н Шоукросс, — в том, что факты, о которых сообщается в газете, соответствуют действительности. Они могут быть всем, чем угодно, только не правдой».

Далее г-н Шоукросс заявил:

«Я осуждаю то, что фактически происходит сейчас в значительной части консервативной печати, — специальный отбор и неправильное освещение фактов, чтобы удовлетворить общественное мнение, и выражение определённого мнения, замаскированного под факты. Я считаю, что эти вещи серьёзно тормозят работу нашего демократического правительства. Для современной демократии необходимо, чтобы она основывалась на информированном общественном мнении, а наличие информированного общественного мнения зависит не только от существования свободной прессы, я бы сказал так называемой свободной прессы, но также от существования объективной и честной прессы». Вот что говорил г-н Шоукросс три года тому назад. Тогда он любил появляться здесь с красным платочком в левом карманчике. Теперь этого платочка уже не видно.

Законы о печати в Болгарии, Венгрии и Румынии положили конец использованию органов печати в капиталистических интересах частных владельцев, в узко групповых антинародных интересах. Эти законы обеспечивают органам печати возможность осуществлять своё высокое призвание общественного служения. Они направлены на осуществление действительной свободы печати, которая может быть обеспечена лишь в том случае, если печать свободна от давления и диктата частных изда-

тельских монополий, трестов и синдикатов, если она направлена на обеспечение каждому в интересах демократии права свободного выражения мнений, в частности свободы слова и печати, при условии, что свободы слова и печати не будут использованы для пропаганды войны, возбуждения вражды между народами, расовой дискриминации, для распространения клеветнических слухов. Они, эти законы, свидетельствуют о большом шаге вперёд в странах народной демократии в важном деле организации печати в этих странах, призванной служить интересам народа, быть могущественным фактором прогресса и укрепления демократии. Издавая такие законы, правительства стран народной демократии действуют в полном соответствии с принципами демократии, с принципами организации Объединённых наций, с обязательствами, которые они приняли на себя по мирным договорам.

6. НАШИ ВЫВОДЫ

Так обстоит дело. Мы шаг за шагом пытались проанализировать выступления некоторых делегатов, выдвинувших против Болгарии, Венгрии и Румынии тяжёлые, но несправедливые, клеветнические обвинения. Каковы же выводы? Что осталось от этих обвинений?

Обвинения в гонении на религию пали, ибо нет для этих обвинений никаких оснований.

Обвинения в нарушении прав человека и основных свобод пали, ибо они основаны на ложной и недобросовестной информации, на извращённом изображении действительности.

Обвинения в нарушении мирных договоров пали, ибо доказано совершение противоположное — добросовестное, полное и скрупулёзное выполнение Болгарией, Венгрией и Румынией принятых ими на себя обязательств по мирным договорам.

Все эти обвинения пали и не могли не пасть, ибо они ложны, а у лжи, как известно, короткие ноги, говорит пословица.

Зато несомненно доказано одно — упорное стремление реакционных кругов США и Англии втянуть организацию Объединённых наций в эту враждебную странам народной демократии кампанию, использовать организацию Объединённых наций в качестве орудия своей политики давления на другие страны, политики вмешательства в их внутренние дела, чтобы заставить их свернуть с пути дальнейшего развития и укрепления демократии и социализма, чтобы попытаться подчинить их своему влиянию, не стесняясь ни в методах, ни в средствах.

Делегация Советского Союза уверена, что организация Объединённых наций не пойдёт, не может пойти по этому пути, не может позволить нарушать устав, не может позволить фабриковать клеветнические обвинения, глумиться над демократией, прикрываясь именем демократии.

Делегация Советского Союза призывает Специальный политический комитет отклонить проект резолюции Канады, Боливии и США, как противоречащий принципам устава ООН, как содержащий клеветнические и лживые выпады против народов трёх демократических государств, строящих своё народно-демократическое общество.

НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ У ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН А. Я. ВЫШИНСКОГО

(18 октября)

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

Господа, я пригласил вас сегодня на пресс-конференцию в связи с вопросом, который советская делегация считает заслуживающим внимания. Дело идёт о предстоящих выборах в Совет безопасности трёх постоянных членов взамен выбывающих представителей Аргентины, Канады и УССР. Можно было бы спросить: чем вызвана необходимость в созыве пресс-конференции и в моём выступлении накануне этих выборов. Выборов в организации Объединённых наций производится немало, и поэтому поставленный выше вопрос был бы вполне законен. Я сразу и отвечу на него, и из этого ответа, надеюсь, будет ясно и то, что побудило советскую делегацию выступить с соответствующим заявлением по этому вопросу на сегодняшней пресс-конференции. Буду краток.

Известно, что выборы непостоянных членов Совета безопасности являются делом довольно сложным и деликатным, поскольку в организацию Объединённых наций входят, кроме пяти постоянных членов Совета безопасности, 54 государства, каждое из которых вправе претендовать на избрание своего представителя в Совет безопасности на непостоянные места. Но таких непостоянных мест всего 6.

Отсюда и все трудности.

Однако эти трудности организация Объединённых наций легко может устранить при добром согласии всех членов организации и верности той традиции, которая сложилась в соответствии с принципом, выражённым в статье 23 устава. В этой статье, как известно, говорится о том, что при выборах непостоянных членов в Совет безопасности необходимо также уделять должное внимание справедливому географическому распределению. Как также известно, до сих пор существующее по этому поводу соглашение, я бы сказал джентльменское соглашение, строго выполнялось, и поэтому выборы в Совет безопасности, несмотря на происходившие по временам трения, давали должные, положительные результаты.

Что означает принцип справедливого географического распределения?

Этот принцип означает не что иное, как то, что в Совете безопасности должны быть представлены все главные районы мира, в соответствии с чем и должны быть распределены места между непостоянными членами Совета безопасности. В силу этого принципа и установившейся в связи с этим традицией страны, входящие в данный географический район, по согласованию между собой предлагали своего кандидата на непостоянное место в Совете безопасности, и с этим предложением все остальные делегации считались, как с фактом, не входя в обсуждение, почему в качестве такого представителя предложена именно та, а не другая страна.

Таким образом, вопрос о кандидате от того или иного географического района на непостоянное место в Совете безопасности решался теми странами, которые входят в данный географический район, и никакой другой конкурирующий кандидат до сих пор не выставлялся и не избирался.

Известно, что в 1946 году в первый Совет безопасности были избраны в числе 6 непостоянных членов Австралия, Бразилия, Египет, Мексика, Нидерланды и Польша. С тех пор вместо выбывающего непостоянного члена Совета безопасности неизменно избирался представитель государства, входящего в тот же самый географический район. Так, в конце 1946 года вместо трёх непостоянных членов, избранных на один год, были избраны новые члены, принадлежащие к тем же географическим районам. Вместо Нидерландов была избрана Бельгия, вместо Египта — Сирия, вместо Мексики — Колумбия. Когда истёк срок полномочий Австралии, Бразилии и Польши, то на выборах в 1947 году были избраны вместо Бразилии — Аргентина, вместо Австралии — Канада, вместо Польши — УССР. И в этом случае полностью и неуклонно соблюдались два принципа — принцип справедливого географического распределения и принцип выдвижения нового кандидата по согласованию между странами, принадлежащими к соответствующим географическим районам. Так было при всех предыдущих выборах, в течение четырёх избирательных кампаний, если можно так выразиться, и это было правильно и законно. Законно потому, что соответствовало статье 23 устава, правильно потому, что было справедливо и соответствовало установившейся традиции, тому, что я назвал джентльменским соглашением.

Сейчас хотят это нарушить. Хотят нарушить и это соглашение и этот закон. Хотят нарушить во имя каких-то конъюнктурных политических соображений. Стало известно, что в результате закулисного торга между США и некоторыми другими делегациями, поддерживающими делегацию США, с одной стороны, и югославской делегацией, с другой стороны, группа делегаций во главе с США собирается в Совет безопасности проводить представителя Югославии. Эта группа делегаций не желает считаться с тем, что страны, входящие в район Восточной Европы, выдвинули по согласованию между собой не Югославию, а Чехословакию. Это, по видимому, не отвечает замыслам и планам правительства США, готового оказать поддержку раскольническим действиям Югославии во всём, в том числе в предстоящих выборах в Совет безопасности.

Я хочу напомнить, что в 1947 году некоторые делегации, опять-таки во главе с США, сделали попытку выдвинуть кандидата от восточноевропейских стран, не считаясь с волей государств Восточной Европы. Несмотря на то, что эти страны выдвинули в качестве своего кандидата УССР, США попытались самостоятельно выдвинуть кандидатуру Чехословакии и таким образом столкнуться УССР и Чехословакию лбами. Эта попытка тогда потерпела неудачу.

Чехословацкая делегация с трибуны Генеральной ассамблеи протестовала против такого поведения американской делегации, против попытки нарушить и устав и традицию, в соответствии с которыми неизменно происходили выборы непостоянных членов Совета безопасности. Таким образом, эта попытка также потерпела неудачу. Теперь хотят повторить неудавшийся опыт прошлого. Хотят использовать обострив-

шиеся отношения между странами народной демократии и Югославией, чтобы погреть руки на этом деле. Таким манёвром рассчитывают ослабить положение СССР в Совете безопасности, а кое-какие органы печати поговаривают и о том, что таким манёвром пытаются поднимать на советское правительство, чтобы вырвать у него какие-либо уступки в другом вопросе.

Что касается Югославии, то, как выразился «Ньюс уик» в своей статье от 17 октября с. г., США решили поддерживать кандидатуру Югославии вместо Чехословакии, считая, что присутствие в Совете безопасности Югославии, «этой намечавшейся жертвы», как назвал Югославию «Ньюс уик», будет являться «сдерживающим фактором для русских». О Югославии в этом случае не стоит говорить, так как факт закулисного сговора югославского правительства с правительством США говорит сам за себя. Полностью, видимо, действует старая римская юридическая формула: *do ut des, facio ut facias* — «даю, чтобы ты дал; делаю, чтобы ты сделал». По-русски в таких случаях говорят: рука руку моет.

Если внимательно присмотреться к этому факту, то будет совершенно ясно, что, становясь на путь подобного рода махинаций, США и поддерживающие их некоторые другие государства, конечно, не руководствуются интересами укрепления ООН, укрепления её авторитета и влияния, укрепления сотрудничества и взаимопонимания. Наоборот, такой шаг может лишь усугубить разногласия. Он может свидетельствовать лишь о намерении англо-американского блока идти по пути дальнейшего углубления раскола и ещё большего ослабления даже минимальной согласованности в работе ООН. Такой шаг не может рассматриваться иначе, как вызов, брошенный странам народной демократии и Советскому Союзу. Естественно, он не может не привести к осложнениям внутри ООН, не может не отразиться болезненным образом на положении дел в организации Объединённых наций. Несомненно, такие махинации подрывают основы организации Объединённых наций и в первую очередь Совета безопасности. Но не в первый раз делается попытка подорвать основы Совета безопасности, умалить его значение, помешать его работе, чтобы потом легче можно было свалить вину на невозможность добиться в Совете безопасности какого-либо положительного результата, в силу действующего там принципа единогласия. Всё это хорошо известно, все это хорошо понимают. Поэтому ни для кого не может быть секретом, каков дальний прицел организаторов этой новой попытки ударить по Совету безопасности. Можно быть уверенным, что в конечном счёте эти махинации рассыплются в прах и что коварная цель, преследуемая при этом, не будет достигнута.

Нужно, однако, иметь в виду, что выборы непостоянных членов с такими грубыми нарушениями устава и установившейся традиции нельзя будет признать ни законными, ни справедливыми. Советская делегация так и будет относиться к этим выборам, если большинство Генеральной ассамблеи не даст должного отпора тёмным закулисным проискам врагов единства и сотрудничества в организации Объединённых наций и не примет мер к тому, чтобы не позволить нарушать, и притом так грубо, устав организации. Советский Союз никогда не мирился и не будет мириться с нарушениями устава, особенно такими, которые подрывают самые основы организации Объединённых наций.

ОТВЕТЫ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕЧАТИ

Представитель Нэшнл бродкастинг компании: Поддержал ли бы Советский Союз кандидатуру Югославии в Совет безопасности два года тому назад, и если да, то можете ли вы нам сказать, почему Советский Союз не поддерживает эту кандидатуру сегодня?

Тов. Вышинский: Советская делегация два года тому назад и три года тому назад поддерживала и впредь всегда будет поддерживать ту кандидатуру, которая будет выставлена от какого-либо географического района большинством стран, принадлежащих к этому району. Так, когда латино-американские страны в 1947 году выдвинули кандидатуру Аргентины, советская делегация отдала свои голоса в пользу этой кандидатуры, несмотря на то, что между Аргентиной и Советским Союзом, к сожалению, тогда существовали, как в значительной степени существуют и сейчас, далеко не блестящие отношения.

Когда выдвигается какая-либо кандидатура большинством стран, принадлежащих к данному географическому району, делегация СССР в силу джентльменского соглашения, в котором он участвует, поддерживает ту кандидатуру, которую выдвигает большинство стран, принадлежащих к этому району. Сейчас большинство стран — Советский Союз, Чехословакия, Польша, Украина, Белорусская республика, принадлежащие к восточно-европейскому району, единогласно выдвинули Чехословакию, а не Югославию. Поэтому Югославия, если бы она была верна этому джентльменскому соглашению и установившейся традиции, обязана была бы снять свою кандидатуру, а не конкурировать с кандидатурой Чехословакии.

Представитель Бибиси: Заместитель министра иностранных дел Югославии заявил, что Югославия заслуживает места в Совете безопасности ввиду сделанного ею страной вклада в дело освобождения стран. Какова ваша точка зрения по этому вопросу?

Тов. Вышинский: Неужели представитель Бибиси не разбирается в вопросе, который связан с заявлением Югославии? Он говорит, что Югославия претендует на это место в силу того вклада, который она внесла в дело освобождения демократических стран от гитлеризма. А разве Чехословакия не внесла свой вклад в это дело? Я думаю, что представитель Бибиси, этой столь осведомлённой фирмы, мог бы ответить на этот вопрос самостоятельно. Фирма солидная, что и говорить! Заявление о том, что Югославия якобы внесла больший вклад в дело освобождения от гитлеризма, неправильно. А Белоруссия, Украина, Польша, Чехословакия? Они внесли не меньший, а гораздо больший вклад, чем те, которые хвалят свою страну.

Представитель газеты «Монреаль стар»: Не голосовал ли Советский Союз в 1947 году за Канаду?

Тов. Вышинский: Да, голосовал. Это было в 1947 году. Мы голосовали за Аргентину, которая была кандидатом от группы латиноамериканских стран, за Канаду, которая была кандидатом от стран так

называемого британского содружества, и за УССР. Мы всегда честно голосуем.

Представитель агентства Франс Пресс: Можно ли рассматривать Ваше заявление как означающее, что Советский Союз откажется заседать в Совете безопасности, если Югославия будет избрана, и можно ли будет считать Ваше присутствие в Совете безопасности как признание этого избрания?

Тов. Вышинский: Я сказал, что такие выборы, с таким грубым нарушением и традиции, о которой я говорил, и устава, а именно статьи 23, Советский Союз не может признать ни правильными, ни законными. А что касается того, что будет делать Советский Союз дальше, то уважаемый г-н корреспондент, поставивший этот вопрос, должен знать, что Советский Союз не всегда говорит заранее, что он будет делать. Я не вижу необходимости нарушать это хорошее стратегическое правило.

Представитель Ассошиэтед Пресс: Вы сказали, что избрание Югославии будет дальнейшим шагом по пути англо-американской кампании, или чего-то подобного, против Советского Союза. Как же это согласуется с британской решимостью голосовать за Чехословакию? Повидимому, имеет место разногласие между американцами и британцами в этом вопросе?

Тов. Вышинский: Мне очень приятно слышать, что Великобритания будет голосовать за Чехословакию. Если почтенный корреспондент говорит, что Англия будет голосовать за Чехословакию, это хорошо. Если он спрашивает, как можно примирить эту позицию с тем заявлением, которое я сделал, о том, что англо-американский блок ведёт дело на ослабление сотрудничества в ООН, тогда об этом нужно спросить представителя Англии.

Я говорю о таком факте, как то, что ряд делегаций во главе с США решили поддерживать на выборах в Совет безопасности Югославию против всякой другой кандидатуры от восточно-европейской группы, я говорил, что это нарушение джентльменского соглашения, статьи 23 устава, принципа согласования кандидатур заинтересованными государствами, нарушение обязанности всех делегаций поддерживать эти согласованные кандидатуры. А как будет действовать Англия? Ну, вероятно, корреспондент осведомлён не меньше в этом вопросе. Если Англия будет голосовать за Чехословакию — это хорошо. Но мне не верится, потому что это противоречит всем её действиям в отношении выборов. Может быть, я ошибаюсь? Я был бы рад ошибиться.

Представитель Ассошиэтед Пресс: Я хотел бы спросить, желает ли г-н министр сообщить относительно советского предложения об атомной энергии, которое могло бы быть внесено на Генеральной ассамблее?

Тов. Вышинский: Я говорил о выборах в Совет безопасности, так как считаю, что данный вопрос накануне выборов представляет особый интерес. Если кого-либо интересует вопрос об атомной энергии, или об атомной бомбе, то я не отказываюсь ответить на этот вопрос в пределах того времени, которым я ограничен. Вы спрашиваете, имеет ли в виду Советский Союз сделать какие-либо предложения по этому вопросу? Не только имеет в виду, но и сделал. 23 сентября советская делегация внесла свои предложения по этому вопросу в пункте втором. Во втором

пункте изложены эти предложения. Советский Союз предлагает, чтобы Генеральная ассамблея обратилась с призывом ко всем нациям запретить применение атомного оружия и принять практические меры к тому, чтобы это запрещение было осуществлено, принять практические меры контроля за исполнением решения о запрещении. Из сообщения ТАСС известно, что, несмотря на то, что Советский Союз имеет в своём распоряжении атомное оружие с 1947 года, когда министр иностранных дел Молотов сказал, что для СССР нет секрета атомной бомбы, Советский Союз стоит и будет стоять твёрдо и последовательно за запрещение атомного оружия, за установление строгого международного контроля над выполнением этого запрещения.

Представитель Нэшнл бродкастинг компани: Вы говорили о практических действиях. Не можете ли Вы нам сказать, почему советское правительство занимает ту позицию, что вы не считаетесь с проектом соглашений о контроле, т. е. о расследовании промышленной или другой деятельности, как это предлагают западные державы. Не можете ли Вы точно определить, что делается в этом отношении?

Тов. Вышинский: Это, между прочим, совершенно неправильное понимание позиции Советского Союза. Я должен был бы выразить удивление, что представитель Нэшнл бродкастинг компани Пирсон настолько, оказывается, не осведомлён, что он может так толковать позицию Советского Союза перед лицом всем хорошо известных документов. Я назову, например, документ от 11 июня 1947 года. Я назову целый ряд документов, в которых говорится о том, что Советский Союз стоит за такой международный контроль, который предполагает наличие инспекции и право этой инспекции проверять состояние производства атомной энергии с тем, чтобы не допустить нарушения постановления о запрещении атомного оружия.

Для того, чтобы не быть голословным, я вам из этого документа от 11 июня 1947 года напомним несколько положений. Вот что говорится в этом документе: «Для обеспечения использования атомной энергии лишь в мирных целях и в соответствии с международной конвенцией о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения, а также в целях предотвращения нарушений конвенции о запрещении атомного оружия и защиты государств, соблюдающих условия конвенции, от риска нарушений и уклонений устанавливается строгий международный контроль одновременно над всеми предприятиями, занятыми добычей атомного сырья и производством атомных материалов и атомной энергии».

Далее говорится, что для осуществления мероприятий по контролю над предприятиями атомной энергии будет учреждена специальная международная контрольная комиссия. Она будет располагать своим инспекторским аппаратом. В целях обеспечения эффективности этого контроля в основу конвенции будут положены следующие положения: первое — международная контрольная комиссия будет осуществлять инспектирование предприятий атомной энергии следующим образом: во-первых, обследует деятельность предприятий, добывающих атомное сырьё и атомную энергию, и проверяет их отчётность. Во-вторых, эта инспекция проверяет наличные запасы атомного сырья, материалов и

полуфабрикатов. В-третьих, наблюдает за выполнением конвенции, правильно ли она выполняется, а также предписывает правила технической эксплуатации предприятий, а также правила технологического контроля для этих предприятий.

В этом документе имеется ещё пять пунктов об инспекции, которые категорически опровергают представление, которое вы себе создали в отношении позиции Советского Союза. Но Советский Союз не может согласиться с американским планом контроля потому, что этот план так называемого международного контроля является не международным контролем, а американским сверхтестом.

Представитель Нэшнл бродкастинг компани: Является ли это тем, на что Вы ссылались, когда Вы сказали, что предложения США, если они будут выполнены, будут нарушением суверенитета Советского Союза?

Тов. Вышинский: Нарушение суверенитета начинается тогда, когда суверенитет не в те дела, на которые дано разрешение суверенного государства, а охотники совать свой нос в чужие дела у нас налицо, перед глазами.

Представитель Телепресс: Г-н Вышинский, я хочу перевести разговор на другую тему и прошу Вас сказать несколько слов относительно согласительной комиссии. Можете ли Вы сказать несколько слов о согласительной комиссии по балканскому вопросу? Можете ли Вы дать нам какие-либо объяснения относительно обоснования провала этих переговоров?

Тов. Вышинский: Пожалуйста, хотя я и не председатель согласительной комиссии. Насколько мне известно, переговоры по так называемому балканскому вопросу не дают положительного результата вследствие разногласий по некоторым пунктам.

Один из таких пунктов — это пункт об албано-греческой границе. Советская делегация предложила, чтобы в соглашении было сказано — Албания и Греция взаимно заявляют, что ныне существующая албано-греческая граница является окончательной. Нам, советской делегации, предложили две почти совпадающие альтернативы. Предложили — сказать, что Албания и Греция обязуются не применять силы или угрозы силой при разрешении территориальных споров. Что это означает? Это означает, что вопрос о границе является спорным и что к нему нужно будет вернуться. Советская делегация считает, что вопрос об албано-греческой границе — бесспорный. Известно, что Албания ничего не хочет получить от Греции, но Греция пытается получить Северный Эпир, о чём неоднократно заявляло греческое правительство. Если согласительная комиссия не соглашается с такой нашей постановкой вопроса, то это означает, что согласительная комиссия не желает выступать против территориальных притязаний греческого правительства. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса.

Представитель «Нью-Йорк таймс»: Согласно общению ТАСС от апреля прошлого года, Громыко заявил, что имеются два вопроса, которые ещё не были разрешены. Это вопрос об амнистии в Греции и о национальных выборах в Греции. Вы говорите, что теперь имеется албано-греческий вопрос. Можно ли из этого понять, что по остальным вопросам нет разногласий?

Тов. Вышинский: Я сказал о границах, что это один из главных вопросов разногласий. Остальные вопросы, которые поставлены А. А. Громыко в Нью-Йорке и опубликованы 20 мая, остаются в прежнем положении. Эти предложения согласительная комиссия также не принимает. Это, конечно, также весьма существенное разногласие. Но я не знаю, что именно согласительная комиссия считает тупиком.

Представитель Телепресс: Какова точка зрения советского правительства об основных условиях, которые необходимы для установления мира и демократии в Греции?

Тов. Вышинский: Это сказано в наших предложениях, опубликованных ТАСС 20 мая 1949 года.

Представитель агентства Транс радио пресс: Можно ли сослаться на Ваше первоначальное заявление относительно Совета безопасности, в котором Вы сказали о некоторой озабоченности относительно географического представительства непостоянных членов. Если Вы считаете это правильным по отношению к постоянным членам, и так как Советский Союз признал новое правительство в Китае, то почему Советский Союз не требует немедленного исправления географического представительства в Совете по отношению к Китаю? Почему Советский Союз не ставит этот вопрос?

Тов. Вышинский: Я хотел бы спросить в свою очередь, почему Советский Союз должен торопиться? Всё придёт в своё время.

Представитель агентства Франс Пресс: Следует ли понимать так, что позиция Советского Союза по вопросу об амнистии и выборах в Греции является окончательной и неизменной или имеются и средства достичь соглашения по этим вопросам?

Тов. Вышинский: Советская позиция твёрдая и, как выразился г-н корреспондент, окончательная. А что касается возможности достичь соглашения, то надо знать, на какой основе может быть соглашение.

Представительница Интернет шл нью сервис: Я заинтересована в оптимизме. Можете ли Вы мне сказать, на чём мир мог бы обосновать свой оптимизм в данное время. Мне кажется, что миру необходима известная доля оптимизма?

Тов. Вышинский: Для оптимизма, конечно, существует необозримое поле.

Но если говорить об организации Объединённых наций, то для оптимизма здесь многого не нужно, достаточно было бы соблюдать некоторые элементарные правила: не подставлять ножку своему соседу; соблюдать устав; соблюдать джентльменские соглашения; не затевать кулуарные интриги; не точить нож против ближнего. Не довольно ли этого будет для оптимизма? На этой основе, по-моему, можно было бы укрепить организацию Объединённых наций и построить разумное сотрудничество между разными странами. Я уже не говорю о том, что нужно отказаться от пропаганды новой войны, тем более от подготовки новой войны, от запугивания бомбами, в особенности атомными. Правда, теперь, кажется, намечается некоторый поворот в этом отношении.

Представитель негритянского агентства печати Нигрофичур пресс сервис: Прошлой весной и на этой сессии Ассамблеи руководитель организации сомалийской

молодёжи заявил, что если Италии будет дана опека над Сомали, то его народ восстанет и будет сопротивляться до последнего человека. Поскольку некоторые члены Политического комитета выступают за предоставление Италии опеки над Сомали, считаете ли Вы или советская делегация, что положение в Сомали является угрозой миру? Если так, то не входит ли этот вопрос в компетенцию Совета безопасности, а не в компетенцию Политического комитета.

Тов. Вышинский: Советский Союз занимает совершенно ясную, определённую позицию в вопросах, которые связаны с национально-освободительными движениями в той или другой стране. Вопрос уважаемого члена нашего сегодняшнего собрания о том, относится ли этот вопрос к компетенции Совета безопасности или Политического комитета, требует, конечно, особого изучения. Известно, что угнетение народов колониальными державами всегда служило искрой, из которой мог разгореться пожар войны.

«Известия» № 248 (10088)
от 20 октября 1949 г.

РАЗОБЛАЧИТЬ КЛЕВЕТНИКОВ ДО КОНЦА!

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(21 октября)

Выступавшие до меня ораторы, каждый по-своему пытался обосновать свою позицию. Мне кажется, было бы затруднительно для Ассамблеи держаться такой системы, чтобы каждый последующий оратор обязательно разбирал всё то, что сказано было до него предыдущим оратором. Тем не менее необходимо и этому уделить известное внимание, особенно когда это относится к таким замечаниям, которые имеют более или менее общий и — я бы даже сказал — принципиальный характер.

Вот почему я считаю необходимым остановиться на выступлении г-на Коэна, который здесь излагал какую-то странную теорию о сотрудничестве. Оказывается, всякий раз, когда какое-либо государство отказывается подчиняться диктату правительства Соединённых Штатов, это и означает отказ от сотрудничества. И наоборот, сотрудничество на языке г-на Коэна — это не что иное, как выполнение тех требований, которые предъявляются к нему какой-то группой государств, возглавляемой Соединёнными Штатами Америки. Я говорю, что это довольно странная теория, которая перекрывает, в сущности говоря, вверх ногами правильное представление о сотрудничестве.

Я постараюсь дальше доказать, что именно так обстоит дело и в данном случае с этими клеветническими претензиями к Болгарии, Венгрии и Румынии относительно якобы нарушения ими прав человека и основных свобод, и мирных договоров, и международных обязательств.

Коэн говорил здесь, например, о том, что эти три страны отказались явиться в Генеральную ассамблею или вообще в организацию Объединённых наций, чтобы совместно рассмотреть те вопросы, которые вызывают какие-то сомнения или недовольство. Выходит так, что когда ставится вопрос, например, о приёме Болгарии, или Венгрии, или Румынии в организацию Объединённых наций, то их не считают нужным приглашать, принимать в организацию Объединённых наций; но когда нужно их подвергнуть грубой клевете и всякого рода грубым несправедливым нападениям, то тогда их приглашают: «Будьте любезны, придите в нашу организацию Объединённых наций, послушайте наши клеветнические наветы, дайте нам объяснения».

Да разве, г-н Коэн, уважающее себя государство может принять подобного рода приглашение?

Разве можно доказывать своё желание сотрудничества тем, что явисься тогда, когда тебя зовут специально для того, чтобы обругать? Отказ от подобных предложений американский делегат называет отказом от сотрудничества. Такие заявления о сотрудничестве — сплошное и грубое лицемерие. Под видом сотрудничества США требуют подчинения своему диктату. Такого сотрудничества вы от нас никогда не дожждётесь. В попытках обосновать клеветнические заявления о нарушении этих прав и свобод особенную энергию проявили представители США, Великобритании, Австралии. Многие из присутствующих здесь делегатов знакомы с теми данными, которые приводили г-н Коэн, Шоукросс, Мэйкин, пробовавшие сослаться даже на какие-то документы. Однако все эти попытки полностью провалились. Под ударами критики со стороны делегатов, выступавших против этой англо-американо-австралийской провокационной затеи, от доказательств, на которые пытались сослаться клеветники, ничего не осталось. В Специальном комитете мы подробно излагали нашу позицию. Мы привели документы, доказавшие, насколько не обоснованы предъявленные к Болгарии, Венгрии и Румынии претензии и что приводимые против них так называемые факты извращены, а то и вовсе выдуманы. Было доказано, что для каких-либо обвинений в нарушении прав человека и основных свобод в Болгарии, Венгрии и Румынии нет решительно никаких оснований. Тем не менее большинство Специального политического комитета приняло резолюцию, которая внесена теперь на рассмотрение Генеральной ассамблеи. Приходится поэтому вновь обратиться к анализу этой кляузы, недостойной организации Объединённых наций.

Поход против народно-демократического режима в Болгарии, Венгрии и Румынии был задуман и проводится по трём основным линиям: 1. Клеветнические заявления в отношении правительств трёх указанных стран о якобы нарушении прав человека и основных свобод — это одна линия. 2. Такие же заявления о нарушении мирных договоров — это вторая линия. 3. Такие же заявления о нарушении международных обязательств — это третья линия.

Я утверждаю, что ни по одной из этих линий у обвинителей нет решительно никаких данных, на основании которых можно было бы сказать: «Да, виновен». Но я здесь и не думаю защищаться. Наоборот, советская делегация здесь выступает в качестве обвинителя обвинителей.

Чтобы доказать нарушения якобы прав человека и основных свобод в Болгарии, Венгрии и Румынии, открыли огонь против политического режима, установленного в этих странах в результате победы народной демократии. В подтверждение обоснованности своих клеветнических утверждений господа из англо-американского лагеря ссылались на процессы Н. Петкова, Миндсенти, Маниу. Шоукросс всячески стремился опорочить эти процессы. Он поднял в связи с этим целый ворох старых, заезженных, сто крат опровергнутых и разоблачённых, как грубые фальшивки и гнусные инсинуации, так называемых «фактов», в которых в действительности нет ни одного грана фактических данных, в которых всё от начала до конца ложь и подтасовка фактов. Чтобы опорочить правосудие в странах народной демократии и тем самым доказать нарушение прав человека, представитель Англии рискнул в пресс-релиз от 6 октября заявить, что в этих странах «в политических делах арестованные вообще никогда не судятся, если они сначала не признают своей виновности», и что эти «так называемые признания представляют собой зловещую картину». Правда, позже он понял, повидимому, что махнул через край, и в речи 12 октября решил поправиться, заявив, что, конечно, это бывает не во всех процессах, а в большинстве процессов — даже «в огромном большинстве» процессов, как сказал Шоукросс, добавив, что признания эти к тому же получают по принуждению. Шоукросс унился до того, что стал повторять базарные сплетни о «психологических лабораториях», о каких-то «тихих местах», какой-то «психологической обработке», которой якобы подвергаются обвиняемые во время таких процессов. Однако в подтверждение своих утверждений клеветники не привели ни одного факта, так как таких фактов у них нет, как их нет вообще в природе.

Не скрою, что, слушая Шоукросса, я думал: не попал ли я случайно в Пикквикский клуб и не ораторствует ли это не генеральный прокурор Великобритании, а сам достопочтенный мистер Пикквик, удивляя своих слушателей рассказами всяких небыллиц, хотя и более безобидного свойства. Не дурной ли это сон? Увы, это — не сон, это — явь. Это, действительно, сам генеральный прокурор Англии мечет свои перуны против стран народной демократии, в то же время воспевая «зрелые системы права», как, например, английскую систему, в силу которой суды, как заявил Шоукросс, относятся с большой осторожностью к признаниям подсудимых. Так ли, г-н Шоукросс? Нет, не так. В такой «зрелой системе права», как, например, английская, на которую сослался Шоукросс, дело обстоит, кстати сказать, совсем иначе. Шоукросс и тут напутал или просто искажил факты. В самом деле, именно в Англии признание подсудимым своей вины играет решающую роль в судебном процессе. В средние века существовало правило: «Сознание обвиняемого — царя доказательств». В английском праве это правило до сих пор сохранилось почти в неприкосновенном виде. Вот что по этому поводу можно было бы напомнить генеральному прокурору Великобритании, например, из учебника Сеймура Гарриса «Принципы и практика уголовного права» (Лондон, 1943, стр. 450 англ. текста), где говорится:

«Если подсудимый признает себя виновным, то не требуется никаких дальнейших доказательств или судебного разбирательства, и суд пе-

реходит к вынесению решения на основании «собственного признания подсудимого».

В дигестах Стивена (Stephen), одного из крупнейших авторитетов Великобритании в области английского судебного права, можно прочесть по поводу сознания обвиняемого следующее:

«Если в английском суде подсудимый признает себя виновным (pleads guilty), то и делу бывает конец; нет дальнейших изысканий, и приговор следует немедленно за признанием». Вот где, оказывается, признание обвиняемого — всё, и вот почему в таких судах так важно получить признание обвиняемого во что бы то ни стало. Шоукросс не упустил случая кивнуть по этому поводу и на Советский Союз, отважившись повторить лживый вздор относительно судебных процессов, происходивших в Москве лет 15 тому назад, позаимствовав этот вздор у таких клеветников, как известный всем Ванситтарт и ему подобные господа.

Ни в одном законе стран народной демократии нет ничего похожего на этот английский средневековый закон, который действительно извращает задачи правосудия, действительно нарушает права человека. Не случайно же ряд английских учёных, например Thayer, критикуя правила английского судопроизводства, говорит, что эти правила большей частью оказываются «массой различных доктринальных положений, выраженных в двусмысленных английских или латинских фразах, наполовину понятных, но бегло применяемых без понимания того, что основные их идеи, удачные и правильные в соответственных случаях, путём безразличного применения приобретают ложную конструкцию и ложное значение». Можно себе представить, как всё это отражается на правах человека, попавшего в руки так называемого правосудия! Вот почему как-то неловко было слышать, как Шоукросс, обречённый в силу своего официального положения генерального прокурора Великобритании на то, чтобы, заседа в английских судах, барахтаться в тине подобных средневековых судебных правил, пробовал в Политическом комитете Генеральной ассамблеи поучать страны народной демократии «истинному правосудию», истинному отношению к сознанию обвиняемого. Но это лишний труд, так как в Болгарии, Венгрии и Румынии судопроизводство не знает таких средневековых английских законов, оно опирается на демократические основы. Здесь суды решают дела в порядке, установленном законом, на основании судебных доказательств, среди которых сознанию обвиняемого отводится не большее значение, чем любому другому доказательству. Сознание обвиняемого не только не единственное, но и не главное основание для признания судом обвиняемого виновным. Суд в демократических странах строго придерживается этого принципа, основывая свои приговоры на всей совокупности доказательств. Попытку Шоукросса и Козна опорочить правосудие в странах народной демократии, используя для этого вопрос о признании своей вины обвиняемыми, можно считать провалившейся. С этим «доказательством» у г-на Шоукросса и его друзей ничего не вышло.

Провалившись в этом случае, г-н Шоукросс ухватился за другое, столь же обречённое на провал, «доказательство». Он заявил, будто венгерский министр юстиции где-то и когда-то сказал — где и когда, об этом Шоукросс предпочёл умолчать, — что одним из средств доказательства в Венгрии является политическая позиция обвиняемого. Смысл и этого

заявления заключался в том, чтобы оклеветать суды в Венгрии, изобразив их деятельность как средство сведения политических счётов. Это значит, что в Венгрии судят людей не за совершённые ими преступления, а за их политические взгляды. Но это — старая ложь, убедительно разоблачённая на судебном процессе Миндсенти, уличённого в совершении таких конкретных преступлений, как заговор о свержении законного венгерского правительства, в шпионаже и измене родине. На этом процессе вина Миндсенти была доказана не только его собственным сознанием в совершённых преступлениях, но и такими неопровержимыми уликами, как откопанный в подвале дома, где жил Миндсенти, железный футляр со списком членов будущего правительства, которое должно было под руководством Миндсенти и его англо-американских покровителей взять власть после насильственного свержения существующего законного правительства Венгрии.

Я спрашиваю: это факт или выдумка? Это — факт. Этот футляр с этими документами, собственноручно написанными Миндсенти, фигурировал на суде. Это — неоспоримый факт, это — убедительное доказательство вины Миндсенти, ибо вещественные доказательства неопровержимы, ибо факт есть факт, железный футляр есть железный футляр, список есть список, рука Миндсенти, которая этот список составила, есть рука Миндсенти.

И здесь никакие уёртки не могут помочь, ибо это факты, неопровержимо доказывающие истину.

Поэтому все разговоры о том, будто бы в Венгрии или в других странах народной демократии главное — это политическая позиция обвиняемого, — это клеветническая выдумка.

Но есть страна, где действительно, например, по преступлению против государственной тайны, против нарушения государственной тайны, не нужно никаких доказательств и не нужно даже признания обвиняемого, а достаточно, чтобы было налицо то, что закон называет «своёобразием характера».

Что это за страна? Это — Великобритания. Что это за закон? Это — закон 22 августа 1911 года. А что же в этом законе записано? А в этом законе записано буквально следующее — я цитирую:

«Не требуется по делам о государственной тайне установления вины обвиняемого каким-либо определённым действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности интересам государства...»

Выходит совершенно ясно, что обвиняемый может быть осуждён в английском суде по закону 22 августа 1911 года, хотя бы конкретного преступления и не было установлено. Лишь было бы установлено то, что называется «своёобразием его характера».

Установленные этим законом правила действительно подрывают всякие основы правосудия, но ведь это же английский закон, это не болгарский закон, не венгерский закон, не румынский закон! Так кого же вы обвиняете в нарушении прав человека?

Вот, в сущности говоря, два важнейших доказательства, которые привёл в Специальном политическом комитете г-н Шоукросс. Я уже не говорю о всякого рода других его соображениях, которые, по-моему, даже не заслуживают внимания. Я останавливаюсь на этих позднейших моментах, потому что это краеугольный камень его обвинения в нарушении

нии прав человека, в нарушении основных свобод, так как, действительно, если правосудие опирается на сознание обвиняемого, которого принуждают к этому, то, конечно, нельзя говорить ни о каком правосудии, ни о каких правах человека.

От г-на Шоукросса не отставал в комитете г-н Мэйкин, глава австралийской делегации, ответственное лицо, бывший австралийский министр. У австралийского делегата тоже плохо обстоит дело с фактами. Попросту говоря, фактов у него нет. В таких случаях добросовестные люди отказываются от своих утверждений, а добросовестные обвинители — отказываются от обвинения. Другое дело — недобросовестные обвинители. Они настаивают на своём, пускаясь на всякие манёвры, вплоть до того, что просто выдумывают несуществующие факты. Так вышло и в данном случае; г-н Мэйкин, пробуя ошельмовать Румынию, сослался на закон № 341 от 1947 года о народных заседателях, в котором якобы говорится, что «заседатели избираются организациями главной политической партии в Румынии и ни один человек, не состоящий членом такой организации, не имеет права участвовать в этих выборах» (речь 4 октября).

Однако в законе № 341 ничего подобного нет. Советская делегация потребовала в связи с этим, чтобы г-н Мэйкин представил текст этого закона и указал соответствующее место. Текст закона № 341 был представлен. Но все могут убедиться, что в нём нет ни слова, похожего на то, о чём говорил г-н Мэйкин. Это ли не передёргивание фактов?! Как об этом думает г-н австралийский делегат, которому всё-таки надо ведь объяснить, откуда же он взял своё утверждение, на каком основании он сообщил Политическому комитету относительно организации правосудия в Румынии то, чего и в помине нет в документе, на который он публично сослался? Может быть, Мэйкин выйдет на трибуну и скажет: вот страница такая-то, пункт такой-то и следующий текст... и прочитает те слова из закона № 341, которые говорят о том, что в Румынии действительно народными заседателями могут быть только коммунисты. Я заявляю, что этого он сделать не может, ибо такого закона нет. А в том законе, который он назвал, а именно 341, об этом не сказано ни слова. К сказанному надо добавить, что вообще закон № 341 отменён ещё 1 апреля 1949 года, но и в этом апрельском законе нет ничего подобного тому, что утверждал г-н Мэйкин. И на основании таких-то, с позволения сказать, «фактов» австралийский делегат позволяет себе угрожающе требовать каких-то мер в отношении румынского правительства!

В Специальном комитете советская делегация и ряд других делегаций подробно и тщательно разобрали все эти и другие так называемые «доказательства». Было доказано, что все они сводятся к набору лживых фраз, к извращённому истолкованию даже таких бесспорных положений, как положение о том, что в обязанности суда входит защищать конституцию и установленный ею государственный и общественный строй!

В качестве примера нарушения прав человека и основных свобод Шоукросс и Козэн указывали на то, что в Болгарии, например, законом 28 августа 1947 года была распущена петковская группа, подготовлявшая государственный переворот. Но даже г-н Шоукросс должен был признать, — цитирую по пресс-релиз от 6 октября, — что «в переход-

ный период от нацизма и недемократических систем могут быть необходимы на время особые чрезвычайные меры». Хотя закон 28 августа 1947 года и был именно такой чрезвычайной мерой, применение которой публично оправдывал в Специальном комитете г-н Шоукросс, он поносил эту меру в Болгарии по той простой причине, что это было в Болгарии! Поразительнее всего, что все эти несправедливые нападки на политический режим в Болгарии, Венгрии и Румынии, на правосудие, на отсутствие якобы прав и свобод в Болгарии, Венгрии и Румынии идут больше всего со стороны правительств таких стран, где действительно поруганы все человеческие права и свободы. Это надо сказать о правительстве Австралии, где, как можно это прочесть в работах известного австралийского учёного-антрополога Томсона, во многих частях Северной территории люди работают в условиях, равноценных рабству, или в изданной в Англии книге «Блэкчаттлс» («Темнокожее движимое имущество»), где описывается ужасное положение коренных жителей Австралии, поставщиков дешёвой рабочей силы и жертв ожесточённой эксплуатации! А книга Гарднера «Моя Австралия» — разве она не рассказывает о полном бесправии аборигенов! Не странно ли, что австралийского делегата несколько не беспокоит трагическое бесправие австралийцев, но зато он выражает «серьёзное беспокойство», как говорится в резолюции большинства Политического комитета, по поводу якобы нарушения прав в странах народной демократии!

Характерным представителем этих выражающих «беспокойство» рабовладельцев выступил здесь делегат Голландии, правящие круги которой ведут агрессивную войну против индонезийского народа. Он выступил с призывом к крестовому походу против демократических стран, он открыто призывал здесь Генеральную ассамблею объединиться для борьбы с коммунизмом. Такие попытки организовать крестовый поход против демократии и социализма имели место, как известно, в прошлом. Можно напомнить о таких попытках реакционных кругов капиталистических государств во главе с Черчиллем организовать поход 14 государств против СССР, поход, который с треском провалился. Нидерландский делегат может быть уверен, что если такие попытки провалились 30 лет тому назад, то теперь они провалятся с ещё большим треском. Рабовладельцы и их покровители в роли учителей демократии, поборников прав человека и основных свобод в отношении других, действительно передовых, демократических стран, — вот картина, действительно достойная богов!

Стыдно было слушать делегата Австралии, распинавшегося насчёт правосудия в Румынии, тогда как именно в Австралии грубо попираются права и свободы путём применения федерального акта о преступлениях, лишаящего граждан права на суд присяжных, лишаящего обвиняемых права задавать вопросы обвинителям и отвечать на задаваемые вопросы!

Это надо сказать о Греции с её фашистским террором, с её дикими пытками и казнями патриотов, о США с их тоже «правами человека», продемонстрированными в Пиксвилле и в других местах США, продемонстрированными судьёй Мединой, лишившим обвиняемых даже права на защитительные речи и с ходу осудившим не только обвиняемых, но заодно, так сказать по пути, и их защитников! Это надо сказать об

Англии с её практикой расстрелов мирных демонстраций, например, в Сомали; надо сказать о безудержной пропаганде в Англии и США новой войны и массового уничтожения людей, о свободе слова для фашистов в Англии и т. д., и т. д. Нельзя не отметить также сделанное здесь Козном заявление о том, что для США предложения Советского Союза против подготовки новой войны и о заключении пакта пяти держав по укреплению мира неприемлемы.

Конечно, для тех, кто готовит войну, не подходят предложения по укреплению мира. Это мы, конечно, примем к сведению. Вот о чём надо сказать в ответ обвинителям, разыгрывающим несвойственную им роль проповедников и учителей морали. Английскому генеральному прокурору, морализирующему в Генеральной ассамблее насчёт демократических свобод и прав человека, можно было бы напомнить, например, о нашумевшем в своё время Мирутском процессе против передовых деятелей профессионального движения в Индии, процессе, названном в своё время английским журналом «Нью-лидер» «величайшим скандалом в области политических преследований, наиболее позорным в судебных анналах мира!» Обо всём этом следовало бы напомнить гг. обвинителям, чтобы вещи стали на свои места.

Когда в Специальном комитете шла речь о правах человека в Болгарии, Венгрии и Румынии, не было недостатка в брани и в клеветнических выпадах, не было недостатка во лжи и фальсификации фактов. Недостало одного — фактов, которые могли бы хоть в малейшей степени подтвердить клевету, возведённую на три страны народной демократии. Таких фактов нет и сейчас.

Так обстоит дело с якобы нарушением прав и основных свобод в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Этих нарушений нет. Курьёзно звучит поэтому попытка сослаться на статью 2 мирного договора с Болгарией и Венгрией и на статью 3 мирного договора с Румынией, говорящие о правах человека и основных свободах и которые якобы нарушены в указанных странах тем, что пойманные с поличным преступники — заговорщики против нового, демократического государственного строя, террористы, шпионы, изменники родины — были судимы и наказаны по закону! Будто эти статьи мирных договоров предназначены для того, чтобы охранять «право» на совершение преступлений или «свободу» совершать преступления! В то же время умалчивают о статьях 4 в болгарском и венгерском договоре, о статье 5 в румынском договоре, прямо обязывающих правительства Болгарии, Венгрии и Румынии не допускать существования и деятельности таких фашистских организаций, которые ведут пропаганду и преследуют цель лишения народов их демократических прав, а также ведут враждебную деятельность в отношении СССР и любой из других Объединённых наций. Между тем известно, что все эти петковцы, лулчевцы, царанисты, салашисты, миндсентисты и т. п. целиком подпадают под действие указанных статей.

Так дело обстоит и с мнимым нарушением правительствами Болгарии, Венгрии и Румынии мирных договоров. Таких нарушений нет. Они просто выдуманы, чтобы как-нибудь оправдать поход против трёх народно-демократических стран, поход, организованный по всем правилам волчьего закона, прикрывающего всякое беззаконие, всякий произ-

вол. Этот волчий закон хорошо выражен в известной басне Крылова «Волк и Ягнёнок»: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Измышлениями и клеветой, подтасовкой и фальсификацией фактов думают оправдать своё вмешательство во внутренние дела Болгарии, Венгрии и Румынии. Это не впервые. Мы помним, какие усилия делали правительства США и Англии в прошлом, чтобы получить возможность вмешиваться во внутренние дела этих стран. Мы помним, например, как в результате открытого вмешательства правительства США в болгарские дела были отсрочены выборы в Народное собрание, назначенные на 26 августа 1947 года; как США и Англия добивались включения в состав болгарского и румынского правительств в 1945—1946 годах предстателей петковцев и царанистов; как делались попытки прикрыть преступления группы Н. Петкова; и аналогичные попытки вмешаться во внутренние дела Венгрии, используя во всех соответствующих случаях в своих подрывных целях группы заговорщиков и предателей в этих странах. Всё это объясняется тем, что правящие круги США и Англии заинтересованы в предотвращении крушения капиталистической системы в странах Восточной Европы, идущих по пути подлинно демократических реформ. Эти круги заинтересованы в том, чтобы, сплотив остатки разгромлённого народно-демократическим движением в этих странах капиталистической реакции, попытаться задержать процесс укрепления народной демократии и успешное движение этих стран вперёд, по пути социализма.

Народная демократия и народно-демократические государства, как об этом говорят неопровержимые факты, сложились в результате разгрома немецко-фашистских сил, вследствие исторической победы Советского Союза во второй мировой войне, в результате борьбы народных масс под руководством рабочего класса за национальную свободу и независимость, которые привели к выпадению из системы империализма ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Народно-демократические государства — это государства переходного периода, призванные обеспечить развитие этих стран по пути социализма. С этим не хотят примириться реакционные круги капиталистических стран, пытающиеся любыми средствами оказать противодействие укреплению народно-демократического строя, пришедшего на смену старым экономическим и политическим отношениям в этих странах, покоившимся на капиталистической основе, мечтающие повернуть назад колесо истории или, по крайней мере, остановить его движение вперёд. Здесь лежит коренная причина постановки на Генеральной ассамблее вопроса о правах человека в Болгарии, Венгрии и Румынии, вопроса, который должен прикрыть, замаскировать вмешательство во внутренние дела этих государств, на чём построены все расчёты англо-американских капиталистических монополий. Для маскировки идут на явное извращение устава ООН, на грубую фальсификацию фактов, делают попытку сослаться, например, на статью 55 устава, хотя нетрудно убедиться, что статья 55 не даёт никакого права на какое-либо вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Делегация СССР уже приводила в доказательство полной необоснованности ссылки на статью 55 выдержки из протоколов Сан-Францисской конференции. Известно, что при редактировании статьи 55 этот вопрос специально обсуждался,

причём было принято в Сан-Франциско решение, что «Глава 9 (она включает и статью 55) не содержит ничего, что могло бы быть истолковано, как дающее Организации полномочия вмешиваться во внутренние дела государств-членов».

Больше того, в докладе, представленном 25 июня 1945 года президенту США делегацией США на конференции в Сан-Франциско, по этому поводу говорилось, что на конференции было высказано мнение, что «одни из элементов в австралийском предложении, призывающий государство принимать меры отдельно от международной организации, выходит за рамки самого устава международной организации и, возможно, даже является нарушением внутренней юрисдикции государств-членов, навязывая им определённую философию отношений между правительством и частными лицами».

Принятое обязательство, наконец, было направлено к тому, чтобы исключить возможность такого толкования. Оно обязывает различные страны сотрудничать с организацией путём проведения совместных и отдельных мероприятий по достижению экономических и социальных целей организации, без нарушения их прав вести свои государственные дела согласно своим собственным способностям, своему собственному пути и в соответствии со своими собственными политическими и экономическими институтами и процессами.

В соответствии с этим в докладе указывалось, что устав открывает путь для международного сотрудничества в экономических, социальных и связанных с ними областях в неизвестных в прошлом масштабах. В то же время он защищает права государств жить своей собственной жизнью и быть свободными от ничем не оправданного вмешательства.

Наконец, несколько вопросов, имеющих столь же политическое, сколько и юридическое значение. Этим вопросам уделялось немало внимания, особенно представителями США и Великобритании. Эти вопросы связаны непосредственно с той частью резолюции, которая предлагает обратиться к Международному суду с просьбой о консультативном заключении.

Первый вопрос о наличии так называемого спора. Представители США и Великобритании усиленно настаивают на том, что в данном случае имеется якобы какой-то спор. Но, спрашивается, что они имеют в виду, говоря о споре? Какой спор они имеют в виду? Спор между какими и какими государствами? Если обратиться к соответствующим статьям мирных договоров, т. е. к статье 37 мирного договора с Румынией, к статье 35 мирного договора с Болгарией, к статье 39 мирного договора с Венгрией, то не может оставаться никакого сомнения, что мирные договоры предусматривают возможный спор между двумя сторонами, одна из которых это соответственно Румыния, Болгария или Венгрия и другая — США, Великобритания и СССР, которые по мирным договорам представляют союзные и соединённые державы в своих сношениях со всеми указанными выше странами по всем вопросам, касающимся выполнения и толкования настоящих договоров.

Мирный договор предполагает, следовательно, такую ситуацию, когда действительно может возникнуть спор между этими двумя сторонами. Правильность этого положения подчёркивается также указаниями в упомянутых выше статьях на то, что три государства — США,

Великобритания и СССР — в таких случаях должны действовать по согласованию между собой. Не может быть, следовательно, такого положения, когда к Румынии, Венгрии или Болгарии были бы предъявлены претензии не всеми тремя указанными державами, действующими по согласованию, а какой-нибудь одной из них. В потенциальном споре, какой имеют в виду мирные договоры с Болгарией, Венгрией и Румынией по поводу выполнения и толкования этих договоров, может идти речь, следовательно, о таких разногласиях, которые возникают между правительствами указанных стран, с одной стороны, и тремя великими державами — с другой. Это правило исключает, таким образом, возможность сепаратного выступления одной или даже двух держав из этих трёх держав, ибо в таком случае не было бы действий по согласованию трёх держав. Но именно в данном случае такого согласования нет, ибо Советский Союз никаких неправильностей в выполнении или в толковании мирных договоров со стороны Болгарии, Венгрии и Румынии не видит, так как их в действительности и нет. Наоборот, установлено на основании точных фактов, что правительства Болгарии, Венгрии и Румынии весьма добросовестно и пунктуально выполняют мирные договоры и не допускают никаких отступлений в этом деле. При таком положении нет никаких оснований говорить о каком-то споре между теми сторонами, какие предусматриваются мирными договорами. Нет, таким образом, никаких оснований и для обращения к Международному суду за консультативным заключением о наличии споров, подпадающих под положения об урегулировании споров, содержащиеся в статье 36 мирного договора с Болгарией, статье 40 мирного договора с Венгрией и статье 38 мирного договора с Румынией.

Тем самым нужно считать отпавшим и второй вопрос проекта резолюции относительно обязанности правительств Болгарии, Венгрии и Румынии назначить своих представителей в комиссию по возникшему спору.

Должно быть ясным из сказанного, что предусмотренная соответственно статьями 36, 38 и 40 мирных договоров с Болгарией, Румынией и Венгрией процедура урегулирования спорных вопросов в данном случае также совершенно неприменима. Ведь предусмотренная в этих статьях процедура имеет в виду, повторяю, спор между США, Великобританией и СССР, представляющими в таком споре одну сторону, и Болгарией, или Венгрией, или Румынией, представляющими в этом споре другую сторону. Такого положения в данном случае нет, ибо, как это было уже сказано, в составе одной стороны, которая должна быть из трёх государств, имеется лишь два государства — США и Англия. Третье же государство, а именно СССР, категорически возражает против предъявления к Болгарии, Венгрии и Румынии каких бы то ни было претензий, связанных с якобы нарушением ими мирных договоров.

Отсюда ясно, что не может быть никаких оснований для обращения к Международному суду и с третьим вопросом относительно права генерального секретаря назначить арбитра, предусмотренного соответствующими статьями мирных договоров. Из текста этих статей видно, что в этом случае имеются в виду не отдельные государства, составляющие сторону, а все три государства, составляющие сторону. Если в составе этой стороны нет одного какого-либо из трёх государств — США, Великобритании и СССР, то в юридическом смысле этого слова нет и

стороны, и все попытки путём различных схоластических толкований и юридических хитросплетений превратить сторону из трёх государств в сторону при наличии лишь двух государств являются явным извращением смысла и текста указанных статей мирных договоров.

Отсюда и прямой вывод о полной несостоятельности также и четвёртого вопроса, с которым предлагается обратиться к Международному суду. Это вопрос о том, будет ли комиссия компетентной для урегулирования возникшего спора, если она будет состоять в конечном итоге не из трёх членов, т. е. из представителей двух сторон и арбитра, а из двух членов — представителей одной стороны и арбитра.

Сама постановка такого вопроса является совершенно недопустимой, так как налицо явное жонглирование словами в ущерб всякой юридической логике, всякому здравому смыслу. Не случайно поэтому, что в Специальном комитете представитель Франции отказался поддерживать третий и четвёртый вопросы ввиду их явной юридической нелепости и грубой политической безграмотности. Но я должен сказать представителю Франции — если вы отвергаете третий и четвёртый вопросы, то, оставаясь логичным, вы должны отвергнуть и первый и второй вопросы потому, что первый и второй вопросы — это основа для четвёртого и третьего вопросов, а третий и четвёртый вопросы лишь венчают всё дело. В Политическом комитете мы указывали на то, что само обращение к Международному суду с подобного рода вопросами унижительно и для Международного суда и для Генеральной ассамблеи.

Это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств. Следует лишь обратить на это внимание Генеральной ассамблеи и попытаться предотвратить такой шаг со стороны Генеральной ассамблеи, который только способен унижить её достоинство. Но в сущности говоря, унижительно для Генеральной ассамблеи является уже и самый факт обвинения навязанного ей вопроса о нарушении якобы правительствами Болгарии, Венгрии и Румынии человеческих прав и основных свобод. После всего сказанного должно быть ясно, что несправедливый, клеветнический поход против трёх стран народной демократии преследует тёмные цели, как и тот проект резолюции, который представлен на рассмотрение Генеральной ассамблеи большинством Политического комитета.

Советская делегация возражает против этого проекта, настаивает на отклонении этого проекта, так как принятие такой резолюции явилось бы поощрением клеветников и фальсификаторов, посягающих на суверенные права независимых демократических государств. Этого нельзя допустить.

«Правда» № 297 (11404)
от 24 октября 1949 г.

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ПРИЗЫВАЕТ
ГЕНЕРАЛЬНУЮ АССАМБЛЕЮ ООН
СПАСТИ ЖИЗНЬ НЕВИННО ОСУЖДЁННЫХ
ГРЕЧЕСКИХ ПАТРИОТОВ

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ЗАСЕДАНИИ ПЕРВОГО (ПОЛИТИЧЕСКОГО) КОМИТЕТА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(24 октября)

24 октября глава делегации СССР на Генеральной ассамблее А. Я. Вышинский сделал на заседании Первого (Политического) комитета следующее внеочередное заявление:

«Делегации Советского Союза стало известно, что афинский военный суд продолжает выносить смертные приговоры греческим патриотам. Так, 13 октября этого года афинский военный суд приговорил к смерти 8 видных деятелей народно-освободительного движения в Греции, героически боровшихся против гитлеровских оккупантов за свободу и независимость своей родины, — Евангелию Сарадзис, Дмитриоса Мураидиса, Артемноса Иоаннидиса, Сотириса Барбунакиса, Георгиоса Илиопулоса, Иаковоса Фамелиса, Антониоса Стрелакоса и Екатерину Талагани (Зевгос).

Афинский военный суд приговорил их к смерти дважды и трижды. Приговорил без всяких к тому оснований, не имея никаких доказательств совершённых ими каких-либо преступлений, основываясь исключительно на показаниях полицейских и, в частности, агента пирейской асфалии (отделение греческой охраны в Пирее) Араванитиса, покончившего, по официальной правительственной версии, самоубийством.

Бесчеловечный приговор в отношении указанных 8 греческих патриотов вынесен в ответ на разоблачение осуждёнными разгула истязаний в пирейской асфалии. Дошедшие из тюрем сведения говорят о бесчеловечных пытках, которым подверглись осуждённые греческие патриоты, к которым применяли всевозможные истязания вплоть до так называемой «фаланги», когда подвешивают человека за связанные руки, продетые между связанными ногами. Греческих патриотов, заключённых в тюрьмы, пытаются огнём, выдёргиванием волос, доводя до сумасшествия и самоубийств. Стало известно, что в письме агента асфалии Араванитиса, зачитанном на суде, последний писал своей сестре: «Не могу вынести криков истязаемых».

О том, какими зверскими приёмами добиваются греческие власти так называемого «признания» обвиняемых, свидетельствуют такие возмутительные факты, как принуждение арестованных стоять часами голыми под палящим солнцем, ветром и дождём, нагруженными мешками с песком, как сбрасывание со скал в море и другие бесчеловечные способы. От таких пыток умер патриот и видный политический деятель Таксис, а осуждённую в числе указанных выше 8 греческих патриотов Евангелию Сарадзис подвергли пытке «фалангой» и огнём, всё испробовав на теле этой 25-летней девушки.

Известны имена палачей, истязавших греческих патриотов. Своим изуверством особенно известен палач, которого называют именами Ятрис, Ких, Москиос, Георгиос, настоящее имя которого Иоаким. Он специализировался на применении к мужчинам такого изуверского способа истязаний, как сдавливание и выкручивание половых органов.

Миллионы трудящихся Советского Союза с негодованием и глубоким возмущением узнали об этих новых преступлениях монархо-фашистского режима в Греции.

Все честные люди всего мира не могут не поднять свой голос возмущения и протеста против подобного рода преступлений, совершаемых в эти дни опьяневшим от расправы с греческими патриотами монархо-фашистским правительством.

По поручению Советского правительства, которому направили родственники осуждённых просьбу спасти от гибели невинных людей, делегация Советского Союза обращается к Генеральной ассамблее с призывом поднять свой голос, чтобы спасти жизнь невинно осуждённых греческих патриотов — Евангелия Сарадзис, Димитриоса Муратидиса, Артемниоса Иоаннидиса, Сотирниоса Барбунакиса, Георгиоса Илиопулоса, Иаковоса Фамелиса, Антониоса Стрелакоса и Екатерины Талаганы (Зевгос).

Делегация Советского Союза предлагает принять следующую специальную резолюцию:

«Обращая внимание на то, что в настоящее время в Греции военные суды продолжают выносить смертные приговоры в отношении деятелей народно-освободительного движения и что 13 октября с. г. афинским военным судом были приговорены к смертной казни 8 видных общественных деятелей, героических борцов против гитлеровских оккупантов — Евангелия Сарадзис, Димитриос Муратидис, Артемниос Иоаннидис, Сотирниос Барбунакис, Георгиос Илиопулос, Иаковос Фамелис, Антониос Стрелакос и Екатерина Талаганы (Зевгос), Первый комитет обращается к греческому правительству с требованием приостановить исполнение смертных приговоров в отношении упомянутых выше лиц и эти приговоры отменить».

«Известия» № 253 (10093)
от 26 октября 1949 г.

ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ФАШИСТСКОМУ ТЕРРОРУ В ГРЕЦИИ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В ПЕРВОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(25 октября)

На заседании 25 октября Политический комитет продолжал обсуждение проекта резолюции, внесённого 24 октября делегацией СССР и направленного на защиту греческих патриотов от зверского монархо-фашистского террора в Греции.

С большой речью выступил глава делегации СССР А. Я. Вышинский. Он указал, что некоторые делегации, стараясь обойти обсуждение проекта резолюции СССР о прекращении смертных приговоров, которые непрестанно выносятся военными судами в Греции, пытаются прикрыться фальшивыми рассуждениями «о демократии», «правах человека» и т. д.

Греческий представитель, указав А. Я. Вышинский, жаловался здесь на то, что кто-то будто бы хочет — он, конечно, имел в виду делегацию Советского Союза — приостановить ход судопроизводства в Греции. Однако всякому, кто имел уши для того, чтобы слышать то, что говорили здесь представители Советского Союза и других солидаризирующихся с делегацией СССР стран, ясно, что эти выступления не дают никаких оснований для подобных утверждений. Всем, у кого есть глаза, чтобы читать те документы, которые представила делегация СССР в обоснование и объяснение своей позиции, ясно, что эти документы также не дают решительно никаких оснований говорить о том, будто бы здесь пытается кто-то приостановить ход судебного производства в Греции. Подобные рассуждения являются пустым вымыслом, не основанным ни на каких фактах, ибо в выступлении делегации СССР об этом не было сказано ни одного слова, а в предложенной ею резолюции не написано об этом ни одного слова.

А. Я. Вышинский напомнил заявление представителя афинского правительства о том, что прекращение казней партизан «вряд ли будет полезным».

Что означает это заявление, сказал глава советской делегации, в чём его смысл и назначение, особенно в свете раздававшихся сегодня в комитете призывов довериться греческому правительству, которое если не обещало не выносить новых смертных приговоров, то во всяком случае обещало не приводить их в исполнение? Что означает замечание о том, что прекращение смертных казней «вряд ли будет полезным», как не свидетельство того, что представитель афинского правительства не считает нужным прекратить вынесение смертных приговоров, прекратить казни? Иными словами, греческий представитель совершенно откровенно в циничной форме признал здесь, что афинское правительство приговаривало к расстрелам и казни греческих патриотов и что оно и впредь будет выносить смертные приговоры и приводить эти приговоры в исполнение...

Так пусть же оценит по справедливости вот это заявление греческого представителя делегат Франции, который уже не раз заявлял о том, что у них действует так называемая «классическая демократия», пусть прислушаются к этому заявлению представители Чили, Сальвадора и некоторых других делегаций, в том числе делегаций США и Англии, которые в качестве одного из доводов против советского проекта резолюции выдвигают утверждение о том, что после 29 сентября будто бы не существует вопроса о смертных приговорах в Греции, ибо греческое правительство якобы дало обещание не выносить смертных приговоров и во всяком случае не приводить их в исполнение.

Представитель Франции говорил здесь о том, что он не может голосовать за резолюцию СССР потому, что, как он заявил, с 29 сентября ни один смертный приговор не был приведён в исполнение. Но это неправда.

Это обман и фальсификация. После 29 сентября казнён Димосфенос Георгиу, казнены и другие греческие патриоты. На что указывает подобное утверждение французского представителя, как не на родство душ французского правительства с монархо-фашистским греческим правительством, на желание во что бы то ни стало «услужить дружку», прикрыть и принять на веру это лживое, фальшивое заявление представителя греческого монархо-фашистского правительства.

Касааясь попыток некоторых делегатов прикрыть свой отказ от поддержки советского предложения ссылкой на заверения греческого представителя, А. Я. Вышинский огласил ту часть из заявления греческого делегата на заседании 29 сентября, в которой говорится, что новые законопроекты греческого правительства, будто бы имеющие целью смягчить террор в Греции, будут применяться «к различным видам наказания за исключением приговоров к смертной казни»... Их этот новый законопроект касаться не будет. И чтобы на этот счёт не оставалось никаких сомнений, греческий представитель заявил тогда же, что афинское правительство решило передать все случаи наказания в апелляционный суд «в соответствии с принципом о том, что наказание должно быть применено только в такой степени, в какой это является абсолютно необходимым».

И это хотят принять как отказ от применения смертных казней! Эта формула очень нравится представителю Франции, а также представителям США, Англии, Чили и др.

По существу, продолжал А. Я. Вышинский, в этом заявлении сказано: «Мы будем наказывать, но наказывать в той мере, в какой это абсолютно необходимо».

Но разве греческое правительство не считает «абсолютно необходимым» расстреливать и вешать, топить в море и сбрасывать с современной торпейской скалы греческих патриотов, таких людей, как геронческие борцы против гитлеровских оккупантов — Сарадис, Муратидис, Иоаннидис, Барбунакис, Илнопулос, Фамелис, Стрелакос и Екатерина Талагани (Зевгос), которым угрожает сейчас казнь в монархо-фашистских застенках в Греции, людей, которых даже греческие военные судьи, — я не постесняюсь здесь назвать их закоренелыми преступниками против своего народа, ибо они творят вашу, господя афинские представители, волю в деле подавления народа, борющегося за свободу и против всякого угнетения — иноземного и туземного, — даже эти судьи отказываются приговаривать к смерти, как это было в деле Екатерины Зевгос.

Я спрашиваю: разве не ясно комитету, что греческое правительство придерживается именно этого зверского принципа о том, что смертная казнь является «абсолютно необходимым» наказанием для этих патриотов, виновных лишь в том, что они являются политическими противниками этого греческого правительства?

Разве не готовятся для них смертные казни в условиях, когда, как заявляли об этом сами представители афинского правительства, уже нет вооружённой борьбы, когда, в сущности говоря, даже логика вооружённой борьбы отпадает, отпадает всякая возможность чем-либо оправдать применение такой жестокой и ничем не оправданной меры наказания, как смертная казнь?

Стоило Пипинелису бросить фразу о том, что наказание должно быть рассчитано в такой степени, «в какой это является абсолютно необходимым», как эту его фразу противники прекращения монархо-фашистского террора в Греции выдают за заявление о том, что отныне смертные казни в Греции производиться не будут и что постому будто бы нет необходимости Политическому комитету выступать с требованием о прекращении этих бесчеловечных казней. Вот какими лицемерными и фальшивыми доводами пользуются противники советской резолюции в своих попытках защитить палачей греческого народа!

А. Я. Вышинский указал далее, что те, кто будет голосовать против советской резолюции, по существу будут голосовать за продолжение смертных казней в Греции. Потому-то эти представители и цепляются за лицемерные заявления греческого представителя. Ведь им нужно за что-то зацепиться, как-то защититься перед общественным мнением, как-то прикрыть свою позицию, потому что трудно им предстать перед всем миром в этом вопросе совершенно обнажёнными — им, решившим не мешать казням греческих патриотов.

Глава советской делегации разоблачил лицемерие доводов тех делегатов, которые утверждали, что они не могут поддержать советское предложение по той причине, что оно будто бы является «неполным» и упоминает только о некоторых греческих патриотах, которым грозит смертная казнь. Он указал на несостоятельность попыток отмахнуться от решения важного вопроса ссылками на то, что выступление Генеральной ассамблеи с требованием о прекращении смертных казней в Греции будто бы будет представлять собой «вмешательство во внутренние греческие дела».

Пункт 7 статьи 2 устава ООН, указал А. Я. Вышинский, говорит о делах, «по существу входящих во внутреннюю компетенцию». Но есть такие дела, которые формально являются внутренними, а по существу далеко не внутренними, или во всяком случае не столь внутренними, чтобы мы не имели возможности или необходимости заниматься этими делами. Я во многом не согласен с представителем Мексики, но я должен согласиться с его заявлением о том, что есть такие внутренние дела, которые стоят на грани внешней политики.

Я напомню, хотя многим это, может быть, будет и неприятно, обсуждение в Генеральной ассамблее вопроса о режиме Франко. Вопрос о режиме в стране — это, конечно, внутреннее дело, но дело о режиме Франко стоит на такой грани внешнеполитических и международных отношений, что Генеральная ассамблея сочла возможным принять по этому вопросу определённое решение, осуждающее этот фашистский режим. Уже один этот факт совершенно опрокидывает эту негодную концепцию, которую кое-кто пытается защищать здесь, концепцию о том, что между внутренними и внешними делами во всех абсолютно случаях стоит какая-то китайская стена, через которую перескочить нельзя. Я повторяю то, что говорил и раньше по этому поводу. Есть ещё и другая сторона вопроса — гуманитарная, вопроса о человеческом отношении к борцам против фашизма, и эта сторона даёт основание для требования об отмене смертных приговоров в Греции.

Тут дошли даже до того, что пытались утверждать, будто бы мы хотим заставить комитет непосредственно заниматься рассмотрением

судебных дел. Это всё выдумки. Это пустые отговорки, к которым, конечно, нельзя относиться серьёзно. Такова, например, отговорка представителя Бельгии, который хотел нас убедить в том, будто бы Политический комитет подменяет собой апелляционный суд и что поэтому он, бельгийский делегат, будет голосовать против советской резолюции. Но разве не ясно, что всё это пустой вздор, пустая отговорка, которой пытаются хоть как-нибудь прикрыть эту свою позорную позицию!

А. Я. Вышинский указал на лицемерие представителей тех делегаций, которые призывают соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела государств, когда это им выгодно, и очень охотно вмешиваются в подлинно внутренние дела других государств тогда, когда это отвечает их интересам. Эти попытки некоторых делегаций истолковать этот важный принцип устава ООН так, как им это выгодно, растягивая его, как жевательную резинку, мы видели на примере, продемонстрировавшем действительное отношение к государственному суверенитету со стороны тех делегаций, которые кричат сейчас о «невмешательстве во внутренние дела», когда разбирался вопрос о так называемых «нарушениях прав человека» в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Надо поэтому кончить все пустые, фальшивые разговоры о вмешательстве во внутренние дела государства там, где нет никакого вмешательства. Эти разговоры поднимаются здесь только для того, чтобы как-нибудь уклониться от решения важного вопроса.

Отвечая на лицемерные утверждения о том, что советская делегация будто бы предлагает заниматься разбирательством вопроса о том, виновны или не виновны жертвы монархо-фашистского террора в Греции, А. Я. Вышинский указал, что никто не предлагает комитету заняться подобным разбором. Нас интересует в данное время и в данных условиях позиция греческого правительства в отношении своих узников, а не позиция узников в отношении терзающего их афинского монархо-фашистского правительства, ибо дело сейчас идёт о пленниках, которых это правительство готовится уничтожить. И против этого протестует голос совести всех народов.

Пусть же и буддисты присоединятся к этому голосу совести, пусть и буддисты присоединятся к нашему протесту против беззакония, против расстрелов и уничтожения людей в условиях, когда это является проявлением лишь дикой звериной мести. Мы говорим комитету: поднимите свой голос в защиту пленников, которых хотят уничтожить, расстрелять только потому, что они политические противники афинского правительства. Представители этого правительства сами говорят, что эти пленники для них не опасны. Почему же вы хотите их расстреливать? Почему же вы тогда позволяете себе говорить здесь то, что говорил представитель Греции, заявивший, что отмена казни этих людей «не будет полезной».

Глава делегации СССР отметил лицемерие философствований французского представителя, который пытался подменить вопрос о спасении жизни греческим патриотам греческим вопросом, как он сказал, в целом. Подобная философия, сказал он, обнаруживает лишь лицемерие этих философов. Французский представитель явно пытается подменить здесь рассмотрение этого важного вопроса потоком лжи и фальсификации фактов, наветов, сплетен клеветнического харак-

тера, которые тем и удобны для клеветников, что обычно от клеветы что-нибудь да остаётся по старому незунтскому принципу: «Клевещите, клевищите, может быть, что-нибудь да останется». Представитель Франции, заключил А. Я. Вышинский, занял совершенно негодную позицию, которую нельзя иначе расценивать, как стремление замутить воду и прикрыть своё нежелание вмешаться в это дело, прикрыть стремление под каким-либо благовидным предлогом уклониться от спасения жизни греческим патриотам.

Отвечая на клеветнические намёки по адресу Советского Союза представителя Чили, глава советской делегации указал, что советскую делегацию нельзя запугать клеветой, ибо она всегда имеет возможность противопоставить клевете факты, которые всякого честного и добросовестного человека остановят от попыток воспользоваться грязными источниками для того, чтобы замутить воду и уйти от решения того вопроса, который должен сейчас решить комитет.

Пусть представитель Чили лучше ответит честно и прямо: он за расстрел, за казнь 8 греческих патриотов или против этой казни? Если он против казни, если комитет, делегаты комитета против этих бесчеловечных убийств, то примите резолюцию, которая помешала бы этим казням. Дайте нам, комитету, эту резолюцию. Но вы её не даёте. Вы ограничиваетесь тем, что критикуете нашу резолюцию, не выдвигая своей.

Вы разделяете позицию греческой делегации, которая «не видит пользы» в отмене смертной казни политическим противникам афинского правительства. А мы видим в этих казнях громаднейший вред, тяжёлое преступление афинского правительства против греческого народа, против демократической Греции. Если вы отклоните нашу резолюцию, в которой ясно сказано, что комитет осуждает расстрелы и казни и требует прекращения этих казней, если вы не скажете того, что ждёт от вас каждый честный демократ, каждый честный человек, если Политический комитет не скажет своего слова в осуждение казней патриотов в Греции и не добьётся того, чтобы эти казни были отменены и отменены, то пятно, которое лежит на тех, кто читит эту зверскую расправу, ляжет и на большинство Политического комитета.

«Правда» № 301 (11408)
от 28 октября 1949 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В ПЕРВОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ

(27 октября)

«Мне кажется,— заявил А. Я. Вышинский,— что задача, которая стоит сейчас перед Политическим комитетом, является довольно сложной с точки зрения объёма того материала и вопросов, с которыми приходится Политическому комитету иметь дело в настоящее время.

В самом деле, перед нами, во-первых, имеется доклад согласительного комитета, который сам по себе требует серьезного внимания, потому что в этом докладе затрагиваются вопросы, имеющие очень существенное значение, — я бы сказал — вопросы, которые решают весь так называемый греческий вопрос.

Во-вторых, перед нами стоит доклад так называемой Балканской комиссии, или, вернее, специального комитета по балканскому вопросу, — доклад, который требует внимательного и серьезного с собой обращения, который требует серьезного анализа; доклад, который наполнен целым рядом данных, претендующих играть роль фактического материала и служить обоснованием тех очень ответственных выводов, которые делаются не столько в этом докладе, сколько в его продолжении, которое нашло своё выражение в резолюции, представленной Австралией, Соединёнными Штатами Америки, Великобританией и Китаем.

«Советская делегация, — продолжал А. Я. Вышинский, — видит свою задачу в данном случае в том, чтобы, во-первых, дать анализ работы согласительного комитета и специального комитета, подвергнуть их оценке и проверить, насколько те выводы и предложения, которые внесены на рассмотрение Первого комитета, опираются на те данные, на которые эти выводы должны были бы опираться.

Я хочу сегодня остановиться на докладе согласительного комитета. Перед согласительным комитетом стоят до сих пор два важных вопроса, решение которых имеет столь большое значение, что, можно сказать, в решении этих вопросов находится ключ к решению всего греческого вопроса. Это — вопрос территориальный, и это вопрос — я бы сказал — о внутреннем положении в Греции.

1. АГРЕССИВНЫЕ ПЛАНЫ ГРЕЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРЕПЯТСТВУЮТ СОГЛАШЕНИЮ С АЛБАНИЕЙ И БОЛГАРИЕЙ

Напомню, что на 3-й сессии Генеральной ассамблеи в Париже одним из главных препятствий для достижения соглашений между Грецией, с одной стороны, и её северными соседями, с другой стороны, являлся именно вопрос о границе. Вопрос этот, как показала работа согласительного комитета уже на этой сессии, продолжает оставаться тем же препятствием, каким он был до сих пор, для достижения соглашения.

Почему же, спрашивает глава советской делегации, этот вопрос играет роль такого препятствия, откуда идёт это препятствие и кто, следовательно, несёт ответственность за это препятствие?

«Обвинители, — указывает А. Я. Вышинский, — легко бросаются обвинениями, говоря: препятствие идёт от Албании, ответственность несёт Албания. Но это не соответствует действительности, не соответствует фактам. Разве не факт, что в 1946 году на Парижской мирной конференции на заседании в Люксембургском дворце, происходившем 3 августа, глава тогдашнего греческого правительства Цалдарис изложил программу территориальных притязаний тогдашнего греческого правительства в отношении Албании и Болгарии?»

Греческое правительство тогда уже пробовало доказать свои права на Северный Эпир и на долину за Родопскими горами.

Цалдарис тогда ясно дал понять, что греческое правительство ожидает только подходящего момента, чтобы вступить в борьбу за Северный Эпир, обещая доказать греческий характер этой области.

«Не случайно, конечно, — и я считаю нужным об этом напомнить, — что в этой своей речи Цалдарис ссылаясь на решение сената Соединённых Штатов Америки, который рекомендовал присоединить Северный Эпир к Греции. Значит, Соединённые Штаты Америки поддерживают эти захватнические стремления, и даже американский сенат выносит решение в пользу такого присоединения Северного Эпира к Греции.

Вот почему я прав, когда утверждаю, что эта линия намечена и проводится по вдохновению и под руководством Соединённых Штатов Америки».

«Что предлагает Советский Союз? — отметил А. Я. Вышинский. — Он предлагает довольно простую, ясную и миролюбивую формулу, которая отрезает пути к территориальным притязаниям. Советское правительство, — вы в этом можете убедиться из текста тех предложений, которые приложены к докладу согласительного комитета, — предложило изложить пункт 2 в таком виде:

«Правительства Албании и Греции признают существующую ныне границу между Албанией и Грецией окончательной».

«Вопрос заключается в том, — подчеркнул советский представитель, — чтобы записать, что существующая граница окончательная. Но на это греческое правительство не идёт. Речь идёт о том, чтобы отказаться от своих захватнических планов. А известно, что эти захватнические планы можно осуществлять не только силой, но и так называемыми мирными средствами, которые в другой раз хуже всякой силы: путём блокады, путём экономического давления, путём всякого рода создания беспокойств и на границах, и внутри той страны, на территорию которой идёт покушение, и т. д., и т. п.

Греция согласна не применять силу или угрозы силой, как там говорится, «с целью изменения в свою пользу албано-греческой границы».

Это очень хорошо, но это тоже не то, что нужно сейчас для того, чтобы устранить беспокойства, взаимные подозрения, напряжённость положения.

Говорят об отказе применять силу для изменения границы. Но мы говорим: откажитесь от вашего намерения изменять границы. Но этого-то и не хотят сказать».

«Согласительный комитет в своём докладе записал, — я хочу обратить ваше внимание на это, — продолжал А. Я. Вышинский, — что греческая делегация указала, что она не может принять такую формулировку, которая разрешала бы вопрос, предращения которого в этом соглашении Греция не желает. Вот как обстоит дело!

Таким образом, следует констатировать, — и это должны констатировать все, — что ход переговоров не только в Париже, о чём здесь уже говорилось, но уже вот теперь, в согласительном комитете этого 1949 года, с совершенной бесспорностью показывает, что по вопросу о границе не достигнуто соглашения только потому, что греческое правительство не желает действительного соглашения по этому вопросу.

Я хочу обратить внимание ещё на один момент. На 3-й сессии Генеральной ассамблеи в Париже г-н Макнейл не скрывал, что Англия имеет

в Греции стратегические интересы. Это откровенное признание идёт дальше желаний Греции, которая является в настоящее время марионеткой, игрушкой, хотя и опасной игрушкой, в руках своих иностранных покровителей.

Нет сомнения, что стоящие за спиной греческого правительства реакционные круги Соединённых Штатов Америки и Англии, которые уже доказали на протяжении многих лет — и последних в особенности — своё высокопокровительственное отношение к захватническим стремлениям этого греческого правительства, сами заинтересованы в осуществлении этих планов, сами заинтересованы в том, чтобы греческое правительство добивалось вот этих территориальных изменений, говоря осторожно». Тов. Вышинский напомнил далее о речах и мечтах греческих агрессоров, разоблачив их притязания на чужие земли.

«Какие же основания в таком случае, — спрашивает А. Я. Вышинский, — обвинять в какой-то несговорчивости Албанию, что она в чём-то упорствует, что она какие-то питает замыслы, когда она хочет только одного — установления спокойствия на своих границах, чтобы признали границу окончательной, — и когда она не хочет соглашаться на то, чтобы в международном документе было записано, что Греции и дальше будет позволено домогаться Северного Эпира!»

«Если не выполнено постановление Генеральной ассамблеи об установлении дипломатических отношений между Албанией и Грецией, — продолжал советский представитель, — то и в этом случае вина лежит на Греции, потому что источником-то невыполнения этого решения является опять-таки не что иное, как нежелание греческого правительства (не Греции, а именно нынешнего греческого правительства) отказаться от своих захватнических аппетитов по отношению к Албании и по отношению к некоторым другим соседям. Но я о них не говорю, потому что сейчас у нас идёт речь об Албании.

Поэтому отрицательная позиция Албании к установлению дипломатических отношений с нынешним греческим правительством при таких обстоятельствах, какие сейчас я имел честь вам здесь изложить, является совершенно естественной, совершенно понятной и совершенно, я бы сказал, законной.

И тут нечего удивляться, г-н делегат от Сальвадора, что Советский Союз выступает в защиту Албании. Советский Союз будет и впредь выступать в защиту Албании, когда Албания права, когда право какое-нибудь маленькое государство, которое хотя бы обидеть соседи, пользующиеся обстоятельствами и покровительством более сильных государств, перед которыми эти государства, играющие роль обидчика, склоняются в три погибели, чтобы услужить своим хозяевам. Советский Союз во всех таких и подобных случаях будет выступать с протестом против несправедливости в защиту обиженного государства, как бы ни пытались изображать клеветнически его позицию его враги и недруги.

Ответственность за срыв соглашения, указал А. Я. Вышинский, «лежит на Соединённых Штатах Америки, которые являются главными организаторами всего того хаоса и всей той авантюры в Греции, которые уже на протяжении многих лет привлекают всеобщее мировое внимание. Ответственность, конечно, лежит на Англии и Соединённых Штатах Америки.

Вот где надо искать источник того разногласия по вопросу о границе, которое никак не удаётся устранить.

Между тем имеется очень лёгкое для этого средство. Это — записать в соглашении: *существующая граница — окончательная!* Это должен сделать всякий, который не имеет притязаний на чужую территорию, и он подпишет это охотно».

2. О ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ ГРЕЦИИ И ЕЁ ОТНОШЕНИЯХ С СЕВЕРНЫМИ СОСЕДЯМИ

Говоря о внутреннем положении в Греции, А. Я. Вышинский указывает, что и здесь имеются серьёзные разногласия. Предложения Советского Союза от 20 мая с. г. совершенно подходят для того, чтобы нормализовать внутреннее положение в Греции.

Отвечая критикам советских предложений, которые говорят, что советские предложения касаются вопросов, которые не подлежат ведению согласительного комитета, так как это вопросы внутреннего порядка, а согласительный комитет это есть комитет по соглашению между двумя государствами, т. е. комитет по урегулированию внешнеполитических отношений, А. Я. Вышинский говорит: «Это абсолютно неправильная точка зрения.

Связь между внутренними делами в Греции и внешнеполитическими отношениями Греции столь очевидна, что рассечение этого так называемого балканского вопроса на два вопроса — внутренние дела и внешнеполитические отношения с соседями Греции — было признано неправильным и недопустимым не кем иным, как председателем согласительной комиссии на 3-й сессии Генеральной ассамблеи Эваттом».

«Значит, — продолжал А. Я. Вышинский, — председатель согласительной комиссии понимал задачи согласительной комиссии на 3-й сессии Генеральной ассамблеи таким образом, что стоят две задачи, решая которые можно сделать следующий шаг вперёд в этом вопросе. Это — установление «лучших отношений» между Албанией, Болгарией, Югославией, с одной стороны, и с Грецией — с другой, и, во-вторых, он сказал — «окончание борьбы в Греции».

А. Я. Вышинский привёл к месту из письма Эватта, адресованного четырьмя министрам иностранных дел: СССР, США, Великобритания и Франции, где говорится: «Я обращаю внимание каждого из четырёх членов Совета министров иностранных дел на это, предлагая, чтобы всё положение в Греции, как внутреннее, так и внешнее, рассматривалось сейчас как положение, которое может быть и должно быть быстро урегулировано на основе справедливости и честности для всех, кого это касается».

«Балканский вопрос, — сказал далее Вышинский, — это есть вопрос внутреннего положения в Греции и внешних отношений с её северными соседями. Я хочу доказать, что между этими двумя вопросами имеется органическая связь.

Тот, кто серьёзно желает решить этот вопрос, не может решать одну задачу и не обращать внимания на другую.

Мы, Советский Союз, не раз обращали внимание на то, что основной причиной создавшегося в Греции положения как внутри страны, так и

на границах является борьба между греческим народом и антидемократическими реакционными силами, которые сгруппировались вокруг своего правительства, поддерживаемого реакционными силами Соединённых Штатов Америки и Англии.

На это невольно, повидимому, обращает своё внимание даже и комиссия по балканскому вопросу.

Балканская комиссия, — отметил А. Я. Вышинский, — констатирует, что военные действия греческой армии против сражающихся на границе и бежавших в Албанию партизан приводят на деле к частым пограничным инцидентам и мелким нарушениям неприкосновенности албанской территории греческими войсками, обостряя таким образом пограничные взаимоотношения. Балканская комиссия совершенно правильно констатирует это.

Разве можно при таком положении говорить, что отношения между Албанией и Грецией не имеют никакого отношения к внутреннему положению в Греции?

Далее А. Я. Вышинский привёл данные из доклада Балканской комиссии о пограничных инцидентах на греко-болгарской границе, вызванных военными действиями в Греции.

«Разве, — говорит А. Я. Вышинский, — при таком положении вещей можно отрицать связь между внутренним положением в Греции, которое характеризуется борьбой греческого народа, в лице народно-освободительного движения партизанских армий, против афинского правительства, и, с другой стороны, между внешними отношениями, т. е. отношениями между Болгарией и Грецией? Ясно, что эти оба обстоятельства доказывают полную эту связь.

Но это не всё. Известно, что бои на Граммосе и в Вици закончены. Но разве не происходят сейчас бои и стычки между партизанами и частями правительственной армии во многих и даже, — я, может быть, имею право сказать, — во всех областях греческого материка?»

«24 сентября, — сказал А. Я. Вышинский, — штаб греческой правительственной армии говорит, что «по всей стране армия и жандармерия продолжают свои действия в целях полного восстановления власти государства».

Власти государства, следовательно, во всей стране нет? Она «восстанавливается», и по всей стране идут стычки, о которых говорит генеральный штаб.

Таковы реляции генерального штаба греческого правительства. Они совершенно ясно говорят сами за себя, говорят о том, какое имеет действительно значение внутреннее положение в Греции для решения так называемого балканского вопроса.

И вот отсюда возникает, господа, задача: нормализация внутреннего положения в Греции. Эта нормализация внутреннего положения в Греции может быть проведена при помощи ряда мер, о которых и говорят советские предложения. Это меры, которые начинаются с объявления общей амнистии, которые предусматривают демократические выборы под контролем высшего греческого органа с включением в него представителей греческих демократических кругов, возглавляющих народно-освободительное движение, установление наблюдения со

стороны представителей держав, включая Советский Союз — единственное незаинтересованное государство.

Для сокращения времени я не буду перечислять другие наши предложения, так как тем более об этом мы будем иметь возможность говорить позже. Скажу только, что мы считаем необходимым организовать совместную комиссию держав с участием Советского Союза для контроля за состоянием границ Греции с соседними государствами.

Наше предложение о создании такой комиссии из представителей держав, включая Советский Союз, не исключает, разумеется, образования в целях предотвращения и урегулирования пограничных инцидентов двусторонней пограничной комиссии, на создание которой дали своё согласие, в частности, Албания и Болгария ещё на той же 3-й сессии Генеральной ассамблеи в Париже в 1948 году.

Между тем для согласительного комитета оказалось невозможным принять эти советские предложения.

Каковы же наши выводы? Выводы таковы. Необходимо принять меры к тому, чтобы нормализовать положение в Греции. Путь к этому мы видим в принятии тех предложений, которые советская делегация представила согласительному комитету и которые она представит на рассмотрение Первого комитета в процессе нашей дальнейшей работы. Принятие этих предложений даст возможность действительно решить так называемый греческий вопрос.

«Известия» № 257 (10097)
от 30 октября 1949 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В ПЕРВОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ

(28 октября)

Выступая 28 октября на заседании Первого комитета Генеральной ассамблеи ООН по греческому вопросу, глава советской делегации А. Я. Вышинский в начале своей речи кратко ответил на провокационное заявление югославского делегата Беблера, который умышленно пытался исказить выступление главы советской делегации.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПОДТАСОВЫВАЕТ И ИЗВРАЩАЕТ ФАКТЫ

Перейдя затем к докладу специального комитета по балканскому вопросу, глава советской делегации А. Я. Вышинский указал, что в докладе Балканского комитета содержатся те же крупнейшие недостатки, которые отмечались уже при рассмотрении предыдущих докладов Балканского комитета на 3-й сессии и ещё ранее на 2-й сессии в Нью-Йорке в 1947 году, видны та же подтасовка и извращение фактов, та же тенденция обвинить Албанию и Болгарию во что бы то ни стало.

Советский представитель отметил, что «специальный комитет старался придать своей работе приличный вид. Он старался прикрыть свои действительные цели и подлинные стремления видимостью законности и объективности, добросовестности и беспристрастия, и поэтому он даже утвердил специальные правила процедуры опроса свидетелей, которые предусматривают, как должен действовать следователь или наблюдатель, выполняющий следовательские функции, когда он опрашивает свидетеля».

«Действительный смысл этой процедуры, опубликованной в докладе, — заявил А. Я. Вышинский, — заключается лишь в том, чтобы создать видимость того, что опросы производились якобы на каком-то серьёзном, законном, легальном основании, с соблюдением таких-то и таких-то установленных правил процедуры чуть ли не процессуального кодекса».

В действительности же дело обстоит далеко не так. Это просто маскировка, это — стремление комитета замаскировать свои настоящие цели, которые заключаются вовсе не в объективном расследовании фактов, а в тенденциозном подборе материалов обвинительного характера. Специальный комитет действительно подобрал только те материалы, которые могут подтвердить предъявленные северным соседям Греции обвинения со стороны США, Англии и поддерживающих их правительств других стран. Он совершенно игнорирует все те материалы, которые могут опровергнуть эти данные.

Специальный комитет и на этот раз проделал «работу», которую никак нельзя иначе назвать, как грубая подтасовка и извращение фактов, как грубая провокационная стряпня, при помощи которой англо-американские вдохновители этой низкой провокации преследуют свои тёмные цели».

ЛЖЕСВИДЕТЕЛИ — ГЛАВНОЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» В ДОКЛАДЕ СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА

«Если обратиться к работе наблюдательных групп, к их протоколам, положенным в основу доклада специального комитета, — продолжал А. Я. Вышинский, — то мы увидим, что центр всей работы заключается именно в показаниях свидетелей. Поэтому совершенно естественно, что нужно иметь достаточно полное представление об этих свидетелях, об их моральном и интеллектуальном уровне, об их общественном положении, об их общественной деятельности. Таких данных в докладе нет. Всё ограничивается краткими фразами, которые ничего не говорят ни уму, ни сердцу. В этом отношении доклад отличается исключительной бесцветностью, бледностью, я сказал бы — бессодержательностью, а это не может не отразиться и на ценности свидетельских показаний. А ведь на таких доказательствах, как я сказал, основан весь доклад. Известно, что группами наблюдателей было допрошено свыше тысячи свидетелей. Протоколы их показаний помещены в сто одном докладе, и, конечно, совершенно естественно, что никакая комиссия не могла бы в своём докладе охватить все эти показания свидетелей. Невозможно было сделать какой-то отбор этих показаний, и комитет так и поступил. Он сделал отбор. Он сам говорит в докладе, что ссылки в этом докладе «делаются лишь на показания *характерных и особенно важных свиде-*

телей». Надо сказать, что правила процедуры требуют, чтобы предпочтительно допрашивались так называемые «случайные» свидетели, а не свидетели, заранее подготовленные. Это — хорошее правило, но это правило совершенно не соблюдалось в работе специального комитета, который, наоборот, имел дело почти исключительно со свидетелями, доставлявшимися греческой полицией из мест тюремного заключения, из концентрационных лагерей. Эти свидетели — в подавляющей своей массе арестованные и, как констатирует сам комитет, находящиеся под судом и следствием, т. е. люди, которые целиком находятся в руках полиции, охраны и следственных властей и которые не свободны в своих показаниях. К показаниям таких свидетелей нужно относиться особенно осторожно, их показания надо воспринимать особенно критически. Это в первую очередь относится к свидетелям из числа сдавшихся или попавших в плен партизан, которых греческое правительство держит в лагерях смерти на острове Макронисос. Именно из тюрем и лагерей было доставлено подавляющее количество свидетелей, давших показания специальному комитету».

Заявив, что к показаниям таких «свидетелей» нельзя относиться, как к достоверному доказательству, А. Я. Вышинский остановился на статьях генерального секретаря социалистической партии Греции Циримокоса. В статье, опубликованной в газете «Махи», Циримокос анализирует принятый недавно в Греции закон, носящий издевательское название — «О мерах национального перевоспитания». В силу этого закона в концлагерях основываются так называемые «школы» для «перевоспитания» политических противников нынешнего монархо-фашистского греческого правительства, в первую очередь для «перевоспитания» партизан и вообще демократических деятелей, попавших в руки греческой полиции. Циримокос называет этот закон «самым чудовищным актом нынешнего парламента и олицетворением фашистского произвола».

В другой статье Циримокос рисует картину кровавого террора, пыток и зверств в так называемых «школах перевоспитания граждан в национальном духе». О том, какие методы применяются в этих «школах», можно судить по следующим фактам, приведённым в этой статье.

14 октября этого года из концлагеря для политических заключённых, именуемого четвёртым батальоном, говорится в статье, было переброшено 600 заключённых в один из лагерей для военных, так называемый первый сапёрный батальон. Ещё накануне военная полиция первого батальона, весь персонал охраны и 11-я рота, состоящая из «благонравных» солдат, получили инструкцию, а вместе с инструкцией и дубинки для приёма на «перевоспитание» гражданских политических заключённых. Заключённых выстроили в ущелье неподалёку от лагеря. Начальник лагеря Василюполос сказал: «Вас привели сюда по решению правительства, чтобы подвергнуть испытаниям, через которые проходят все, и чтобы заставить вас вспомнить, что вы — греки». Вслед за тем он дал сигнал, и солдаты с дубинками набросились на заключённых. Началось массовое избивание полицией заключённых, которое продолжалось несколько часов. Пять заключённых было убито, 30 лишились рассудка. При этих избиваниях особыми зверствами отличались солдаты военной полиции, известные на острове Макронисос садисты Папагеоргиу, Лоткас, Мадегеоргиус и помощник начальника этого лагеря Вардас.

14 октября из числа политических заключённых опять отобрали 200 человек, которые отказались подписать заявление с осуждением коммунистической партии и которых сочли не поддающимися «перевоспитанию». Эти 200 заключённых также подвергаются пыткам, и им заявлено, что они должны выбрать плен или смерть или отречься от своих взглядов. Один из заключённых закончил самоубийством.

Таковы способы «предварительного допроса», которому подвергаются свидетели, которые принадлежали раньше к партизанам, которые сдались или были захвачены в плен, попали в руки греческой полиции и доставляются полицией в распоряжение специального комитета или его наблюдателей для допросов. На основании материалов, полученных от таких свидетелей, специальный комитет и составил свой доклад, представленный на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

«Вот почему, — говорит А. Я. Вышинский, — тому, что записано в этих протоколах, если даже действительно и было сказано такими свидетелями, которые прошли эту ужасную «школу перевоспитания», которых греческая полиция обработала соответствующим образом, верить нельзя».

ФАЛЬШИВЫЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА

Анализируя некоторые из приведённых в докладе специального комитета по балканскому вопросу «доказательств», А. Я. Вышинский показал их скандальный характер, их полную несостоятельность и недобросовестность. На конкретных примерах он разоблачил фальшь этих «доказательств». Так, в докладе наблюдателей фигурируют два свидетеля, которые значатся в протоколах наблюдателей под номерами: 4(B)212 и 3(B)160.

«Но оказывается, — говорит глава советской делегации, — эти два свидетеля вовсе не два свидетеля. Это один и тот же свидетель, который фигурирует в одной наблюдательной группе под одним номером, а в другой наблюдательной группе — под другим номером, причём о свидетеле под номером 3 (B)160 сказано, что ему 41 год, а о свидетеле под номером 4(B)212 сказано, что ему 57 лет. Выходит, что один свидетель имеет два возраста!».

В качестве другого доказательства доклад ссылается на «приказ» о мобилизации чамов (греческие граждане, постоянно проживающие в Албании. — *Ред.*) в ряды партизан. Однако, как показал А. Я. Вышинский, никакого «приказа» в действительности не было, в албанской печати он обнаружен не был, а своё «доказательство» о так называемой вербовке партизан специальный комитет построил на сомнительных показаниях «свидетелей». При этом сами «свидетели», на которых ссылается специальный комитет, дали противоречивые показания.

Касаясь третьего доказательства, А. Я. Вышинский сказал: «В докладе специального комитета приводится ряд обвинений и в отношении Болгарии. Я утверждаю, что и в отношении Болгарии дело обстоит точно так же: та же тенденциозность, то же извращение фактов, та же недобросовестность, отсутствие сколько-нибудь серьёзных доказательств. Это надо сказать и по поводу столь серьёзного обвинения, выдвигаемого специальным комитетом, в том, что значительное количество военных припасов было якобы передано Демократической армии из Болгарии.

В доказательство приводятся показания некоторых свидетелей. Обратимся к свидетелю под номером 271.

Он показал, что «какие-то» два «наших руководителя» дважды ездили в Болгарию, чтобы договориться о доставке оружия, и «разговаривали»... об этом. — С кем? «Разговаривали» с какими-то болгарскими солдатами. Вот так показание!

Можно ли серьёзно допустить, чтобы «какие-то» руководители» поехали на границу договариваться с болгарскими солдатами о доставке оружия? Это же смешно! Но это с серьёзным видом подносится комитету как доказательство того, что оружие и боеприпасы для Демократической армии поставляло болгарское правительство!

«Специальный комитет, — продолжал А. Я. Вышинский, — по балканскому вопросу упорно поддерживает версию, что Албания и Болгария были главным якобы источником снабжения партизан оружием и что за это должны нести ответственность албанское и болгарское правительства.

Но это тоже не соответствует действительности. Вообще в материалах комитета нет ни одного показания, которое говорило бы о каком-то прикосновении к этим делам правительства Болгарии и правительства Албании. В материалах имеются самые разнообразные и весьма часто поражающие своей искусственностью и фальшью показания, предназначенные для того, чтобы обосновать указанное выше обвинение, но нет ни одного, из которого можно было бы сделать вывод о том, что правительства Албании и Болгарии имели какое-либо отношение к фактам, фигурирующим в этих материалах».

ГРЕЧЕСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ О СНАБЖЕНИИ ПАРТИЗАН ОРУЖИЕМ

«Но, — говорит далее А. Я. Вышинский, — имеются другие документы, не оставляющие никакого сомнения в том, откуда действительно поступало оружие и боеприпасы в распоряжение Демократической армии. Позвольте огласить некоторые из этих документов, опубликованных в своё время в иностранной печати. Вот один из них:

«Комендатура жандармерии. Бюро тайной полиции. № 40-19-5. Янина, 17 мая 1947 года. Предмет: контрабанда оружия из Италии в Грецию. Приказ штаба по армии № 14320-A2-II-БСТ 902-18-4-47:

...согласно сообщениям, переданным информационным центром Корфу...

1) В течение периода с 4 по 13 марта 1947 года в порту Бари (Италия) были потоплены 10 парусных судов, направлявшихся из Додеканез и из других греческих портов. Большинство из них перевозило в небольшом количестве канифоль и оставалось там в течение нескольких недель под различными предлогами. Их экипажи тратили огромные суммы денег, и эта трата не могла оправдываться, согласно сообщениям, ни родом, ни количеством транспортируемых товаров.

2) Итальянцы, изгнанные из Греции и находящиеся в Бари, предложили некоторым членам этих экипажей купить оружие и боеприпасы. На вопрос экипажа, «что мы будем делать с этим оружием», — итальянцы ответили: «Продать его группам греческих партизан, так же

как делают это другие греческие моряки. Прибыль от этого увеличится в четыре раза».

3) Согласно тому же самому источнику информации, многие вышеупомянутые парусные суда занимаются контрабандой оружия. Все сделки совершаются в кафе, находящемся напротив вокзала в Бари, и проводятся греком с Родоса по имени Костас и другим — неким Никосом из Афин...

*За штаб армии — подполковник кавалерии
П. ВЛАХОС.*

Затем советский представитель, приведя ещё три документа аналогичного характера, заявил:

«О чём говорят эти документы? Они говорят о том, что не из Албании и Болгарии систематически ввозится оружие в Грецию, а из Италии, Франции, Турции, что имеются другие пути снабжения оружием.

Оглашённые мною документы — это документы штаба армии, жандармерии, официальные документы. Эти документы достаточно авторитетны. Они установили действительные пути доставки в Грецию оружия, указав порты, откуда идёт это снабжение, указав даже имена людей, занимающихся этим снабжением.

Говоря об источниках снабжения оружием греческой Демократической армии, нельзя упускать из виду ещё одно важное обстоятельство. Указывают на то, что части этой армии пользуются, например, болгарским оружием. Но они используют также и американское, и английское, и французское, и итальянское оружие.

А. Я. Вышинский показал также всю фальшь приведённых в докладе четвёртого и пятого «доказательств» специального комитета, опирающихся на документы так называемого «личного наблюдения» четвёртой группы наблюдателей и на ложные утверждения наблюдателей о наличии каких-то партизанских окопов и землянок, которые на болгарской территории построены партизанами.

«На основании всего изложенного, — сказал А. Я. Вышинский, — делегация СССР приходит к выводу, что работа специального комитета по балканскому вопросу, вопреки утверждению некоторых делегатов — США, Англии, Эль-Сальвадора и других, не выдерживает никакой критики. Эта работа поверхностна, проделана необъективно, проделана односторонне, с обвинительными тенденциями, с игнорированием тех фактов, которые разбивают эти тенденции, с извращением и подтасовкой ряда фактов.

Кроме того, ни у наблюдателей, ни у специального комитета нет необходимого опыта и знания дела, так что наиболее добросовестные из них были не в состоянии разобраться в той шулерской подтасовке фактов, в недоброкачественности тех доказательств, которые создавались греческой полицией преступным путём, при помощи террора и пыток, и преподносились затем специальному комитету и наблюдателям как факты, в действительности имевшие место.

И немудрено поэтому, что при наличии ещё тенденциозности, политической направленности, которая была дана работе членов этого комитета со стороны правительств соответствующих государств, поли-

тической однобокости, обвинительного уклона, из этой работы комитета ничего путного и достойного, необходимого для решения серьёзных политических вопросов или принятия важных выводов, не вышло. Специальный комитет провалился на глазах у всех.

Вот почему делегация СССР к работе специального комитета относится отрицательно и считает, что на основании материалов, представленных этим комитетом, нельзя делать тех выводов, которые делает проект резолюции четырёх — США, Великобритании, Австралии и Китая.

Поэтому мы будем решительно бороться против этой резолюции и против тех выводов, в какой бы то ни было форме, считая, что единственно правильным выходом было бы поискать урегулирования этого вопроса на основе советских предложений, которые здесь розданы и о которых мы будем говорить особо.

Касаясь защиты английским представителем Макнейлом греческих притязаний на албанский Северный Эпир, А. Я. Вышинский заявил: «Это не ново. Мы знаем уже давно, что его правительство оправдывает эти притязания, как это оправдывает и американский конгресс.

А мы не оправдываем. Мы говорим, что при наличии территориальных домогательств со стороны правительства Диомидиса — Цалдариса к Албании нельзя рассчитывать на достижение соглашения между Албанией и Грецией. Мы говорим, что нужно найти такую формулу, которая удовлетворила бы оба правительства. Если мы скажем, что граница окончательная, то это должно удовлетворить всех тех, кто действительно не домогается чужой земли. Если же нам говорят, что мы, мол, этого не можем принять, что мы готовы заявить лишь, что силой или угрозой силы мы не будем требовать чужой земли, то такая позиция исключает возможность соглашения.

Нельзя говорить, что мы будто бы считаем, что границы никогда не могут подвергнуться изменению. Они могут быть подвергнуты изменению, но по обоюдному согласию заинтересованных государств, на основе уважения принципа суверенного равенства договаривающихся сторон. Но когда одна сторона намеревается незаконно оторвать у другого государства часть его территории, то совершенно естественным и законным является требование этого государства отказаться от таких незаконных домогательств.

Если это требование другой стороной отклоняется, то это означает не что иное, как стремление этой стороны осуществить через некоторое время свой захватнический план, прикрывая этот план двусмысленными формулировками. Мы с такой позицией не можем согласиться.

Защищая нынешнее монархо-фашистское греческое правительство, Макнейл говорил, что это правительство во всяком случае было свободно избрано своим народом. Но это вовсе не соответствует действительности. Напомним, что о выборах в 1946 году, которые имеет в виду Макнейл, тогдашний премьер Софулис открыто заявил, что никто, за исключением монархистов, не пользовался свободой выдвижения кандидатов и свободой выражения мнения.

Тогдашние заместители премьер-министра Кафанарис и Цудерос ушли в отставку в знак протеста против выборной вакханалии.

Разве мы не имеем многочисленных отзывов американских и других газет по поводу выборов 1946 года? Газета «Нью-Йорк геральд трибюн»

от 23 марта 1946 года писала, что обстановка во время выборов была настолько постыдна, что при существующих условиях честные выборы в Греции невозможны. Корреспондент этой же газеты 31 марта писал, что в деревне близ Ливадии он видел, как представители правых партий вручали избирателям бюллетени, запечатанные в конверты, и как избиратели опускали эти бюллетени в урны. Он объехал местность вокруг Фив и установил, что группы правых полностью контролируют голосование посредством методов, «которые вызвали бы зависть даже у самых продажных американских политических «боссов».

Афинский корреспондент «П. М.» сообщал, что полиция арестовала многих, кто воздержался от голосования. «Сан-Франциско кроникл» от 1 апреля 1946 года опубликовала интервью с неизвестным Грейдом, главой миссии союзников по наблюдению за греческими выборами, в котором Грейд заявил, что во время выборов «запугивание до некоторой степени существовало» и что иногда оно «поощрялось жандармерией».

Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало, что профессор Калифорнийского университета Нейман, один из членов группы американских наблюдателей по контролю за выборами, был уволен после того, как он заявил, что, по его данным, из 38 регистрационных карточек 30 были фальшивыми.

«Нашёлся в международной наблюдательной группе по контролю за этими выборами, о которой вчера говорил Макнейл, честный человек, профессор Калифорнийского университета Нейман, который заявил, что из 38 регистрационных карточек 30 были фальшивыми, но его точас же убрали. Макнейл говорит: «Свободные выборы под наблюдением международного контроля».

Какой же это был международный контроль, когда честного человека, члена этого международного органа контроля, выгнали вон за то, что он разоблачил жуликов, подделывавших избирательные бюллетени.

Какие же это свободные выборы, когда даже выдавшие виды Ассошиэйтед Пресс, «Нью-Йорк геральд трибюн», «Нью-Йорк таймс», «П. М.» и целый ряд других подобных газет вынуждены были разоблачить фальшивки и произвол во время выборов в Греции в 1946 году!»

Агентство Оверсис Ньюс сообщало из Афин, что имена умерших не были изъяты из избирательных списков. Таким образом, голосовали «мёртвые души»!

И вот такие-то, с позволения сказать, «выборы», фальсифицированные от начала до конца, Макнейл называет «свободными». Хорошо понятие «свободных» выборов у английского парламентского государственного министра!

Дальше, как говорится, ехать некуда!

«Макнейл,— продолжал А. Я. Вышинский,— пытался вчера опровергнуть моё утверждение, что он признал на Парижской сессии, что Англия имеет в Греции стратегические интересы. Но вот точный текст парижского выступления Макнейла 26 октября 1948 года:

«Говорят, что Соединённое Королевство имеет в Греции стратегические интересы. Это, может быть, и правда».

Значит, я прав, когда говорю о том, что Макнейл признал, что английское правительство имеет в Греции стратегические интересы. Я это и сейчас утверждаю и добавляю, что этого одного обстоятельства доста-

точно, чтобы понять, в чём смысл, где источник так называемого балканского вопроса.

Мы говорили это раньше, мы должны повторить это и сегодня. Этот источник лежит не только в захватническом стремлении греческого правительства в отношении Албании и Болгарии, но и в стратегических интересах США и Англии, о чём проговорился в прошлом году в пылу полемики Макнейл и что подтверждается всей политикой Англии, как и США, в отношении Балканских государств, в отношении Греции.

Я упомянул о тех интересах, которые руководят правительственными кругами США и Великобритании, стремящимися на Балканах создать для себя точку опоры — политической, экономической и стратегической, создать плацдарм для осуществления своих агрессивных планов. Делегация СССР настаивает на выводе американских и английских войск и военных миссий из Греции как на одном из важнейших условий нормализации положения в Греции. Делегация СССР настаивает на роспуске этого специального комитета, приносящего лишь вред, толкающего организацию Объединённых наций на путь, чреватый дальнейшими осложнениями в отношениях между Грецией и её северными соседями, что никак не может привести ни к нормализации положения в Греции, ни к урегулированию тех отношений, которые создались во внешнеполитических делах Греции.

Такова наша позиция в так называемом греческом вопросе. В соответствии с этой позицией делегация СССР внесла свой проект резолюции, дающей правильное и единственно возможное решение обсуждаемого нами вопроса».

«Известия» № 258 (10098)
от 1 ноября 1949 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В ПЕРВОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ

(1 ноября)

Глава делегации СССР А. Я. Вышинский в своей речи 1 ноября ответил на выступления некоторых делегатов, пытавшихся опровергнуть доводы, приведённые делегацией СССР.

НЕУДАВШИЕСЯ ПОПЫТКИ ПРИКРЫТЬ МАХИНАЦИИ
СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА

А. Я. Вышинский указал, что английский делегат Макнейл, делегат США Коэн и представители некоторых других делегаций, выступавшие с резкими и длинными возражениями против позиции делегации СССР, совершенно обошли приведённые советской делегацией факты и те выводы, которые она сделала в отношении доклада и предложений специального комитета. Никто из указанных представителей не смог опровергнуть факты, которые приводила советская делегация, разоблачая

несостоятельность обвинений, выдвинутых против албанского правительства в том, что оно, это правительство, якобы проводило мобилизацию чамов (греческие граждане, находящиеся в Албании.— *Ред.*) в ряды греческих партизан.

Поэтому, сказал глава советской делегации, мы вправе считать, что обвинение, выдвинутое против албанского правительства, в том, что оно, албанское правительство, проводило мобилизацию чамов и тем самым содействовало организации партизанских сил и борьбе этих сил против так называемого греческого правительства, ни на чём не основано, является недобросовестным. Оно является ложным, оно основано на подтасовке фактов, оно представляет собой фальсификацию фактов.

Напомнив о таких возмутительнейших фактах, когда в докладе специального комитета и в протоколах наблюдателей один и тот же свидетель фигурирует в двух видах, с двумя возрастами, А. Я. Вышинский сказал:

Я спрашиваю Макнейла или Коэна, опровергли ли они этот факт, дали ли они какое-нибудь объяснение этому факту? Разве здесь кто-нибудь из защитников Специального комитета хоть одно слово обронил по этому поводу? Нет, просто обошли это вопиющее злоупотребление со стороны Специального комитета молчанием.

Здесь говорили, что Албания и Болгария являются основными источниками снабжения оружием партизан. Я привёл целый ряд документов генерального штаба греческой армии, из которых видно, что снабжение партизан оружием шло по другим каналам: это была Италия, это была Франция, это была Турция, это были морские пути снабжения греческих партизан оружием. Я говорил не голословно, но приводил документы — приказы генерального штаба греческой правительственной армии за номерами, с точными датами. Это было опровергнуто? Нет. Пропустили мимо ушей, как маловажное дело, не заслуживающее никакого внимания.

И Макнейл, главный, пожалуй, адвокат этого большинства обвинителей, выступавших здесь против Албании и Болгарии, счёл тоже целесообразным обойти всё это молчанием.

Анализируя далее «факты и доказательства», представленные Макнейлом, А. Я. Вышинский доказал, что вместо свидетельств представлены показания лжесвидетелей и что от представленных Макнейлом «фактов» на деле ничего не остаётся.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК ПРОТИВ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ В ГРЕЦИИ

Затем советский представитель остановился на той части речи Макнейла, которую он посвятил критике советских предложений.

«1. Первое предложение советской делегации,— сказал А. Я. Вышинский,— как известно, заключается в том, чтобы рекомендовать воюющим сторонам прекратить военные действия.

Макнейл считает, что нужно к этому предложению о прекращении военных действий отнестись с большой осторожностью, потому что это предложение подозрительно.

А почему оно подозрительно? Потому что, говорил Макнейл, нет уверенности, что Демократическая армия вновь не поднимет своего оружия. В заявлении временного демократического правительства говорится, что это оружие она держит у ноги. Может ли быть уверенность, что она снова не поднимет этого оружия?— восклицал Макнейл. Но Макнейл не хочет понять простой вещи. Если есть опасение, что эта Демократическая армия может вновь поднять оружие, то тем более важно принять решение о прекращении военных действий с обеих сторон.

2. Следующее предложение советской делегации — это предложение об объявлении всеобщей амнистии.

Макнейл говорит, что это дело греческого правительства. Никто и не отрицает, что амнистия — дело греческого правительства. Но известно, что это дело непосильное для греческого правительства, так как оно жаждет мести и крови. Поэтому необходимо вмешательство организации Объединённых наций, наше общее содействие этому делу.

Макнейл против этого. Он говорит, что всеобщая амнистия — это «ослабление в мерах безопасности» и к этому средству можно было бы прибегнуть только в том случае, когда будет в Греции «полностью обеспечена безопасность». Это надо понимать так, что пока греческое правительство не расправится со всеми своими политическими противниками, ни о какой амнистии и речи быть не может. Но тогда не может вообще быть никакой речи об амнистии. Значит, английское правительство против всеобщей амнистии. Макнейл против этой амнистии, потому что, по его словам, греческое правительство и без того уже очень много предоставило «послаблений». Уж не имеет ли он в виду террористический закон о «перевоспитании» в лагере Макронисоса, о котором мы уже говорили. Вот так послабление!

Кстати, Пипинелис, который не жалеет слов для того, чтобы как-нибудь выгородить греческое правительство, старательно обошёл все эти факты полным молчанием.

3. Мы говорим в наших предложениях о необходимости проведения всеобщих свободных парламентских выборов. И с этим не согласен Макнейл. Во-первых, говорит он, в Греции три четверти миллиона беженцев; избирательные списки устарели; надо эти списки исправить; подумайте, говорит он, какая это работа.

Ну и что же? Работу эту надо, конечно, сделать. Это будет тем более полезная работа, что в 1946 году во время выборов в Греции была масса злоупотреблений, фигурировали «мёртвые души», избирательные списки были фальсифицированы. Напомню, что за разоблачение избирательных подлогов изгнали из международной комиссии по наблюдению за выборами профессора Калифорнийского университета Неймана.

Макнейл, кроме того, против того, чтобы, как предлагает СССР, был создан высший греческий орган по проведению выборов и чтобы в этот орган были включены представители греческих демократических кругов, возглавляющие народно-освободительное движение в Греции. Макнейл не согласен с этим. Он заявил, — это заявление должно будет войти, мне кажется, в анналы нашей работы, — что «дела этих партизан, когда они были в нелегальной оппозиции, не дают им права стать легальной оппозицией».

Но ведь это чистейший абсурд! И история доказывает абсурдность такого утверждения, и в частности история, которая более всего, вероятно, знакома Макнейлу, история Ирландии.

4. Советская делегация предлагает создать комиссию держав с участием Советского Союза для наблюдения за правильным проведением выборов — пункт «с» нашего предложения. Макнейл возражает и против этого предложения, ссылаясь на то, что в 1946 году Советский Союз отказался участвовать в такой комиссии. И Макнейл торжествующе заявляет: «Пусть же,— говорит,— теперь сам Вышинский пеняет на себя, что его правительство не участвует в такой комиссии».

Но это чисто обывательское рассуждение, а вопрос этот серьёзный, требующий и серьёзного к себе отношения. Да, мы в 1946 году были против участия в таком органе по наблюдению за выборами, а сейчас мы за это. Почему? Потому, что это мероприятие связано с другими мероприятиями, предлагаемыми Советским Союзом, которые все вместе могут помочь решить задачу нормализации положения в Греции. В 1946 году положение было совершенно иное.

Но дело-то в том, что, очевидно, в 1946 году нам предлагали это только потому, что рассчитывали на наш отказ. А вот теперь, когда мы предлагаем это мероприятие, отказываются они сами.

Ясно, что Макнейл в данном случае просто ищет отговорку, чтобы отклонить наше предложение.

5. Макнейл недоволен и нашим предложением относительно образования совместной комиссии держав с участием СССР для контроля границ Греции с соседними северными государствами. Это пункт «д» нашего предложения. Макнейл сознательно путает резолюцию от 21 октября 1947 года, принятую на 2-й сессии нашей Ассамблеи, с нашим предложением. Наше предложение говорит о контроле границ, тогда как решение Генеральной ассамблеи от 21 октября 1947 года говорит не о контроле границ,— Макнейлу надо бы это помнить и знать,— а говорит о функциях, указанных в этой резолюции,— это функции по мирному, по урегулированию всякого рода конфликтов, по налаживанию добрососедских отношений и т. д.

6. Английская делегация также против нашего предложения о прекращении военной помощи иностранных государств греческому правительству людьми и материалами и об установлении сроков вывода из Греции иностранных войск. Макнейл почти что обошёл этот вопрос. Он никак на него не ответил. Он только сказал одно: что любое настаивание на этом предложении, как и на других советских предложениях, означает вмешательство во внутренние дела. Этой позиции придерживались и некоторые другие делегации.

Конечно, ссылка на недопустимость «вмешательства во внутренние дела» оказывается очень удобным фиговым листком для того, чтобы прикрыть действительное вмешательство США и Великобритании в эти внутренние дела.

В прошлый раз я говорил о письме г-на Эватта к четырём министрам, где он доказывал, что внутреннее урегулирование греческих дел и внешнеполитическое положение в Греции являются двумя сторонами одного и того же вопроса, что нужно эти оба вопроса решать совместно. Макнейл заявил здесь, что Бевин с этим не согласен. Это мы знали давно.

Макнейл повторяет это же, ссылаясь на Бевина. Но почему бы ему лучше не сослаться на анализ выводов, к которым пришёл Эватт? Тогда, может быть, это звучало бы убедительно.

7. Следующее предложение Советского правительства — распустить Специальный комитет.

Макнейл против этого предложения, уверяя, что Специальный комитет оказал большую услугу делу мира и поэтому должен быть сохранён. Я уже указывал на то, что Специальный комитет никакой услуги делу мира не оказал, и поэтому его сохранять не следует. Больше того, Специальный комитет своим тенденциозным отношением к делу, своей недоброкачественной работой, подтасовкой целого ряда фактов нанёс серьёзный ущерб делу мира и авторитету организации Объединённых наций».

Далее А. Я. Вышинский привёл некоторые факты, подтверждающие его выводы относительно вредной и опасной деятельности Специального комитета.

А. Я. Вышинский, говоря об утверждениях Специального комитета, что Албания и Болгария будто бы являются источником продовольственного снабжения греческих партизан, подчеркнул, что такие утверждения являются грубым вымыслом. Глава советской делегации привёл в этой связи выдержки из доклада командующего 8-й дивизией правительственных греческих войск генерала Балодимоса Андре от 6 июня 1948 года № АР/5355, где он говорит о продовольственном снабжении партизан. В докладе указывается: «Бандиты Мургуана и Загорни (по терминологии греческого генерала.— *Ред.*) хорошо питаются из местных ресурсов деревень. Бандиты Граммоса испытывают голод из-за истощения местных ресурсов. Согласно показаниям пленных, оказывается, что последние не имели хлеба в течение 15 дней».

Приведя другой документ, А. Я. Вышинский показал, что ни Албания, ни Болгария не являлись источником снабжения греческих партизан продовольствием.

США И АНГЛИЯ ПОДДЕРЖИВАЮТ ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ ГРЕЦИИ

«Я перехожу к выступлению представителя США,— продолжал советский представитель.

Коэн пустился в словесную эквилибристику относительно термина «сила», доказывая, что это означает не только вооружённую силу, но всякие виды «силы», в том числе и моральную силу. Но разве сейчас в споре о границе идёт речь о моральной силе? Конечно, нет. Когда говорит: «Обязуемся не применять силу или угрозу силой», все понимают, что это означает *вооружённую* силу, г-н Коэн. Формула, которую предлагает принять делегат США, означает не что иное, как ограничение в применении *вооружённой* силы или угрозы *вооружённой* силой, а вовсе не вообще какого-нибудь насилия, в виде, например, экономической блокады, финансовой блокады и т. д. Формула США, Англии и их единомышленников оставляет руки развязанными, оставляет лазейку для территориальных притязаний Греции к Албании.

Можно напомнить в качестве примера того, как действуют, не применяя силы, поведение американского правительства в Греции в августе 1946 года, когда правительство США потребовало, чтобы греческое правительство дало согласие на принятие американских условий по оказанию так называемой помощи Греции, пригрозив, что в противном случае США выведут свои войска из Греции. Вот пример, как можно оказывать давление, угрожая не *вводом* своих войск на чужую территорию, а *выводом* этих войск. Это был очень серьёзный нажим на греческое правительство, потому что, если бы американцы и англичане в 1946 году увели свои войска из Греции, то греческое правительство не просуществовало бы и одних суток, так как оно держалось тогда, держится и теперь на англо-американских штыках!

Известны разные способы применения такого рода «давления» или «моральной силы». Формула, предлагаемая англо-американским блоком, поэтому недостаточна, неудовлетворительна, она не решает вопроса!

Насколько эта формула неудовлетворительна, видно из того, что уже сейчас, когда ещё не принята эта формула, начинается спор о том, что она означает.

Мы предлагаем записать, что ныне существующая албано-греческая граница является окончательной.

Коэн дошёл до того, что позволил себе заявить, что весь вопрос с греко-албанской границей для СССР является предлогом для того, чтобы избежать соглашения с Грецией. Ну где же тут логика? Разве мы отказываемся записать в соглашении какой-то пункт о границе? Нет, мы не отказываемся. Разве мы отказываемся записать, что граница является окончательной? Разве это не путь к соглашению? Разве не ясно поэтому, что заявление Коэна фальшиво? Коэна поддержал Пипинеллис. Он старался доказать, что отсутствие согласия о границе не может служить основанием для того, чтобы отказаться от заключения соглашения.

А мы говорим: Если вы с камнем за пазухой подходите к урегулированию отношений с Албанией и Болгарией, с камнем за пазухой в виде требования оторвать Северный Эпир от Албании и передать его Греции, то в таком случае невозможно говорить о соглашении.

Советское правительство предлагает сказать, что существующая граница между Албанией и Грецией признаётся окончательной. Но это ясное, разумное и справедливое предложение правительствами США и Великобритании отвергается.

Я заявляю совершенно ответственно, что советское правительство, предлагая формулу: «Граница является окончательной», этим самым выражает своё искреннее желание договориться, заключить это соглашение. И, наоборот, тех, которые не хотят принять этой формулы и хотят подменить её какой-то другой, двусмысленной формулой, как выражается это в первой или второй альтернативах согласительного комитета, я обвиняю в том, что они не хотят этого соглашения.

Коэн тут утверждал, что греческое правительство бесконечно более представительно, чем любое правительство в Восточной Европе. Это не соответствует действительности. Коэну должны быть известны факты, опровергающие это утверждение.

Например, такой факт, как требование американского правительства в 1946 году к греческому правительству уволить 12 тысяч государ-

ственных служащих. Даже правые газеты и правые парламентарии, выступая в греческом парламенте, говорили, что если предъявляется такое требование, то нужно было бы одновременно потребовать, чтобы были арестованы все 354 члена греческого парламента. Но США всё же без особого труда добились своего. Вот какое это «представительное» правительство!»

Затем А. Я. Вышинский остановился на выступлении делегата афинского правительства Пипинеллиса, показав, что греческий делегат совершенно извратил факты, говоря о позиции Албании и Болгарии.

«Известия» № 261 (10101)
от 4 ноября 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА СССР Я. А. МАЛИКА
НА ЗАСЕДАНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОМИТЕТА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(8 ноября)

Выступивший 8 ноября на заседании Специального политического комитета, разбирающего вопрос о международном контроле над атомной энергией, представитель СССР Я. А. Малик отметил, что по настоянию англо-американских представителей комиссия ООН по контролю над атомной энергией прервала свою работу ещё в мае прошлого года. После этого англо-американские представители попытались добиться решения о полном прекращении её работы на 3-й сессии Генеральной ассамблеи. Однако после разоблачения их манёвров они вынуждены были согласиться на возобновление работы комиссии, но последующие события показали, что это согласие было лишь формальным.

Представители англо-американского блока свели работу комиссии к обсуждению вопроса об издании в виде отдельной брошюры «рекомендаций» большинства атомной комиссии и к отклонению предложенной делегации Советского Союза. Эти предложения предусматривали, чтобы комиссия немедленно по возобновлении своей работы приступила к разработке проекта конвенции о запрещении атомного оружия и проекта конвенции о контроле над атомной энергией, исходя из того, что обе конвенции должны быть заключены и введены в действие одновременно. Комиссия должна была представить Совету безопасности проекты этих двух конвенций к 1 июня 1949 года.

Эти советские предложения, встреченные враждебно представителями США и Англии, были отклонены большинством атомной комиссии, и затем представители США и Англии проголосовали также за предложение о новом прекращении работы атомной комиссии под предлогом того, что начались консультации между постоянными членами комиссии ООН по контролю над атомной энергией. Малик указал, что манёвр противников советских предложений о запрещении атомного оружия сводится, таким образом, к тому, чтобы сорвать работу комиссии по контролю над атомной энергией, не дать ей возможности приступить к выполнению

возложенных на неё основных обязанностей и перенести обсуждение атомной проблемы на закрытые консультации представителей шести государств — постоянных членов комиссии ООН по контролю над атомной энергией, где представитель США при поддержке представителя Англии попрежнему продолжал свою линию — не допускать запрещения атомного оружия.

Представитель Советского Союза отметил, что дальнейшее намерение англо-американского блока, как это явствует из содержания недавно опубликованного заявления представителей пяти государств — участников консультаций, сводится к тому, чтобы помешать, как и прежде, достигнению соглашения о запрещении атомного оружия и объявить затем о неуспехе консультации, свалив вину за это на Советский Союз.

Как известно, сказал Я. А. Малик, с самого начала обсуждения проблемы использования атомной энергии основным разногласием между возглавляемым США англо-американским блоком и СССР и рядом государств, поддерживающих советскую позицию, был вопрос о запрещении атомного оружия. В то время как правительство СССР настаивает на том, чтобы атомная энергия была использована исключительно в мирных целях, для поднятия благосостояния и жизненного уровня народов, а также для развития науки и культуры на благо человечества, правительство США всячески сопротивляется запрещению атомного оружия, добиваясь сохранения за собой возможности использования атомной энергии в военных целях в ложном расчёте на то, что атомное оружие может являться главным средством для осуществления планов мирового господства США.

Эти две противоположные позиции в атомном вопросе отражают два противоположных курса внешней политики. Курс СССР — на сохранение и укрепление мира и безопасности, на сокращение вооружений, на сотрудничество между народами. С другой стороны, курс правящих кругов США — на гонку вооружений, на подготовку новой войны. Правящие круги США и Англии в соответствии с их установкой по вопросу атомной энергии стремятся создать сверхмощный монопольный трест под контролем США и под формальной вывеской организации Объединённых наций, передав в собственность этого органа всё атомное сырьё и предприятия по его переработке. Они стремятся предоставить этому тресту монопольное право на разведывание и освоение атомного сырья во всех других странах, оставляя в то же время в течение всего этого длительного периода времени вне международного контроля всю атомную промышленность Соединённых Штатов Америки. Таким путём правящие круги США рассчитывают получить полную возможность попрежнему в течение длительного периода бесконтрольно и в неограниченных масштабах продолжать использование атомной энергии в военных целях, производить атомное оружие, накапливать и сохранять его запасы. Теша себя иллюзией, что США являются монополистом в области атомного оружия, они рассчитывали самый факт производства и наличия у них запасов такого оружия использовать в качестве средства военного давления на другие страны в целях их экономического и политического подчинения.

План контроля над атомной энергией, отстаиваемый правительством США, на практике означает установление американскими монопо-

лиями контроля не только над атомными и смежными с ними предприятиями, но и над всей экономической жизнью других стран, что неизбежно привело бы к потере этими странами их национального суверенитета и к вовлечению этих стран в блоки, преследующие агрессивные цели. Пытаясь обойти принцип единогласия пяти постоянных членов Совета безопасности, предусмотренный уставом организации Объединённых наций, авторы этого плана стремятся построить взаимоотношения между проектируемым ими атомным трестом и организацией Объединённых наций по тому же типу, по которому построены отношения между ведущими монополиями и государственным аппаратом в США. Но подобного рода претензии ведут на деле к подрыву ООН, к превращению Совета безопасности в подсобный орган этого американского треста.

Правительство Советского Союза, в соответствии со своей позицией в атомном вопросе, стремилось и стремится запретить использование атомной энергии в военных целях, прекратить производство атомного оружия, установить строгий международный контроль за выполнением этого запрещения всеми государствами.

Далее Я. А. Малик подробно остановился на существовании советских предложений, внесённых в атомную комиссию ООН 19 июня 1946 года и 11 июня 1947 года, относительно запрещения атомного оружия и установления эффективного международного контроля над атомной энергией.

Правительства США и Англии, продолжал советский представитель, исходя из своих целей избежать запрещения атомного оружия, путём целого ряда манёвров чинили и продолжают чинить систематические препятствия принятию советских предложений о запрещении атомного оружия. Таким манёвром была попытка представителей англо-американского блока в органах ООН утопить советские предложения о запрещении атомного оружия в бесплодных спорах о приоритете постепенного стадийного контроля над атомной энергией и о подчинённом значении запрещения атомного оружия. Добиваясь установления контроля за запрещением атомного оружия, сторонники англо-американского блока делают тем самым контроль беспредметным, поскольку отсутствовал бы самый объект для такого контроля, т. е. конвенция, запрещающая атомное оружие. В то же время представители этого блока преднамеренно придумывали такие формы контроля, которые широко открывали бы двери для сбора военной информации разведывательными органами США и являлись заведомо неприемлемыми по самому своему существу.

Не чем иным, как отказом от запрещения атомного оружия, было отклонение Соединёнными Штатами Америки и Англией предложений Советского Союза, внесённых на 3-й сессии Генеральной ассамблеи, об одновременном заключении и введении в действие двух конвенций — о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что в нарушение резолюции Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года о создании комиссии ООН по контролю над атомной энергией делегации США и Англии завели работу атомной комиссии в тупик и фактически ликвидировали её.

В связи с тем, что выдвинутый американскими монополиями пресловутый «план Баруха» всё больше и чаще подвергается серьёзной критике, что количество его сторонников тает и что он поддерживается по-

преимуществу в США, Англии и некоторых других странах отъявленными реакционерами, правящие круги США пытаются прикрыть срыв с их стороны запрещения атомного оружия такими мерами, как передача этого вопроса на так называемую консультацию шести постоянных членов комиссии ООН по контролю над атомной энергией, заранее зная, что такие консультации не могут привести к положительным результатам именно ввиду занятой ими самими позициями. Как и следовало ожидать, в ходе этих консультаций представители США и Англии продолжали стоять на своей прежней позиции срыва запрещения атомного оружия, продемонстрировав лишний раз, что правительствам США и Англии нужны не запрещение атомного оружия и строгий контроль над атомной энергией, а лишь бесплодные разговоры, затягивающие решение этого важного международного вопроса.

Советский представитель показал, что принятие американского плана «контроля» над атомной энергией неизбежно привело бы к грубому и недопустимому вмешательству во внутреннюю экономическую жизнь государств, так как план США предоставляет «международному органу» в этом отношении широкие, неограниченные права и возможности. Этот план дал бы возможность Соединённым Штатам Америки при поддержке послушного большинства в этом органе, состоящего из стран, находящихся в экономической и политической зависимости от США, проводить политику грубого диктата в отношении свободных государств, не находящихся в зависимости от США. Прикрываясь разговорами о международной безопасности, Соединённые Штаты Америки настаивают на таком плане контроля над атомной энергией, который обеспечивал бы им и их военным союзникам на деле господствующее положение, но наносил бы прямой ущерб безопасности и интересам как Советского Союза, так и всех других государств, не входящих в военно-агрессивные союзы и блоки, создаваемые Соединёнными Штатами Америки. Одно это обстоятельство делает уже план США по контролю над атомной энергией непримлемым в самой его основе и не обеспечивающим международного мира и безопасности.

Отклонение советских предложений о запрещении атомного оружия и установлении строгого международного контроля за выполнением этого запрещения, отметил Я. А. Малик, продиктовано не научно-техническими соображениями, как это пытаются изобразить представители англо-американского блока, а агрессивным курсом внешней политики англо-американского блока, вследствие которой руководящие круги США не заинтересованы в запрещении атомного оружия и в изъятии его из национального вооружения. Такой курс, проводимый правящими кругами США и Англии, неразрывно связан со всей системой агрессивных блоков, как-то: Северо-атлантический, Западноевропейский, Панамериканский, созданных США и Англией в целях политической и стратегической подготовки новой войны. Этот курс неотделим также от создания США широкой сети военно-воздушных и военно-морских баз на чужих территориях с целью стратегического окружения СССР и стран народной демократии.

Тем же агрессивным целям, что и курс на отказ от запрещения атомного оружия, служит и пресловутый «план Маршалла», рассчитанный под видом оказания помощи западноевропейским странам на их эконо-

мическое закабаление, на завоевание их внутренних рынков, что неизбежно ведёт к удурению национальной промышленности маршаллизованных стран и к использованию их экономического и военного потенциала в интересах осуществления агрессивных планов США.

Этим агрессивным планам отвечает и вся политика англо-американского блока в ООН, направленная к тому, чтобы приспособить деятельность других государств к целям внешней политики этого блока, превратив организацию Объединённых наций в послушное орудие США, что не может не вести к подрыву и даже к разрушению этой организации.

Всё это лишь составные части той основной линии внешней политики правящих кругов США, конечной целью которой является их бредовая идея установления мирового господства.

Однако осуществление этих замыслов наталкивается на всё большие трудности и неизбежно потерпит крушение, ибо планы США о мировом господстве не отвечают ни коренным интересам народов, ни их стремлению к сохранению и укреплению мира, ни росту сил демократии и прогресса, ни реальному соотношению сил.

Я. А. Малик подчеркнул, что принятие советских предложений о запрещении атомного оружия способствовало бы ослаблению напряжённости нынешних международных отношений, явилось бы важным шагом вперёд в деле укрепления мира и безопасности и установления взаимного доверия и международного сотрудничества, и в первую очередь между великими державами. Несомненно также, что положительное решение вопроса о запрещении атомного оружия облегчило бы и решение других послевоенных проблем, остающихся всё ещё нерешёнными, несмотря на то, что прошло уже 4 года со времени окончания второй мировой войны.

Осуществление запрещения атомного оружия явилось бы важнейшим вкладом в дело укрепления организации Объединённых наций. Оно укрепило бы дух взаимного доверия и сотрудничества в этой организации, способствовало бы повышению её престижа и авторитета среди широчайших масс во всём мире, что не могло бы не отразиться благоприятно на всей дальнейшей деятельности ООН на благо всего человечества.

В заключение своего выступления представитель СССР внёс следующий проект резолюции:

«Генеральная ассамблея

1) обращает внимание на то, что, несмотря на все усилия Советского Союза, до сих пор не разрешена ни одна из задач, поставленных перед атомной комиссией постановлениями Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года и 14 декабря 1946 года, и что вся ответственность за невыполнение указанных постановлений Генеральной ассамблеи полностью ложится на правительства США и Великобритании, систематически оказывавших в комиссии сопротивление принятию согласованных решений относительно запрещения атомного оружия и установления строгого международного контроля над атомной энергией, чтобы не допустить использования её в военных целях;

2) считает, что проведённые между постоянными членами атомной комиссии консультации, предусмотренные постановлением Генеральной ассамблеи от 4 ноября 1948 года, не содействовали разрешению поставленных перед атомной комиссией указанных выше задач, поскольку во

время консультаций в атомной комиссии представители США и Великобритании продолжали отстаивать предложения, противоречащие по существу задаче немедленного запрещения атомного оружия и установления строгого международного контроля над атомной энергией с тем, чтобы не допустить использования её в военных целях;

3) поручает атомной комиссии возобновить свою работу по осуществлению решений Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года и немедленно приступить к выработке проекта конвенции о запрещении атомного оружия и проекта конвенции о контроле над атомной энергией с тем, что обе конвенции должны быть заключены и введены в действие одновременно».

«Правда» № 316 (11423)
от 12 ноября 1949 г.

О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И О МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТРОЛЕ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В СПЕЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ

(10 ноября)

1. США И АНГЛИЯ САБОТИРУЮТ РЕШЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

В нашей повестке дня стоит доклад комиссии по атомной энергии, посвящённый одному из важнейших вопросов, привлекающих внимание организаций Объединённых наций. Этот вопрос имеет уже трёхлетнюю давность. Срок — достаточный для того, чтобы решить этот вопрос. Между тем он всё ещё не решён. И даже больше — сейчас он не ближе к своему решению, чем это было три и два года тому назад. И это несмотря на ряд резолюций, которые были приняты Генеральной ассамблеей на протяжении этого времени, в которых выражено ясно и точно единое стремление нашей организации решить этот вопрос, запретив использование атомной энергии в военных целях и изъяв атомное оружие из национального вооружения. Приходится констатировать, что все эти резолюции оказываются пустыми декларациями, что все они лишены реального значения, превращены командующим в организации Объединённых наций блоком в пустую бумажку.

Прошедший со времени 3-й сессии Генеральной ассамблеи год в деле решения атомной проблемы не принёс ничего нового. Как мы уже указывали на Парижской сессии, резолюция от 4 ноября 1948 года не дала, да и не могла дать, никаких результатов. В этом смысле можно утверждать, что прошедший год был в данном деле потерян годом. Эта резолюция преследовала, как можно думать, одну цель — прикрыть собой отказ от выполнения основных резолюций Генеральной ассамблеи,

принятых 24 января и 14 декабря 1946 года, историческое значение которых нельзя, разумеется, преуменьшать.

Чтобы не быть голословным, достаточно напомнить пункт 6 резолюции 14 декабря 1946 года об учреждении в рамках Совета безопасности, который несёт главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, международной системы в целях обеспечения принятия мероприятий по запрещению использования атомной энергии для военных целей и для установления контроля над атомной энергией в объёме, необходимом для обеспечения использования её только в мирных целях.

Резолюция Генеральной ассамблеи от 4 ноября обходит этот вопрос, или, чтобы быть точнее, хоронит этот вопрос. Причём, это похороны даже не по первому, а по третьему разряду. Содержащиеся в резолюции от 4 ноября 1948 года рекомендации о консультациях шести постоянных членов комиссии по атомной энергии с целью установления того, имеется ли основа для соглашения о международном контроле над атомной энергией по обеспечению её использования исключительно в мирных целях, оказались, как это и предвидела в своё время делегация СССР, нереальными, неспособными сдвинуть это важное дело с мёртвой точки. Причина этого должна быть ясна: из шести постоянных членов этой комиссии пять членов уже ранее, голосуя за резолюцию 4 ноября 1948 года, признали необходимым вообще приостановить работу комиссии, мотивируя это «безвыходностью положения» и бессилием комиссии примирить возникшие в её работе противоречия и разногласия.

Такое решение комиссии по атомной энергии означало, по сути дела, отказ от всяких попыток добиться запрещения атомного оружия. Это решение находится в прямом и явном противоречии с резолюциями от 24 января и 14 декабря 1946 года. Это вынуждена была, в сущности говоря, косвенным образом признать и сама Генеральная ассамблея, предложившая комиссии возобновить свои сессии и изучить те оставшиеся в программе работы комиссии вопросы, изучение которых сама комиссия сочла бы практически осуществимым и полезным.

Уже при принятии такой резолюции ни у кого не было сомнения в том, что рассмотрение второстепенных вопросов, оставшихся в программе работы комиссии ещё нерассмотренными, не могло бы иметь существенного, если не сказать, — никакого вообще, значения.

Действительность, однако, превзошла самые мрачные ожидания, так как большинство этой комиссии сразу же заняло попрежнему непримиримую позицию, вновь продемонстрировав стремление англо-американского лагеря сорвать работу по выработке конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над осуществлением этого запрещения. Так называемое «возобновление» работы комиссии по атомной энергии выразилось в повторении со стороны большинства комиссии одних и тех же тезисов в защиту американского плана так называемого международного контроля.

Всё, что происходило на заседаниях комиссии по атомной энергии, вновь подтвердило полное нежелание большинства комиссии сделать хоть какой-либо шаг вперёд, подтвердило, наоборот, его единственное стремление превратить работу комиссии в пустую проформу, без какого-либо намёка на действительную готовность подумать серьёзно о мерах

по запрещению атомного оружия, о мерах по установлению действительно эффективного международного контроля.

Такая линия поведения большинства комиссии вполне отвечала политической линии в атомном вопросе правительства Соединённых Штатов Америки, выраженной в известной речи президента Соединённых Штатов Америки 6 апреля 1949 года, когда он сказал, что не поколеблется принять решение о применении атомной бомбы, если на карту будет поставлено благосостояние Соединённых Штатов Америки или демократий мира.

Вторая часть этой фразы, указывающая причины, по которым атомные бомбы будут сброшены на чьи-то головы, конечно, имеет чисто условное значение, ибо всегда можно найти благовидный предлог для самого неблагоприятного дела. Но факт остаётся фактом, а именно, что в Соединённых Штатах Америки не только не было мысли у ответственных лиц о том, чтобы запретить применять атомную бомбу, а была мысль — не колебаться в том, чтобы в подходящий момент применить атомную бомбу.

Начальник объединённых штабов генерал Брэдли заявил: «В своём военном отношении Северо-атлантический пакт может стать таким же важным для американской безопасности, как и обладание атомными бомбами».

При такой установке, естественно, не могло быть надежды на успех работы комиссии, которая была призвана разработать мероприятия по запрещению атомного оружия.

Третья сессия Генеральной ассамблеи в 1948 году также не смогла сдвинуть этот вопрос с места. Больше того, совершенно некритически отнесся к докладу, который был представлен комиссией по атомной энергии, и просто утвердив общие выводы и рекомендации этого доклада, чего особенно добивался и добился на 3-й сессии англо-американский блок, 3-я сессия Генеральной ассамблеи тем самым отказалась от всякой попытки дальнейшей разработки вопроса о запрещении атомного оружия и установлении международного контроля.

Нежелание осуществить запрещение атомного оружия является основной причиной, заставляющей правительство Соединённых Штатов Америки всячески затруднять разработку мероприятий по запрещению атомного оружия, прикрывая, правда, это нежелание фальшивыми фразами о тревоге по поводу тупика, в котором находится работа комиссии по атомной энергии, прикрывая это лицемерными пожеланиями, чтобы шесть постоянных членов комиссии провели консультации для установления того, имеется ли основа для соглашения о международном контроле над атомной энергией по обеспечению её использования исключительно в мирных целях и изъятия атомного оружия из национальных вооружений.

Англо-американскому блоку, навязавшему Ассамблее год тому назад эту резолюцию, было, конечно, заведомо известно, что при существующих установках, о которых очень красноречиво говорят высказывания весьма ответственных руководителей американской политики, нет никаких оснований рассчитывать на то, что такую основу эта комиссия шести в результате своих так называемых консультаций сможет найти. Такая резолюция помогла, однако, тому, чтобы ввести обществен-

ное мнение в заблуждение, создав ложное впечатление, будто бы Соединённые Штаты Америки, Англия и их единомышленники действительно озабочены создавшимся положением в этом вопросе.

Теперь официально сообщается, что шести постоянным членам комиссии не удалось найти основы для решения стоящей перед ними задачи.

2. КАК АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК ИЗВРАЩАЕТ ФАКТЫ

Нельзя не отметить, что одновременно с представлением Генеральной ассамблее предварительного доклада этой комиссии о консультациях шести постоянных членов комиссии по атомной энергии пять членов комиссии — Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Франции, Китая и Канады — поторопились опубликовать своё заявление об этих консультациях. В этом заявлении они тенденциозно изложили сущность разногласий, которые возникли между СССР и пятью другими постоянными членами этой комиссии, и извратили позицию Советского Союза, изобразив её так, будто бы эта позиция и явилась препятствием к достижению соглашения.

Это заявление пяти — буду так называть его для краткости — рассчитано на то, чтобы ответственность за срыв работы комиссии по атомной энергии возложить на Советский Союз, лживо изобразив Советский Союз в качестве противника запрещения атомного оружия и, таким образом, свалив вину с больной головы на здоровую; это, надо сказать, испытанный приём всех фальсификаторов, всех любителей ловить рыбу в мутной воде.

Насколько тенденциозно в этом заявлении изложена позиция Советского Союза, можно судить, например, по тому разделу этого заявления пяти держав, который озаглавлен «Выводы». В этих «выводах» позиция пяти держав изображается буквально как ангельская позиция. Это они защищают международную безопасность и международное сотрудничество. Это они — пять держав — готовы допустить какие угодно «нововведения», как пишется в этом заявлении, в традиционные положения и о международном сотрудничестве, и о национальном суверенитете, и об экономической организации, где бы они ни оказались необходимыми для безопасности. Наоборот, позиция Советского Союза изображается как дьявольская позиция — в самых чёрных красках, в самом неблагоприятном виде. Если послушать эту пятёрку, то это советское правительство, оказывается, не желает принимать таких мер, которые могли бы обеспечить международное сотрудничество и международную безопасность.

Советскому правительству клеветнически приписывается, что оно «не желает принимать мер, которые могут вторгнуться в строгое осуществление им беспрепятственного государственного суверенитета или помешать такому осуществлению».

В этих «выводах» — что ни слово, то передержка, извращение, фальсификация фактов.

В самом деле, начнём с рассмотрения ангельской позиции пяти держав. Что эти ангелы предлагали во время консультаций? Они утвер-

ждают, что они предлагали какие-то «нововведения». В действительности никаких «нововведений» они не предлагали, если не считать, конечно, нововведением в области суверенитета требование категорического, полного, беспрекословного и безусловного отказа от всякого суверенитета. Нельзя же считать каким-то «нововведением» подобного рода диктаторские требования. Нельзя считать «нововведениями» и старые, не раз уже повторявшиеся, какие-то требования английской и американской делегаций и поддерживающих их некоторых других делегаций принять безоговорочно американский план контроля, не считаясь с тем, что этот план, как я сказал, означает полное отрицание всякого государственного суверенитета.

Отказ представителей Советского Союза принять такой план, отдающий на волю и произвол так называемого международного контрольного органа судьбы любого государства, его экономическую и политическую независимость, изображается этой достопочтенной пятёркой как якобы отказ от международного сотрудничества и отрицание международного контроля в атомном деле.

Пять держав во время так называемых консультаций упорно продолжали навязывать пресловутый «план Баруха», как известно, изобретённый ещё в 1946 году и встретивший справедливое осуждение со стороны ряда видных учёных-атомников ещё два года тому назад, учёных, которых никак нельзя заподозрить не только в коммунизме, но в самом даже отдалённом приближении к коммунизму.

Чтобы подкрепить свою версию о каких-то «нововведениях», понадобилось специальное заявление канадского представителя, сделавшего 5 октября с. г. попытку доказать, что американский план так называемого международного контроля, который перед нами стоит и который нам пытаются навязать, вовсе не является повторением «плана Баруха», а наоборот, от него значительно отличается. Это, конечно, вздорное рассуждение! Все основные принципиальные положения первоначального «плана Баруха» остаются до сих пор неизменными, будто бы ничего с тех пор не произошло, что требует изменения, требует пересмотра со стороны авторов американского плана старых позиций.

Все принципиальные положения «плана Баруха», начиная от теории стадий и кончая передачей международному органу права собственности на всё атомное сырьё и все атомные предприятия, остаются неизменными и в новом плане, в так называемом американском плане, фигурирующем в докладах комиссии по атомной энергии.

Это всё тот же план Ачесона — Лилиентала — Баруха.

Правда, делаются кое-какие попытки прикрыть клыки и когти этого плана, заменить некоторые слишком уже циничные формулировки другими, не столь одиозными и грубыми.

Так, например, в формуле, говорящей, что международному органу будет передан весь уран и торий вне зависимости от того, где он может находиться, будет передан на праве собственности, теперь говорят уже более осторожно, — и к этому направлена французская поправка, — что имеется в виду передача указанных материалов в собственность международного органа тогда, когда эти материалы будут добыты из места их естественного залегания, т. е. когда руда будет выходить из шахты или из прилегающих обогатительных заводов.

Пятёрка согласна с тем, чтобы руда, которая залегает где-то на тысячах и тысячах метров в глубине недр, не передавалась бы в собственность международного органа, а оставалась бы собственностью данного государства. Но эта пятёрка не согласна с тем, чтобы, как только эта руда появится на поверхности земли, она переходила бы в распоряжение этого государственного органа, государственной власти, так как немедленно по выходе из шахт такая руда должна поступить в собственность органа международного контроля.

Ясно, что суть дела и в том, и в другом случае остаётся та же самая: руда урана и тория переходит в собственность так называемого международного контрольного органа. Чтобы прикрыть слишком грубую откровенность американских империалистов, мечтающих о том, чтобы взять в свои руки всё атомное производство и направлять всю деятельность в этой области во всём мире по своему усмотрению, пять держав пытаются смягчить содержащиеся в докладах атомной комиссии формулировки, говорящие об этом пресловутом праве собственности так называемого международного контрольного органа. В этих целях они проделывают некий маскарадный номер: они пытаются подменить формулу о праве собственности международного контрольного органа на атомное сырьё и атомные предприятия формулой «владение по доверенности» или «распределение по доверенности».

Но это изменение чисто словесное, оно ни в какой мере не меняет существа дела, так как владение или распределение атомной энергии по доверенности предоставляет международному органу такие же широкие полномочия, какие ему предоставлялись и по первой формуле, говорящей о праве собственности.

Чтобы эта маскировка была более эффективной, канадский представитель даже пошёл на некоторую критику предусмотренного американским планом права собственности международного контрольного органа. Предпочтение, которое пять держав готовы оказать формуле «владения по доверенности» перед формулой «право собственности», канадский представитель мотивировал тем, что предоставление международному органу власти принимать решения по основным вопросам, связанным с экономическими и другими жизненными интересами страны, означало бы наделить этот орган ответственностью, которая могла бы привести к излишним трудностям и путанице.

Таким образом, канадский представитель, решившись покритиковать формулу о праве собственности, делает вид, будто бы он отстаивает экономические и другие жизненные интересы государств. В действительности же он маскирует свой отказ от учёта этих интересов, потому что, как я сказал, «владение по доверенности» — так называемой «доверенности» — ничем не отличается от владения на «праве собственности».

3. СВОИМ ПЛАНом КОНТРОЛЯ США ПЫТАЮТСЯ ПРИКРЫТЬ ОТКАЗ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

Вот два примера, мне кажется достаточно ярких и ясных, тех «нововведений», которые якобы имеются в плане комиссии по атомной энергии в отличие от баруховского плана.

Можно, таким образом, сделать вывод, что американский план так называемого международного контроля остаётся всё тем же планом, каким он был три года тому назад, со всеми своими коренными пороками, из-за которых, и это хорошо знают сами авторы этого плана, этот план обречён на провал. Возникает вопрос: чем же объяснить в таком случае упорство, с которым англо-американское большинство комиссии защищает этот план? Уже слышатся голоса, и среди них голоса авторитетных людей, специалистов в области атомной энергии, что этот сумасбродный план для того и предназначен, чтобы затруднить установление какого-либо контроля вообще. Слышатся голоса — об этом можно судить по американской и английской печати, по крайней мере по некоторой части этой печати, — что этот план являлся просто шахматным ходом.

Критики этого плана из среды учёных-атомников теперь открыто уже заявляют, что этот план был придуман с расчётом на то, чтобы, будучи отвергнут, этот факт можно было использовать как предлог для шумной антисоветской кампании и для обвинений Советского Союза в том, что его отрицательное отношение к этому плану и является якобы единственным препятствием к достижению этого международного мира. Критики, которых становится всё больше и больше, в настоящее время, особенно в связи с таким неоспоримым фактом, который нашёл своё отражение в известном вам всем сообщении Советского телеграфного агентства от 25 сентября этого года, — критики эти всё больше и больше указывают на действительную подоплёку этого американского плана. В этом, указывают критики американского плана, его авторы видели «весьма значительную победу американской дипломатии». Известно, что этот план, несмотря на всю свою неприемлемость для ряда стран, с которыми нельзя не считаться, находит полную поддержку со стороны ответственных представителей Соединённых Штатов Америки. Вспомним недавнее заявление президента США о том, что этот план «является единственным планом, который отвечал бы техническим требованиям контроля, который сделал бы эффективным запрещение атомного оружия и в то же время содействовал бы мирному развитию атомной энергии на основе сотрудничества».

Всё это даёт основания считать, что имеют под собой серьёзную почву предположения, открыто высказываемые в печати, что авторы американского плана так называемого международного контроля на самом деле и не рассчитывали на то, что этот план может послужить основой для решения вопроса о запрещении атомного оружия. В этом отношении сыграла, конечно, свою роль иллюзия американских правящих кругов, что Соединённые Штаты Америки являются монополистами по производству атомных бомб. Эта иллюзия особенно была распространена в 1946 году, в году, когда был создан «план Баруха», продолжающий ещё владеть умами этих кругов и в настоящее время. В американской печати открыто говорится и сейчас, что тогда ожидалось, что монополия будет существовать, по крайней мере, в течение нескольких лет. Это предположение оказало значительное влияние на самый характер американского плана так называемого международного контроля.

Во всяком случае любопытно напомнить об одной недавней статье в журнале «Нью рипаблик», где можно прочесть следующее: «Концепция монополии объясняет постановку условий в отношении стадий,

принцип которых предусматривался в заявлении Трумэна, Эттли и Кинга от 15 ноября 1945 года». Это верно. Но это верно также и в отношении других основных особенностей американского плана. Иллюзия американской монополии на атомную бомбу толкала правящие американские круги на создание такого плана, который мог бы обеспечить ликвидацию всякого национального соперничества в этой области, в области атомного оружия, если придётся в конце концов пойти всё-таки на какой-нибудь международный контроль. Известно, однако, что иллюзии гибнут, факты остаются. Теперь уже всем ясно, что иллюзия американской монополии на атомное оружие безнадежно погибла. Ясен в то же время и тот факт, что атомная бомба имеется в распоряжении и другого государства.

Внимательный анализ позиции правящих кругов Соединённых Штатов Америки в отношении советских предложений о запрещении атомного оружия и установлении строгого международного контроля показывает, что усилия Соединённых Штатов Америки были направлены не на преодоление препятствий на этом пути, вполне естественных и неизбежных в таком новом и сложном деле, как запрещение использования атомной энергии в военных целях и установление контроля за осуществлением этого запрещения. Усилия Соединённых Штатов Америки были направлены в это время на то, чтобы, нагромождая одну трудность на другую, мешать по существу осуществлению проведения в жизнь резолюций Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, содержащих в принципе единодушное согласие Генеральной ассамблеи с необходимостью исключить возможность использования атомной энергии в военных целях, исключить атомное оружие из национальных вооружений.

Выдвинутая Соединёнными Штатами Америки формула: «Сначала контроль, а потом запрещение» не могла иметь иного значения, как отказ от запрещения атомного оружия, хотя и прикрытый фразами и признанием на словах необходимости такого запрещения. Можно утверждать, что и сейчас эта линия жива и действует.

Советский Союз согласился в Париже на 3-й сессии Генеральной ассамблеи на одновременное введение, на одновременное заключение двух конвенций — о запрещении атомного оружия и о контроле.

Предложение Советского Союза в этом смысле было формально внесено на прошлой сессии Генеральной ассамблеи, но оно было отклонено, оно оказалось для большинства Генеральной ассамблеи неприемлемым, хотя кажется совершенно естественным, что контролировать можно только тот факт, который уже подвергся какому-то установлению, что для того, чтобы контролировать, как осуществляется запрещение производить атомное оружие, необходимо раньше всего запретить производство атомного оружия. Но не считаясь с тем, что всякая иная постановка вопроса была бы абсолютно неλογичной и неправильной, советское правительство, стремясь к тому, чтобы устранить препятствия с пути соглашения в этом важном и ответственном деле, пошло на то, чтобы предложить одновременное заключение и введение в жизнь двух конвенций — о запрещении и о контроле.

Почему же большинство не приняло этого предложения? Почему же большинство ушло от этого вопроса, предпочтя забавляться пусто-

порожными разговорами или декларативными формулами о том, как было бы важно для блага человечества, если бы сговориться об урегулировании этого атомного вопроса? Между тем урегулирование у нас в руках. Надо только согласиться с тем, что нужна конвенция о запрещении атомного оружия, что нужна конвенция о контроле над этим запрещением, что нужно одновременно подписать и одновременно ввести в жизнь эти две конвенции. Но даже это предложение Советского Союза оказалось неприемлемым для большинства, которое во что бы то ни стало пытается навязать, и я заранее скажу, безуспешно навязать, Советскому Союзу свой никуда не годный, фальсифицированный план так называемого международного контроля над атомной энергией.

Вместо того, чтобы поддержать это предложение об одновременном заключении двух конвенций о запрещении и контроле, был поставлен другой вопрос: Согласно ли советское правительство принять ту форму международного контроля, которая предлагается американским планом? На такой вопрос, естественно, мог последовать и последовал лишь отрицательный ответ. И я постараюсь объяснить кратко — почему.

4. НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

Существо разногласий в атомном вопросе между СССР и США неоднократно уже докладывалось в разных органах: комиссиях, подкомиссиях, комитетах, подкомитетах, группах и т. д.

Сейчас я считаю нужным сказать об этом лишь потому, что без этого обойтись никак нельзя, особенно в связи с опубликованным заявлением Канады, Китая, Франции, Великобритании и Соединённых Штатов Америки о консультации шести постоянных членов комиссии по атомной энергии. Это необходимо сделать потому, что в этом заявлении содержится фальсификация ряда фактов, в корне извращающих сущность разногласий, существующих между нами, наконец, просто клеветнические заявления в отношении позиции Советского Союза в атомном вопросе.

Основным принципом, на котором построен весь так называемый американский план, является принцип, сформулированный в заявлении пяти держав следующим образом: «Пять держав останутся убеждёнными в том..., что для обеспечения безопасности международного контрольного органа сам должен оперировать и управлять опасными установками и должен владеть опасными атомными материалами и установками для производства или использования опасных количеств таких материалов по доверенности от имени государств-членов». Как я уже сказал, слова о «доверенности», ссылка на «доверенность» ничего не меняют в существе дела, так как международному контрольному органу по этому плану предоставляются фактически права собственника.

Это должно быть ясно из заявления представителя Соединённых Штатов Америки г-на Осборна на 48-м заседании комиссии по атомной энергии 9 июня 1948 года, когда, отвечая на третий вопрос представителя Советского Союза, он заявил, что «международный контрольный орган должен иметь в своём распоряжении все источники атомного сырья,

ядерного горючего и опасных предприятий, вверенных ему участвующими странами, и что участвующие государства не могут иметь никакого права собственности или права принимать решения по вопросам, касающимся атомных ресурсов и атомных материалов, расположенных на их территориях».

В 3-м докладе комиссии по атомной энергии также указывается на то, что лишь международному контрольному органу должно принадлежать право собственности на исходные материалы и ядерное горючее, причём это право собственности подразумевает также права владения, эксплуатации и распоряжения.

Из этого следует, и так говорится в 3-м докладе на 11-й странице, что:

«Контрольный орган получает право собственности на все исходные материалы с момента извлечения их из их естественного месторождения и устанавливает нормы концентрации, при наличии которой он будет вступать во владение этими исходными материалами».

Этот контрольный орган, и никакой другой, в каждом отдельном случае будет определять, будет ли он сам владеть и управлять рафинировочными заводами исходных материалов и эксплуатировать их, или же он будет выдавать лицензии на их эксплуатацию государствам, на территории которых находятся эти заводы.

Причём и в этом случае отдельные страны не будут иметь права принимать никаких решений, касающихся производства или использования атомной энергии. Не только опасные производственные предприятия, но и неопасные производственные предприятия, имеющие дело с атомной энергией, будут отданы в полное распоряжение этого контрольного органа, и ему — этому органу — единственно и будет предоставлено право владеть всем ядерным горючим, откуда бы оно ни получилось.

В третьем докладе Совету безопасности от 17 мая 1948 года в предложении 2, содержащем краткое изложение плана контроля, предложенного большинством комиссии, прямо указывается: «Развитие и использование атомной энергии не являются по существу внутренним делом отдельных стран, а имеют преимущественно международное значение и влияние».

Конечно, вся эта установка не выдерживает никакой критики. Если коснуться последнего момента, что развитие и использование атомной энергии не являются по существу внутренним делом отдельных стран, то это опровергается рядом фактов, которые уже имели место, несмотря на сравнительно небольшой — в несколько только лет — срок, в моей стране, где атомная энергия используется как раз и в очень важных и по масштабу, и по значению хозяйственных мероприятиях в интересах мирного строительства. И поэтому говорить о том, что развитие и использование атомной энергии уже перестало быть внутренним делом страны, — это не соответствует действительности, хотя нельзя отрицать, что проблема атомного оружия и имеет международное значение.

Из всего сказанного делается вывод, что «вся работа в этой области должна выполняться или самим контрольным органом на основании предоставленных ему полномочий на эксплуатацию и управление и право

собственности, или же отдельными странами только на основании выдаваемых контрольным органом лицензий».

Американский план идёт так далеко, что предусматривает передачу в собственность международного органа также химических и металлургических заводов под тем предлогом, что на этой стадии производства опасность утайки будет более серьёзной, чем на предыдущих стадиях.

Это, господа, основной вопрос — вопрос именно о форме международного контроля, о тех принципах, на основе которых должен быть и может быть построен действительно строгий международный контроль, который обеспечит бы в максимально возможной степени честное выполнение соответствующей конвенции о контроле, которая должна быть подписана и введена в действие одновременно с конвенцией о запрещении атомного оружия. Но пойдём дальше по этому плану. При таком широком объёме прав, каким наделяется по американскому плану контрольный орган, его надо наделить и весьма широкими полномочиями по контролю и инспектированию.

И действительно, в этом отношении американский план ни с чем не считается. Он открыто требует признания за этим международным органом права вмешиваться в любую область экономической жизни каждого государства. Не только, — я это прошу заметить, — в ту область, которая в какой-либо мере связана с атомным производством, а в любую область. В проекте пяти держав откровенно указывается на право этого так называемого международного контрольного органа вмешиваться не только в деятельность национальных предприятий по атомной энергии, но также и «в экономические планы и частные, общественные и государственные взаимоотношения в различных государствах» (Отчёт атомной комиссии, спец. документ № 1, 1949 г., п. 3в «Рекомендации»).

5. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН КОНТРОЛЯ УНИЧТОЖАЕТ СВОБОДУ НАУКИ

По американскому плану только международному органу принадлежит исключительное право производить научные исследования и работу в области развития использования атомного оружия и атомной энергии. В пункте 3 главы 2 отчёта комиссии по атомной энергии прямо говорится:

«Отдельным странам и лицам воспрещается заниматься экспериментальными работами, для которых требуется или при которых производится ядерное горючее или радиоактивные изотопы в таком количестве и такого качества, которые международный орган считает опасными». Значит, суть не в том, что эти количества могут быть объективно опасны, а суть в том, что международный орган будет уполномочен признать те или другие количества опасными для того, чтобы наложить свою руку на всякую экспериментальную работу в области атомной энергии.

Большинство комиссии по атомной энергии, таким образом, добивается, чтобы такая исследовательская работа в любой стране в области атомной энергии была целиком не только подчинена этому контролю, но была предоставлена тому контрольному органу, который должен превратиться в какую-то грандиозную всемирную научную сверхлабораторию по изучению и экспериментированию атомной энергии с тем,

чтобы ни одна страна, которая будет применять эту атомную энергию в мирных целях, не имела бы никакого права совать свой нос в это учёное дело.

Недавно в журнале «Сайнтифик Амэрикан» («Американский учёный») в статье «Гонка атомных вооружений против контроля» один из крупных людей, бывший член атомной группы Лиллентала, ныне председатель Рокфеллеровского фонда, Честер Барнард писал по поводу американского плана так называемого международного контроля буквально следующее: «Если рассредоточивание населения является единственным ближайшим средством уменьшения уязвимости, на которое мы можем надеяться, тогда мы должны будем ввести контроль над личной жизнью в таких размерах, которые были не слышаны в Соединённых Штатах Америки... Меры обороны, которые были бы абсолютно необходимы в случае затянувшейся невозможности заключить международное соглашение, означали бы нетерпимое централизованное руководство над нашими жизнями. Такой контроль уже дошёл, — пишет Барнард, — до той точки, когда он угрожает свободе науки». Это говорит один из соавторов «плана Баруха».

Я должен напомнить, что два года тому назад в меморандуме английских учёных-атомников указывалось, что предоставление контрольному органу средств производства в области атомной энергии в полное владение в обычном смысле этого слова, т. е. на правах собственности, вызвало бы затруднения, так как оно дало бы органу по контролю над атомной энергией право решать, может ли та или иная страна строить энергетические заводы, и дало бы право контрольному органу препятствовать в любой стране использованию энергии, произведённой такими заводами, или устанавливать условия снабжения такой энергией.

«Такое ограничение, — говорится в меморандуме английских учёных, — создало бы возможность для вмешательства в экономическую жизнь каждой страны в такой степени, в какой нет необходимости для того, чтобы воспрепятствовать применению атомной энергии в военных целях». Не в том, значит, заключается дело, чтобы иметь право вмешаться в экономическую жизнь страны, чтобы помешать применению атомной энергии в военных целях, — а в том, чтобы иметь право вмешаться в экономическую жизнь любой страны даже в таком случае, когда это не вызывается необходимостью борьбы с использованием атомной энергии для военных целей.

В этом же меморандуме британские учёные указывали на тайные цели организации такого международного контроля.

В уже цитированной не раз книге профессора Блэкетта «Военные и политические последствия атомной энергии» указывается, что в отношении СССР это дало бы возможность органу так называемого международного контроля получить «весьма полную карту объектов СССР, даже если бы составление обзора и не переросло в законченную систему военного и промышленного шпионажа».

В этом меморандуме говорится:

«Соединённые Штаты Америки и других сторонников плана Баруха следует побудить сформулировать гарантии, которые обеспечили бы

такое положение, когда никакой план инспекции не превратился бы в тщательно разработанную систему шпионажа.

Этого замечания английских учёных достаточно для того, чтобы составить себе ясное представление о действительном назначении проектируемого американского плана так называемого международного органа контроля над атомной энергией. О какой, действительно, инспекции, о каком, действительно, международном контроле может быть речь при превращении этого органа в собственника, наделённого неограниченной властью во всём, что касается атомной энергии!

Достаточно сказать, что подбор служебного персонала будет находиться в руках этого органа. Ссылка на то, что подбор этот будет осуществляться на международной основе, ничего не меняет в действительном положении дела, когда в этом международном органе обеспечена руководящая роль большинству, подавляющая часть которого является участниками враждебных Советскому Союзу таких военно-политических блоков, как Северо-атлантический, Западноевропейский и им подобные блоки. Такому органу хотя бы подчинить ту страну, против которой направлены эти блоки, против которой куётся чёрный заговор новой войны! Нужно поистине потерять последние остатки разума, чтобы рассчитывать на то, что такой план может быть приемлем для Советского Союза!

Контрольный по американскому плану орган будет осуществлять всевозможные мероприятия по проведению инспекционного обследования любой страны, причём самое решение о проведении такого инспекционного обследования тоже относится к дискреционному праву этого органа. Этот орган будет уполномочен определять также и квоты выработки атомной энергии для каждого государства.

Таков вот этот так называемый международный контроль по американскому плану, который представитель Соединённых Штатов Америки в комиссии по атомной энергии г-н Осборн в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» от 30 октября 1949 года, назвал «в полном смысле слова огромным международным кооперативом». Замечательный кооператив!

Название этого плана кооперативным не соответствует действительности раньше всего потому, что для ряда государств, составляющих весьма значительную величину в международных отношениях, этот план является, по указанным выше причинам, неприемлемым, следовательно, упрямое отстаивание именно этого плана, выдаваемого к тому же без всяких решительно оснований за наилучший план, свидетельствует о нереальном подходе к такой важной проблеме, как запрещение атомного оружия и организация международного контроля над осуществлением этого запрещения.

6. НЕПРИГОДНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ПЛАНА КОНТРОЛЯ

Сам г-н Осборн должен был признать, что этот пресловутый «международный кооператив», как и весь американский план контроля, не исключает возможности таких нарушений договора, как захват атомных предприятий, как недопущение на эти предприятия международной инспекции, как утечка атомной энергии для нелегального производства

оружия и т. д. и т. п. Это сам г-н Осборн допускает и в этом «международном кооперативе». Такие явления допускает американский представитель и при осуществлении американского плана контроля, основанного на праве собственности контрольного органа в отношении всего атомного сырья и предприятий по атомной энергии, а также смежных предприятий.

Но что же тогда получается, если при этом положении, когда будет введён здесь в действие американский контроль, который изображается как единственная панацея от всяких нарушений и злоупотреблений в области атомной энергии, эти злоупотребления всё же будут иметь место, как авторитетно утверждал в этой статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», г-н Осборн?

Тогда, говорит г-н Осборн, разводя руками, другие страны, в свою очередь, захватят предприятия, захватят ядерное горючее, находящееся на их территориях, и вновь начнётся гонка атомного вооружения. И далее г-н Осборн говорит:

«Если какой-нибудь международный орган будет владеть и управлять предприятиями, то потенциальные взрывчатые вещества попрежнему смогут оказаться в руках государств путём захвата, если положение окажется почти безнадежным».

Г-н Осборн, в противоречие со всей своей концепцией, в полное отрицание всех своих предпосылок, говорит, что нет никого из людей, — я цитирую его статью, — бывших в течение прошедших трёх лет делегатами в комиссии по атомной энергии, которые когда-либо думали, что возможно разработать план контроля, приемлемый для всего мира, такого мира, каким он является сейчас и который в то же время гарантировал бы невозможность использования атомного оружия в длительной войне.

Вот что говорит г-н Осборн, представитель Соединённых Штатов Америки, член комиссии по атомной энергии, об этом американском плане, который трещит по всем швам в его же собственных руках, когда он на минуточку перестаёт быть американским чиновником и становится американским публицистом. Тогда он сразу видит все эти теневые стороны, все эти белые нитки, которыми шит этот так называемый американский план, нитки, которые лопаются при первом прикосновении к нему здравого человеческого рассудка. Это прямо вытекает из того, что сказал г-н Осборн, человек, который является официальным адвокатом американского плана здесь, перед нами, и в организации Объединённых наций вообще.

Какие же можно сделать отсюда выводы?

Поставлена гигантская ставка на отказ каждым государством от своей государственной самостоятельности во имя, как говорят авторы этого американского плана, «высшего блага», т. е. спасения человечества от ужасов атомной войны.

Но соответствует ли этому американский план, который связан с нарушением государственного суверенитета, с изъятием атомной энергии из распоряжения отдельных государств, с закупкой научно-исследовательской работы в этом отношении и который — ни для кого не может быть в этом сомнения — застопорит всякую возможность использования атомной энергии для мирных целей.

Мы в Советском Союзе используем атомную энергию не для того, чтобы накапливать запасы атомных бомб, хотя я убеждён, что когда — если, к несчастью, это случится — они понадобятся, их будет столько, сколько необходимо. Мы используем атомную энергию по нашим хозяйственным планам, в наших экономических и хозяйственных интересах. Мы поставили атомную энергию на выполнение великих задач мирного строительства. Мы хотим поставить атомную энергию на то, чтобы взрывать горы, менять течение рек, орошать пустыни, прокладывать новые и новые линии жизни там, где редко ступала человеческая нога. Это делаем мы, хозяева своей земли, по нашему плану, и мы не обязаны ни подчиняться, ни отчитываться в этом деле ни перед какими междунароными органами.

Теперь, навязывая план так называемого международного контроля, хотя это всё поломать. И хотя поломать, не веря в то, что план, который они предлагают, может действительно быть тем спасительным средством, о котором они сейчас твердят. Если нет ни одного человека, который думает, что этот план может спасти, что контроль, который предлагает американский план, может спасти от ужасов атомной войны, как сказал Осборн, то к чему тогда этот план, то к чему же тогда эти жертвы во имя этого плана, о которых вы кричите и которых вы требуете?

Главный мотив в защиту американского плана контроля, предусматривающего передачу права собственности контрольному органу, заключается в утверждении, что контроль во всяком ином случае, при всякой иной системе контроля и инспектирования не будет эффективным.

В заявлении пяти держав указывается, что производство ядерного горючего столь сложно, что инспекция не может предотвратить утайки и что — я цитирую этот доклад — «...невозможно проверить действительное количество атомных материалов внутри урановых котлов или реакторов по сравнению с количествами, указанными в записях».

Представители пяти держав, критикуя предложения СССР, предусматривающие периодическую инспекцию заводов, производящих атомную энергию и т. д., заявляют, что одна только система инспекции была бы недостаточной и что поэтому необходимо передать всё атомное сырьё и атомные заводы в собственность международного контрольного органа.

Но цитированное выше, нечаянное, может быть, признание одного из защитников американского плана доказывает, что и передача на праве собственности атомного сырья и заводов по выработке атомной энергии международному контрольному органу не даёт должной гарантии против потенциальных злоупотреблений!

В заявлении пяти держав говорится, что советские предложения «не только не могли обеспечить требующуюся безопасность, но они были настолько несовершенны, что являлись бы опасными». Представители пяти держав не удосужились, однако, разъяснить, в чём именно заключается несовершенство советских предложений. Периодический контроль? Контроль в случае возникших подозрений по решению *самого* международного контрольного органа? Это недостаточные средства? Отсутствие в этом органе права вето, которое было жупелом за последнее время у многих из защитников этого плана, утверждающих, что

СССР не желает открыть двери для инспектирования? Но Советский Союз понимает инспектирование не так, как некоторые, которые хотя сесть за стол и положить ноги на стол. Такой метод обращения мы отрицаем.

Нужно прямо сказать, что все эти рассуждения об опасности советского плана, основанные на сложности контроля и очень большой простоте контрольных мер, предлагаемых советской стороной, являются совершенно беспочвенными.

Я хочу опять сослаться на того же г-на Честера Барнарда, который утверждает, что «контроль над атомной бомбой не может быть таким трудным, как над другими видами вооружения». Я хочу подчеркнуть, что больше и больше становится сторонников *этого* взгляда, утверждающих, что проблема атомного контроля намного проще, например, контроля над химическими веществами. Но ведь имеется же конвенция о запрещении пользования отравляющими газами без того, чтобы эти предприятия, вырабатывающие отравляющие газы, были переданы на праве собственности в полное владение и распоряжение какого-либо так называемого международного контрольного органа? Почему же это нельзя сделать в отношении атомной энергии — контролировать без передачи в собственность международного контрольного органа, когда контроль над атомной энергией *проще*, говорят атомные специалисты, чем контроль над химическим производством?

Но нетрудно и не специалисту понять справедливость этого утверждения, поскольку источников атомного сырья немного, — значит, легче контролировать, поскольку количество сырья, которое нужно для создания атомных бомб, громадно, — следовательно, утайка будет затруднена, потому что утаить многие и многие сотни тонн сырья гораздо труднее, чем утаить какие-нибудь килограммы этого сырья, тем более, что, как один американский журналист правильно заметил, бомбу нельзя же изготовить где-либо на задворках, бомбу надо готовить на огромных и сложных заводах.

Всё это, вместе взятое, доказывает, что контроль за недопущением производства атомной энергии в военных целях гораздо легче и реальнее, эффективнее и возможнее, чем контроль над каким-либо другим видом оружия.

Мнение Барнарда мне кажется поэтому правильным.

Критика американского плана, который стараются нам навязать его авторы, однако, сказанным не исчерпывается. Опять-таки упомяну Барнарда, который признаёт, что американский план предполагал, что Соединённые Штаты Америки смогут отказаться от обладания атомной бомбой при определённых условиях — лишь после рассмотрения исчерпывающих и искренних гарантий о том, что все страны, в конечном счёте, откажутся от использования оружия, в основе которого лежит атомная энергия.

«Что это значит?», — спрашивает Барнард и отвечает: «Это неизбежно означало, что другие страны должны были бы постепенно и добровольно отказаться от значительных элементов суверенитета *до того, как Соединённые Штаты откажутся от атомной бомбы*». И дальше цитирую того же Барнарда: «Трудно представить себе менее благоприятные условия для успешных переговоров между гордыми и равноправными державами».

Барнард признаёт, — и это уже его личное признание, опубликованное сейчас в газете, — что в 1946 году ему уже было ясно, что шансы на принятие этого американского плана были очень незначительны. Почему? Он объясняет: «Потому что каждая страна, включая нашу собственную, — пишет он, — т. е. Соединённые Штаты Америки, — столкнулась бы с чрезвычайными техническими или общими трудностями в отношении отказа от значительной части своего государственного суверенитета, что потребовалось бы в связи с принятием задуманного пакта».

7. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН КОНТРОЛЯ — ОБМАН НАРОДОВ

Больше того, из доклада самой комиссии по атомной энергии, составленного гг. Ачесоном, Буш, Конан, Гровс, Макклой при участии бюро консультантов в составе Барнарда, Оппенгеймера, Томаса, Винне, под председательством Лилленталя, видно, что решение вопроса о том, когда Америка прекратит производство атомных бомб, будет сопряжено с соображениями высокой политики, как сказано в этом докладе, и должно было быть вынесено правительством Соединённых Штатов Америки «в соответствии с конституционной процедурой и в свете всех фактов международного положения». Это в высшей степени важное заявление, вскрывающее истинную подоплёку всего американского плана.

Чтобы было яснее, о чём именно идёт речь, я продолжу цитирование этого предисловия к докладу бюро (board of consultants) под председательством Лилленталя, представленного через Ачесона и других тогдашнему государственному секретарю США Бирнсу. Там говорится: «Одно из таких решений будет касаться того, в течение какого периода времени Соединённые Штаты будут продолжать производство бомб. План не требует, чтобы Соединённые Штаты прекратили такое производство после предложения плана или после вступления в действие международного органа. На какой-то стадии это необходимо, — я читаю эту записку, — но ни план, ни наша передача его не должны истолковываться как означающие, что это должно или не должно делаться в самом начале или в какое-либо определённое время».

Что же всё это значит, я спрашиваю, как не то, что авторы американского плана так называемого международного контроля во главе с Ачесоном и Лилленталем, предлагая свой план этого контроля над тем, чтобы атомная энергия не использовалась для производства атомных бомб, вовсе не предполагали, что с принятием этого плана Соединённые Штаты Америки сами должны прекратить производство атомных бомб. Это прямо сказано в этой записке. Это — первое.

Это значит, что вопрос о том, когда Соединённые Штаты Америки сочтут возможным прекратить производство атомных бомб, определяют они сами, несмотря на то, что уже вступит в действие конвенция о международном контроле, которая должна предусмотреть запрещение использования атомной энергии в военных целях. Это — второе.

Это значит, что такое решение (о прекращении производства атомных бомб) не должно иметь никакого отношения к американскому плану так называемого контроля. Это — третье.

Это значит, наконец, что, поскольку план не предусматривал прекращения производства Соединёнными Штатами атомных бомб, а предусматривал контроль лишь в стадии добытия сырья, этому так называемому контролю будут подчиняться лишь те страны, которые не овладели ещё производством атомных бомб, и он не будет касаться Соединённых Штатов Америки, которые считали, что они держат в своих руках монополию производства атомных бомб.

Таким образом, этот план так называемого международного контроля не предусматривал прекращения производства Соединёнными Штатами Америки атомных бомб, что является самым важным, представляя этот вопрос решению самих Соединённых Штатов. Этот план, таким образом, превращался в явный обман, в политическое триумфальное шествие.

Не ясно ли, что при таком положении вещей вообще не имеют никакого смысла разговоры и споры обо всех этих утайках, захватах предприятий. Это просто искусственно раздуваемые споры о различных технических трудностях в инспектировании и контроле в области борьбы с запрещением атомного оружия вообще и т. д. и т. п. Можно утверждать, что состояние науки и техники в настоящее время таково, — по крайней мере, мы это можем сказать относительно Советского Союза, — что устранить потенциальные технические трудности в деле запрещения атомного оружия и международного контроля не является непреодолимой задачей. В данном случае право собственности международного контрольного органа, как это я постарался показать выше, не способно разрешить эту задачу. Да такое решение и не вызывается никакой необходимостью.

8. СУВЕРЕНИТЕТ НАРОДОВ И МЕЧТЫ США О МИРОВОМ ГОСПОДСТВЕ

Такое требование — передать международному контрольному органу на правах собственности все мировые запасы атомной энергии и все предприятия по обработке этого атомного сырья, как и все смежные предприятия и отрасли промышленности, — такое требование может быть объяснено только одним. И, конечно, неправ был филиппинский делегат, который пытался здесь доказывать, будто бы политический подход здесь не играет никакой роли, который отрицал политическое значение той проблемы, которая перед нами сейчас стоит и значение которой только в этом политическом аспекте и заключается, ибо технически эта задача не непреодолима.

Такое требование может быть объяснено только политически, и именно тем, чтобы забрать в свои руки всю мощь этой атомной энергии и далее регулировать её использование так, как это выгодно с точки зрения интересов того так называемого международного контрольного органа, в котором большинство будет принадлежать представителям англо-американских монополий, — я бы сказал точнее, — американских монополий.

Такой план не может быть принят, во-первых, потому, что он не является планом международного контроля, — это есть план американского контроля, это есть американский свёрхтрест, который пытается

под видом международного органа и прикрываясь именем нашей организации Объединённых наций захватить в свои руки контроль над всеми мировыми запасами атомной энергии и над всеми предприятиями, обрабатывающими атомную энергию.

Заявление пяти держав пытается извратить действительное отношение Советского Союза, как я уже говорил, к вопросу о суверенитете, фальшиво утверждая, что якобы советское правительство не считает вообще возможным идти в малейшей степени на международное сотрудничество, если затрагивается государственный суверенитет. Это явная выдумка.

Советский Союз не раз указывал, что совершенно естественна необходимость в известных случаях ограничить в какой-то мере или в какой-то части государственный суверенитет на началах взаимности в интересах международного сотрудничества.

Весь вопрос заключается вовсе не в отрицании того естественного и общепризнанного факта, что всякое соглашение требует взаимных ограничений соглашающихся сторон и что в международных соглашениях соблюдение этого принципа также является неизбежным. Дело идёт о степени, об объёме такого рода ограничений государственного суверенитета, самое ограничение которого возможно лишь со стороны суверенных и равноправных сторон — государств. Об этом-то, однако, и умалчивают защитники американского плана.

После всего того, что было сказано об этом американском плане, должно быть ясно, что дело идёт не об отказе от какой-то части суверенитета, как утверждают представители пяти держав, а о ликвидации государственного суверенитета всех других государств в полном объёме. Основные устои американского плана — право собственности международного органа на атомное сырьё и атомные предприятия, а также на смежные отрасли промышленности и народное хозяйство вообще; право этого органа вмешиваться в конкретные экономические и финансовые планы любой страны; передача в распоряжение этого органа руководства управлением и направлением всей научно-исследовательской работы в области атомной энергии, неограниченная инспекция со всякими аэрофотосъёмками, содержание собственной стражи на территории суверенных государств; определение квот в выработке атомной энергии и т. д. и т. п. — всё это достаточно говорит о том, как сильны аппетиты американских монополистов, добывающихся под прикрытием организации Объединённых наций и всяких «международных органов» фактического господства над всеми не только мировыми запасами атомной энергии, но и экономикой и хозяйственным развитием любой страны.

В этом корень вещей. В этом и основное препятствие к соглашению на основе этого американского плана так называемого международного контроля.

Неприемлемость такого плана поэтому должна быть очевидна. Он неприемлем с точки зрения интересов развития национальной экономики, так как регулирование этого дела целиком отдаётся в руки так называемого международного контрольного органа и целиком изымается из рук самого государства, которое только и компетентно в деле развития своей страны.

Неизмеримо значение великих научных открытий, связанных с расщеплением атомного ядра, получением и использованием атомной энергии в целях поднятия благосостояния жизненного уровня народов мира, а также для развития культуры и науки на благо всего человечества. Роль атомной энергии в деле экономического развития огромна. Одно это говорит уже само по себе о том, насколько пагубно было бы извратить это дело из рук суверенных государств, миролюбивых государств; как было бы пагубно сосредоточить это дело регулирования использования атомной энергии в мирных целях в руках какого-то международного органа, которому было бы предоставлено право так называемого «справедливого» распределения атомных энергетических ресурсов, что имеет в виду американский план.

Что касается Советского Союза, то это тем более является для него неприемлемым, что в советском народном хозяйстве энергетическим ресурсам и атомной энергии, когда она оказалась в наших руках, принадлежит исключительная роль, исключительное экономическое и культурное значение.

До последнего времени в позиции американского правительства по атомному вопросу играла весьма серьёзную роль иллюзия монополии атомной энергии, вера в своё, я бы сказал, атомное превосходство над всем миром. Отсюда, мне кажется, и то высокомерие американского правительства в обсуждении этого вопроса и в переговорах по урегулированию атомного вопроса со своими партнёрами. Теперь, кажется, должно быть особенно ясно, что для такой высокомерной позы нет никаких оснований. Но в Соединённых Штатах Америки находятся люди, которые надеются всё же сохранить хотя бы остатки своего превосходства путём гонки производства атомного оружия, рассчитывая уже на количество атомных бомб, в надежде на то, что Советский Союз не сможет не только перегнать, но и догнать Соединённые Штаты Америки на этом поприще. Но и на этот раз не исключён просчёт, какой уже был допущен в отношении изготовления в Советском Союзе первой атомной бомбы. В этом направлении и идёт, как известно, практическая работа в Соединённых Штатах Америки, о чём свидетельствует и позорная дискуссия, происходившая не так давно между руководителями американского военно-морского флота, с одной стороны, и руководителями военно-воздушных вооружённых сил Соединённых Штатов Америки — с другой, когда и наиболее ответственные представители вооружённых сил Соединённых Штатов Америки неделями спорили о том, какие лучше найти средства и как лучше их применить, чтобы побольше миллионов людей истребить и уничтожить, чтобы разрушить побольше городов и целых государств.

В такой атмосфере о каком запрещении атомной бомбы может быть речь в тех кругах США, которые регулируют внутреннюю жизнь этой страны!

Под прикрытием разработки всяких планов контроля над атомной энергией и всяких консультаций по этому вопросу представители пяти держав под руководством Соединённых Штатов Америки в действительности стараются использовать каждый день для увеличения запасов своего атомного оружия, думая обеспечить себе количественные преимущества в отношении атомного оружия.

В связи с этим припоминается остроумное замечание одного из американских журналистов, который сказал, что «только дурак может думать, что ответом на создание русскими бомбы будет удвоение выпуска наших собственных атомных бомб. Угрожать,—сказал он,—застрелить человека дважды, когда он может застрелить нас,—это глупая арифметика». И это правильно. Преимущество количественное в данном деле — это сомнительное преимущество.

9. СССР ТРЕБУЕТ ЗАПРЕТИТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ, УСТАНОВИТЬ СТРОГИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Советское правительство настойчиво добивается действительных и исчерпывающих мероприятий по запрещению атомного оружия и установлению, как сказал Генералиссимус Сталин, строгого международного контроля над недопустимостью использования атомной энергии в военных целях. Естественно, что первым и самым важным шагом в этом направлении должно быть запрещение атомного оружия, запрещение всех других основных видов вооружения, направленного на массовое уничтожение людей. Никакие планы контроля с их пресловутыми мероприятиями по передаче контрольному органу права собственности или предоставления ему права владения, или предоставления ему права распределения,— как хотите скажите,— не могут, не в состоянии решить эту проблему.

Что касается установления квот, о которых тоже мечтают авторы американского плана, то нужно иметь в виду, что до запрещения атомного оружия установление квот в области атомного производства вообще лишено всякого смысла, так как квотирование не затрагивает вопроса об использовании атомной энергии в военных целях. Нужно поэтому отвергнуть все попытки вопросом об установлении квот подменить основной вопрос о запрещении атомного оружия.

Предложения Советского Союза от 11 июня 1947 года исходят из необходимости немедленного и безусловного запрещения атомного оружия. Запрещение атомного оружия является неотъемлемой частью программы мира, которую проводит и защищает Советский Союз, которую правительство СССР защищало и защищает независимо от того, на чьей стороне преимущество в реальном соотношении сил, владеет или не владеет Советский Союз секретом атомного оружия и самим атомным оружием.

Исходя из своей принципиальной позиции защиты мира, укрепления безопасности народов, из признания несовместимости использования атомного оружия с участием в организации Объединённых наций, из признания того, что использование атомного оружия противоречит чести и совести народов, советское правительство последовательно в течение ряда лет настаивало и настаивает на запрещении атомного оружия, призывало и призывает к немедленному исключению этого оружия агрессии и варварства из национального вооружения.

Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения этого оружия. Советское прави-

тельство стоит на своей старой позиции и в отношении контроля над атомным оружием, считая, что такой контроль будет необходим для того, чтобы проверить исполнение решения о запрещении производства атомного оружия.

Исходя из этой своей принципиальной позиции, советское правительство внесло ещё два года тому назад предложения о заключении конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении строгого международного контроля.

Эти предложения встретили сопротивление со стороны большинства этого комитета. Но это не остановит нас, людей Советского Союза, в нашей дальнейшей и непримиримой борьбе за эти предложения, которые действительно несут спасение человечеству от угрозы новой, страшной, бесчеловечной атомной войны.

«Известия» № 271 (10111)
от 17 ноября 1949 г.

ОБ ОСУЖДЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВОЙ ВОЙНЫ И О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА ПЯТИ ДЕРЖАВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ЗАСЕДАНИИ ПЕРВОГО (ПОЛИТИЧЕСКОГО) КОМИТЕТА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(14 ноября)

23 сентября, по поручению советского правительства, делегация Советского Союза представила Генеральной ассамблее проект постановления об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира.

Эти предложения в кратких словах сводятся к тому, чтобы:

1. Осудить подготовку новой войны, ведущуюся в ряде стран и, в особенности, в США и Великобритании.

2. Признать противоречащим совести и чести народов и несовместимым с принадлежностью к организации Объединённых наций использование атомного оружия и других средств массового уничтожения людей и считать недопустимым дальнейшие оттяжки в принятии организацией Объединённых наций практических мер по безусловному запрещению атомного оружия и по установлению соответствующего строгого международного контроля.

3. Выразить пожелание, чтобы пять держав — США, Великобритания, Китай, Франция и СССР — объединили свои усилия в целях предотвращения угрозы новой войны и заключили между собой Пакт по укреплению мира.

1. СССР ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ЗАЩИЩАЕТ ДЕЛО МИРА

Эти предложения являются естественным следствием той внешней политики, которую неуклонно осуществляет советское правительство с самого возникновения Советского государства, первым актом которого явился исторический декрет в ноябре 1917 года о справедливом, демократическом мире. Они являются выражением той принципиальной линии, которую ведёт Советский Союз в течение 32 лет, с самого начала своего существования, которую он последовательно защищал и защищает и в организации Объединённых наций.

Следует напомнить, что на 1-й сессии Генеральной ассамблеи (1946 год) советское правительство предложило провести всеобщее сокращение вооружений и вооружённых сил.

Это предложение послужило основой исторического решения Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. Советское правительство выразило тем самым твёрдую волю к всеобщему миру и готовность к мирному соревнованию в социально-экономических делах государственных и общественных систем.

На 2-й сессии Генеральной ассамблеи (1947 год) советское правительство взяло на себя благородную инициативу в осуждении пропаганды новой войны в любой форме, а на 3-й сессии в Париже, в 1948 году, советское правительство в дальнейших попытках послужить делу укрепления мира и международного сотрудничества предложило пяти главным державам сократить на одну треть свои вооружения и вооружённые силы и запретить атомное оружие, учредив для наблюдения и контроля за проведением в жизнь указанных выше мероприятий международный контрольный орган в рамках Совета безопасности.

Эта резолюция, однако, была отклонена большинством Генеральной ассамблеи, послушно следовавшим за США и Англией, выступавшими против миролюбивых предложений Советского Союза.

Следует отметить, что такая же судьба постигла и внесённый представителем СССР аналогичный проект резолюции в Совет безопасности. Англо-американское большинство в организации Объединённых наций настойчиво и систематически отклоняло до сих пор все предложения, направленные против подготовки новой войны и на укрепление мира!

Нынешние предложения Советского Союза являются продолжением неизменно проводимой СССР принципиальной линии — линии борьбы за мир и сотрудничество между народами, против угрозы новой войны, подготовляемой кучкой авантюристов, претендентов на мировое господство. Советский Союз, внося свои предложения в целях устранения угрозы новой войны и укрепления мира, вновь поднимает свой голос в защиту миролюбивых народов, против готовящейся агрессивными блоками государств во главе с США и Великобританией новой человеческой бойни.

Кто, спрашивается, может возражать против предложений Советского Союза — против предложения осудить подготовку новой войны, против предложения запретить, наконец, атомное оружие и установить строгий международный контроль, против предложения заключить между пятью державами Пакт по укреплению мира?

Никто, кроме врагов мира и международного сотрудничества, кроме тех, кто в подготовке новой войны и в новой войне видит источник обогащения, кто в войне видит средство к утверждению мирового господства и порабощению других государств и народов!

2. ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ ПЫТАЮТСЯ СОРВАТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Не может быть сомнения, что против таких предложений могут возражать лишь закоренелые противники мира, представители реакционных кругов, сделавшие войну и подготовку к войне своей профессией, выдающие в войне источник наживы для капиталистических кланов и монополий. В этом открыто признался один из представителей реакционных кругов в США, профессор Гарвардского университета Сэмнер Слайтер, не постеснявшийся заявить на съезде представителей торговли, финансов и промышленности, что «холодная война» с Советским Союзом является «хорошей вещью».

«Она повышает спрос на товары, помогает удерживать высокий уровень занятости, ускоряет технологический прогресс и тем самым помогает стране поднять её уровень жизни».

Профессор Слайтер заявил далее: «При отсутствии холодной войны требования на товары со стороны правительства были бы на много миллиардов долларов меньше, чем они являются теперь, и расходы как промышленности, так и правительства на технологические исследования были бы на сотни миллионов меньше, чем они являются теперь. Итак, мы можем благодарить русских за то, что они помогают капитализму в США работать лучше, чем когда-либо ещё».

Не стоило бы останавливаться на этом циничном заявлении оголтелого мракобеса из Гарвардского университета, если бы оно не разоблачало подлинные мотивы подрывной работы поджигателей войны.

Такие факты, к сожалению, не единичны. Военный психоз всё ещё даёт себя знать в США и в некоторых других странах, подогреваемый провокационной работой реакционных кругов этих стран. И, действительно, из этого лагеря уже слышатся шипенье и злобная критика по адресу миролюбивых предложений Советского Союза. Разве мы уже не были свидетелями на этой сессии объединённого клеветнического наступления антисоветских сил, вроде гоминдановской делегации, делегации клики Тито и др., во главе с делегациями США и Великобритании, выступавших здесь с инсинуациями и злобными вымыслами по адресу СССР? Можно не сомневаться, что из этого лагеря будут и дальше выступать против предложений Советского Союза, придумывая всякие отговорки и внося всякие проекты, чтобы провалить эти предложения, разоблачающие тёмные планы поджигателей новой войны. Сигнал к тому, чтобы атаковать предложения Советского Союза, был дан уже в самом начале этой сессии лидерами англо-американского блока.

Такой именно смысл имело выступление г-на Бевина на Генеральной ассамблее 26 сентября, когда он с первых же слов обрушился на Советский Союз и на советские предложения от 23 сентября. Оставаясь

верным себе, г-н Бевин сделал попытку изобразить эти предложения, как и всю внешнюю политику Советского Союза, как «серьёзный удар» по надеждам на установление сотрудничества в организации Объединённых наций.

Г-н Бевин позволил себе так грубо извратить внешнюю политику СССР несмотря на то, что, как это доказано всей внешней политикой Советского Союза и многочисленными документами, а также неоднократными выступлениями советских делегаций на сессиях ООН, начиная с первой же сессии в 1946 году, СССР неизменно стремился и стремится усилить влияние и роль организации Объединённых наций как серьёзного инструмента мира, добиваясь неуклонного соблюдения её устава в интересах честного и последовательного международного сотрудничества.

Свою речь на пленуме Генеральной ассамблеи 26 сентября г-н Бевин посвятил нападкам на внешнюю политику Советского Союза, стараясь оправдать такие реакционные, враждебные делу мира мероприятия, как Северо-атлантический пакт, Брюссельский пакт, раскол Германии, гонку вооружений, подготовку новой войны, пытаясь свалить вину за всё это на Советский Союз и на его внешнюю политику. Специально остановившись в этом своём выступлении на германском вопросе, хотя это и не имеет отношения к Генеральной ассамблее, г-н Бевин, извращая факты, сделал попытку возложить на СССР ответственность за создание, как он выразился, кризиса в Берлине.

Он хотел тем самым набросить тень на предложение советского правительства об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира. Но если уж говорить о берлинском «кризисе», то кому не известно, что это целиком дело рук правительства США и Великобритании. Это они вызвали так называемый берлинский кризис, надеясь прикрыть таким образом свою раскольническую политику в отношении Германии. Это они пытались вызвать новые осложнения в этом вопросе, искусственно вызвав железнодорожную забастовку, чтобы путём полицейских провокаций натравить немецких рабочих на советскую администрацию в Берлине. Это они помешали урегулированию берлинского вопроса в Париже, сорвав соглашение, предварительное достигнутое между представителями шести так называемых нейтральных держав и представителем Советского Союза. Нарушители Ялтинского и Потсдамского соглашений, увеличавшие теперь свой отказ от выполнения взятых на себя международных обязательств по указанным соглашениям созданием сепаратного марионеточного западногерманского так называемого правительства в Бонне, пускаются на грубую ложь и клевету, утверждая, как это позволил себе г-н Бевин 26 сентября, что советское правительство было скорее готово на риск войны, чем отказаться от своей цели держать Берлин под своим контролем.

Все эти вымыслы понадобились г-ну Бевину для того, чтобы заранее отравить политическую атмосферу и отвлечь общественное внимание в сторону от предложений Советского Союза, чтобы подорвать доверие к предложениям в пользу укрепления мира и международного сотрудничества, к чему направлены стремления советского правительства.

Ряд последовавших затем выступлений представителей англо-американского блока показал, что сигнал Бевина принят. Канадский, например, представитель, вместо того, чтобы трезво оценить значение для укрепления мира советских предложений, занялся клеветническими измышлениями в отношении СССР по поводу якобы какого-то «нового империализма послевоенного периода», занялся нелепой болтовнёй о «режимах», якобы навязанных Советским Союзом своим соседям.

Канадский делегат, конечно, знал, что во всём, что он говорил по поводу Советского Союза и стран народной демократии, нет ни слова правды. Но что ему правда!

Важно замутить воду, важно хотя бы клеветническими вымыслами попытаться отвлечь внимание от предложений СССР, наносящих действительное ощутительный удар по планам поджигателей войны! То, что сказал канадский делегат по существу советских предложений, доказывает, что существом-то дела он интересуется меньше всего! Поэтому он думал отделаться от советских предложений тем, что объявил эти предложения простой пропагандой! Это старо и совсем не убедительно. Советские предложения — не пропаганда, ибо фактом является бешеная гонка вооружений в США, Англии и в странах их союзников; фактом является раздувание военных бюджетов, ещё сильнее подрывающее благосостояние населения, ещё более тяжёлым бременем ложащееся на его плечи. Не пропаганда, а факт — непрерывающаяся в США и Англии подготовка новой войны, выражающаяся в создании многочисленных американских военных, военно-морских и военно-воздушных баз, организации военных блоков, преследующих агрессивные цели в отношении миролюбивых государств.

Не пропаганда, а факт происходившая здесь, в США, на наших глазах постыдная дискуссия между представителями военно-воздушных сил США, с одной стороны, и военно-морских сил США, с другой, — невиданная в истории даже самых реакционных агрессивных государств, дискуссия о том, как лучше напасть на миролюбивые страны, каковы наилучшие способы уничтожения миллионов людей, разрушения мирных городов и целых государств!

Разоблачение этой варварской, позорной «работы» кучки империалистов, готовящихся совершить новое величайшее преступление против человечества, канадскому министру иностранных дел г-ну Пирсону и иже с ним угодно называть «пропагандой». Но дело идёт не о пропаганде, а о том, чтобы объединить усилия всех честных людей, предупредить новые преступления претендентов на мировое господство, чтобы остановить занесённую над миролюбивыми странами преступную руку поджигателей войны!

Если уж говорить о пропаганде, то надлежало бы обратить внимание на такие заявления, как заявление министра обороны США Джонсона, сказавшего в августе 1949 года в комиссии американского сената, обсуждавшей программу военной помощи, что в Западной Европе образовался военный вакуум, представляющий большой соблазн для международного коммунизма. Что это, как не пропаганда войны против Советского Союза, как не прямое подстрекательство к такой войне!

Канадскому делегату особенно не по нутру, оказывается, упоминание в третьем советском предложении о могучем народном движении во всех странах за мир и против поджигателей войны. Это, говорил Пирсон, имеет «специфическое значение в коммунистическом лексиконе». Но Пирсон и его единомышленники должны знать, что слово «мир» означает во всех лексиконах *мир*, и это слово, ставшее знаменем миллионных масс во всех концах света, служит путеводной звездой для тех, кто полон решимости не допустить новой кровавой бойни, нового безумного пожара войны, угрожающего превратиться в пепел и прах тысячи городов и миллионы и миллионы людей!

Народы всего мира не хотят войны, они требуют мира! И это всё ширящееся и растущее требование мира несётся из всех стран великим благовестом спасения и счастья человечества!

Это восходит солнце, от ослепительных и благодетельных лучей которого бегут прочь все силы реакции и мракобесия! Вот это-то движение народов за мир и раздражает Пирсона и его кампанию, видящих в мирных стремлениях народов крушение своих агрессивных планов.

Канадскому делегату сочувственно здесь вторил представитель титовской клики, тоже пытавшийся изобразить предложения СССР как пропаганду и использовать обсуждение этих предложений как повод для новых клеветнических выпадов против СССР.

Достаточно этих примеров, чтобы было ясно, что благородные предложения советского правительства посеяли замешательство в лагере, где вынашиваются планы новой войны, что этот лагерь примет меры, чтобы сорвать предложения советского правительства, внесённые 23 сентября на эту сессию. Эти предложения — программа мира, отвечающая интересам советского народа, Советского государства, которому чужды стремления к экспансии и к колониальным захватам. Это программа мира, отвечающая интересам всех миролюбивых народов, всего прогрессивного человечества. Поэтому-то поджигатели новой войны идут походом против этой программы, осуществление которой означает крах политики военных авантюр, вскруживших голову правящим кругам некоторых стран и раньше всего Соединённых Штатов Америки и Великобритании.

3. ОСУДИТЬ ПОДГОТОВКУ НОВОЙ ВОЙНЫ

Делегация СССР предлагает осудить ведущуюся в ряде стран, в особенности в Соединённых Штатах Америки и Великобритании, подготовку новой войны.

На 2-й сессии Генеральной ассамблеи в Нью-Йорке была единодушно принята резолюция, осуждающая пропаганду новой войны в любой форме. Мы помним, как представитель США Остин публично тогда заявил, что советский проект с осуждением пропаганды войны должен быть убит в самом зародыше. Американской делегации это не удалось сделать, не удалось помешать принятию резолюции, осуждающей пропаганду войны. Надо, однако, признать, что за последовавшие затем два года никто не сделал больше, чем это сделали реакционные круги в Соединённых Штатах, для того, чтобы на деле действительно

убить эту резолюцию, чтобы лишить её всякого реального значения. Больше того. За эти годы в ряде стран и особенно в США и Великобритании не только не прекратилась пропаганда войны, но ещё более усилилась, приняв ещё более дикие, истерические формы. Усиливается вместе с тем гонка вооружений, ещё сильнее раздуваются военные бюджеты, что ложится тяжёлым бременем на население, ещё более настойчиво проводятся другие мероприятия, преследующие агрессивные цели.

Правда, одновременно продолжает расти сопротивление этой пропаганде со стороны демократических сил, насчитывающих в своих рядах сотни миллионов борцов за мир, всё более и более энергично вступающих против пропаганды и подготовки новой войны. В апреле 1949 года на состоявшемся в Париже и Праге Всемирном конгрессе сторонников мира приняли участие 561 национальная организация борьбы за мир, 12 международных объединений — участников движения за мир, представлявших 600 миллионов организованных борцов за мир. И это несмотря на все препятствия, на которые наталкивались организаторы этого конгресса, работа которого в Париже встретила, как известно, противодействие со стороны французских властей. Не только в национальном, но и в международном масштабе объединяются сотни миллионов людей, поставивших своей целью не допустить новой кровавой человеческой бойни, помешать агрессорам осуществить свой преступный заговор против мира и мирного сотрудничества народов. В этом могучем движении народов за мир — верный залог поражения войны, победы мира! «Мощное движение сторонников мира свидетельствует, что народы представляют собой силу, способную обуздать агрессоров», — говорил Г. М. Маленков в своём докладе по поводу 32-й годовщины Великого Октября. Но именно успехи народного движения за мир приводят в ещё большее бешенство неунымающихся врагов мира, поджигателей новой войны!

Но факт остаётся фактом: пропаганда новой войны не прекращается и попрежнему находит поддержку и поощрение со стороны некоторых правительств, особенно со стороны США и Великобритании, которые, однако, не перестают прикрываться громкими фразами о мире и сотрудничестве народов.

Но дело теперь идёт уже не только о пропаганде. Дело идёт о практических мерах по подготовке к войне, о разработке военно-стратегических планов, о таких мероприятиях, которые говорят о том, что угроза войны перешла из области общих фраз и предположений в область практического дела и материально организационных мероприятий. В этом отношении важная роль возлагается на такие мероприятия, как Северо-атлантический союз, агрессивный характер которого его организаторы пытаются прикрыть фальшивыми фразами об обороне, о мире и безопасности. Фальшь таких фраз разоблачается уже тем фактом, что этот союз противостоит ряду миролюбивых государств, с одной стороны, и включает в свой состав такие государства, которые не входят в так называемый Северо-атлантический район. Это с головой выдаёт агрессивные планы Северо-атлантического союза. Фальшь заявлений, что Северо-атлантический союз служит якобы делу мира, разоблачается и тем фактом, что этот союз представляет собой замкнутую группировку

государств и, что особенно важно, совершенно игнорирует возможность повторения германской агрессии, против которой направлены действительно оборонительные договоры Советского Союза со странами народной демократии. Разве не заслуживает внимания и то обстоятельство, что в этом договоре не участвует лишь одна из великих держав — участница антигитлеровской коалиции, Советский Союз. Одно это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что Северо-атлантический договор направлен против СССР, что Северо-атлантический договор есть агрессивный договор, какими бы фальшивыми фразами об обороне ни прикрывались его организаторы и участники!

Гг. Ачесон и Бевин пытались в своих выступлениях на Генеральной ассамблее доказывать, что Атлантический пакт или Брюссельский пакт служат миру и сотрудничеству народов и не преследуют якобы никаких агрессивных целей. Но даже такая газета, как «Уолл-стрит джорнэл», не могла не вскрыть подлинного, агрессивного смысла Северо-атлантического пакта, заявив: «Атлантический пакт рекламируется как средство сохранения мира. Странным будет мир, установленный путём превращения западного мира в вооружённый лагерь...» (Редакционная статья от 17 мая 1949 года).

Агрессивный характер Северо-атлантического пакта, являющегося орудием прямой, непосредственной подготовки империалистической войны, не требует в настоящее время особых доказательств. Не случайно ведь один из членов английского парламента, усердно расхваливавший Северо-атлантический пакт как шаг вперёд по пути укрепления мира, не удержался, чтобы не воскликнуть: «Но я хочу задать сегодня вопрос: когда мы собираемся перейти от обороны к наступлению?» (Парламентские дебаты, том 463, стр. 460—461). Этот член парламента нечаянно сказал правду об агрессивных целях Северо-атлантического пакта.

Никакими ухищрениями не удастся скрыть от народов правду о том, что собой представляют военные союзы, организуемые под руководством США и Великобритании, как и то, что всё более и более увеличивающиеся кольца авиационных и военно-морских баз предназначены не для мифической обороны от несуществующей угрозы нападения со стороны Советского Союза, что хорошо известно подготавливателям новой войны, а для нападения. Не для обороны, а для подготовки нападения предназначаются десятки миллиардов долларов, ассигнуемых на подготовку новой войны, ложащиеся новым бременем на плечи народов, влчашщих жизнь в нищете и бедствиях.

В своём послании конгрессу по вопросу о бюджете г-н Трумэн хвалился, что «вооружённые силы, рекомендуемые в бюджете на 1950 год, являются самыми мощными, которые когда-либо содержала наша страна в мирное время», и что «только расходы на развитие естественных ресурсов, включая атомную энергию, выражаются почти в 2 миллиарда долларов». Но президент США признал, что расходы бюджетного 1950—1951 года, вероятно, будут больше, чем в 1950 году, и что можно ожидать, что расходы на вооружённые силы будут значительно выше уровня, установленного в 1950 году. Не случайно помимо расходов, предусмотренных в бюджете США на 1950 год на военные мероприятия, президент США предложил включить ещё не установленную сумму для поставки военных материалов участникам Северо-атлантического пакта.

Эта сумма, по сообщениям печати, будет составлять ещё от 2 до 3 миллиардов долларов.

Нельзя сказать, что такие заявления могут принести утешение американскому народу!

Министр обороны Джонсон совсем недавно выступил с речью на собрании американской «Артиллерийской ассоциации» в Нью-Йорке, заявив, что цель политики Соединённых Штатов — это «мир посредством силы». Он хвалился тем, в какой степени национальное военное ведомство уже провело промышленную мобилизацию на случай войны. По словам Джонсона, из 1 595 заводов, построенных в США во время войны, 60 процентов уже предназначены в качестве резервных заводов для использования на случай чрезвычайных обстоятельств.

С таким же несусветным хвастовством выступил недавно в своей книге «Мировая миссия» бывший командующий военно-воздушными силами американской армии генерал Арнольд, наивно утверждающий в этой книге, что при помощи монополии на атомную бомбу США поддерживают «равновесие сил в мире».

Известно, что несколько месяцев тому назад генерал Брэдли заявил: «Мы являемся единственной из 12 стран, которая имеет атомную бомбу. Мы являемся единственной страной, которая способна производить стратегические бомбардировки». Это заявление комментировалось впоследствии как решимость США в будущих военных действиях Северо-атлантического союза использовать атомные бомбы против «любого» агрессора!

Насколько военная истерия охватила в США известные круги, можно судить по таким фактам, как организация в США лекций по вопросу о специальной стратегии войны против Советского Союза. В качестве примера можно было бы сослаться на такие лекции для офицерского состава колледжа воздушной войны в Максвелл Филд.

Такие «лекции» и такие литературные упражнения плодятся в США изо дня в день. Поджигатели войны действуют во-всю, стараясь опередить один другого в разжигании военного психоза и в том, чтобы влить в сознание людей как можно больше яда ненависти к другим народам, отравы идей войны.

Вновь ожил и получил распространение в реакционных кругах США, Англии и других стран из этого лагеря афоризм эпохи Римской империи: кто хочет мира — готовься к войне, афоризм, истинный смысл которого состоит в том, чтобы *подготовку* к войне прикрыть болтовнёй о мире.

Поджигатели войны торопятся, зная, что время против них, что силы мира и демократии растут быстрее, чем тёмные силы реакции и агрессии. Министр обороны США Луис Джонсон недавно в статье в сентябрьском номере «Арми информэйшн дайджест», призывая к «немедленным действиям сейчас», откровенно заявил: «Мы не можем позволить себе ждать несколько лет до полного восстановления выпуска продукции в Европе. Если мы будем ждать, мы снова подвергнемся риску, делая «слишком мало, слишком поздно».

В такой атмосфере не может быть и речи об успешной работе организации Объединённых наций. С таким положением должны покончить все, кто действительно стремится к международному сотрудничеству и

к укреплению мира. Нельзя допустить, чтобы сумасшедшие или полусумасшедшие люди играли с огнём. Нужно покончить с таким положением.

Предложение, изложенное в пункте первом проекта резолюции, внесённого советским правительством, — осудить подготовку новой войны — и направлено к этой цели. Принятие этого предложения означало бы громадный шаг вперёд в борьбе против новой войны, в борьбе за укрепление мира.

4. ЗАПРЕТИТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ. УСТАНОВИТЬ СТРОГИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Г-н Ачесон 21 сентября и г-н Бевин 26 сентября коснулись также и вопроса о запрещении атомного оружия. Теперь позиции США и Великобритании в связи с обсуждением атомного вопроса в комитете ad hoc совершенно ясны. США и Англия продолжают стоять на старых позициях, отстаивая свой американский план так называемого международного контроля, план Баруха — Ачесона — Лилиенталя. Теперь уже ясно, кто создал тупик в этом вопросе, кто заинтересован в том, чтобы не было заключено никакой конвенции о запрещении атомной бомбы и чтобы таким образом руки в этом отношении оставались свободными.

Затягивание рассмотрения вопроса о запрещении атомного оружия, безусловно, входило в план действий США.

Это ясно из заявления председателя комиссии по атомной энергии США Лилиенталя, сделанного 6 июля с. г., о том, что в 1946 году США были фактически безоружны в отношении атомного оружия. Лилиенталь недвусмысленно добавил, что «это обстоятельство привело к тому, что комиссия уделила всё своё внимание производству атомных бомб в таком количестве и такого качества, которые создали бы «предостережение» для агрессора».

Чтобы значение этого признания было совершенно ясно, надо сказать, что именно на производстве бомб, по признанию Лилиенталя, было тогда, как впрочем и сейчас, сосредоточено всё внимание комиссии. В докладе комиссии по атомной энергии США, представленном конгрессу 31 января 1949 года, отмечалось, что «деятельностью комиссии по атомной энергии, которой уделялось основное внимание, продолжало быть производство и усовершенствование атомного оружия. В этой области в 1948 году было проделано важное продвижение вперёд. Расширяется производство делящихся материалов. Успешно испытаны новые образцы оружия, и в настоящее время проводятся новые усовершенствования» («Нью-Йорк таймс», 1 февраля 1949 г.).

Таким образом, параллельно дипломатическим переговорам о запрещении атомного оружия и публичным демагогическим демонстрациям со стороны США якобы «доброй воли» в этом отношении в секретных комиссиях вырабатывались меры, которые обеспечили бы Соединённым Штатам накопление атомных бомб в максимальном количестве и в минимальные сроки!

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах, диктовавших Соединённым Штатам указанную выше линию политики в атомном вопросе — линию на накопление атомных бомб, не могло быть серьёз-

ной надежды на возможность договориться с США о запрещении атомных бомб и, следовательно, о прекращении их производства. Не этим ли следует объяснить и непримиримость в этом вопросе США и, что само собой разумеется, Англии, когда гг. Ачесон и Бевин заявили, что, пока СССР не примет американского плана, нет никакой надежды на возможность найти основу для соглашения. Это же по существу подтвердил и президент США, заявивший, что американский план — самый лучший план. Таким образом, правительство США с первых же шагов на этой Ассамблее захлопнуло дверь в вопросе о путях к соглашению по запрещению атомного оружия и по установлению контроля за осуществлением такого запрещения.

Вслед за г-ном Ачесоном с такой же установкой, но лишь в менее дипломатической форме выступил и г-н Бевин. И здесь у г-на Бевина дело не обошлось без явной подтасовки фактов, перед чем, как известно, английские дипломаты никогда не останавливаются, особенно когда речь идёт о Советском Союзе. Мы все помним, как г-н Бевин расхваливал американский план контроля над атомной энергией, утверждая, что он обеспечивает эффективное запрещение атомного оружия. Его, разумеется, вовсе не беспокоит то обстоятельство, что этот план построен на ликвидации государственного суверенитета, от которого этот план не оставляет камня на камне, что этот план означает полное подчинение так называемому международному контрольному органу национальной экономики и всего экономического и культурно-хозяйственного развития страны.

Поскольку атомному вопросу мы уделили достаточное внимание в комитете ad hoc, я ограничусь сказанным. Скажу лишь несколько слов по поводу выступления г-на Пирсона о государственном суверенитете.

Г-н Пирсон в комитете ad hoc тоже говорил, что он считает абсурдом утверждение СССР, что американский план ликвидирует государственный суверенитет. По Пирсону, это, наоборот, шаг вперёд. «Это, — заявил он, — не потеря суверенитета, а пользование суверенитетом».

Но как бы этот американский план ни оценивать с точки зрения суверенитета, несомненно одно, — именно то, что американский план, безусловно, означает отказ от суверенитета. Г-на Пирсона, однако, это нисколько не тревожит, потому что государственный суверенитет, по его словам, — это вредная «реакционная концепция», которую нужно поскорее сдать в архив древностей.

Что и говорить, любезные речи для сердца американских монополистов льются из уст господ пирсонов, легко разделяющихся с государственной независимостью и суверенностью других стран, мешающими американским империалистам осуществить своё господство над другими нациями и над всем миром. Дружное наступление англо-американского лагеря на государственный суверенитет вызвано отнюдь не высокими «гуманными» мотивами любви к миру и человечеству. Подлинные мотивы такого наступления заключаются в стремлении расчистить путь американскому империализму и снять с его пути последние преграды и препятствия к осуществлению мирового господства. Поход англо-американского блока против государственного суверенитета других стран находится в прямой связи с такими мероприятиями, как Северо-атлантический пакт или «план Маршалла», направленными на

обеспечение безоговорочного подчинения этих стран влиянию США, провозгласивших, что отныне они берут на себя всю ответственность за судьбы мира. При таких аппетитах какая речь может быть об уважении к какому-то государственному суверенитету! В таких условиях говорить о государственном суверенитете, как заметил один учёный, всё равно, что пытаться приспособить четырёхугольный гвоздь к круглой дыре! «План Маршалла» несовместим с государственным суверенитетом. Не случайно даже некоторые английские консерваторы вынуждены признать, что успешное осуществление «плана Маршалла» означало бы превращение Великобритании в такую часть европейской федерации, какой является сейчас Виргиния по отношению к Соединённым Штатам Америки и какой, как можно судить по многим признакам, собирается в недалёком будущем стать Канада, от суверенитета которой г-н Пирсон на днях громко и ясно уже отказался...

Так обстоит дело с вопросом о суверенитете.

Американский план так называемого международного контроля его защитники пытаются изобразить как доказательство готовности правительства США поступиться какими-то своими преимуществами в области атомной энергии, как какую-то жертву со стороны США. Такие речи особенно беспочвенны в настоящих условиях, не позволяющих уже говорить о каких-то преимуществах США в области атомной энергии.

Перед организацией Объединённых наций, таким образом, всё ещё стоит задача найти путь практического решения вопроса о запрещении атомного оружия и об учреждении подлинного международного контроля. Генеральная ассамблея должна выполнить свой долг и признать недопустимыми дальнейшие оттяжки в принятии практических мероприятий для решения указанной задачи.

Предложения Франции и Канады, рассматриваемые сейчас в комитете ad hoc, не обеспечивают решение этого вопроса. Нужны не пожелания, не декларации, а практические, деловые мероприятия.

Второй пункт предложений Советского Союза обращает внимание именно на эту сторону дела.

В своих предложениях советское правительство напоминает о том, что цивилизованные нации уже давно осудили, как тяжчайшее преступление против человечества, использование ядовитых газов и бактериологических средств в военных целях.

Советское правительство предлагает Генеральной ассамблее поступить в отношении атомного оружия подобно тому, как цивилизованные нации поступили в отношении использования ядовитых газов и бактериологических средств в военных целях. Однако самая ссылка на запрещение использования бактериологических средств и ядовитых газов, как это ни удивительно, вызвала возражения уже в начале этой сессии со стороны, раньше всего, английского министра иностранных дел Бевина. Бевин указывал, что отказ от использования ядовитых газов во второй мировой войне объясняется вовсе не наличием соответствующей конвенции, а лишь страхом агрессора перед возможными ответными мероприятиями со стороны англо-советско-американской коалиции. Но опасение ответных мероприятий во время войны всегда может иметь место. Но должно быть ясно, что такое соображение никак

не может служить аргументом против предложения о запрещении атомного оружия, если действительно желать заключения такой конвенции. Наоборот, не желающие заключать такую конвенцию могут придумать ещё целый ряд всякого рода возражений, лишь бы как-нибудь уклониться от неудобного для них предложения. Мы не должны считаться с такими соображениями.

Запрещение атомного оружия, являющегося оружием агрессии, употребление которого противоречит чести и совести народов, является необходимым, так как такое мероприятие служит делу мира и безопасности народов.

В пункте 2 советских предложений по этому вопросу подчёркивается несовместимость с принадлежностью к организации Объединённых наций использования атомного оружия и других средств массового уничтожения людей. Недопустимы и несовместимы с достоинством организации Объединённых наций те хронические затяжки, какие имеют место в этом вопросе. Почти четыре года прошло с тех пор, как вопрос о запрещении атомного оружия встал перед организацией Объединённых наций.

Больше трёх лет прошло с тех пор, как организация Объединённых наций единодушно в принципе высказалась за недопустимость использования атомной энергии в военных целях и за создание международного контроля для наблюдения за использованием атомной энергии лишь в мирных целях. Но «воз и ныне там».

Советское правительство призывает Ассамблею признать недопустимыми дальнейшие оттяжки в принятии Объединёнными нациями практических мер по безусловному запрещению атомного оружия и по установлению соответствующего строгого международного контроля.

5. ЗА ПАКТ ПЯТИ ДЕРЖАВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

В предложениях, представленных советской делегацией Генеральной ассамблее 23 сентября с. г., содержится призыв к Генеральной ассамблее выразить пожелание, чтобы Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Китай, Франция и Советский Союз, несущие главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, объединили с этой целью свои усилия и заключили между собой Пакт по укреплению мира. Это предложение является естественным следствием внешней политики, которую ведёт советское правительство на протяжении всех 32 лет своего существования.

Известно, что советская политика — политика мира, что Советский Союз стоит за мир и последовательно и со всей решительностью отстаивает дело мира, ведя борьбу со всеми попытками нарушить мир и навязать народам войну.

Политика мира, ведущаяся Советским Союзом из года в год, из десятилетия в десятилетие, обусловлена всеми особенностями советского социалистического государства, советского социалистического общественного строя. Эта политика служит интересам советского народа, строителя нового социалистического общества, как и интересам всех миролюбивых народов, всего человечества.

Мирная политика Советского Союза определяет и те мероприятия, которые советское правительство проводит в международных отношениях, в интересах сотрудничества между всеми странами, желающими такого сотрудничества, в интересах укрепления мирных отношений между народами и обеспечения их безопасности.

Осуществляя свою политику мира, советское правительство выступало и выступает против организации всяких военных агрессивных группировок, военных блоков и пактов. Советская мирная политика объясняет и ту поддержку, которую Советский Союз неизменно оказывает делу укрепления организации Объединённых наций, считая, что в этом деле организации Объединённых наций не может не принадлежать, и действительно принадлежит, важная и серьёзная роль.

Известно, что Советский Союз в 1934 году вступил в Лигу наций, исходя из того, как сказал в своё время глава советского правительства И. В. Сталин, что, «несмотря на её слабость, она всё же может пригодиться, как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны».

Мы отчётливо представляем себе и сейчас, с какими трудностями сопряжена борьба за мир в настоящее время, особенно в обстановке различных военных комбинаций, предпринимаемых некоторыми государствами, и в первую очередь США и Великобританией, в обстановке образования и развёртывания деятельности военных блоков, вроде Северо-атлантического или так называемого Западноевропейского.

Но с трудностями в борьбе за мир Советскому Союзу уже приходилось встречаться и раньше. Вождь советского народа И. В. Сталин, говоря о международном положении в 1934 году, указывал на то, что и в тогдашних трудных международных условиях Советский Союз проводил свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Можно напомнить и о времени, непосредственно предшествовавшем второй мировой войне, когда, как указывал И. В. Сталин, война, подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. «Пацифизм и проекты разоружения, — говорил И. В. Сталин, — оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружения. Стали вооружаться все, от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства».

Советский Союз и в этих условиях продолжал неуклонно проводить политику сохранения мира, заключив ряд договоров о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров (с Францией в 1935 году; тогда же с Чехословакией; с Монгольской Народной Республикой в 1936 году; с Китайской республикой в 1937 году). Это было время, как мы все помним, когда отношения, как между капиталистическими странами, так и внутри этих стран достигли серьёзного обострения, когда разоружительные тенденции предшествующих лет сменились тенденциями вооружения и довооружения. Об этом времени вождь советского народа И. В. Сталин говорил: «Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утёс, продолжая своё дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира».

Усилия советского правительства, направленные на обеспечение мира, не остались безуспешными, так как в результате этих усилий были заключены Советским Союзом с рядом стран пакты о ненападении и о мирном урегулировании конфликтов.

Советский Союз, осуществляя свою мирную политику, опирался не только на свои внутренние силы, но также и на благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным причинам в нарушении мира. В марте 1939 года И. В. Сталин, говоря об отношениях между Советским Союзом и капиталистическими странами, вновь указывал, что «мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны».

Внешнеполитическая программа советского правительства полностью соответствует великой задаче укрепления мира и международной безопасности.

Победоносно закончив вторую мировую войну, Советский Союз подписал ряд международных соглашений, имеющих громадное историческое значение. Соглашения в Тегеране, Ялте и Потсдаме определили ряд важнейших, имеющих громадное историческое значение, мероприятий по послевоенному урегулированию.

Советский Союз точно и неуклонно выполняет принятые на себя обязательства, настанавя на выполнении своих обязательств и другими державами, подписавшими эти соглашения. В интересах мира советское правительство поставило вопрос о заключении мирного договора с Японией.

Советские предложения о всеобщем урегулировании и сокращении вооружений и вооружённых сил, о запрещении атомного оружия, об осуждении пропаганды войны в любой форме, предложение о сокращении пяти державами своих вооружённых сил и вооружений на одну треть — все эти предложения, сделанные Советским Союзом на протяжении 1946—1948 годов, служат одной цели: укрепить мир, обеспечить безопасность народов. Этой же цели служат внесённые на настоящей сессии Генеральной ассамблеи советской делегацией предложения об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира.

Советское правительство, учитывая, что главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несут пять держав — постоянных членов Совета безопасности, предлагает Генеральной ассамблее обратиться к этим державам с призывом объединить с этой целью свои усилия и заключить между собой Пакт по укреплению мира.

Советская делегация выражает уверенность в том, что эти предложения найдут должную поддержку со стороны других делегаций. Советская делегация уверена в том, что принятие этих предложений послужит укреплению мира, интересам которого призвана служить организация Объединённых наций.

«Известия» № 270 (10110)
от 16 ноября 1949 г.

ОБ ОСУЖДЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВОЙ ВОЙНЫ
И О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА ПЯТИ ДЕРЖАВ
ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ЗАСЕДАНИИ ПЕРВОГО (ПОЛИТИЧЕСКОГО) КОМИТЕТА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(16 ноября)

1. ПЯТЬ ДЕРЖАВ НЕСУТ ГЛАВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МИР

Я считаю необходимым обратить с самого начала внимание на ту особенность прений, имевших место за эти дни в Политическом комитете по предложениям Советского Союза, которая не может не броситься в глаза. Это крайняя тенденциозность, односторонность выступлений делегатов, возражавших против советских предложений, выступлений, в которых было столько извращений и грубых выпадов против Советского Союза и советской внешней политики.

В этих выступлениях было нагромождено столько вопросов, не имеющих никакого отношения к предложениям советского правительства об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира, что не оставалось никакого сомнения в истинных замыслах наших оппонентов. Эти замыслы заключались в том, чтобы отвести, таким образом, внимание обществу от основных проблем, которые стоят сейчас перед нами, которые требуют своего решения, так как без решения этих проблем невозможно устранение нависающей над миром опасности новой войны.

Ряд ораторов возражал против основного предложения советского правительства — о заключении Пакта пяти держав, ссылаясь на то, что ответственность за мир несут все государства — члены организации Объединённых наций. Это, конечно, верно, так как нельзя снять ответственности как за подстрекательство и подготовку к новой войне, так и за дело мира ни с одного из государств — членов ООН, но что бы здесь ни говорили на этот счёт, нельзя оспаривать тот факт, что главную ответственность за мир несут пять постоянных членов Совета Безопасности и что эта ответственность лежит на них именно в связи с той особой ролью, которую они играют в международных отношениях в силу своего международного положения. Нужно решительно поэтому отвергнуть попытки уменьшить степень ответственности за дело мира пяти великих держав, попытки разговорами о равной ответственности всех государств — членов организации Объединённых наций снять с великих держав эту ответственность, действительно лежащую в первую очередь и больше всего на них. Эта ответственность великих держав — факт, от которого никуда уйти не удастся. Те, кто отрицает такую ответственность или старается её всячески преуменьшить, прячась за спину всех вообще государств — членов организации Объединённых наций, доказывают лишь своё нежелание не только нести такую ответственность

но и нежелание принять те действительные меры, которые необходимо принять в интересах укрепления мира и безопасности народов.

Это нужно сказать раньше всего о представителе США, выступление которого по настоящему вопросу нельзя расценить иначе, как попытку помешать принятию советских предложений, а следовательно, помешать и принятию таких мер, которые направлены против подготовки новой войны и на укрепление мира.

В своей речи г-н Остин подчеркнул, что делегация СССР не в первый раз ставит вопрос о пропаганде и подготовке новой войны. Это верно. Но о чём это свидетельствует? Это свидетельствует, по крайней мере, о двух фактах.

Во-первых, это свидетельствует о том, что вот уже который год не прекращается ведущаяся в ряде стран и, в первую очередь, в США и Англии пропаганда войны, а за последнее время получила широкое развитие и подготовка к новой войне.

Во-вторых, это свидетельствует о нашем настойчивом стремлении привлечь Генеральную ассамблею к серьёзной разработке мероприятий по укреплению мира. Это свидетельствует о том, что СССР ведёт действительно последовательную линию, последовательную борьбу не только против пропаганды войны, но и тем более против подготовки новой войны.

Вот, г-н Остин, о чём говорит то, что вы, представитель Соединённых Штатов Америки, вынуждены каждый год выслушивать наши предложения о мире.

2. АМЕРИКАНСКИЕ МИЛИТАРИСТЫ ПЫТАЮТСЯ
ЗАМАЗАТЬ ПОДГОТОВКУ НОВОЙ ВОЙНЫ

Г-н Остин отрицает, что в Соединённых Штатах Америки идёт подготовка к войне. Отрицать мало. Надо доказать, что подготовка к войне не ведётся. Я привёл ряд фактов, приведённых фактов недостаточно, может быть, г-н Остин считает, что они ничего не доказывают? В таком случае г-ну Остину следовало бы это доказать. Но он не сделал никакой попытки что-нибудь доказать, показать, в чём же действительно оказывается несостоятельность наших доказательств. Ни одного факта не было приведено в опровержение наших утверждений, подкреплённых многочисленными данными.

Разве Остин опроверг бредовые высказывания о войне генерала Брэдли? Разве он опроверг бредовые высказывания министра обороны США Джонсона? Но это ведь не незначительные люди в правительственной системе Соединённых Штатов Америки, это официальные представители американского правительства!

Можно было ожидать, что Остин приведёт какие-нибудь объяснения этих бредовых выступлений, что он скажет: «Вы не так толкуете то, что сказал генерал Брэдли, или: «Он этого не говорил, он не то имел в виду, он сказал другое, вы извратили, вы передёрнули, вашим доказательствам поэтому нельзя верить». Остин ничего этого не сказал. Он молчал, изображая из себя египетского сфинкса, которому, кстати

сказать, я не завидую — не г-ну Остину, а сфинксу. И Остин просто пропустил все эти факты мимо ушей. Я указывал и на такие факты, как организация в военных школах США специального курса, который называется «Курс специальной стратегии войны против Советского Союза». Этот курс читается не где-нибудь там, в каком-то клубе сумасшедших или полусумасшедших людей, а в военной школе в Максвелл Филде. Я теперь спрашиваю, может быть, это неправда? Нет, это правда, и Остин это же не смог отрицать и не отрицал.

Вся реакционная американская печать визжит и воеет, требуя советской крови. Остин хранит невозмутимое спокойствие, будто бы ничего этого на самом деле нет, будто эта печать распевает любовные рудалы, посвящённые СССР, а не публикует гнусную клевету, прямые призывы к войне против СССР.

Вы требуете фактов. Мы эти факты привели. Если для вас этого недостаточно, мы приведём ещё.

Остин явно выразил недовольство нашими предложениями. Он недоволен вообще тем, что мы говорим правду, что мы подготовку войны называем подготовкой войны, что мы поджигателей войны называем поджигателями войны. Остин недоволен тем, что мы называем вещи и людей их собственными именами. Он так и сказал: «Ругань не содействует конструктивному сотрудничеству, провокация не может служить вкладом в дружественное сотрудничество».

О какой дружественной кооперации говорит г-н Остин, когда американские милитаристы открыто подстрекают к войне против СССР? О какой провокации говорит г-н Остин, если это не отнеси к поведению господ американских милитаристов? Остин заявляет, что предложению СССР направлено на обвинение Соединённых Штатов Америки и Великобритании в подготовке новой войны. Да, это так. Мы это сказали в первой фразе наших предложений. Мы это сказали на пленарном заседании 23 сентября. Мы это повторили здесь 14 ноября. Я это повторяю сегодня.

Нам говорят — это тяжкое обвинение. Да, это так. Но это есть обвинение, основанное на фактах. Вы говорите — мы должны превратиться, таким образом, в суд и должны поэтому разобраться в этих фактах. Я это приветствую, но я не могу согласиться с такими речами, как, например, речь перуанского представителя, который никаких фактов не привёл, который говорил больше о своей дипломатической практике, о своём блестящем опыте как дипломата, который говорил о Боливаре и о чём угодно, но ничего не сказал по существу наших предложений. Это не рассмотрение дела, не изучение фактов, и при таком положении вы, конечно, не имеете никакого права считать себя верховным судом в делах международного значения.

Чтобы быть судьёй в этом деле, нужно рассмотреть факты, господа, а не уклоняться от рассмотрения фактов. Это не поможет тем, кто думает, что они представляют здесь большинство; большинство за стенами этого зала и большинство в разных странах — на Востоке и Западе, на Юге и Севере — смотрит внимательно на то, что делается здесь, в этих залах, комитетах и пленумах.

Мы обещали привести дополнительно факты, мы это сделаем. Но мы вправе предъявить своё требование, которое заключается в том, что

необходимо рассчитаться с теми фактами, которые мы уже привели. Вы их игнорируете. Вы говорите — дайте другие факты. Мы дадим вам другие факты, но вы, — я обращаюсь к моим критикам, — имейте в виду, что мы будем помнить, что вы с теми фактами не рассчитались, что вы ещё у нас в долгу, что об этих фактах предпочитаете молчать. Вы этим самым уже сказали о том, что значат эти факты, какой они имеют вес.

Обратимся же к фактам. Эти факты говорят о том, что реакционные круги Соединённых Штатов Америки, Великобритании и некоторых других государств — нет нужды всех их перечислять — готовят новую войну. Ведущая роль здесь принадлежит правящим кругам Соединённых Штатов Америки, откровенно поддерживающим подготовку новой войны, которая выражается не только в пропаганде, но и в бешеном росте военных бюджетов, в гонке вооружений, в организации баз, которые имеют специфическое назначение подготовить войну; в организации блоков, которые имеют специфическое назначение осуществить войну.

Какие у нас факты? Благоволиите послушать.

В сентябре 1945 года помощник министра военно-морского флота Хенсел, излагая взгляды своего ведомства на открытой пресс-конференции, сказал, что Соединённые Штаты Америки должны «закрепить за собой гигантское послевоенное кольцо военно-морских баз, охватывающее Тихий океан, включая базы, ранее принадлежавшие Англии». И, действительно, по авторитетным данным, которые никем до сих пор не оспаривались, в течение войны Соединённые Штаты Америки построили 256 баз всех размеров и всех типов на тихоокеанском театре военных действий и 228 военных, военно-морских и военно-воздушных баз на атлантическом театре военных действий, т. е. всего 484 базы. С тех пор количество этих баз ещё увеличилось.

В октябре 1948 года в Лондоне было опубликовано коммюнике, которое подтверждало, что в Англии имеются постоянные базы для американских сверхмощных «летающих крепостей» и что на этих базах находятся 90 американских сверхмощных «летающих крепостей» В-29, подразделяющихся на три группы стратегической бомбардировочной авиации. Бывший командующий военно-воздушными силами США генерал Спаатс тогда же хвастался, рассчитывая запугать слабонервных людей, что эти 90 американских бомбардировщиков в переводе на язык атомной огневой мощи будут равняться 19 800 сверхмощных «летающих крепостей»!

4 ноября 1949 года, вот теперь на днях, «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение, в котором говорится следующее:

«После двадцатичетырёхчасового тяжёлого раздумья британское правительство, в конце концов, согласилось сегодня, 3 ноября, принять предложение Соединённых Штатов Америки о передаче Англии 70 американских бомбардировщиков типа В-29. Эти бомбардировщики будут направлены в скором времени в Англию в качестве части программы военной помощи в соответствии с условиями Северо-атлантического пакта. Указанное решение было принято британским правительством после продолжительной дискуссии, в ходе которой участвовавшие в ней высшие офицеры королевских военно-воздушных сил, чиновники

министерства авиации и комитета обороны при кабинете министров разошлись по вопросу о целесообразности принятия этих американских самолётов».

О чём говорят эти бесспорные факты?

Они говорят, во-первых, о том, что Англия на себя не надеется, что она признаёт свою военную слабость, что она судьбу своей страны отдаёт в руки американских вооружённых сил, а следовательно, и в руки тех, кто управляет этими вооружёнными силами.

Это свидетельствует, кроме того, о том, что готовятся внушительные воздушные и военные силы именно в Англии, что Англия превращена в американскую военную базу, откуда будут легко досягаемы объекты нападения. Какие? Задумайтесь над этим вопросом. Ну, на кого же собираются напасть эти 19 800 бомбардировщиков в переводе на язык атомной огневой мощи? На кого? На Францию? На Бельгию? На Люксембург? На Западную Германию? На Швецию? На Норвегию? На кого?

Молчите, вы уже ответили своим молчанием! Для этого и понадобились все эти выступления Остина, а потом Макнейла и других их друзей, в своём подавляющем большинстве членов Северо-атлантического пакта, чтобы оправдать вот это готовящееся нападение на СССР и страны народной демократии!

Соединённые Штаты Америки строят свои базы на чужих территориях, вплоть до Великобритании, и в то же время обвиняют Советский Союз в том, что он подготавливает вооружённое нападение. Те, кто строят базы, оказывается, не готовятся к нападению, а те, кто не строит этих баз, — те собираются напасть! Но ведь с пустыми-то руками не нападают! Те, кто вооружается, — это миролюбивые люди, это миротворцы; а те, кто требует разоружения, требует подписать соглашение об укреплении мира, — вот это и есть самые настоящие агрессоры! Но вы думаете, что кто-нибудь поверит такой логике? Вы думаете, что такая логика может кого-нибудь в чём-нибудь убедить?

Пойдём дальше. В 1948 году в газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано сообщение из Никозии (Кипр) о том, что Кипр превращается американцами и англичанами в важную стратегическую базу, которая должна стать, как говорит об этом корреспондент, опорой против советской экспансии. Значит, Кипр включён в эту систему нападения на Советский Союз.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» сообщает вместе с тем, что, хотя Кипр является английской колонией, планы превращения Кипра в бастион, направленный против Советского Союза, разрабатываются под совместным англо-американским контролем, лучше сказать — под американским контролем.

В сентябре 1948 года — это известно всему миру — состоялась встреча председателя сенатской комиссии по делам вооружённых сил Соединённых Штатов Америки сенатора Гэрни с Франко. Мадридский корреспондент газеты «Дейли мейл» сообщил, что в обмен на предоставление Соединённым Штатам Америки баз Франко потребовал принятия Испании в организацию Объединённых наций и распространения на неё благ, предоставляемых маршаллизованным странам.

Теперь ясно, конечно, почему у нас происходит задержка в приёме в ООН некоторых новых членов. Причина в том, что США и Англия

всячески стараются проташить в ООН сначала Португалию, Испанию и т. д. Надо откровенно сказать, что их приход в ООН ничего хорошего организации Объединённых наций не принесёт. Но важно не это: важен тот торг, который происходит за спиной всего мира. Торг: «Дайте базы, примем вас в организацию Объединённых наций».

Госдепартамент, как говорит сейчас американская печать, добивается получить от Франко права пользоваться портами Кадикса, Картахены, Валенсии, Барселоны, Уэльвы; права расширять существующие военные аэродромы; права построить новые аэродромы, особенно близ побережья на высоком плато в глубине страны, в Каталонии и Арагонии. При этом прямо указывается на то, что Соединённые Штаты Америки заинтересованы в получении ещё и одного из Балеарских островов в распоряжение американских вооружённых сил.

Имеются сведения, что ещё в 1947 году было заключено секретное соглашение с Испанией, по которому Соединённые Штаты Америки получили право на строительство 13 баз на испанской территории. Такое сообщение опубликовано в ежемесячном бюллетене «Рипорт он уорлд аффэрс», который сообщил, что Соединённые Штаты Америки достигли одновременно соглашения в Португалии о предоставлении им права на строительство 7 баз в самой Португалии и 5 баз в португальских колониях.

В июле 1949 года агентство Ассошиэтед Пресс опубликовало сообщение, что Соединённые Штаты Америки разрабатывают план создания передовых авиационных баз в глубине Арктики, и объясняет, почему это нужно Соединённым Штатам Америки. Оказывается, это нужно потому, что самолёты здесь могли бы пополнять горючее во время операций через Северный полюс.

Будьте любезны сказать, против кого будут направляться эти операции через Северный полюс?

Может быть, против Швеции, Норвегии, Дании, Исландии?

Через Северный полюс, — против кого же могут эти операции осуществляться? Операции, для которых нужна такая гигантская подготовка: и базы, и сотни самолётов, и атомная бомба, которая, как известно, является последней надеждой американских милитаристов.

Разве было опровергнуто сообщение того же агентства Ассошиэтед Пресс, где говорилось, что в их руки, в руки редакции, попал доклад министерства авиации, американского министерства авиации, о планах и сметах, связанных с созданием баз тяжёлых бомбардировщиков в Лаймстоуне, штат Мэн, где говорилось: «Типичная полярная операция может потребовать, чтобы самолёты, поднимающиеся с авиационных баз Соединённых Штатов Америки, пополнили горючее на передовых базах: в Северной Канаде, в Гренландии или даже на полярных льдах...»

Можно было привести ещё целый ряд фактов, которые доказывают полную обоснованность беспокойства, полную обоснованность утверждений о ведущейся подготовке новой войны, прикрывающейся всякого рода мирной или миролюбивой фразеологией.

Было бы важно, наконец, объяснить общественному мнению мира, для каких же целей сохраняются указанные военные базы, созданные во время второй мировой войны против гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Для какой же цели не только они сохраняются, но

и организуются новые базы? Против кого именно предназначаются эти базы? В чём именно заключается мирная миссия этих баз?

До сих пор, надо признаться, на все эти вопросы, даже на какой-либо из этих вопросов, получить ответ от Соединённых Штатов Америки, сколько-нибудь членораздельный ответ, нам и никому вообще не удавалось.

Нельзя же считать ответом на эти вопросы такие речи, которые мы слышим время от времени и от гг. американских представителей — военных и штатских — бывших и настоящих сенаторов, речи о военном вакууме, который, мол, должен быть заполнен, потому что физический закон говорит о том, что природа не терпит пустоты... или речи о необходимости взаимопомощи, обороны, тогда как известно, что никто на Соединённые Штаты Америки и на других участников Северо-атлантического пакта и не собирается нападать, а следовательно, и обороняться не от кого.

3. СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ СОЮЗ — ОРУДИЕ АГРЕССИИ, А НЕ ОРУДИЕ МИРА

Остин пытался здесь уверить нас в миролюбивой политике США.

Он цитировал в своей речи заявление комитета по иностранным делам американского сената в доказательство того, что, как он сказал, основной целью Северо-атлантического пакта является помощь при достижении первоочередной цели организации Объединённых наций, — именно поддержание мира и безопасности. Остин цитировал и ту часть этого заявления, где говорится, что Северо-атлантический союз является союзом лишь против самой войны. Он сослался при этом и на то, я цитирую его, что «политика Соединённых Штатов Америки направлена исключительно на обеспечение международного мира и безопасности через посредство организации Объединённых наций так, чтобы вооружённые силы не были использованы иначе, как в общих интересах». Остин утверждал далее, что «Соединённые Штаты Америки стремятся обеспечить организацию Объединённых наций вооружёнными силами, как это предусмотрено в уставе».

Вот в чём уверял нас Остин, рекламируя внешнюю политику Соединённых Штатов Америки как миролюбивую политику, как политику, направленную против войны и военных авантюр, как политику, направленную на укрепление мира.

Соответствует ли это действительности? Нет, не соответствует. И вот почему. Я пользуюсь аргументами самого г-на Остина. Нам говорят, что, поскольку в уставе ООН содержатся уже обязательства по укреплению мира, нет необходимости в заключении Пакта пяти держав по укреплению мира. Но почему при наличии таких обязательств, предусмотренных уставом, вы всё же заключили Северо-атлантический пакт? Не ясно ли, что такая аргументация неубедительна.

Если при наличии организации Объединённых наций можно иметь Северо-атлантический пакт, пусть даже с самыми миролюбивыми целями, пакт двенадцати государств, тогда как организация Объединённых наций состоит из 59 государств, то почему нельзя иметь пакт

пяти государств? Почему это рассматривается как противоречие принципам организации Объединённых наций?

Я должен сказать, что не выдерживает никакой критики всё, что говорится о мирных целях Северо-атлантического пакта, не выдерживает критики и ссылка на то, что Северо-атлантический пакт будто действует через посредство организации Объединённых наций в общих интересах. Это не соответствует действительности, так как организация Объединённых наций не давала согласия на создание Северо-атлантического союза. Вы организовали этот союз без нас и без многих других государств, и вполне естественно почему. Потому что этот союз направлен против нас.

Остин бьёт себя в грудь, утверждая, что всё это для мира и только для мира и что Северо-атлантический пакт не преследует никаких решительно военных целей, ссылаясь на то, что Советский Союз имеет пакты с восточноевропейскими странами — с Польшей, Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Румынией.

Но эти пакты направлены против возможной будущей германской агрессии, которая остаётся реальной опасностью и угрозой для нас и в будущем, ибо германский милитаризм не убит, особенно благодаря политике Соединённых Штатов Америки и Великобритании в западных зонах Германии. Больше того, он поощряется. Западная Германия превращается в будущего участника этого Северо-атлантического пакта со всеми вытекающими отсюда последствиями как плацдарм для возможного нападения на другие страны, на СССР и его друзей.

Если речь идёт в Северо-атлантическом пакте о мире, то почему же в таком случае именно Соединённые Штаты Америки срывают разработку мероприятий по созданию вооружённых сил Объединённых наций? Почему же мы в течение четырёх лет не можем договориться о контингентах вооружённых сил Объединённых наций, не можем сговориться по вопросу о качественном и количественном принципе организации вооружённых сил? Если действительно политика Соединённых Штатов Америки направлена на обеспечение мира и безопасности через посредство организации Объединённых наций, как вы это утверждаете, то как же в таком случае можно создавать такую организацию, как Северо-атлантический союз, вне организации Объединённых наций и даже в условиях конкуренции с организацией Объединённых наций? Какое отношение организация Объединённых наций имеет к Северо-атлантическому союзу, кроме того, что двенадцать среди присутствующих здесь 59 государств являются участниками этого союза?

Какое же вы имеете право, г-н Остин, говорить о том, что Северо-атлантический союз есть союз, который создан через посредство организации Объединённых наций и так, чтобы вооружённые силы ООН не были использованы иначе, как в общих интересах? В чьих же общих интересах будут использованы вооружённые силы этого Северо-атлантического союза, если их придётся использовать? Чьи это будут «общие интересы»? Двенадцать государств участвуют в этом союзе, 59 государств участвуют в организации Объединённых наций, и ещё за пределами организации остаётся добрый десяток других возможных участников этой организации. В чьих же «общих интересах» будут использованы вооружённые силы по команде этих двенадцати государств,

или, вернее, одного государства, управляющего всеми этими делами, — Соединённых Штатов Америки?

Одно это убедительно говорит о том, что политика Соединённых Штатов Америки преследует совершенно иные цели, чем те, о которых говорил здесь г-н Остин, цели, о которых более внушительно и авторитетно, позвольте нам это здесь заявить, говорят брэдли, джонсоны и другие вершители военных дел Соединённых Штатов Америки и вершители их внешней политики.

4. ВМЕСТО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ — АМЕРИКАНСКИЙ СВЕРХТРЕСТ

Остин недоволен пунктом 2 предложений Советского Союза, в котором говорится о практических мерах по запрещению атомного оружия и о международном контроле за осуществлением этого запрещения. Что наговорил по этому поводу г-н Остин, превратившись на время в настоящего поэта? Это, оказывается, «сладко звучащий параграф». Это, оказывается, «искусственная ветвь, окружённая шипами», это, наконец, «высокий разговор о мире, который звучит, как война». Не сенатор, хотя бывший, а прямо-таки поэт! Но что же он сказал, кроме этого, по существу пункта 2? Я могу утверждать, что если отбросить в сторону всю эту словесную шелуху, все эти потуги на поэтические образы, то окажется налицо одно только раздражение г-на Остина. Именно только состояние раздражения и потерей самообладания можно объяснить всю эту часть речи Остина, в которой он заявил, будто бы мы игнорируем заключение Генеральной ассамблеи о том, что эффективное запрещение атомного оружия может быть достигнуто только передачей всех атомных материалов и всех средств изготовления и использования в руки международного органа, который американские делегаты называют международным кооперативом.

Но и это не соответствует действительности. Разве мы игнорируем решение Генеральной ассамблеи? Наоборот, мы его тщательно разбирали и доказали, что это требование передать все атомные сырые материалы и все предприятия, обрабатывающие это сырьё, на правах ли собственности, на правах ли владения, в распоряжение этого так называемого международного органа является неприемлемым делом. И мы показали, почему. Все наши противники были раздражены тем, что мы отстаиваем государственный суверенитет, что мы против превращения международного органа контроля в американский свехтрест. Они пытались свести всё это дело к каким-то теоретическим разговорам о юридической концепции. Но ведь дело заключается совсем в другом. Я цитировал здесь записку комиссии во главе с г. Ачесоном от 1946 года, цитировал ряд других документов и, в частности, заявление г. Барнарда, который, конечно, известен г-ну Остину, которое вскрывает подоплёку всего этого предложения о передаче атомных ресурсов в собственность международного контрольного органа и сопротивления нашим предложениям. Эти вопросы остались неразъяснёнными, между тем разъяснение этих вопросов устранило бы многие основания для всякого рода разногласий, которые нас здесь раздражают.

Но это опять-таки не сделано. Мы говорим, что передать в собственность этого международного контрольного органа все атомные ресурсы каждой страны, все предприятия по обработке атомных материалов, все предприятия так называемой смежной промышленности — металлургической, химической и т. д., — а также всю научно-исследовательскую работу, — передать всё это в собственность этого органа невозможно, потому что это будет означать паралич всей экономической системы, особенно в тех странах, где энергетическая сила играет решающую роль, а сила атомной энергии играет особенную роль в развитии народного хозяйства. Оставим в стороне вопрос о суверенитете. Пусть это обветшала, старая, какая-то феодальная, средневековая теория, как здесь утверждали. Это всё, конечно, неправильно. Но пусть это будет так. Вырвемся из плена юридической схоластики, встанем на почву жизни государств и народов. И с этой позиции необходимо отвергнуть американское предложение о передаче атомных ресурсов и предприятий в собственность контрольного органа, потому что мы не можем допустить, чтобы при помощи американского плана, который, кстати сказать, порочен по признанию самих авторов, подчинить контролю этого органа всю экономику страны.

Можно считать установленным, кроме того, что передача ресурсов атомной энергии в собственность контрольного органа не вызывается никакой необходимостью. Об этом говорят авторитеты, говорят сами же американцы. Нет никаких оснований для такого плана и таких предложений, если не считать стремления захватить всё дело атомной энергии в свои руки, зажать всё это в своём кулаке, превратиться в монополиста, который диктовал бы любой стране пути развития её экономики, пути развития этой страны. Дело не в теориях о государственном суверенитете, хотя это и его касается в высокой степени. Мы никак не можем согласиться с отрицанием суверенитета, что мы слышали здесь, и уж не первый год. Дело идёт о жизненных интересах страны, и только те, которым терять в этом отношении нечего или которые поставлены ходом исторических событий в такое положение, когда они бессильны оказывать такое сопротивление, когда они вынуждены испить эту горькую чашу до дна, у тех нет выбора.

Но мы не в таком положении, и никогда не были и не будем в таком положении. Мы имеем достаточно сил и средств, чтобы сохранить нашу экономическую и политическую независимость. Мы уверенно смотрим в будущее, потому что за нами великое прошлое и с нами великое настоящее, созданное гением нашего советского народа, и мы отвергнем какой бы то ни было план, который хочет подчинить нашу страну контролю иностранных капиталистических организаций.

Здесь, как это ясно, два лагеря. У каждого из них имеются свои концепции. Если мы не найдём пути к тому, чтобы договориться, то, конечно, наше сотрудничество невозможно.

Но возможно ли найти такой путь? Возможно. И я это потом дальше специально докажу в связи с очень важным вопросом, который был поднят здесь о войне и о существовании двух систем, и о возможности сотрудничества, о высказываниях наших великих учителей Ленина и Сталина, наших учителей Маркса и Энгельса. Да, господа, нас ведёт и вдохновляет марксизм и ленинизм. Мы на этой почве стоим, ибо это

есть величайшее достижение науки в области социологии, экономики, науки о путях общественного развития человечества, и наша деятельность построена на основе науки, а не утопии. Но сейчас я хочу говорить о советских предложениях и о том, насколько добросовестна критика наших критиков.

Советские предложения очень скромные. Наши предложения по атомной энергии отражены в пункте 2.

Советские предложения сводятся к предложению, чтобы Генеральная ассамблея дала директиву, дала направление комиссии по атомной энергии, дала рекомендацию не допускать дальнейших оттяжек, заняться практическими мерами по запрещению атомного оружия, по установлению международного строгого контроля. Разве такое предложение может помешать или повредить делу в глазах тех, кто действительно интересуется делом? Разве принятие такого предложения исключает обязанность комиссии по атомной энергии или какого-нибудь другого, соответственно уполномоченного органа заняться выработкой практических мер по запрещению атомного оружия и по контролю? Но я не ошибусь, если скажу, что то решение, которое было вчера принято в Специальном политическом комитете по вопросу об атомной энергии и которое будет, конечно, утверждено Генеральной ассамблеей, будет иметь такое же практическое значение, как и все предыдущие решения Генеральной ассамблеи по этому вопросу, т. е. никакого значения.

Нам не нужны здесь слова, а нам нужны практические дела, и мы обращаемся и к первому (политическому) комитету и через него к Генеральной ассамблее с единственной просьбой принять такое решение, которое обязывает приступить к практическому делу. Если вы хотите запретить атомное оружие, прикажите заняться практическими мероприятиями. Но вы не хотите это сделать, поручив заняться практическими мероприятиями. Это даёт нам право утверждать перед всем миром, что вы не хотите запрещения атомного оружия. Об этом говорит цитированный уже доклад комиссии г. Ачесона, который вы, защитники этого плана, пытаетесь замолчать. Но замолчать его вам не удастся, ибо письмо г. Ачесона говорит прямо — «Вот вам контрольный план, который мы разработали, да вы не думайте, господа сенаторы, что принятием этого плана США будут обязаны прекратить производство атомных бомб. Нет, к этому США вовсе не будут обязаны. Это конгресс будет ещё решать в свете высшей политики, мы будем это решать ещё нашей конституционной процедурой, независимо от плана международного контроля. Иначе говоря, мы в сенате сохраним так, как это нам захочется, если мы захотим эти бомбы сохранить и увеличить их запасы». Больше того, из указанного доклада видно, как сказал Ли-лиенталь, председатель атомной комиссии Соединённых Штатов Америки, что главное внимание этой комиссии обращено не на то, чтобы изобретать способы прекратить производство атомного оружия, а на то, чтобы возможно больше накапливать атомные бомбы. Комиссия Ли-лиентала понимала ещё в 1946 году, что настанет час, и он пробьёт на часах истории, когда и другие государства окажутся в состоянии конкурировать с США в производстве атомных бомб! И этот час пробил, и пробил раньше на несколько лет, чем намечали американские звездочёты.

Теперь мы добиваемся запрещения атомного оружия и строгого международного контроля над выполнением этого запрещения. Нам предлагают план, который не может удовлетворить никого, кроме тех, кто не хочет ни запрещения, ни контроля. Но нас уверяют в противоположном, утверждая, что они, наши критики, также стоят за запрещение и контроль. Мы говорим: хорошо, тогда займитесь вместе с нами практическими мероприятиями. На это нам отвечают: «Это бесполезно! Примите наш план». Мы же говорим: «Ваш план не годится». И не мы это только говорим, но и ваши собственные представители, как, например, г-н Осборн это говорит. Ваш отказ принять наши предложения выдаёт вас с головой.

Г-н Остин предлагал первому (политическому) комитету отклонить 2-й параграф наших предложений. Он ссылаясь при этом на то, что комитет ad hoc уже рассмотрел вопрос об атомной энергии. Но это не может помешать Политическому комитету принять наше предложение о выработке практических предложений по запрещению и контролю, тем более, что комитет ad hoc такого предложения не рассматривал и не принимал. Требовать отклонения такого предложения, изложенного в пункте 2 нашего проекта резолюции, могут лишь те люди, которые не заинтересованы в ускорении этой работы, не заинтересованы в запрещении атомного оружия.

5. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ КРИТИКИ ПЫТАЮТСЯ ОБМАНУТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Несколько слов о других вопросах, затронутых г-ном Остином, — о выборах в Румынии, Болгарии, Венгрии и Польше. Все эти вопросы притянуты сюда за волосы, чтобы отвлечь внимание общественности от предложений советского правительства об укреплении мира, чтобы обмануть общественное мнение. Мой польский коллега ответил на вопросы, касающиеся Польши. Я скажу несколько слов по поводу того, что здесь заявил Остин о других странах. Прежде всего я напомним, что мы говорили на эту тему, когда обсуждали вопрос о якобы нарушении правительствами Венгрии, Болгарии и Румынии так называемых прав человека и основных свобод, — мы говорили обо всём этом довольно подробно. Мы приводили факты, а вы голосовали. Мы приводили факты, а вы молчали. Но глава польской делегации Вербловский кстати напомнил о греческих выборах, сопровождавшихся мошенничествами и фальсификациями. Ведь факт, что член международной контрольной комиссии профессор Калифорнийского университета, раскрывший эти фальсификации, был выгнан из этой комиссии. Обо всём этом Остин и Макнейл молчат, предпочитая заниматься инсинуациями по поводу выборов в странах народной демократии. Остин счёл почему-то уместным повторить сплетню о том, как в 1945 году я якобы предъявил румынскому королю ультиматум, дав срок для ответа в 2 часа 05 секунд. Откуда у Остина такие точные сведения? Уж не от экс-короля ли? Может быть, следует пригласить экс-короля сюда и допросить его?

В действительности, конечно, не было никакого ультиматума. Был заговор генерала Радеску, измена кучки генералов — гитлеров-

ских агентов. Это было в феврале 1945 года. Это было время, когда Красная Армия с жестокими боями продвигалась вперед, к Берлину и когда Радеску и другие изменники собирались взорвать тыл Красной Армии. В этих условиях пришлось обратиться внимание экс-короля на создавшееся положение и предложить заменить правительство генерала Радеску правительством, пользующимся доверием румынского народа. Это и было сделано. Генерал Радеску подал в отставку, отставка была принята. Генерал Радеску немедленно скрылся в британское посольство в Бухаресте, а затем, как известно, перекочевал в США, где и находится в настоящее время в компании других предателей и авантюристов, которые куют козни против Румынской народной демократической республики.

Если уже касаться этого вопроса, то следует напомнить, что в том же 1945 году по постановлению совещания трёх министров — США, Великобритании и СССР — комиссия в составе вашего покорного слуги, английского посла в Москве Керра и американского посла в Москве Гарримана посетила Бухарест, где вела переговоры с тем же экс-королём Михаем и румынским правительством о пополнении правительства д-ра П. Грозы двумя членами от царнистской и либеральной партий, что также было выполнено.

Таким образом, США и Великобритания не только не возражали против нового правительства д-ра Грозы, но, как мы видим, оказывали ему содействие, принимали меры к его укреплению. К чему же все эти сплетни, распространяемые здесь Остином, об ультиматуме и о смене по распоряжению советского правительства «законного» правительства генерала Радеску новым правительством П. Грозы.

Ясно, что цель этих сплетен может быть только одна — постараться как-нибудь реабилитировать Радеску и изобразить его жертвой вмешательства со стороны советских властей.

Россказни Остина понадобились, очевидно, для того, чтобы отвлечь внимание пустыми сплетнями от обсуждения такого серьёзного вопроса, как вопрос о предложениях советского правительства «Об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира».

6. ПРОВОКАЦИОННЫЙ БРЕД ТИТОВСКОЙ КЛИКИ

Следом за Остином выступил представитель титовской клики, который протестовал, что я его так называю, но я не имею намерения менять свою формулировку. Он пытался инсинуировать по адресу Советского Союза и стран народной демократии.

Конечно, советские предложения об укреплении мира и безопасности народов вызвали у этого господина нескрываемое раздражение. Он присоединил свой голос к хору клеветы и вражды к стране социализма. Г-н Джилас, выступавший от имени этой группы, недоволен тем, что советские предложения дают, как он заявил, неполное и одностороннее определение пропаганды войны. Он хотел бы, чтобы это понятие было расширено в том направлении, в котором как раз нет никакой надобности, потому что нет никаких оснований для тех тёмных подо-

зрений, о которых здесь лепетал этот оратор, потерявший, видимо, всякий стыд. Он пытался нас обвинять в том, что мы оказывали на Югославию давление, что мы даже порвали договор о дружбе. Но разве не Тито порвал договор об акционерном обществе югославо-советского дунайского пароходства? Разве не Тито порвал договор об акционерном обществе советско-югославской транспортной авиации? По чьей инициативе были разорваны эти договоры о смешанных обществах? А разве не титовское правительство позволило себе массовые аресты советских людей, которых оно вовсе не обвиняло, как об этом говорят его ноты, в шпионаже, что вчера лживо утверждал здесь Джилас, а арестовало за то якобы, что они были раньше белогвардейцами, а в действительности за то, что они были сторонниками дружественных отношений с Советским Союзом?

Критикуя советские предложения, Джилас почти дословно повторил то, что говорил Бевин 26 сентября на пленуме Генеральной ассамблеи. Бевин тогда заявил, что наши предложения — «серьёзный удар по сотрудничеству, по надеждам на укрепление мира». Джилас повторяет Бевина. «Это,— говорит он,— серьёзный удар по укреплению мира». Нельзя сказать, что господа представители титовской клики плохие ученики. Из месяца в месяц они совершенствуются, всё больше и больше вставляя в лагерь империалистов, в который они перебежали. Не удивительно, что со стороны этих господ слышатся такая клевета и инсинуации!

Джилас посвятил немало времени процессу Райка, стараясь доказать, что этот процесс якобы шит белыми нитками. Это не ново.

Известно, что титовцы специализировались на распространении всяких гнусных сплетен. У них имеется для этих целей такой специалист, как Моша Пьяде, который не останавливается в своих клеветнических упражнениях ни перед какой гнусностью по любому вопросу, касающемуся Советского Союза и стран народной демократии. Он изощряется и в клевете по поводу процесса Райка. Джилас хочет пережеголять Пьяде, изобретая всякие небылицы. Джилас не пожалел слов, чтобы попытаться очернить показания Райка и весь процесс в целом. Но, надо признаться, из этого ничего не получилось. Он умолчал при этом о ряде важных, убийственных для титовской клики фактов, вскрытых на процессе Райка. Джилас, например, умолчал о показаниях Бранкова. Между тем Бранков — не последний человек в компании Тито — Джиласа — Ранковича. Это матёрый разведчик, это главный резидент югославской разведки в Венгрии — это Лаза Бранков. Это разведчик, непосредственно подчинённый генералу Милличу и министру внутренних дел Югославии Ранковичу. Его показания широко известны. Разве Джилас забыл о них? Я могу ему напомнить о них.

Бранков, в частности, показал на суде, что во время войны в Швейцарию был послан Миша Ломпар, на которого была возложена обязанность установить связь с руководителем американской шпионской организации в Европе Алленом Даллесом.

Этот Миша Ломпар связался с руководителем американской разведывательной организации в Европе Алленом Даллесом. Прибыв в Швейцарию, Ломпар установил также связь с находившимися там троц-

кистскими группами. В Марселе находился Латинович, в Бари — Васа Иованович, которые установили тесные связи с англо-американской разведкой. В Лондоне был генерал Велебит, всем известный старый английский разведчик. Он передавал английской разведке все имеющиеся в его распоряжении материалы, в том числе сведения о Советской Армии. Как показывает Бранков, он об этом узнал из секретных архивов УДБ (Управление государственной безопасности). Вот что показал Бранков. Но Джилас «забыл» это опровергнуть, он не нашёл нужным это сделать, он предпочёл здесь распространяться насчёт каких-то неточностей в показаниях Райка!

Процесс Райка вскрыл многое, что раньше не было известно и что покрыло вечным позором титовскую клику, претендующую на то, что они представляют югославский народ и что они также являются, видите ли, строителями социализма. Именно в этой связи перед советским правительством стал вопрос об отношении в дальнейшем к заключённому с Югославией в 1945 году договору о дружбе. Джиласу, конечно, известно, что в ноте советского правительства от 28 сентября указывалось, что в ходе судебного процесса над государственным преступником и шпионом Райком и его сообщниками, являющимися вместе с тем агентами югославского правительства, вскрылось, что югославское правительство длительное время вело глубоко враждебную, подрывную работу против Советского Союза, лицемерно прикрываясь договором о дружбе, и что, таким образом, этот договор был уже тогда растоптан югославским правительством.

Таковы факты.

7. КЛЕВЕТНИКИ В РОЛИ «ТЕОРЕТИКОВ»

Следующим выступал канадский представитель г-н Мартин, кажется сенатор Мартин. Его речь представляла собой каскад ругательств и истерических выкриков, что должно было обозначать критику советских предложений. Он здесь наговорил целую кучу всякого рода клеветнического вздора и небылиц.

Я начну с главного, хотя, разумеется, я должен буду сказать и обо всём остальном, что заслуживает внимания. Если послушать г-на Мартина, то стоящая сейчас перед организацией Объединённых наций проблема вовсе не заключается в том, чтобы осудить подготовку к новой войне, вовсе не заключается в том, чтобы направить свои усилия на укрепление мира. Он сказал, что перед ООН стоит проблема страха и беспокойства, вызываемая, как он сказал, «районами, которые находятся под господством Советского Союза».

Нельзя ли посоветовать г-ну канадскому сенатору не беспокоиться за эти районы, предоставить это самим этим районам, а чтобы он лучше побеспокоился насчёт печальной судьбы Канады...

(Г-н Мартин прерывает речь оратора замечанием, что он не сенатор).

Вот видите, когда какой-нибудь факт оказывается не соответствующим действительности, сразу находится возможность ответить. Это меня ободряет, потому что за все почти полтора часа, что я здесь говорил, это первое опровержение того, что я говорил.

Так вот г-н Мартин, оказывается, беспокоится за Польшу. Но Польша сама за себя не беспокоится. Он беспокоится за Румынию и Венгрию. Но и они не просят канадского представителя «беспокоиться» о них, особенно в связи с тем, что канадское правительство мешает принятию этих стран в состав ООН.

Беспокоит Мартина также и то, что по учению марксизма-ленинизма война является неизбежной в истории человечества, а он, Мартин, не хочет, как он заверяет, чтобы была война. Но почему же в таком случае г-н Мартин не согласен записать это в международном документе, в соответствующем международном договоре? Почему он не хочет тогда поддержать наше предложение о том, чтобы пять держав заключили Пакт по укреплению мира?

Почему же этот сторонник мира бежит от наших предложений о мире, как чёрт от ладана.

«Советское правительство, страны народной демократии и вообще коммунисты, — говорил Мартин, — держатся взгляда, что война неизбежна. Они признают, что пролетариат, став господствующим классом, нуждается в своей военной организации». В доказательство Мартин сослался на том XXIV, страница 122 собрания Сочинений Ленина. Приятно слышать, когда представители Канады цитируют наших великих учителей. Жаль только, что они плохо разбираются в цитатах и что они извращают прочитанное.

Что говорил действительно наш учитель В. И. Ленин в этом цитированном месте о военной организации пролетарского государства? Когда он говорил это? При каких обстоятельствах? Какой действительно смысл в словах В. И. Ленина?

Я считаю нужным ответить на эти вопросы, ибо, не ответив на эти вопросы, нельзя претендовать на правильное понимание того, что было сказано великим Лениным. Дело было в 1919 году. Дело было в то время, когда молодая Советская республика была окружена кольцом вражеских государств. Уже тогда известный адвокат капиталистических классов, бывший марксист Каутский (надеюсь, известна эта фамилия г-ну Мартину, я не уверен в этом, но надеюсь), пытался обвинить большевиков в том, что у большевиков «не социализм, а милитаризм». Таким образом, Мартин никакой Америки не открывал, он повторил просто азы известных клеветников на Советский Союз.

По этому поводу Владимир Ильич Ленин на VIII съезде партии в 1919 году заявил: «...Я усмехнулся и развел руками. Точно была в самом деле в истории хоть одна крупная революция, которая не была бы связана с войной». Это — замечательное указание В. И. Ленина. Именно война, напиравшая со всех сторон на молодую социалистическую республику, и поставила вопрос о том, чтобы пролетариат, став господствующим классом, построил свою военную организацию, способную защитить его границы — границы молодого социалистического государства. Можно ли было иначе действовать в тех условиях, когда со всех сторон наседали враг, когда была поставлена буквально на карту судьба молодого социалистического государства рабочих и крестьян? Ясно, что в тех условиях нельзя было действовать иначе, что нужно было и должно было не только говорить о военной организации, но и строить эту военную организацию для отпора крестовому походу

четырнадцати государств, организованному в 1918—1919 годах под руководством Уинстона Черчилля.

Надо сказать, что, поднимая этот вопрос, Мартин опоздал по крайней мере на год, так как ещё на третьей Парижской сессии Генеральной ассамблеи с подобного же рода претензиями на истолкование марксизма-ленинизма выступил не кто другой, как — я чуть-чуть не сказал сенатор — бывший сенатор Остин. Тогда он цитировал то место из Краткого курса истории ВКП(б), где говорится, что война является неизбежным спутником капитализма и что имеются войны справедливые, которые ведутся для того, чтобы освободить народ от капиталистического рабства, и войны несправедливые. Г-н Остин хотел доказать, что Советский Союз стремится разрушить капиталистические государства, считая войну неизбежной, и что Советский Союз, таким образом, все же не стремится к мирным целям. Отсюда г-н Остин делал ещё тот вывод, что, следовательно, всякие предложения Советского Союза, направленные в сторону укрепления мира, являются лицемерными, неискренними, потому что, как же можно предлагать укреплять мир, пропуская в то же время неизбежность войны?

Горе-комментаторы марксизма-ленинизма, взявшись за истолкование марксизма-ленинизма, плохо, надо признаться, разбираются в деле. Они обнаруживают полное непонимание значения и роли в жизни общества законов развития этого общества. Они проявляют в этом отношении полное невежество, которое, как известно, никогда ни в чём никому не помогало!

Марксизм-ленинизм учит, что человеческое общество развивается в соответствии с имманентными этому обществу законами и подчиняется их действию. Капиталистическому обществу свойственны свои законы развития. Спутниками капитализма являются война, кризис, безработица, преступления, проституция. Эти явления в капиталистическом обществе закономерны. Это всё бичи, это спутники капиталистического строя, основанного на эксплуатации человеческого труда, одних классов общества другими.

Эти общественные явления порождаются самим общественным строем капиталистического общества, а вовсе не индивидуальной психологией или иными качествами тех или других людей, нарушением их прав и свобод и т. д. и т. п. Само нарушение прав является результатом такого строя. Величайшая заслуга марксизма-ленинизма (я прошу извинения, что я должен говорить здесь об этом, так как, может быть, подобало бы более говорить где-нибудь на университетской трибуне, но меня заставляют мои оппоненты углубляться в эту область. Я знаю, перед кем я говорю; поэтому я никого не хочу ни в чём убеждать и «распропагандировать». Я говорю об этом, чтобы устранить извращения в истолковании нашего великого учения), я повторю: величайшая заслуга марксизма-ленинизма заключается именно в том, что он нашёл ключ к изучению законов развития человеческого общества и тем самым к пониманию законов истории этого общества. Он нашёл этот ключ не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способах производства, в организации общественных отношений и, в первую очередь, производственных отношениях в каждый исторический период. Но подчинение развития человеческого общества известным законам не озна-

чает, что на долю человека остаётся роль слепого подчинения действиям этих законов. Человек — это человек. Канадский делегат сказал, что человек — это подобие образа божьего.

Глядя на своего оппонента, я бы не сказал, что это изречение всегда оправдывается.

Но, во всяком случае, человек есть человек, общество есть общество, которое способно организовать общественные отношения. Он может своей организационной деятельностью содействовать развитию исторического пути. Если это путь, соответствующий законам общественного развития, тогда он носит прогрессивный характер. Если это путь, не соответствующий законам развития, тогда он задерживает развитие общества, он играет реакционную роль.

Людям, классам общества принадлежит поэтому громадная роль, а это значит, что громадная роль принадлежит деятельности людей, которые способны регулировать общественные отношения.

Эта задача осуществляется путём проведения внутренней и внешней политики того или иного государства.

8. СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — ПОЛИТИКА МИРА

Задача внешней политики социалистического государства заключается в том, чтобы ограничить или вовсе устранить такие общественные пороки, как война, организовав мероприятия, способные справиться с этой задачей. Одно из таких мероприятий — это организация миролюбивых сил общества во всех странах, создание взаимного доверия, устранение всего того, что создаёт возможность конфликтов, порождающих войну.

Вот что вожь советского народа В. И. Ленин говорил 27 лет тому назад в интервью корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер гардиан»:

«Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны».

Из сказанного, следовательно, ясно, что мы стоим — и ленинизм учит нас этому — за мирные отношения между народами, без чего, как указывал Ленин, невозможно сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации.

Ещё в 1919 году, на VII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин говорил буквально следующее: «Вот почему на основании опыта двух лет (дело идет о двух годах гражданской войны 1918—1919 г.г.) мы можем сказать вам с абсолютной уверенностью, что всякий шаг в наших военных победах будет с громадной быстротой приближать то время, — теперь уже совсем близкое, — когда мы целиком посвятим свои силы мирному строительству (подчёркнуто здесь и дальше мною. — А. В.).

На основании опыта, который мы приобрели, мы можем ручаться, что в этом деле *мирного строительства мы в ближайшие годы сотворим несравненно большие чудеса*, чем мы совершили за эти два года победоносной войны против всемирно-могущественной Антанты.

Разве не замечательно, что это сказано в 1919 году, тогда, когда наша Родина была окружена кольцом вражеских нам государств, ковавших против нас военные козни.

И тогда-то, в тех-то условиях, несмотря на наши победы над врагами, на VII Всероссийском съезде В. И. Ленин предложил принять резолюцию, которая гласила:

«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада».

Вы, господин канадец, не разобрались в элементарных вопросах марксизма-ленинизма о соотношениях между законами, определяющими развитие общества, и между теми мероприятиями, которые организует сознательное общество для того, чтобы ослабить губительное действие отрицательных законов и чтобы, несмотря на эти законы, создать условия, максимально благоприятствующие смягчению того кризиса, ведущего периодически к катастрофам, которыми чревато капиталистическое общество.

Вот почему мы заявляем и сейчас, что нет никакого противоречия между таким положением, что война — неизбежное явление в капиталистическом, империалистическом обществе, о чём учат наши учителя, чему учит вся история человечества, и стремлением ограничить, обуздать действие этого закона. Наоборот, несмотря на то, что войны свойственны капитализму, демократические силы в состоянии сорвать войну, предотвратить войну своей сплочённостью, силой и решимостью предотвратить войну. Чем сильнее будет единство народных масс в борьбе против войны, чем сильнее будет звучать голос протеста народов против войн, тем скорее будет сведена на нет опасность войны. Мощь солидарности миролюбивых народов способна парализовать действие таких явлений, как подготовка войны, и спасти мир от этого страшного бедствия.

Вот почему, господа, когда здесь цитируют некоторые места, замечательные, глубоко научно обоснованные места из работ наших учителей, пытаясь доказать, что если мы признаём, что, например, кризис свойствен капиталистическому обществу, то, следовательно, это значит, что мы стараемся поощрять развитие этого кризиса, — мы должны заявить, что это абсурд. Если вы считаете, что война свойственна капиталистическому обществу, то, следовательно, вы за войну, говорят нам наши противники. Это тоже абсурд, ибо задача заключается в том, чтобы преодолеть это свойство, закон, если хотите, капиталистического общества, чтобы сознательными усилиями народов парализовать действие таких свойств, законов капиталистического общества.

Так было перед второй мировой войной. Вспомните историю второй мировой войны.

Разве та почва, на которой взошёл гитлеровский милитаризм, не была оплодотворена золотым дождём американских долларов в 20-х годах? Разве гитлеровский милитаризм не был оплодотворён позорной мюнхенской политикой Франции и Англии, Даладьё и Чемберлена, за спиной которых стояли США — великая заокеанская держава?

Можно было бы на эту тему привести ряд документов. В своё время их приводили, я их рекомендую вашему вниманию. Эти документы не оставляют никакого сомнения, как и почему произошла вторая мировая война и кто несёт за неё ответственность.

Разве Советский Союз на всём протяжении того исторического периода, когда Гитлер уже запустил свою лапу в оккупированную им Чехословакию, не поднял свой голос в защиту независимости Чехословацкой республики? И разве Советский Союз не явился разоблачителем мюнхенской политики, которая должна была привести и привела ко второй мировой войне?

Такова советская внешняя политика — политика мира. Макнейл пытался извратить дело и оклеветать нашу внешнюю политику, доказать, что СССР не хочет мира. Дикий вздор!

Он не мог, конечно, это доказать по той же самой причине, которая является роковой для всех наших оппонентов, — из-за отсутствия доказательств. Этим объясняется тот факт, что деловое рассмотрение советских предложений Макнейл подменил — пусть он меня извинит: откровенность за откровенность — пустыми разговорами о всём, о чём угодно, только не о наших предложениях.

Макнейл постарался немало для того, чтобы уверить, что все народы хотят жить в мире. Нормальные люди, говорит он, нормальным образом желают мира. Это совершенно верно. Если прав господин Макнейл, что все нормальные люди желают мира, то выходит, что те, кто не желает мира, люди ненормальные. В таком случае — если прав господин Макнейл — в свете тех фактов, которые мне представляются совершенно бесспорными, надо признать, что в некоторых странах уже слишком много развелось этих ненормальных людей. Нельзя ли в этом случае поставить этих ненормальных людей в соответствующие условия? Ну, например, хотя бы надеть на них смиренные рубашки, может быть, это облегчит положение.

Мы отлично понимаем, и жаль, что этого не хочет понимать Макнейл, что дело идёт не о народах, дело идёт о тех реакционных кругах в некоторых странах, которые действительно хотят войны. Сначала «холодной войны», о чём откровенно говорил профессор Гарвардского университета Слайтер, и настоящей «горячей» войны, о чём трубят чуть ли не поголовно все руководящие американские деятели, определяющие политику Соединённых Штатов Америки.

Макнейл пытался доказывать, что никакая война не угрожает миру, но то же говорили герои Мюнхена в самый канун второй мировой войны. Они тоже доказывали, что Гитлер не готовит войны. И мы предупреждали — Советский Союз предупреждал, что Гитлер готовит войну и что не следует поощрять эту подготовку.

Почему в действительности стала возможной вторая мировая война? Это давно всем известно. Конечно, то, что она стала возможной, то, что она была, доказывает, что была к ней и подготовка. И мы знаем

это на основе исторических данных. Но мы также знаем, что со стороны правительств Великобритании и Франции, а также Соединённых Штатов Америки не было сделано ни одного движения для того, чтобы предотвратить организацию этой войны, а наоборот, они усыпляли общественное мнение тем, что никакой войны не будет — надо только умиротворить Гитлера, и помогали Гитлеру. Начали умиротворять Гитлера займами и поощрением его захватнической политики.

Мы против этой политики умиротворения. Против этой политики успокоения, в особенности тогда, когда речь идёт о том, что успокаивают нас те, которые одновременно с тем, что говорят: «Не будет войны», ведут самую дикую пропаганду подготовки этой войны, не только пропаганду, но и самую подготовку этой войны.

Г-н Макнейл пытался оспаривать, поколебать утверждение о 600 миллионах сторонников мира: он даже привёл ряд стран в пример, где коммунисты получили незначительное количество голосов, чтобы показать слабость коммунистического влияния. Но дело идёт вовсе не о выборах. И вовсе нехарактерно для того, чтобы определить настроение народа в отношении мира, показывать, каковы были результаты избирательной кампании в отношении той или другой политической партии в той или другой капиталистической стране.

Известно, что в этом отношении играет большую роль система выборов. Известно, что «жюльмоковская» система во Франции была специально изобретена для того, чтобы тот, кто больше имеет голосов, тот меньше получил мест. Известно, что это историческая традиция всех такого рода парламентских систем, недаром же в Англии процветала и до сих пор даёт себя чувствовать система, которая называется «система гнилых местечек». Поэтому нечего хвалиться тем, что, дескать, там вот мало голосов получили коммунисты. 600 миллионов борцов за мир — это 600 миллионов!

Нам говорит г-н Макнейл: «Вы посмотрите, друзей у вас становится всё меньше и меньше!»

Это глубокое заблуждение: друзей у нас становится всё больше и больше. Я бы посоветовал г-ну Макнейлу снять со своих глаз шоры, открыть глаза, оглядеться вокруг себя и посмотреть, что делается вокруг. Разве он не видит, как во всех странах пришли в движение миллионы людей? Это, г-н Макнейл, не ваши друзья, потому что вы не их друг. Это наши друзья, друзья мира, друзья демократии в лучшем, высоком смысле этого слова.

Если вы этого не замечаете, если вы воображаете, что человек, сидящий на месте, где на дощечке написано «China», является действительным представителем китайского народа, то ведь это горчайшее заблуждение. И вас ждёт очень скоро разочарование, ибо этот гоминдановский человек никакой он не представитель Китая, ибо Китай — уже теперь новый Китай, демократический Китай, с 500 миллионами...

(Председатель призывает оратора «к порядку»).

Я очень жалею, что г-н председатель не нашёл в себе мужества призвать к порядку тех, кто выступал до меня и говорил то, что совершенно не относится к делу. Но я человек дисциплинированный. Я не помешаю вашему порядку. Это не означает, конечно, что я не буду следовать своему порядку.

Г-н Макнейл говорил нам: «Покажите нам ваши бюджеты». Он хотел доказать, что мы милитаристическая держава, что мы не хотим мира и что мы готовимся к войне и создаём чудовищные армии.

«Покажите ваши бюджеты» — пожалуйста. Я готов вам показать наши бюджеты. Но Макнейл должен был бы это знать и без моей помощи, ибо 11 марта 1949 года во всех московских газетах был опубликован полностью наш бюджет на 1949 год.

Здесь сказано: — Я извиняюсь, г-н председатель, это можно мне говорить? *(Председатель отвечает утвердительно. Общий смех).*

«Советское государство, наряду с огромным хозяйственным строительством, осуществляет большой план социально-культурных мероприятий, которые являются важным средством повышения уровня культуры и материального благосостояния народа. На эти мероприятия в бюджете 1949 года предусматривается 119,2 млрд. руб., т. е. рост против 1948 года на 13,6 млрд. руб...»

Из общей суммы расходов идут на такие-то столько, на такие-то столько и т. д., и вот теперь доходим до военных расходов.

«На 1949 год предусмотрено израсходовать на содержание наших вооружённых сил 79,1 млрд. руб., или 19,0 проц. расходов бюджета. Некоторое увеличение военных расходов по сравнению с прошлым годом (когда эта сумма выражалась в 17 процентов. — А. В.) связано с повышением оптовых цен и железнодорожных тарифов.

Ассигнования на вооружённые силы, предусмотренные в бюджете на 1949 год, обеспечивают денежными средствами все расходы Советской Армии, надёжно оберегающей свободу и независимость нашей Родины».

Вот как обстоит дело с нашим бюджетом. 19 процентов, или 79,1 миллиарда рублей, составляют ассигнования на военные нужды на 1949 год, которые запланированы в нашем бюджете.

А как дело обстоит на этот счёт, скажем, в других странах. Ну вот, например, в Англии?

Удельный вес военных расходов в бюджете Англии в 1949/50 г.г. больше, чем до войны, и составляет в этом году 30 процентов всех расходов.

А бюджет Соединённых Штатов Америки на 1949/50 г.г.? Из общей суммы 42 миллиарда долларов прямые расходы на вооружение и вооружённые силы в США составляют 14 миллиардов 268 миллионов долларов, т. е. 34 процента всего бюджета.

По произведённым подсчётам, около 30 миллиардов, или 69 процентов всего бюджета Соединённых Штатов Америки в 1949/50 г.г., направляются прямо или косвенно на военные цели.

А во Франции? Здесь 20 процентов государственных расходов Франции падают на военные нужды. Но ведь известно, что главная масса военных мероприятий осуществляется во Франции для французской армии не за счёт французского бюджета, а за счёт американского бюджета. Кстати, это неплохая иллюстрация к вопросу о государственном суверенитете!

Не случайно поэту в английской, французской и американской печати по этому поводу высказывались такие мысли, что этот военный

бюджет превышает всякого рода допустимые нормы бюджетов, которые применялись в нормальных условиях. Вот вам ответ, г-н Макнейл, на ваш вопрос о нашем бюджете.

9. СОЮЗНИЧЕСКИЙ ДОЛГ И СССР

Здесь сегодня прекрасно говорил польский делегат господин Вербловский о роли, которую сыграл в этой войне Советский Союз. Я ему благодарен за это, но к тому, что он сказал, я хотел бы добавить ещё несколько слов.

Он напомнил об одном эпизоде громадной исторической важности. Это очень важный эпизод. Может быть, господа, он кому-нибудь поможет впредь с большей ответственностью относиться к своим словам, когда речь идёт о роли СССР во второй мировой войне.

Это было время, когда фронт на Западе, возглавленный Эйзенхауэром, в составе которого была и английская авиация, подчинённая маршалу авиации Теддеру, находился в чрезвычайно тяжёлом положении. Вот телеграмма, которую послал Черчилль 6 января 1945 года главе советского правительства и главнокомандующему нашими войсками Генералиссимусу Сталину:

«На Западе идут очень тяжёлые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы».

Кто понимает военный язык, тот знает, что это значит «потеря инициативы» генералом Эйзенхауэром.

«Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он ещё не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причём лишь при условии сохранения её в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

Вы должны понимать, что означала посылка такой телеграммы 6 января 1945 года Уинстоном Черчиллем Генералиссимусу Сталину. Это означало призыв к героическим усилиям, чтобы спасти Западный фронт. Мы забыли о том, как с нами обращались те же господа Черчилли и другие, когда они не выполнили своего обязательства об открытии второго фронта. Наши союзники были в опасности, и наша обязанность была выполнить свой союзнический долг. И Генералиссимус Сталин на следующий же день телеграфировал:

«Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер ещё не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку, и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем всё, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Что же случилось дальше? 17 января 1945 года У. Черчилль телеграфировал И. В. Сталину:

«От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте.

Вам, несомненно, теперь известны планы генерала Эйзенхауэра, и в какой степени осуществление их было задержано расстраивающим наступлением Рундштедта. Я уверен, что на всём нашем фронте бои будут идти непрерывно. Британская 21-я армейская группа под командованием фельдмаршала Монтгомери начала сегодня наступление в районе к югу от Роермонда».

В приказе И. В. Сталина советским войскам в феврале 1945 года было сказано:

«В январе нынешнего года Красная Армия обрушила на врага небывалый по силе удар на всём фронте от Балтики до Карпат. Она взломала на протяжении 1.200 километров мощную оборону немцев, которую они создавали в течение ряда лет. В ходе наступления Красная Армия быстрыми и умелыми действиями отбросила врага далеко на запад...

Успехи нашего зимнего наступления привели прежде всего к тому, что они сорвали зимнее наступление немцев на Западе, имевшее своей целью захват Бельгии и Эльзаса, и дали возможность армиям наших союзников в свою очередь перейти в наступление против немцев и тем сомкнуть свои наступательные операции на Западе с наступательными операциями Красной Армии на Востоке».

И вот, когда такие факты стоят перед нами, свежее, недавнее прошлое, мы слышим здесь речи бельгийского представителя, новозеландского представителя о том, что мы повторяем Геббельса и Гитлера. Господин Макнейл сегодня унижился до того, что он сказал, что наша политика — это геббельсовская политика. Я привёл это не для того, чтобы распространяться на эту тему, но только для того, чтобы напомнить господам критикам, что элементарное чувство благодарности должно было бы им подсказать поостеречься употреблять не только те слова, которые они употребляли, но и мыслить так, как они мыслят в отношении Советского Союза.

10. О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «КУЛЬТУРНЫХ» ДЕЛАХ США И АНГЛИИ

Г-н Макнейл, говоря относительно того, что мы мешаем передачам Бибиси, одновременно затрагивает вопрос и о «Голосе Америки» и о том, так сказать, что мы не позволяем им проникать за этот «железный занавес». Закрыли, мол, все окна и двери!

Но я должен сказать г-ну Макнейлу, в добавление к тому, что здесь сказал уже г-н Вербловский, что на самом деле все английские и американские радиопередачи — это самая оголтелая, враждебная пропаганда. Это призыв к восстанию, в сущности говоря, к войне против Советского Союза. Это оскорбительнейшая демагогия, это оскорбительнейшая клеветническая ложь. Я глубоко убеждён, что если бы мы приняли такие меры, которые обеспечили бы беспрепятственное печатание и беспрепятственные радиопередачи всего этого сбора клеветы, всех этих гнусностей по отношению к нашей стране, то это вызвало бы такой взрыв всеобщего негодования и гнева нашего народа, что это, вероятно, не было бы очень приятно г-ну Макнейлу и всем тем, которые добиваются того, чтобы мы не препятствовали этим передачам.

К этому необходимо добавить следующее, и тут я отвечаю также и г-ну Остину, жаловавшемуся на то, что мы не интересуемся поддержанием культурных связей с США. Г-н Макнейл говорил: «Откройте окна, откройте двери, дайте доступ чистому воздуху в Советскую Россию».

Я должен сказать, что двери и окна для чистого воздуха у нас всегда открыты, но что за воздух несётся к нам с этой стороны, с Запада и из-за океана.

Вот сейчас в Москве вышла книжка, которую я бы рекомендовал нашим критикам. Книга эта принадлежит перу известного английского журналиста Ральфа Паркера. Вам, господа английские представители, вероятно, известен Ральф Паркер, английский корреспондент, который прожил в Москве 8 лет, который теперь отказался возвращаться в Англию, потому что он не может, как он заявил, вернуться в страну, которая готовит войну против Советского Союза. В своей книге «Заговор против мира» он рассказывает, с какими целями проникают к нам через эти «открытые двери» господа английские «культурные» деятели. Позвольте мне процитировать несколько мест из книги Паркера. Это можно, г-н председатель? (*Председатель отвечает: «Можно». Общий смех всего зала.*) Спасибо. Цитирую:

«Приехавшие из Лондона корреспонденты, — пишет Паркер, — работали в тесном контакте с официальными должностными лицами. В английском посольстве каждое утро для них проводились инструктивные совещания, причём даже для английских корреспондентов, проживающих в Москве, доступ туда был закрыт».

Г-н Макнейл, откройте двери для ваших собственных журналистов в вашем собственном посольстве!

Паркер пишет, что, повидимому, опасались, что их присутствие может нарушить гармонию отношений, существующих между foreign office и дипломатическими корреспондентами, приехавшими из Лондона, которых называли «ручными тюленями».

Последнее прозвище намекало на их близость к Ридсдэйлю, главе отдела печати foreign office, принимавшему их в любое время дня и ночи. И дальше Паркер говорит, что он невольно любовался искусством, с которым представитель foreign office дрессировал своих «ручных тюленей» и что их отчёты о работе конференции ограничивались перечислением фактов, которые были целиком списаны из заранее подготовленных отчётов и докладов посольства, посылаемых в foreign office.

Паркер приводит целый ряд примеров, говорящих о том, как это самое Бибиси, как вообще foreign office старался как можно больше под видом этих журналистов заслать в СССР своих разведчиков. И вот это-то вскрывает, между прочим, секрет тех особенных настояний, которые проявил сегодня государственный министр Великобритании и один из руководителей foreign office, г-н Макнейл, требуя, чтобы мы во что бы то ни стало «открыли окна и двери» для этих самых английских разведчиков, скрывающихся под различными псевдонимами.

Я должен предупредить г-на Макнейла, что для подобного рода чубулки у нас не будут открыты ни двери, ни окна, ни даже форточки в окнах.

Г-н Остин также сетовал здесь на то, что мы против культурных связей, что мы обрываем все эти культурные связи, не хотим никакого общения.

Г-н Остин, почему вы игнорируете некоторые факты? Почему вы, например, не говорите о таком факте, который имел место в 1946 году, когда на III Американско-славянский конгресс в Нью-Йорк прибыло 6 делегатов Советского Союза и 5 делегатов УССР, которым было предложено зарегистрироваться как агентам иностранного государства или же немедленно покинуть Соединённые Штаты Америки. В составе этих делегаций были писатель Корнейчук, профессор Горбунов, несколько генералов, были известные украинские артисты, поэты, журналисты, профессор Львовского университета и т. д. И всем им в силу особого гостеприимства госдепартамента и министерства юстиции США пришлось, как говорится, «смотреться» и убраться во-свои.

А в марте 1949 года разве в Нью-Йорк на конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира не прибыла советская делегация в составе композитора Шостаковича, писателей Фадеева и Павленко, академика Опарина, кинорежиссёров Герасимова и Чижаурели, профессора Рожанского? И разве этим делегатам не помешали осуществить артистическое турне по США американские власти, давшие понять, что ввиду окончания конгресса им нет необходимости дольше оставаться в США.

Вы жалуетесь, что мы не хотим культурных связей, но разве вы не поддерживаете так называемые культурные связи со всякими предателями и изменниками вроде Кравченко, Касьенкиной и т. д. и т. п., которых вы поднимаете на щит, несмотря на то, что они изменники и предатели, и которых вы используете всячески для того, чтобы противопоставить этих негодяев Советскому Союзу! И в этих условиях вы хотите, чтобы мы поддерживали с вами культурные связи? Научитесь, г-н Остин, поддерживать действительно культурные связи с Советским Союзом, тогда мы ответим вам взаимностью.

Если вы хотите, чтобы мы развлекали вас нашим балетом, чтобы вас развлекали наши музыканты, артисты, актёры, оркестры, то для этого

нужны соответствующие условия, соответствующая обстановка. Их нет, однако, и их не будет до тех пор, покамест вы будете пригревать на своей груди предателей и изменников, врагов Советского Союза.

Мы поддерживаем широкие культурные связи со всеми народами, что целиком опровергает ваши лживые разговоры о каком-то «железном занавесе».

Вот если бы вы поинтересовались действительно этим вопросом, вы бы убедились, что не проходит дня, чтобы либо из СССР не выезжала какая-нибудь делегация в другие страны, либо в СССР не приезжала какая-нибудь делегация. Причём эти весьма оживлённые связи осуществляются по линии науки и искусства, включая все виды — от музыки и танцев до футбола и других видов спорта. Советский Союз поддерживает такие связи с целым рядом стран. Я их назову. Это Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Албания, Болгария, Финляндия, Китайская народная республика, Италия, Швеция, Восточная Германия, Бельгия, Корейская народная республика, Пакистан, где сейчас находится делегация советских писателей для участия в работе конгресса ассоциации прогрессивных писателей Пакистана. Это же факт! Если мы посылаем наши делегации, наших юристов, наших учёных, наших художников, наших музыкантов и в Бельгию, и в Италию, несмотря на сопротивление правительств этих стран, которое они оказывают этим нашим мероприятиям, то какое вы имеете право говорить о каком-то «железном занавесе», повторяя геббельсовскую грязную клевету?

Но мы посылаем в те страны, где нас встречают, как друзей, где нам не противопоставляют господ Кравченко и других ваших приятелей, где нас не пытаются порочить всякого рода баснями и клеветническими измышлениями, которые получаются из грязных источников.

Г-н Остин, подумайте же над этим, прежде чем бросаться такими обвинениями!

Лживо поэтому и лишено всякого основания заявление г-на Остина, что Советский Союз не желает идти обычными путями международного общения и не проявляет, таким образом, стремления к международному сотрудничеству.

Я, г-н председатель, кончаю.

Я должен сказать, что нельзя принять всерьёз, вероятно, это просто игра возбуждённого рассудка г-на Макнейла, когда он позволил себе сегодня сказать: «Вот Ленина учение, вот учение Сталина. Может быть, учение Ленина устарело? Тогда вы откажитесь от него».

Я должен заявить, что считаю ниже своего достоинства реагировать на такое наглое заявление.

Я не хочу говорить более резких слов.

Г-н Макнейл нас сегодня поразил замечательным знанием басен Крылова. Он давно уже мне говорил в частной беседе: «Я серьёзно изучаю ваши басни Крылова. Я вам отвечу».

Я с нетерпением ждал этого, когда же, наконец, он ответит. Вот он сегодня мне ответил. Он цитировал басню Крылова, имеющуюся в английском переводе. Перевод как будто приличный. Она называется «Змея», которую не Крылов, а Макнейл посвятил вашему покорному слуге.

Оказывается, по Макнейлу, я подобен змее. У меня такое же ядовитое жало, и, кроме того, я похож на соловья, потому что у меня очень мелодичный голос. Хорошо побывать хотя бы минуту в положении соловья, хотя бы в изображении г-на Макнейла. Итак, перед вами змея. Басня есть басня. Но я хотел бы дать г-ну Макнейлу совет — было бы лучше, пожалуй, если бы он обращался к английским басням, тогда, может быть, он был бы более в свём репертуаре. Он сделал ошибку, обратившись к басням Крылова, не изучив этих басен. Ибо, если г-н Макнейл счёл необходимым искать аналогии, то для объективности он должен был бы кое-какие ещё басни припомнить или прочитать. В вашем сборнике, г-н Макнейл, я его посмотрел сегодня, есть ещё другие басни и тоже о змее. Одну басню я хочу, в свою очередь, привести, чтобы не остаться у г-на Макнейла в долгу.

Эта басня называется «Клеветник и Змея».

Причём я не позволю себе никаких сравнений. Тут говорил г-н Макнейл обо мне, как о змее с соловьиной трелью. А я не буду говорить, о ком я думаю, когда я изложу вам эту басню. Вы сами, конечно, легко в этом разберётесь.

Позвольте мне воспроизвести эту басню. Итак, речь идёт о басне Крылова «Клеветник и Змея».

Напрасно, говорится в этой басне, про чертей болтают, что они совершенно не знают справедливости.

Вот было дело, когда заспорила змея с клеветником, «в торжественном ходу».

Друг другу первенства оставить
не хотели

И зашумели,

Кому из них итти приличней наперёд?» Змея говорила, что ей. Клеветник говорил, что ему. Пришли к Вельзевулу, чтобы он их рассудил. И вот что сказал Вельзевул.

Он обратился к Змее и, осадив её назад, сказал:

«Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю:
Ты зла,— твоё смертельно жало...
Но можешь ли язвить ты так издалика,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперёд
смирней».

С тех пор клеветники в аду почётней
змей».

Позвольте мне, господа, на этом кончить. Я очень благодарен, что г-н председатель меня только раз прервал во время моей речи, и то некстати.

Я кончил.

«Известия» № 274 (10114) и № 275 (10115)
от 20 и 22 ноября 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Я. А. МАЛИКА

В СПЕЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

Представитель СССР Я. А. Малик выступил с ответом на критику советских предложений и на выступления некоторых членов комитета. Остановившись на выступлении представителя США Хикерсона, Малик указал, что у представителей США вошло уже в привычку всю свою аргументацию сводить только к тому, что их предложения или предложения их партнёров принимаются большинством.

Советский представитель указал, что делегация СССР придерживается той точки зрения, что дело не в том, как решило большинство, объединившееся в систему военных союзов и не заинтересованное в сокращении вооружений, а, наоборот, заинтересованное в гонке вооружений. Дело в том, что правительства некоторых великих держав, и в первую очередь правительство США, не стремились и не стремятся до сих пор принять такие решения в вопросе сокращения вооружений и запрещения атомного оружия, которые были бы приемлемы для всех миролюбивых держав и которые разрешили бы задачу запрещения атомного оружия и сокращения вооружений и вооружённых сил. Эти государства не желают, чтобы решение вопроса о сокращении вооружений и о запрещении атомного оружия, равно как и международное соглашение по этим вопросам, были основаны на учёте законных интересов всех государств — членов ООН и государств, поддерживающих высокие принципы ООН, а не исходили бы из интересов какой-либо группы государств, преследующих свои узко эгоистичные цели.

Остановившись на предложениях французской делегации, которые столь активно поддерживает представитель США, Малик указал, что за этими предложениями скрываются старые намерения США отвлечь внимание ООН и мирового общественного мнения от основной задачи — немедленного сокращения вооружений и вооружённых сил и безусловного запрещения атомного оружия, что в действительности и явилось бы одним из важнейших мероприятий, обеспечивающих усиление и развитие международного доверия.

Советский представитель подчеркнул, что франко-норвежская резолюция не может быть принята и по процедурным соображениям, ибо она предлагает, чтобы Генеральная ассамблея утвердила предложения, принятые вспомогательным органом Совета безопасности — комиссией по вооружениям обычного типа — в обход Совета безопасности и без одобрения им этих предложений.

В заключение советский представитель призвал членов комитета серьёзно подойти к вопросу о разрешении стоящей перед ними важной задачи, которая соответствует кровным интересам народов всего мира, задачи по укреплению мира и усилению международного сотрудничества. Одним из важных шагов в этом направлении, сказал он, может быть и должно быть сокращение вооружений и вооружённых сил и запрещение атомного оружия.

Для подготовки практических мероприятий по выполнению этих задач необходимы полные сведения о вооружениях и вооружённых силах, и резолюция советской делегации полностью соответствует этой задаче. Советская делегация настаивает на том, чтобы были представлены полные данные по всем видам вооружений, включая атомное оружие. Только в этом случае Генеральная ассамблея сможет сделать реальный практический шаг в деле решения этой важной международной задачи, в которой заинтересованы миллионы людей.

«Правда» № 328 (11435)
от 24 ноября 1949 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
ПО ВОПРОСУ ОБ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
(23 ноября)

Надо ещё раз напомнить о резолюции Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года, которой была учреждена комиссия по вопросам, вызванным открытием атомной энергии. В этой резолюции на указанную комиссию возлагалось немедленно приступить к работе с тем, чтобы сделать Генеральной ассамблее конкретные предложения по вопросу об атомной энергии, в частности относительно «изъятия из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения», а также относительно контроля над атомной энергией в пределах, необходимых для обеспечения использования её только в мирных целях.

Через два месяца исполнится четыре года со времени принятия этой исторической резолюции, между тем ни одно из этих постановлений Генеральной ассамблеи до сих пор не выполнено.

Никаких мер по изъятию атомного оружия из национальных вооружений не разработано и, естественно, не принято. Никакие меры по контролю над атомной энергией в пределах, необходимых лишь для мирных целей, также не разработаны и, следовательно, не осуществлены. Не осуществлены какие-либо меры предосторожности и защиты государств, соблюдающих соглашения, от возможных нарушений и уклонений. Это факт, который заслуживает серьёзного внимания.

1. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ЗА ЗАПРЕЩЕНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ,
ЗА СТРОГИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Советский Союз со своей стороны сделал всё, что было в его силах, для выполнения постановлений Генеральной ассамблеи, для того, чтобы действительно избавить человечество от угрозы массового уничтожения при помощи таких средств войны, как атомное оружие — оружие агрессии, применение которого возмущает совесть и оскорбляет честь миролюбивых народов.

Советский Союз с самого начала предложил заключить конвенцию о запрещении производства и применения атомного оружия, основанного на использовании атомной энергии, в целях массового уничтожения.

19 июня 1946 года СССР представил соответствующий проект конвенции в комиссию по атомной энергии.

Гоминдановский делегат заявил в Специальном комитете, что прошёл год, прежде чем СССР внес свои предложения по инспекции. Он умолчал, однако, что в предложениях 19 июня 1946 года предусматривались суровые кары для нарушителей этой конвенции. Это заявление не соответствует действительности. Но я не собираюсь полемизировать с этим господином, раньше всего по той простой причине, что неизвестно, кого он представляет. Известно, что 15 ноября министр иностранных дел Центрального народного правительства Китайской народной республики г-н Чжоу Энь-лай сообщил председателю Генеральной ассамблеи г-ну Ромуло, что делегация, возглавляемая Цзян Тин-фу, не может представлять Китай и не имеет права выступать в ООН от имени китайского народа.

Делегация СССР поддерживает это заявление и не будет рассматривать гоминдановскую делегацию как представляющую Китай.

Документ СССР от 19 июня 1946 года лишний раз подчёркивает, что Советский Союз не теряет в этом вопросе времени, отдавая себе отчёт в исключительной важности быстрее разрешения этого вопроса. В этой конвенции предлагалось, чтобы договаривающиеся стороны торжественно заявили о своём единодушном решении запретить производство и применение атомного оружия и взять на себя обязательства:

- а) не применять ни при каких обстоятельствах атомного оружия;
- б) запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;
- в) уничтожить в трёхмесячный срок, считая со дня вступления в силу настоящей конвенции, весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия.

Советский проект объявлял нарушение указанных выше обязательств тяжчайшим международным преступлением против человечества и предлагал установить суровые кары за нарушение этой конвенции. Вслед за тем СССР предложил принять решение о том, что «эффективная система контроля над атомной энергией должна осуществляться в международных масштабах и должна быть создана путём подлежащей обязательному проведению многосторонней конвенции, которая должна осуществляться в рамках Совета безопасности».

В советских предложениях, внесённых представителем СССР 18 февраля, 25 марта и 3 июня 1947 года, указывалось на то, что «контрольные органы и органы инспекции должны осуществлять свои контрольные и инспекторские функции, действуя на основе своих собственных правил, которые должны предусматривать принятие в соответствующих случаях решений большинством голосов». Это предложение СССР разоблачило фальшь утверждений о том, что советский проект контроля предусматривает применение при голосовании правила единогласия, что, как видно из вышеизложенного, не соответствует действительности и что использовалось как повод для затягивания и в конечном счёте

срыва предложений о заключении конвенции по запрещению атомного оружия. Между тем представитель США не постеснялся в своём выступлении 11 ноября в комитете ad hoc вновь пустить в оборот эту клевету!

Следует напомнить, что ещё 17 сентября 1946 года в своём ответе на вопросы московского корреспондента «Санди таймс» г-на Верта глава советского правительства И. В. Сталин указал, что атомная бомба не является такой серьёзной силой, какой склонны её считать некоторые политические деятели.

«Атомные бомбы,— сказал И. В. Сталин,— предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб. Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создаёт угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено».

23 октября 1946 года в ответ на вопрос президента американского агентства Юнайтед Пресс г-на Бейли о том, как можно лучше контролировать атомную энергию и должен ли этот контроль создаваться на международной основе, И. В. Сталин сказал, что «нужен строгий международный контроль».

Нужно внимательно ознакомиться с этими предложениями, чтобы стало совершенно очевидным, насколько лживыми и тенденциозными являются утверждения противников этих предложений, что Советский Союз якобы против инспектирования предприятий атомной энергии, против доступа на любое такое предприятие представителей контроля и инспекции и т. п.

В самом деле, какие задачи в советских предложениях ставятся перед инспекцией по атомной энергии?

Это —

- 1) Проверка запасов атомного сырья, материалов и полуфабрикатов;
- 2) Собрание и обработка данных о добыче атомного сырья и о производстве атомных материалов и атомной энергии;
- 3) Изучение производственных операций в объёме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и атомной энергии. Наблюдение за выполнением предписанных конвенцией о контроле правил технической эксплуатации, а также разработка правил технологического контроля для этих предприятий, которые инспекция вправе предписывать этим предприятиям;
- 4) Обследования деятельности предприятий, добывающих атомное сырьё, периодические и специальные;
- 5) Рекомендации правительствам по вопросам, относящимся к производству, хранению и использованию атомных материалов и атомной энергии;
- 6) Наконец, рекомендации Совету безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенции «О запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией».

В соответствии с этими задачами советский проект предлагает наделить международную контрольную комиссию чрезвычайными широкими правами и полномочиями.

В первую очередь здесь надо сказать о праве комиссии иметь доступ на любое предприятие по добыче, производству, хранению атомного сырья и материалов, а также по эксплуатации атомной энергии.

2. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК СТРЕМИТСЯ СОРВАТЬ СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Противники советских предложений всячески замалчивают эти предложения, распространяя ложные заявления, будто бы Советский Союз не желает открыть двери своих атомных предприятий. Между тем в пункте 7 «А» советских предложений содержится требование — обеспечить международной контрольной комиссии для выполнения задач по контролю и инспектированию, возложенных на эту комиссию, доступ на любое предприятие по атомной энергии.

Как указано в пункте 7 советских предложений, международной контрольной комиссии предоставляется право знакомиться со всеми производственными операциями на предприятиях атомной энергии в необходимом для контроля объёме; производить всякие взвешивания, промеривания и различного рода анализы атомного сырья, материалов и полуфабрикатов; требовать от правительства любого государства и проверять различного рода сведения и отчёты о деятельности указанных предприятий, требовать разного рода объяснений, относящихся к деятельности предприятий атомной энергии. Она может давать правительствам рекомендации по вопросам производства и использования атомной энергии, а также представлять на рассмотрение Совета безопасности рекомендации о мерах в отношении нарушителей упомянутых выше конвенций.

Отстаивая право каждого государства производить научно-исследовательские работы в области атомной энергии, советские предложения в то же самое время подчиняют эту работу действию конвенции по запрещению атомного оружия и по недопущению использования атомной энергии в военных целях. Предложения СССР от 11 июня 1947 года предоставляют международной контрольной комиссии возможность проводить научно-исследовательскую деятельность в области атомной энергии для мирных целей, подчёркивая, что одной из важнейших задач международной контрольной комиссии должно быть обеспечение широкого обмена информацией в этой области между странами и оказание необходимой помощи путём консультаций тем странам — участникам конвенции, которые могут нуждаться в такой помощи.

Таковы функции международной инспекции, изложенные в советских предложениях, вполне достаточные для осуществления международной контрольной комиссией задач по международному контролю.

Противники советских предложений пытались дезориентировать общественное мнение в отношении позиции Советского Союза в вопросе об атомной энергии. В августе 1947 года представитель Великобритании даже представил специальный вопросник, в котором путём тенденциозной постановки вопросов, касающихся отдельных предложений, была сделана попытка дискредитировать эти предложения. Эта попытка, естественно, окончилась провалом. Но, несмотря на это, до сих пор

ещё продолжаются инсинуации по поводу советских предложений об инспекции, в основе которых лежат те же вопросы британского представителя. Так, например, до сих пор подвергается обстрелу имеющаяся в советских предложениях формула о периодически осуществляемом инспектировании предприятий, добывающих атомное сырьё и производящих атомные материалы и атомную энергию.

Однако уже два года тому назад советский представитель, отвечая на соответствующий вопрос представителя Великобритании, разъяснил, что периодическая инспекция предусматривает инспектирование всех предприятий, начиная с рудников и кончая заводами по производству ядерного горючего, не в определённые, заранее установленные периоды времени, а в зависимости от надобности, по решению международной контрольной комиссии. (Ответ на второй вопрос «Б» 5 сентября 1947 г.).

Должно быть, кажется, ясным, что такой постановкой вопроса устраняется всякая опасность произвола со стороны отдельных государств, так как вопрос о времени производства инспекции, о так называемых периодах инспектирования целиком находится в руках международного контрольного органа. Тем не менее мы были свидетелями попыток некоторых делегаций критиковать эту формулу «периодические инспектирования» как якобы ограничивающую права международного контрольного органа и якобы дающую право правительствам отдельных государств, ссылаясь на свой суверенитет, не допускать инспекцию, независимо от решения международного контрольного органа. Такую попытку сделал, в частности, в комитете ад-хок помощник государственного секретаря США Хикерсон.

Что касается заявлений о неэффективности периодической инспекции, то такие заявления не выдерживают никакой критики. Уже в первом докладе атомной комиссии Совету безопасности (1946 год) указывалось, что в имеющихся в распоряжении рабочего комитета научных фактах нет никаких оснований для предположения, что эффективный контроль технически не осуществим.

В этом докладе вместе с тем указывается, что если бы имели место попытки утайки материалов на ранних стадиях производства или из скрытых рудников для производства атомного оружия, то для получения ядерного горючего пришлось бы эксплуатировать втайне большие и сложные установки. Это потребовало бы постройки соответствующих заводов, что связано с большими промышленными операциями и многими видами вспомогательной деятельности необычного характера, что скрыть от инспекции было бы крайне трудно, если не невозможно.

Вывод, к которому пришёл комитет, гласит, что «было бы затруднительно производить тайную эксплуатацию рудников или обогащение урановых и ториевых руд, даже если бы данные об их геологических месторождениях не были хорошо известны, ввиду больших количеств материала, который должен быть переработан, и общих трудностей скрывания горных операций».

Чтобы подкрепить позицию противников советских предложений, пять держав, опубликовавшие 5 октября с. г. заявление по атомному вопросу, ссылаются на то, что инспекция не может предотвратить утайки, так как «невозможно проверить действительное количество атомных

материалов внутри урановых котлов или реакторов по сравнению с количествами, указанными в записях». Но дело в том, что при всех системах контроля не исключены злоупотребления и нарушения конвенции. В этом откровенно признался представитель США Осборн в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс».

Я дважды указывал на это обстоятельство. Осборн утверждал, что даже если все атомные материалы и атомные предприятия будут переданы в собственность международного контрольного органа, в руках которого будет сосредоточен весь контроль и инспектирование, как это предусматривает англо-американский план, то и в этом случае «потенциальные взрывчатые вещества попрежнему могут оказаться в руках государств путём захвата, если положение окажется почти безнадежным». Это же надо сказать и о других способах злоупотребления и нарушения конвенции, в том числе и об утайке атомного сырья для тайного производства атомного оружия. Не надо забывать к тому же, что во всех такого рода случаях немалую роль будет играть личный состав контрольного аппарата, который, конечно, будет подчиняться своей администрации. Если допустить злоупотребления со стороны государств, то почему же не допустить злоупотребления и со стороны так называемого международного контрольного органа, его администрации, его персонала, при помощи которого можно действовать в любом направлении? Мы далеки от таких подозрений, но такие подозрения высказываются авторами американского плана, они в одинаковой мере могут быть отнесены и к администрации международного контрольного органа.

Что касается контроля над атомной энергией вообще, то, по заявлению столь авторитетного специалиста в этой области, как бывший член комиссии Лиллиентала, ныне представитель Рокфеллеровского фонда г-н Честер Барнард, контроль над атомной бомбой не может быть таким трудным, как над другими видами вооружения. Эта точка зрения находит своё полное оправдание в таких объективных фактах, как то, что:

а) Для производства атомной бомбы нужно большое количество сырья, что, таким образом, затрудняет утайку сырья и облегчает раскрытие такого злоупотребления;

б) Для производства атомных бомб необходимы большие и сложные заводы, что также затрудняет тайное производство атомного оружия и облегчает раскрытие злоупотребления и в этом отношении.

Ясно, что сылки на большую трудность контроля над атомной энергией, чем над какими-либо другими предприятиями по изготовлению оружия, лишены всякого основания.

Советский Союз настаивает на необходимости запретить атомное оружие и установить строгий международный контроль, заключив в этих целях соответствующие конвенции или конвенцию. Известно также, что Советский Союз до 3-й сессии Ассамблеи отстаивал необходимость прежде всего заключить конвенцию о запрещении атомного оружия. Это вполне логично, так как устанавливать контроль над выполнением какого-либо мероприятия можно лишь на основании такого мероприятия. Контролировать несуществующее — это всё равно, что черпать воду решето.

Противники советского предложения о заключении конвенции о запрещении атомного оружия, не считаясь с логикой вещей, требуют, однако, предварительного заключения конвенции о контроле. Самое запрещение атомного оружия они ставят в зависимость от системы и формы контроля, игнорируя то обстоятельство, что, наоборот, система и формы контроля должны соответствовать содержанию конвенции о запрещении атомного оружия. Но в целях устранения излишних препятствий в этом деле Советский Союз согласился на одновременное заключение конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции о контроле.

Но достойно внимания такое обстоятельство, что стоило только Советскому Союзу согласиться с одновременным заключением обеих этих конвенций, как нашлись новые возражения. 9 ноября с. г. на заседании Специального политического комитета представитель Великобритании заявил, что новое советское предложение об одновременном заключении конвенций по запрещению и по контролю — «не в большей мере приемлемо или выполнимо, чем его более ранние требования немедленного запрещения атомного оружия, за которым должна последовать через некоторое неопределённое время в будущем разработка системы контроля». Такое заявление выдаёт противников советского проекта с головой, лишней раз доказывая, что США и Великобритания, возглавляющие сопротивление советским предложениям, вовсе не заинтересованы ни в запрещении атомного оружия, ни в установлении контроля, что они заинтересованы как раз в обратном.

И не случайно, господа, что в прошлом году на заседании Совета безопасности представитель Соединённых Штатов профессор Джессеп по вопросу о контроле над атомной энергией сделал заявление, которое нельзя понять иначе, как ультиматум: должен быть принят американский план контроля над атомной энергией, либо вообще никакого контроля не будет и будет продолжаться гонка атомных вооружений и что никаких компромиссов здесь быть не может. При такой постановке вопроса, конечно, нельзя говорить ни о каких консультациях, ни о каких переговорах, ни о какой перспективе соглашения, ибо это диктат, это ультиматум, а с Советским Союзом, против которого этот диктат-ультиматум и был направлен, языком диктата и ультиматумов не разговаривают. По крайней мере, Советский Союз разговаривать с ним таким языком никому не позволит.

3. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН КОНТРОЛЯ — НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА США

Известно, что англо-американский лагерь настаивает на этом плане, изобретённом в 1945 году комиссией Ачесон — Барух — Лиллиенталь.

Этот план, однако, достаточно скомпрометирован, и не случайно появилось заявление канадского представителя, в котором он доказывает, что нынешний американский план значительно якобы отличается от плана Ачесона — Баруха — Лиллиентала. Оказывается, сейчас этот план в своём натуральном, обнажённом виде становится очень трудно защищать — нужно его прикрыть чем-то. И вот начинаются поиски при-

крытия, и эти прикрытия находят в заявлениях, что это уже не тот план, что это совсем другой план, что он отличается от первоначального плана Ачесона — Баруха — Лилиентала тем-то, тем-то, тем-то и тем-то.

Чепуха, господа, ничем он не отличается от первоначального плана. Одни фразы заменены другими фразами. Сущность оставлена та же. Принципы остались те же. Основы остались те же. Весь план остался тот же, каким он был сформулирован тогда, когда его изобретали господа Ачесон, Барух и Лилиенталь. Этот план, как было уже не раз нами показано, не имеет ничего общего с задачей запрещения атомного оружия и установления международного контроля. Это план американской политики мирового господства. Этот план был выдвинут в то время, когда Соединённые Штаты Америки были монополистами в области атомного оружия и рассчитывали так и остаться на долгие годы обладателями этой монополии. С точки зрения интересов американских монополий и был построен план Ачесона — Баруха — Лилиентала, чем и объясняются все его особенности, все его пороки, делающие этот план неприемлемым для других государств. Это надо сказать особенно о государствах, действительно стремящихся к запрещению атомного оружия и к установлению строгого международного контроля.

Главная особенность американского плана контроля заключается в предложении передать все атомные ресурсы, все предприятия по обработке атомных материалов, а также все смежные предприятия, научно-исследовательскую работу в исключительное распоряжение так называемого международного контрольного органа на основе права собственности. Этот план оставляет в распоряжении государств лишь второстепенные, мелкие, так называемые «неопасные» ресурсы атомной энергии и предприятия. Но и эти предприятия ставятся в полную зависимость от так называемого международного контрольного органа.

Однако само определение опасного или неопасного предприятия, определение опасных или неопасных количеств атомных материалов предоставляется по американскому проекту международного контроля целиком и полностью международному контрольному органу. Это прямо заявляется во втором докладе атомной комиссии.

«Критерий, — читаем мы в этом докладе, — для определения опасных и неопасных видов деятельности будет время от времени меняться. Придётся считаться со многими факторами, и в различных предприятиях эти факторы будут различными. Поэтому необходимо, чтобы международный орган при определении того, что является опасным и что — неопасным, принимал во внимание прогресс в науке и технике».

Все такие мероприятия сводят на нет суверенные права государств, их государственный суверенитет. Не случайно поэтому, какой уж год мы присутствуем при развёрнутом наступлении англо-американского блока против принципа государственного суверенитета, объявленного «реакционной идеей», «пережитком феодализма», «старым предрассудком», унижаемого и униженного до предела! Не случайно потому, что государственный суверенитет является серьёзным препятствием для завоевания мирового господства, не терпящего независимости и самостоятельности других стран, государств и народов!

Не случайно поэтому и то сопротивление, которое Советский Союз оказывает этому унижению и отрицанию государственного суверенитета.

Здесь выступает на сцену вопрос о квотах или о ратификации использования атомной энергии, — это новое нарушение, новая попытка ниспровержения государственного суверенитета.

Во втором докладе атомной комиссии указывается, что на международный контрольный орган «должна быть возложена, в дополнение к его обязанностям по управлению, также и обязанность принимать и проводить в жизнь решения относительно квот, положений и принципов, содержащихся в договоре или конвенции и касающихся производства, распределения и накопления запасов ядерного горючего, равно как и распределения и использования опасных средств производства, имеющих дело с ядерным горючим».

Таким образом, право владеть атомной энергией или быть лишённым этого права целиком отдаётся в руки так называемого международного контрольного органа. Поэтому все оговорки, содержащиеся в американском плане, по поводу каких-то прав собственности на атомную энергию национальных государств теряют всякое значение. Эти оговорки, как это будет видно дальше, предназначены исключительно для того, чтобы прикрыть подлинную сущность американского плана, направленного на то, чтобы облегчить Соединённым Штатам Америки возможность овладеть всеми мировыми запасами атомного сырья, чтобы облегчить им возможность по своему усмотрению направлять дальнейшее развитие атомной энергии, регулируя это развитие так, как это будет диктоваться интересами американских монополистов. Едва ли необходимо особо подчёркивать, что такие принципы так называемого международного контроля несовместимы с государственным суверенитетом, отрицают начисто государственный суверенитет, лишая отдельные государства всякого влияния на развитие народного хозяйства, основы подлинной государственной суверенности.

Нам говорят: «Значит, вы не допускаете никакого ущемления, никакого ограничения, никакого ущемления государственных прав даже во имя высших благ международного сотрудничества?»

Мы не раз уже отвечали на это совершенно искусственное и необдуманное возражение, и я должен и здесь ответить на такого рода возражения, так как это основа международного права, что всякое международное соглашение, на какой бы почве оно ни было организовано, всегда означает некоторое ограничение прав государства.

Но вы сравните этот принцип с тем, что нам подсовывают в виде международного плана так называемые американские ракетели суверенитета. Здесь уж не остаётся речи ни о каком суверенитете. Ибо речь идёт не об ограничении частично тех или иных суверенных прав, а о полном отрицании этих суверенных прав. Но в таком случае уже нет государства, ибо государства должны осуществлять и могут осуществлять свою суверенную волю.

Какая же может быть суверенная воля, когда берётся в такие жёсткие тиски всенародное хозяйство, основа всякого государственного суверенитета? Без независимого, самостоятельного государственного хозяйства, без независимой экономики страны не может быть никакого государственного суверенитета.

Страна, которая лишена своей экономической независимости, уже не суверенная страна. Она тогда — слуга чужой воли. А суверенитет —

это означает — священная и независимая воля данного народа, данной страны, данного государства.

Пусть же наши противники поймут в конце концов, что, возражая против нашей концепции суверенитета, объявляя её отжившей, старомодной, реакционной, феодальной идеей, в сущности говоря, отрицая суверенитет как таковой, — они жертвуют своим суверенитетом, и это мы видим теперь на ряде примеров.

Что такое «план Маршалла», как не подчинение Соединённым Штатам Америки суверенности всех других государств, которые надели на свою шею этот экономический хомут?

Но это особая тема, и я не буду говорить об этом, чтобы не затягивать своего доклада. Для нас суверенитет есть суверенитет.

Вы можете принять этот план, но вы потом увидите его пагубные результаты для экономического, хозяйственного, культурного развития ваших стран, какие вы уже ощущаете в результате действия так называемого «плана Маршалла». Вы его прекрасно знаете, хотя вы не можете, вы не в таком положении (по крайней мере, многие из вас, — мы вас понимаем и вам сочувствуем), вы не можете это откровенно сказать, потому что вы связаны, опутаны золотой долларовой паутиной американских монополий.

Чтобы прикрыть свои действительные цели мирового господства в области атомной энергии, американский план играет на струнках интернационализма, демагогически противопоставляя интернационалистические чувства национализму и государственному суверенитету, объявленному пережитком феодализма и вообще реакционной идеей. США, Великобритания и их друзья всячески рекламируют американский план именно как план интернационального порядка, защищающий якобы «общечеловеческие» интересы против узких интересов отдельных государств, ставящих своё благополучие выше «высшего» «общего блага».

Все эти ссылки на общечеловеческие идеи и интересы, на какой-то «интернационализм» и т. д. являются, однако, не чем иным, как камуфляжем, как попыткой замаскировать подлинную сущность американского плана, ничего общего с такой высокой материей, разумеется, не имеющего. Весь американский план так называемого международного контроля подчинён одному руководящему началу — обеспечить в международном контрольном органе максимальное влияние американских монополий, сделать этот орган орудием осуществления их политики, орудием достижения их экспансионистских целей, американской политики мирового господства! Ни о каком «духе интернационализма» здесь не может быть и речи. Это закамуфлированный американский орган. Это видно и из того, что будет представлять собой состав членов этого органа и его персонал. Большинство членов этого органа будет состоять из представителей, послушных на 100 процентов американскому правительству, из людей, в преданности которых американской политике нельзя сомневаться. Это подтверждается на наших глазах каждый день и час всей практикой органов организации Объединённых наций!

Что касается аппарата международного контрольного органа, то и здесь нет оснований сомневаться в такой же степени обеспечения

американского влияния. Ведь сам г-н Барух откровенно признал, что штат сотрудников международного органа должен быть подобран по признаку «несомненной компетенции», а также «по мере возможности и по принципу международного представительства».

Это замечание Баруха о том, что при подборе сотрудников международного контрольного органа будет отдаваться предпочтение «несомненной компетентности», достаточно для того, чтобы представить себе, из кого в действительности будет набран этот персонал. Оговорка г-на Баруха, что принцип международного представительства будет соблюдаться «по мере возможности», также весьма характерна и говорит, кажется, сама за себя.

При той структуре международного контрольного органа, при том составе его членов, его аппарата, при той роли и степени влияния в этом органе США, какие предусматриваются американским планом этой контрольной системы, не может быть речи о каком-то «духе интернационализма», которым усиленно спекулируют инициаторы американского плана. Это не международный орган, а американский орган. Он строится, как американский орган, и с точки зрения тех целей, какие он действительно призван осуществлять по плану Ачесона — Баруха — Лилиентала, принятому большинством атомной комиссии.

4. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН — ПРОТИВ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ ДЛЯ МИРНЫХ ЦЕЛЕЙ

При изучении материалов атомной комиссии бросается в глаза факт, что в этих материалах меньше всего обращается внимания на необходимость сочетать интересы международной безопасности, — что, в первую очередь, может быть достигнуто запрещением использования атомной энергии в военных целях и что меньше всего интересует большинство атомной комиссии, — с интересами развития производства атомной энергии в мирных целях. Тщательное изучение американских предложений по атомной энергии заставляет думать, что весь этот план следует одну цель — во что бы то ни стало помешать развитию производства атомной энергии для мирных целей в других странах, и особенно в СССР. Разве не об этом говорит *основной принцип* американского плана организации международного контроля с передачей в собственность контрольного органа *всего атомного сырья и предприятий* по производству атомной энергии в случае превышения неопасного объёма производства? Разве не об этом говорит также *принцип оставления в распоряжении отдельных государств, да и то с разрешения* международного контрольного органа, при условии так называемого лицензирования, «неопасных» количеств атомного сырья и «неопасных» предприятий, или *принцип установления* контрольным органом для каждого государства *квот* выработки атомной энергии, не имеющий ничего общего с задачей запрещения атомного оружия, но зато вполне подходящий для того, чтобы связать по рукам и ногам развитие производства атомной энергии для мирных хозяйственных целей. Наконец, не о том ли говорит и принцип так называемого *географического* — по существу военно-стратегического — *распределения* атомных предприятий, абсо-

лютно не считающийся с интересами и потребностями национальной экономики каждой страны. Нет необходимости особо подчёркивать, что при такой установке одновременно достигается и цель ослабления промышленной мощи других государств, а следовательно, и их обороноспособности. Между тем значение атомной энергии в развитии мирной промышленности и всего вообще народного хозяйства огромно. Потребности государств в атомной энергии для мирных целей огромны. Огромны потребности в атомной энергии для мирных целей и Советского Союза, огромны в Советском Союзе и достижения в производстве атомной энергии.

Это надо учитывать при обсуждении вопроса о так называемом квотировании или рациировании, т. е. о том, чтобы посадить то или другое государство на какой-то паёк в области производства атомной энергии и, может быть, ввести специальную карточную систему, как это было при недостатке хлеба, как это до сих пор существует в Англии в отношении рациирования, например, сахара.

Так вот хотят посадить на этот паёк, хотят ввести эту самую карточную систему и для добычи атомной энергии для мирных целей.

В этой связи нельзя не напомнить, что ещё в 1945 году один из крупнейших американских учёных в области физики и химии, директор научно-исследовательской лаборатории компании «Дженерал электрик» Ирвинг Лэнгмюр, побывавший в Москве на сессии Академии наук СССР, в опубликованной им статье указал на исключительные перспективы развития энергетического хозяйства в СССР, отметив, что СССР вполне мог бы обогнать США в производстве атомных бомб. Проф. Лэнгмюр не голословен. Он перечисляет ряд преимуществ, которые будут на стороне Советского Союза в таком соревновании. Он называет в числе этих преимуществ замечательную, как он говорит, систему стимулирования, которая быстро повышает производительность промышленного производства; отсутствие безработицы; отсутствие забастовок; приверженность чистой науке и прикладным наукам и глубокая вера в них; наличие плана научной работы, который значительно превосходит планы любой другой страны.

При таких условиях значительные успехи в области применения атомной энергии в мирном строительстве несомненны, как и несомненна и та гигантская заинтересованность Советского государства в максимальном развитии производства и применении атомной энергии в мирных целях. Другое дело — в США.

Судя по ряду фактов, развитию атомной энергии для мирных целей в промышленных и отчасти научных кругах Соединённых Штатов не придаётся особого значения. Ведь не секрет, что в этих кругах высказываются взгляды далеко не в пользу развития атомной энергии, в которой промышленные круги нередко видят даже нежелательного конкурента. Все факты говорят, что в Соединённых Штатах Америки новым источником энергии придают меньше значения, чем существующим, считая вполне достаточными такие уже существующие источники энергии, как уголь, нефть и вода, поскольку использование угольных, нефтяных и гидроэнергетических ресурсов страны даёт высокую выработку энергии на душу населения, в силу чего дальнейшее увеличение этой выработки, повидимому, кажется излишним.

«Действительно находим яркое свидетельство того, — пишет проф. Блэккетт, — что, по крайней мере, владельцы предприятий коммунального хозяйства в Америке без всякого энтузиазма наблюдают за прогрессом в области атомной энергии».

Блэккетт приводит в качестве доказательства этого положения тот факт, что в данных «Association of Edison illuminating Companies», представленных сенатской комиссии, указывалось, что Америка никогда в истории не испытывала недостатка в снабжении энергией и что, кроме того, угольных и гидроэнергетических ресурсов страны хватит для удовлетворения её потребностей на много столетий вперёд (Блэккетт, стр. 95).

Характерна также помещённая в «Бюллетене учёных-атомников» за август 1947 года статья, в которой говорится следующее:

«Когда Советский Союз достигнет этого этапа, он может задуматься над вопросом о том, почему некоторые американские учёные, — если они не состоят на службе у крупных угольных и нефтяных дельцов, — предлагают ограничить производство атомного горючего настолько, чтобы исключить возможность получения большого количества промышленной энергии» (Блэккетт, стр. 163).

Можно также сослаться и на профессора права Гарвардского университета Давида Кейверса, заявившего:

«Ни общественное мнение, ни государственные деятели не подзревают, как выиграло бы дело безопасности мира от запрещения использования атомной энергии до тех пор, пока между нациями не будут установлены отношения большего доверия и согласия».

Проф. Оппенгеймер со своей стороны считает, что атомная энергия для конкретных нужд может быть применена через 10—20 лет, но, добавляет он, «потребуется от 30 до 50 лет для того, чтобы намного увеличить общие энергетические ресурсы мира».

Известно, что американская комиссия по атомной энергии в своём докладе конгрессу от 31 января 1948 года писала, что, «даже исходя из предположения о наиболее благоприятном развитии техники, мы не можем усмотреть, каким образом можно было бы извлекать из ядерного горючего значительную часть потребляемой сейчас во всём мире энергии раньше, чем через 20 лет».

Такие заявления несомненно показывают степень заинтересованности Соединённых Штатов Америки в использовании и развитии атомной энергии для мирных целей.

Уклон американского плана так называемого международного контроля в стратегическую сторону объясняет и то, что этот план не считается с экономическими особенностями и интересами экономического развития отдельных стран.

5. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН ТАК НАЗЫВАЕМОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ — ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН

Как видно из второго доклада атомной комиссии Совету безопасности, этот план предусматривает обязанность международного контроля распределять производственные и иные установки, содержащие опасные количества запасов ядерного горючего, основных веществ и

исходных материалов, по принципу географического распределения, имея в виду не допустить возможности «достижения отдельными странами военных преимуществ путём захвата существующих хранилищ и установок в пределах их территорий или на территориях, к ним прилегающих».

Как мы видим, при решении такой важной задачи, как географическое распределение атомных предприятий и соответствующих хранилищ, совершенно не принимаются во внимание экономические потребности, нужды и интересы страны. Это видно, например, из документа, который в известной степени вдохновлял авторов плана Ачесона — Баруха — Лилленталя. Я имею в виду доклад военному министру США комитета по вопросам социальных и политических последствий под председательством проф. Джеймса Франка, созданного чикагской металлургической лабораторией. Этот доклад был подготовлен в июне 1945 года и опубликован в «Бюллетене учёных-атомников» от 1 мая 1946 года.

В этом докладе в разделе, посвящённом методам международного контроля, автор указывает на то, что «первым и, может быть, самым простым способом является *рационализация* сырых материалов, раньше всего урановой руды. Производство взрывчатых веществ начинается с переработки большого количества урана в крупных предприятиях по расщеплению изотопов или в огромных урановых реакторах. Количество, руды, извлекаемой из недр в различных пунктах, может быть контролируемо постоянными агентами международного контрольного бюро, и каждая нация могла бы получить только определённое количество, которое сделало бы невозможным отделение расщепляемых изотопов в широком масштабе».

«Такое ограничение, — добавляет автор, — имело бы тот недостаток, что оно сделало бы невозможным развитие атомной энергии для мирных целей».

Если от доклада Франка в июне 1945 года обратиться к докладу консультативного комитета, опубликованному госдепартаментом в марте 1946 года, а затем обратиться и к самому американскому плану, то легко убедиться в общности установок, лежащих в основе обоих докладов, которые не считаются с тем, что их осуществление делает невозможным или, во всяком случае, в высшей степени затруднит развитие атомной энергии в мирных целях.

Вот реакционная сущность этого плана, который пытается поставить непреодолимое препятствие на пути научного прогресса, технического прогресса, экономического прогресса любых стран и интересов всего человечества. И этот план нам теперь выдаётся за какое-то «высшее благо», во имя которого вас призывают пожертвовать государственным суверенитетом.

Это характерно почти для всех американских предложений о контроле над атомной энергией. Это явилось, как утверждает проф. Блэккетт, «одной из причин того, почему в настоящее время переговоры о контроле зашли в тупик».

Нельзя не отметить, что в докладе уже цитированного проф. Д. Франка указывалось, что «одним из существенных условий эффективности системы гарантий должно явиться то, чтобы план, в случае

своего осуществления, мог гарантировать безопасность, в случае же провала или международных осложнений такая страна, как США, должна оставаться в относительно надёжном положении по сравнению с любой другой страной».

Несомненно, этой цели должен служить и принцип контроля по стадиям, а также принцип квотирования производства и использования атомной энергии. Оба эти принципа, несомненно, направлены именно на то, чтобы сохранить за Соединёнными Штатами Америки то, что Д. Франк называл надёжным положением по сравнению с любой другой страной.

Что касается принципа контроля по стадиям, то об этом уже много говорилось, и я не вижу необходимости что-нибудь добавлять к сказанному.

Скажу лишь, что американский план, устанавливая контроль по стадиям, исходил из того, что США при таком положении останутся в течение известного времени, и, может быть, длительного времени, вне международного контроля. Контроль по стадиям является вместе с тем выражением неравноправности в отношениях между участниками конвенции по запрещению атомного оружия и контролю над атомной энергией.

Не случайно доклад подчёркивает, что «первый и важный шаг международного органа должен иметь целью определение наличия сырья и установление контроля над ним. Установление контроля над сырьём, — говорится в докладе, — поставит вопрос о доступе к нему, т. е. вопрос как политического, так и технического порядка».

В то же время американский план не даёт ничего в обмен другим странам, не перешагнувшим ещё через порог этой первоначальной стадии. Правда, в докладе говорится о возможности получения ценной технической информации. Но этот вопрос совершенно не разработан и поэтому не имеет реального значения. В результате на ранних этапах своего осуществления американский план, безусловно, не давал бы никаких существенных преимуществ другим странам, кроме США; кроме того, комиссия в любое время могла бы установить, что та или другая страна не выполнила своих обязательств по первому этапу осуществления плана контроля и могла бы принять решение воздержаться от осуществления последующих этапов плана.

Несомненно, это свидетельствует о таком крупнейшем недостатке американского плана, как односторонность контроля, удобного для США и совершенно неприемлемого для других стран.

Что же касается системы квотирования, то характерно, что квоты по американскому плану должны определяться в соответствии с общим принципом, заключающимся в том, что «сравнимые национальные ресурсы должны расходоваться во всём мире пропорционально».

Такой принцип не считается ни с экономическими, ни вообще с государственными интересами и особенностями данной страны. Такой принцип, будучи применён на практике, может привести к искусственному ограничению развития народного хозяйства, применяющего атомную энергию, что, разумеется, не может не отразиться самым отрицательным образом на жизни всей страны, всего государства, на благосостоянии народа.

Принцип квот несостоятелен и потому, что он не имеет никакого отношения к основной проблеме, стоящей перед организацией Объединённых наций, именно к вопросу о запрещении атомного оружия как оружия агрессии, что было и является основной целью политики СССР и всех миролюбивых народов.

Предложение об установлении квот по производству и использованию атомной энергии для мирных целей нельзя рассматривать иначе, как средство отвлечь внимание народов от этой главной нашей задачи.

Вот почему советская делегация не может согласиться с этим принципом, а следовательно, и с американским планом так называемого международного контроля, в котором этот принцип играет важнейшую роль.

Таков этот американский план так называемого международного контроля. Этот план, как было показано выше, направленный на обеспечение военно-стратегических интересов США, не имеет ничего общего с такой важной, всемирно-исторической задачей, как запрещение производства атомного оружия. В этом отношении не оставляет сомнения письмо гг. Ачесона, Ванневары Буш, Джеймса Конана, Макклоя и ген. Гровса от 17 марта 1946 года на имя Бирнса, в котором говорится буквально следующее:

«Второй вопрос касается принятия на себя или передачи власти над материальными вещами. Здесь также план позволяет движение стадиями, начиная с области добычи сырья, переходя к области промышленного производства, а затем к контролю над взрывчатыми веществами.

Выработка подробных предложений о таком планировании потребует дальнейшего изучения и большой технической компетентности персонала. Конечно, она будет определяться основными решениями высокой политики. Одно из таких решений будет касаться того, в течение какого периода времени Соединённые Штаты будут продолжать производство бомб. План не требует, чтобы Соединённые Штаты прекратили такое производство после предложения плана или после вступления в действие международного органа. На какой-то стадии при выработке плана это необходимо. Но ни план, ни наша передача его не должны истолковываться как означающие, что это должно или не должно делаться в самом начале или в какое-либо определённое время. Это решение, когда бы оно ни было принято, будет сопряжено с соображениями высокой политики, затрагивающими нашу безопасность, и должно быть принято нашим правительством согласно его конституционной процедуре и в свете всех фактов международного положения».

6. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН УГРОЖАЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Американский план так называемого международного контроля предусматривает наказание за нарушение установленных международных органов правил, регулирующих производство и использование атомной энергии. Американский план международного контроля, естественно, предусматривает беспрекословное подчинение правилам, какие будут установлены этим органом для производства, хранения и ис-

пользования атомной энергии. Это относится в равной мере и к соблюдению квот, отступление от которых квалифицируется как нарушение условий, предусмотренных международным контролем, что должно влечь за собой и применение соответствующих санкций.

Авторитеты в области атомной проблемы указывают на то обстоятельство, что выработка энергии в больших масштабах всегда почти опасна с точки зрения американского плана и всегда будет рассматриваться в качестве нарушения условий контроля. Однако выработка энергии в больших масштабах, чем это будет предусмотрено международным контрольным органом, всегда может иметь место в странах, где налицо все условия для мощного движения вперёд на основе последних достижений науки, техники и практического опыта, ломающих все нормы и все пределы.

С точки зрения американского плана это будет нарушением условий контроля, и по решению большинства международного контрольного органа такой стране может быть предъявлено обвинение в злонамеренном вмешательстве в деятельность органа и немедленное наложение соответствующего наказания.

Такое предположение может показаться невероятным, но ведь факт, что известный всем Буллит дошёл до того, что план Советского Союза об увеличении производства стали в СССР до 60 миллионов тонн в год объявил проявлением советского агрессивного империализма, требуя соответствующего военного воздействия на СССР. Не исключено поэтому, что если и в международном контрольном органе окажется большинство таких буллитов или даже ему подобных субъектов, то и они попытаются использовать этот орган в качестве орудия обуздания советского «империализма».

Это опасная сторона американского плана, рекламируемого в качестве программы «социального усовершенствования». Противники советских предложений указывают на то, что эти предложения не могут обеспечить эффективный контроль и, создавая иллюзию такого контроля, являются поэтому опасными предложениями. Это, конечно, злостная выдумка. Но если говорить об опасных предложениях, то это целиком следует отнести именно к американскому плану так называемого международного контроля.

Теперь нетрудно видеть, что действительную опасность для дела мира представляет собой именно американский план так называемого международного контроля, план, который построен таким образом, чтобы обеспечить Соединённым Штатам Америки послушное большинство в международном контрольном органе, что, как мы видели выше, нетрудно осуществить; чтобы иметь полную возможность при помощи этого большинства получить в своё полное и бесконтрольное распоряжение все мировые запасы атомного сырья, все предприятия по переработке этого сырья и все смежные предприятия, чтобы иметь возможность регулировать, а в случае необходимости ограничить или вовсе не допускать развития производства атомной энергии для мирных целей под предлогом, что производство атомной энергии в таких масштабах является опасным и угрожающим всеобщему миру.

Это коварный план, рассчитанный на возможность обмануть общественное мнение, прикрыв агрессивные цели, лежащие в основе этого

плана, фальшивыми пацифистскими фразами, ссылками на «дух интернационализма», на «высшее благо», на «высшие интересы всего человечества».

Естественно то ожесточение и использование всевозможных самых недобросовестных и тёмных средств, которые пускают в ход противники советских предложений, не останавливающиеся ни перед чем в защите американского плана.

Нельзя также не отметить, что американский план, требуя бесконтрольного обследования любой части территории каждого из участников будущего так называемого контроля и, в частности, предоставляя инспекции широкие возможности по обследованию сырьевых ресурсов атомной энергии в любой стране, позволил бы так называемому международному контрольному органу составить довольно полную картину объектов каждой страны и развернуть широкую сеть военного и промышленного шпионажа.

«При существующей международной обстановке, когда у Америки имеется запас атомных бомб и когда она выступает за использование их в качестве нормального средства ведения войны, советские военные власти вправе были бы считать, что сохранение втайне точного расположения военных и промышленных предприятий и даже новых промышленных районов имеет крупное значение с военной точки зрения».

Приведа эти соображения, проф. Блэккетт цитирует из книги Шульмана «Поражение на Западе» следующее высказывание фельдмаршала фон Рундштедта о войне в России: «Вскоре после начала наступления я понял, что всё написанное о России — чепуха. Карты, которыми снабдили нас, были неверны. Отмеченные на карте жирной красной линией шоссе оказывались просёлочными дорогами, а указанные на карте просёлочные дороги — первоклассными шоссе. Даже железных дорог, которыми нам якобы надлежало пользоваться, в действительности просто не существовало. Или же так: на карте не значилось на данном участке ни одного населённого пункта, а мы внезапно попадали к городу американского типа с фабричными зданиями и т. п.»

Эта историческая справка говорит сама за себя.

Таков этот план так называемого международного контроля, план, который подаётся в качестве программы спасения человечества, якобы проникнутой «духом интернационализма», стремлением облагодетельствовать народы всего мира. В действительности это не международный план контроля. Это американский план создания под видом международного контрольного органа американского сверхтреста, предназначенного для того, чтобы отдать во власть и под контроль американских монополий все мировые запасы атомной энергии, все предприятия по производству атомной энергии, а также предприятия смежных отраслей промышленности.

7. ЗАПРЕТИТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ, УСТАНОВИТЬ СТРОГИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Советский Союз с самого начала появления этого плана считал своим долгом разоблачить его действительную сущность, разоблачить готовящийся обман мирового общественного мнения и устранить, таким

образом, опасность превращения международного органа, призванного стоять на страже мира, в орудие войны.

Советский Союз стоял на своей позиции, требуя безусловного запрещения атомного оружия и установления строгого международного контроля над выполнением этого запрещения тогда, когда он не обладал ещё атомным оружием.

Советский Союз стоит на той же позиции и в настоящее время, когда в его распоряжении имеется атомное оружие.

Несколько слов необходимо сказать по поводу представленного на рассмотрение Генеральной ассамблеи проекта резолюции Канады и Франции. Этот проект слепо следует за докладами атомной комиссии, в основе которых лежит план Ачесона — Баруха — Лиллентала, с некоторыми неприципиального характера изменениями. В проекте резолюции Канады и Франции, принятом большинством Первого комитета, совершенно неправильно указывается, что человечеству будут угрожать опасности до тех пор, пока контроль над развитием производства атомной энергии и управление им будут оставаться в руках отдельных государств. Это неправильно, поскольку предложения Советского Союза об установлении строгого международного контроля и соответствующей международной инспекции устраняют эти опасности. Наоборот, как это мы указывали выше, таких опасностей нельзя было бы избежать, если бы был принят американский план так называемого международного контроля.

В этой же связи надо сказать о неприемлемости и другого пункта (п. 69) франко-канадского проекта, который призывает все правительства подчиниться международному контролю, как он должен был быть построен в соответствии с американским планом.

Неприемлемым является также и тот пункт (п. 8) франко-канадского проекта, который содержит прямое посягательство на государственный суверенитет, прикрывая это интересами всеобщей безопасности и мира.

Следует отметить, что п. 8 франко-канадского проекта от 12 ноября представляет собой исправленный первоначальный проект этого пункта, в котором содержалась откровенная рекомендация государствам отказать от осуществления своих суверенных прав в связи с контролем над атомной энергией. В результате той критики и отпора, которые встретила эта формулировка со стороны ряда делегаций и, в первую очередь, со стороны СССР и стран народной демократии, франко-канадским авторам, за спиной которых стоят, как это всем нам понятно, США и Великобритания, пришлось отступить и представить формулировку в более смягчённом виде. Но эта формулировка по существу дела не меняет, означая тот же отказ от суверенных прав, с чем не может согласиться ни одно государство, дорожащее своей независимостью и самостоятельностью.

В остальном эта резолюция представляет собой пустой набор отдельных пожеланий, делающих этот проект ещё более неприемлемым. Даже тогда, когда эта резолюция касается вопроса о запрещении атомного оружия, она делает это так нерешительно, что пункт 2, посвящённый этому вопросу, оказывается лишённым всякого сколько-нибудь серьёзного значения. Резолюция Франции и Канады не идёт дальше голого

пожелания сделать всё возможное для запрещения атомного оружия. Между тем следовало бы попросту запретить атомное оружие, объявить атомное оружие вне закона.

Советская делегация представила свой проект резолюции, в котором указывается, что ни одна из задач, поставленных перед атомной комиссией постановлениями Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, до сих пор не разрешена и что ответственность за это полностью лежит на правительствах США и Великобритании, систематически оказывающих в комиссии сопротивление принятию согласованных решений относительно запрещения атомного оружия и установления строгого международного контроля над атомной энергией, чтобы не допустить использования её в военных целях.

Проект резолюции СССР констатирует также, что консультации между постоянными членами атомной комиссии не содействовали разрешению указанных выше задач, поскольку США и Великобритания во время консультаций продолжали отстаивать предложения, противоречащие по существу задаче немедленного запрещения атомного оружия и установления строгого международного контроля над атомной энергией с тем, чтобы использование её в военных целях не было допущено.

Придавая, однако, исключительно важное значение достижению соглашения, успешной работе по осуществлению решений Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, проект резолюции СССР предусматривает поручение атомной комиссии возобновить свою работу и немедленно приступить к выработке проекта конвенции по запрещению атомного оружия и проекта конвенции о контроле над атомной энергией с тем, что обе конвенции должны быть заключены и введены в действие одновременно.

Такая резолюция, будучи принята Генеральной ассамблеей, должна послужить новым стимулом к продолжению усилий по достижению соглашения в отношении запрещения атомного оружия и установления строгого международного контроля над осуществлением такого запрещения, должна облегчить успех работе атомной комиссии, побуждая её преодолеть имеющиеся в этой работе трудности и добиться запрещения атомного оружия, использование которого противоречит чести и совести народов.

Делегация СССР обращается ко всем делегациям, заинтересованным в действительном укреплении мира и международной безопасности, с призывом поддержать проект советской резолюции, предлагающий сделать новые усилия в этом деле в интересах всего человечества — запретить атомное оружие, установить строгий международный контроль.

«Известия» № 279 (10119)
ст. 26 ноября 1949 г.

ОБ ОСУЖДЕНИИ ПОДГОТОВКИ
НОВОЙ ВОЙНЫ И О ЗАКЛЮЧЕНИИ
ПАКТА ПЯТИ ДЕРЖАВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В ПЕРВОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) КОМИТЕТЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(23 ноября)

В своей речи на заседании Первого комитета глава делегации СССР А. Я. Вышинский ответил на ряд замечаний, которые были сделаны по поводу внесённых Советским Союзом предложений об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира.

Советский представитель указал, что часть выступлений, имевших место за последние дни, в значительной мере не имеет прямого отношения к обсуждаемому вопросу.

Вообще, сказал А. Я. Вышинский, после речи, скажем, чилийского делегата, после речи ливанского делегата, новозеландского делегата или канадского делегата становится ясным, что некоторые делегации преследуют, очевидно, определённую тактическую цель: в отвлечённых теоретических вопросах попытаться утопить практические предложения, внесённые Советским Союзом по вопросу об укреплении мира.

Отвечая на выступление представителя Венесуэлы, который пытался доказать, что заключение Пакта пяти держав является бесполезным, советский представитель заявил:

По мнению венесуэльского делегата, заключение Пакта пяти держав по укреплению мира всё равно не устранил разногласий, существующих между великими державами.

Но такое рассуждение не выдерживает никакой критики, во-первых, потому, что нельзя думать, что вообще какое-либо соглашение может сразу, по мановению волшебного жезла, снять все разногласия, существующие между участниками такого соглашения. Англо-американская резолюция говорит об уставе организации Объединённых наций как о «величайшем выражении акта мира». Но то, что устав есть акт мира, что это договор мира, не ликвидировало разногласий.

Почему же возможен устав, этот всеобщий и, как его называли здесь, наивысший акт, направленный на укрепление мира, при наличии разногласий и невозможно при наличии таких же самых разногласий заключение Пакта пяти держав по укреплению мира? Здесь в рассуждении венесуэльского делегата не всё в порядке. Конечно, существуют разногласия. Эти разногласия могут потенциально привести к разного рода осложнениям, к конфликтам, к войне. Поэтому те, кто действительно стремятся избежать конфликтов, должны стремиться к тому, чтобы всякого рода мероприятиями, в том числе и заключением пакта между теми странами, которые, по признанию того же венесуэльского делегата, несут главную ответственность за сохранение или за нарушение мира, — это постоянные члены Совета безопасности, — чтобы такими мероприя-

тиями устранить опасности, облегчить разрешение разногласий, обеспечить возможность соглашения.

Затем А. Я. Вышинский перешёл к выступлению чилийского представителя.

В своей речи, сказал он, чилийский делегат привёл две исторические справки. Он начал свою речь с заявления о том, что 4 февраля 1919 года советское правительство выступило с первым актом мира, обратившись к державам Антанты с предложением начать мирные переговоры. Он сослался при этом на заявление тогдашнего президента США Вильсона, этого неудавшегося претендента на вершителя судеб мира и во всяком случае вершителя судеб Европы, о том, что эти предложения якобы были нарочито сделаны советским правительством в такой форме, чтобы их нельзя было принять. Предложение, которое внесла на этой сессии советская делегация, говорит чилийский делегат, такого же рода: оно сделано специально в такой форме, чтобы его нельзя было принять.

Но чилийский делегат забыл, очевидно, что от повторения чужих глупостей умнее не станешь! Я спросил бы этого господина, читал ли он документ от 4 февраля 1919 года?

4 февраля 1919 года, когда была послана советским правительством эта радиограмма, было время, когда молодая Красная Армия на Восточном фронте взяла Уфу, Оренбург, Уральск и ряд других городов; когда на Южном фронте наши войска заняли такие важные узловые и железнодорожные станции, как Поворино, Урюпино, Таловая; когда со стороны известного всем Луганска, крупного промышленного центра, украинские советские войска угрожали тылу генерала Краснова, когда на Украине советские войска уже освободили Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Чернигов; когда в руки советских войск перешли Вильна, Рига, Минск, Двинск, когда Красная Армия покрывала себя лаврами в борьбе с внутренним врагом, с контрреволюционными генералами, поддерживаемыми иностранными интервентами — правительствами Англии, Франции, США. В это время, однако, Черчилль затевал пресловутый «крестовый поход» 14 государств против Советской России. Тогда-то радио сообщило, что правительство Советской России приглашается принять участие в конференции на Принцевых островах.

В действительности правительство Советской России не получало такого приглашения, а узнало об этом из радиосообщения, не адресованного советскому правительству. Чтобы внести полную ясность в это дело, советское правительство обратилось с радиотелеграммой к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и Соединённых Штатов Америки, которые тогда играли решающую роль во всех международных делах, с заявлением о согласии принять участие в этой конференции.

В этой радиотелеграмме указывалось, что, несмотря на исключительно благоприятное положение с точки зрения военного состояния тогдашней России, её военных побед, её экономических успехов, советское правительство заинтересовано в мирных переговорах. В этой радиотелеграмме были выдвинуты конкретные предложения, которые должны были заинтересовать Антанту: вопрос об урегулировании царских долгов, которые были одним из камней преткновения в установ-

лении добрых отношений между нами и Францией, Англией и Америкой; о возможности предоставления иностранным капиталистам концессий; о предоставлении кредиторам известного количества сырьевых материалов, относительно которых должно было быть заключено специальное соглашение. Советское правительство просило державы Согласия немедленно сообщить ему, когда и куда должно советское правительство направить представителей и каким путём для того, чтобы теперь же, говорилось в телеграмме от 4 февраля 1919 года, начать мирные переговоры.

И вот теперь, в 1949 году, выступает чилийский делегат с клеветническим заявлением, что этот документ составлен специально в таких тонах, выражениях и форме, чтобы его нельзя было принять! Мы видим, что чилийский делегат грубо извратил истину.

Так, указал советский представитель, обстояло дело с этим историческим документом, относящимся к подготовлявшейся тогда конференции на Принцевых островах, кстати сказать, сорванной Вильсоном и Клемансо. Они сорвали эту конференцию, потому что заправилам тогдашнего капиталистического мира и судеб Европы было невыгодно заключать мир с молодой республикой рабочих и крестьян, так как они рассчитывали с ней расправиться вооружённой рукой.

Чилийский делегат заявил, что это был первый документ о мире советского правительства. Это тоже не соответствует действительности.

Известно, что первый документ советского правительства о мире был первым декретом советского правительства от 8 ноября 1917 года. Это исторический «Декрет о мире», в котором советское правительство обращалось ко всем воюющим сторонам — государствам и через их головы к народам с предложением заключить мир. Это предложение было отвергнуто «миролюбцами» капиталистических держав.

6 августа 1918 года Народный комиссариат иностранных дел — тогда он был ещё Российской республики — обратился к американскому представителю Пулю в связи с англо-французской интервенцией в Советской России, вернее, через него к правительству Соединённых Штатов Америки. 24 октября 1918 года такое же обращение было послано президенту Вильсону; 3 ноября 1918 года — ко всем правительствам стран Антанты через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 года от имени VI Всероссийского съезда Советов обращение с предложением о мире было послано всем странам Антанты; 23 декабря 1918 года была послана нота Литвинова всем представителям Антанты с предложением о мире; затем последовали обращения от 12 января и 17 января 1919 года о мире и, наконец, та радиотелеграмма от 4 февраля, о которой мы уже говорили. Чилийский делегат, продолжал А. Я. Вышинский, говорил, что необходимо «применять принцип суверенитета государств для защиты мира». Но как же он защищает англо-американскую резолюцию, которая мало что оставляет государственному суверенитету? Но как обстоит дело с государственным суверенитетом самих Чили, о котором разглагольствует здесь чилийский делегат? Вот небольшая справка, которая может представлять интерес.

Мы знаем, что Чили богаты медью. Если я не ошибаюсь, Чили по добыче меди стоят на втором месте в мире. Но можно сказать про Чили словами нашей сказки: «По усам текло, — в рот не попало».

Все выгоды, которые пронстекают из обладания медью, ничего не дают самим Чили, потому что вся медь в руках двух американских концернов: «Анаконда» и «Брэден коппер компани», филиал «Кенникотт коппер корпорейшн», которые под покровительством американского сената устанавливают угодные им тарифы, пошлины и т. д. и беспощадно эксплуатируют Чили.

Вот что по этому поводу можно прочесть в «Газетт энд дейли», издающейся в штате Пенсильвания: «Год тому назад, когда дела с медью в Чили процветали и время было хорошее, делегат Чили г-н Санта Крус заявил в организации Объединённых наций, что две трети чилийского населения, если не больше, недостаточно питаются, в такой степени недостаточно, что во многих районах люди умирают от недоедания».

«Низкий уровень жизни,— вот что привлекает «Анаконду» и «Кенникотт» в эту страну, что означает дешёвую рабочую силу. Чилийское правительство, которое избрало лёгкий путь сдачи своих ресурсов в аренду иностранному капиталу вместо развития своих собственных ресурсов для себя, взяло на себя заботу сохранить труд дешёвым. Иначе «Анаконда» и «Кенникотт» могут перестать вкладывать капиталы и выплачивать премию за медь».

И дальше:

«Поскольку медь и американский крупный капитал стоят позади чилийского правительства, повернувшегося против рабочих, то они скрываются за громкими криками: «За войну против России». В эту кампанию теперь вовлечена маленькая страна Чили, выступающая в Объединённых нациях и по своему радио. Правительство и друзья его убеждены, что только увеличение вооружений во всём мире и третья мировая война могут создать новый спрос на их медь. Это будет выгодно также «Анаконде» и «Кенникотт». «Чилийский народ, однако, сыт Гонзалесом Видела,— говорится в этой статье,— и зависимостью от балансов иностранных компаний в своей внутренней и внешней политике и в своей работе».

Вот перед лицом такого рода фактов, этих американских трестов «Анаконд» и «Кенникоттов», смешно как-то слушать чилийского делегата, который с серьёзным видом здесь распинается о каком-то суверенитете, который надо-де уважать и т. д., хотя он, этот суверенитет, уже продан чилийским правительством американским монополистам.

Советский представитель перешёл затем к выступлению ливанского делегата Малика.

Ливанский делегат говорил, отметил А. Я. Вышинский, что философия коммунизма — это есть война и революция. Это — полное и грубое извращение коммунизма. Философия коммунизма, если уж говорить об этом, это — мир, это — уничтожение войн, самой возможности возникновения войн. Кто прочтёт замечательные труды В. И. Ленина, его статьи «Великий почин» или «Как организовать соревнование?», или «Очередные задачи Советской власти», или его «Империализм, как высшая стадия капитализма», тому не может не стать ясным, что главное в коммунизме не насилие, хотя без насилия не обходится ни одно рождение нового общества, а главное, как учит великий Ленин,— организация экономических и производственных отношений общества на более

высокой технической и научной основе, чем организация капиталистического общества.

Известно, что в своей работе «Великий почин» В. И. Ленин писал:

«Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма».

Ливанский делегат злобно утверждал, что коммунистическая философия исходит из неизбежности войн. Он не понимает или делает вид, что не понимает, что войны являются порождением капитализма.

Исходя из ложной предпосылки, будто бы коммунистическая философия требует войны, указал А. Я. Вышинский, ливанский делегат приходит к выводу, что, следовательно, с коммунистическим государством никакое сотрудничество невозможно. Такой вывод опровергается фактами, так как, несмотря на имеющиеся разногласия и разницу в общественной структуре и в идеологии между СССР и капиталистическими государствами, Советский Союз сотрудничает с рядом капиталистических стран, желающих сотрудничать с Советским Союзом на началах равноправия сторон и уважения взаимных интересов. А. Я. Вышинский указал на вредность басен о планах Советского Союза произвести в капиталистических странах мировую революцию. Вздорность подобных утверждений была уже разоблачена 13 лет тому назад, когда Генералиссимус Сталин дал ответы на вопросы Говарда. И, в частности, в ответ на вопрос Говарда: «Не считаете ли Вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное опасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?» — И. В. Сталин ответил:

«Для подобных опасений нет никаких оснований. Если Вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле».

Тысячу и тысячу раз был прав глава советского правительства И. В. Сталин, когда он сказал, что мы, советские люди, конечно, хотим, чтобы лицо окружающих СССР государств изменилось, но что это дело самих этих государств.

Говард спрашивал дальше: «Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?» И. В. Сталин ответил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было».

И. В. Сталин в 1936 году заявил на весь мир, что планов и намерений произвести какую-то мировую революцию в других странах у нас нет. Но Говард поставил ещё вопрос, заявив: «Мне кажется, мистер Сталин, что во всём мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление».

Тогда И. В. Сталин разъяснил Говарду, что это является «плодом недоразумения», и на вопрос Говарда: «Трагическим недоразумением?» ответил: «Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим».

Вся речь ливанского делегата сегодня по этому поводу была тоже комическим недоразумением, или, если хотите, трагикомическим, поскольку он затрагивал некоторые трагические вопросы, а главное, давал на них трагические ответы.

Почему же это так, почему такой ответ Генералиссимус Сталин? Это видно из следующего места ответов И. В. Сталина.

«Видите ли,— сказал И. В. Сталин,— мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха».

Англо-американскому блоку нужно доказать, отметил далее советский представитель, что концепция коммунизма — это концепция войны. Эту задачу — непосильную и неблагодарную — и попытался выполнить ливанец. Попытка окончилась провалом, так как в действительности концепция коммунизма — это концепция уничтожения войн. Отсюда — усилия передовых людей всего мира, направленные на то, чтобы обуздать стихию войны, стихийное действие закона войны, имманентного капиталистическому обществу, мобилизовать все силы на то, чтобы, по крайней мере, обуздать действие этого закона.

Вся речь г-на ливанского делегата, указал советский представитель, была направлена именно на то, чтобы обелить реакционную политику капиталистических заправил, поджигателей войны, переложить ответственность за подготовку войны на СССР и страны народной демократии.

Ливанский делегат ссылается в своей речи на то место из работы И. В. Сталина, где говорится, что революционная победоносная страна должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах. Такая цитата действительно есть, и она совершенно правильна. Но ливанский делегат не сказал, в каком контексте это сказано в работе «Вопросы ленинизма». Это было сказано в связи с вопросом об условиях окончательной победы социализма, достигнутой пролетариатом в одной стране, о том, как гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации капитализма.

Ливанец сознательно извращает дело.

Нам говорят, и в частности говорил делегат Израиля, что нельзя обвинять США и Англию в подготовке новой войны против Советского Союза, а с другой стороны, предлагать им же заключить пакт о мире.

Но тут какое-то недоразумение. Если бы не было такой подготовки войны, если бы мы говорили, что ни Англия, ни Соединённые Штаты Америки не готовят такой войны, не организуют агрессивных блоков, не ведут бешеную гонку вооружений, не стараются подготовить условия для нападения на СССР, и в то же самое время предлагали бы им заключить пакт мира, то вот это было бы нелогично. Наоборот, вполне логично предложить мир тем странам, правительства которых готовятся к войне против нас и стран народной демократии.

Итак, господа, короткий смысл моей речи заключается ещё и ещё раз в одном утверждении основного тезиса: какие бы ни были законы нынешнего мира империалистических держав, основным законом которых является погоня за колониями, за передел мира, за мировым господством, каковы бы ни были эти законы и их действия, в силах человеческих — если эти силы будут направлены в добрую сторону и будут объединены — перешагнуть через это препятствие и укрепить мир, устранить опасность войны, хотя мы великолепно знаем, что совсем её устранить, пока существуют капиталистические отношения, невозможно. Чем больше будут в этом отношении согласованы наши действия, объединены наши силы, тем скорее, конечно, мы сумеем достичь благородной и высокой цели — устранения угрозы войны.

«Известия» № 282 (10122)
от 30 ноября 1949 г.

ОБ ОСУЖДЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВОЙ ВОЙНЫ И О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА ПЯТИ ДЕРЖАВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(29 ноября)

Глава делегации СССР А. Я. Вышинский выступил с речью на заседании Генеральной ассамблеи 29 ноября 1949 года.

«Наша сессия подходит к концу,— сказал А. Я. Вышинский.— Её работа завершается рассмотрением важнейшего вопроса, внесённого по поручению советского правительства делегацией Советского Союза, вопроса об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира. Внесённые на эту сессию Генеральной ассамблеи советской делегацией предложения явились продолжением и развитием мирных предложений, неоднократно вносившихся делегацией СССР в организацию Объединённых наций. Они выражают общую принципиальную линию советской внешней политики, линию неизменной и последовательной борьбы за мир, за безопасность и дружбу народов.

«Основу политики нашего правительства, политики внешней, составляет идея мира. Борьба за мир, борьба против новых войн, разоблачение всех тех шагов, которые предпринимаются на предмет подготовки новой войны, разоблачение таких шагов, которые прикрывают флагом пацифизма подготовку войны на деле, это — наша задача».

Так определил наши задачи ещё в 1925 году вождь советского народа И. В. Сталин.

«...Мы,— продолжал И. В. Сталин,— за мир, мы — за разоблачение всех тех шагов, которые ведут к войне, какими бы пацифистскими флажками они ни были прикрыты. Будет ли это Лига наций или

Локарно, — всё равно, нас флагом не надуешь, нас шумом не испугаешь» (Сталин, Соч., т. 7, стр. 296).

Советский Союз неизменно придерживается этих указаний своего вождя, последовательно и решительно ведя эту благородную линию в интересах своего народа, своего государства, как и в интересах всех народов, всех миролюбивых государств.

А. Я. Вышинский далее подробно остановился на истории вопроса и существе советских мирных предложений, внесённых в ООН.

«За четыре года, почти четыре года, существования организации Объединённых наций делегация СССР по поручению своего правительства уже четвёртый раз вносит свои мирные предложения. В 1946 году делегация СССР внесла свои предложения о всеобщем сокращении вооружений и о запрещении производства и использования атомной энергии в военных целях. Эти предложения легли в основу исторической резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. В 1947 году СССР предложил принять постановление об осуждении пропаганды новой войны в любой форме. После длительной борьбы Генеральной ассамблеей было единодушно принято постановление, в основу которого легло предложение Советского Союза. В 1948 году СССР предложил принять решение о сокращении вооружений пяти держав на одну треть и опять-таки о запрещении атомного оружия. Это предложение встретило ожесточённое сопротивление и было отклонено. Но отклонившее это предложение большинство Генеральной ассамблеи не смогло просто списать это предложение в архив. Оно, это большинство, приняло бесцветную и обречённую на бесплодность резолюцию, предназначенную для того, чтобы как-нибудь замаскировать свой отказ принять советский проект, направленный на действительное обеспечение запрещения атомного оружия и сокращение на одну треть вооружений и вооружённых сил постоянных членов Совета безопасности. Оставив заголовок советского проекта, большинство Генеральной ассамблеи нечаянно подчеркнуло разительный контраст между требованием реальных мер по запрещению атомной бомбы и по сокращению вооружений на одну треть и тем пустым, ничего не дающим для решения этой благородной задачи содержанием убогой резолюции, принятой большинством Генеральной ассамблеи 19 ноября 1948 года.

Нет необходимости подчёркивать всё огромное значение успешного разрешения задач, связанных с каждым из указанных выше предложений, внесённых и до конца защищённых советскими делегациями и делегациями стран народной демократии.

Предложения Советского Союза об осуждении подготовки новой войны и о заключении Пакта пяти держав по укреплению мира, внесённые на эту сессию, логически связаны с миролюбивыми предложениями Советского Союза 1946, 1947 и 1948 годов. Внося 23 сентября на нынешнюю сессию Генеральной ассамблеи свои предложения, советское правительство действовало в сознании великой ответственности, лежащей на нём, как и на других постоянных членах Совета безопасности и на всей организации Объединённых наций в целом, за дело мира, за устранение опасности новой войны, за безопасность народов.

Несмотря на принятые на прошлых сессиях Генеральной ассамблеи важные решения, осудившие пропаганду новой войны в любой форме,

такая пропаганда не прекращается. Открыто ведётся подготовка новой войны, выражающаяся не только в этой пропаганде, но также в гонке вооружений, в раздувании военных бюджетов, в создании многочисленных военных баз, в организации военных блоков, преследующих агрессивные цели. Решения Генеральной ассамблеи, таким образом, не выполняются некоторыми членами организации Объединённых наций и, в первую очередь, правительствами США и Великобритании, занятыми подготовкой новой войны против СССР и стран народной демократии.

Англо-американский блок, хозяйничающий в ООН, своими систематическими нарушениями устава ООН и своей политикой в ООН способствовал и способствует подрыву авторитета организации Объединённых наций, её ослаблению, сводит её значение в международных делах на нет. Этому в весьма большой степени содействовали грубые нарушения устава ООН, связанные с заключением агрессивных пактов и с образованием военно-агрессивных блоков, вроде Северо-атлантического или Брюссельского блока, а также такие мероприятия, как «план Маршалла».

Создание Северо-атлантического союза 12 государств, преследующего агрессивные цели, или объединение 16 государств на основе «плана Маршалла» не только подорвали авторитет и значение организации Объединённых наций, но создали опасность превращения организации Объединённых наций в отделение государственного департамента, приказы которого послушно выполняет, несмотря ни на что, большинство ООН во главе с американской и английской делегациями.

Получилось своеобразное разделение функций: Северо-атлантический союз занимается подготовкой новой войны, организация Объединённых наций в лице своего англо-американского большинства прикрывает эту чёрную работу фальшивыми декларациями о мире.

В организации Объединённых наций, в её комитетах, комиссиях, на пленумах Генеральной ассамблеи представители англо-американского блока источают елейные речи о мире и благоденствии народов, а за пределами организации Объединённых наций — в своих военных штабах и в канцеляриях Северо-атлантического, Брюссельского и тому подобных союзов — готовят новую войну, куют оковы против миролюбивых народов, обрекая их на жестокие страдания и гибель.

Этот чудовищный заговор реакционных сил против мира и благополучия миллионов и миллионов людей призваны разоблачить мирные предложения Советского Союза, чтобы остановить преступную руку поджигателей войны, занесённую над всем человечеством, над всеми народами, жаждущими мира и проклинающими войну.

«Подводя итоги обсуждения предложений Советского Союза, — продолжал А. Я. Вышинский, — нельзя не отметить два характерных обстоятельства. Первое — это то, что противники советских предложений не опровергли ни одного конкретного факта, который был приведён советскими делегациями и делегациями стран народной демократии в подтверждение своих утверждений о подготовке некоторыми странами, и в первую очередь США и Англией, новой войны».

Советский представитель напомнил в этой связи о ряде неопровержимых фактов, подтверждающих факт участия правительств США и Англии в подготовке новой войны.

Важно отметить, указал А. Я. Вышинский, что о подготовке новой войны говорят не только такие факты, как откровенные заявления министра обороны США Джонсона, начальника объединённых штабов генерала Брэдли, фельдмаршала Монтгомери, генерала Спаатса и ряда других высокопоставленных лиц в США и Англии, но и те материально-организационные военные мероприятия, которые осуществляются на глазах у всех и которые вообще нельзя скрыть от общественности! Естественно, что опровергнуть такие факты нельзя, и за такое заранее обречённое на провал дело не берутся даже самые искусные мастера этого дела из рядов американской и английской дипломатии.

В самом деле, что противопоставил нашим доказательствам, например, представитель Англии государственный министр Макнейл, кроме вопросов с явно наигранным недоумением: «Разве советская делегация действительно верит, что мы готовимся к агрессивной войне? Как она может верить, что мы готовимся к агрессивной войне?» Но почему бы Макнейлу и его друзьям не представить хоть один факт, доказывающий, что английское правительство не участвует в подготовке новой войны!

Разве в числе тех приблизительно 500 военных баз, которыми США опоясали весь мир, нет баз, расположенных на английской территории? Разве не факт, что на островах Великобритании сосредоточены 90 американских сверхмощных летающих крепостей «В-29», подразделённых на несколько групп стратегической бомбардировочной авиации? Разве английское правительство или хотя бы английский государственный министр Макнейл опроверг сообщение «Нью-Йорк таймс» о том, как в английских военных кругах выражалось недовольство по поводу того, что английское правительство дало «согласие» принять на свою территорию 70 американских бомбардировщиков типа «В-29» в виде «помощи», которую Англия получает от США по «плану Маршалла» и как член Северо-атлантического союза? Разве были здесь разъяснены цели и задачи этой бомбардировочной авиации, разве было честно, как любят выражаться английские делегаты, разъяснено, против кого же, против какой страны, наконец, построены эти базы и подготовлены эскадрильи этих американских бомбардировщиков? Нет. Об этом английское правительство и его государственный министр, столь словоохотливый и не оставляющий ничего, что может касаться действий его правительства, без замечаний и опровержений, на этот раз молчат, как в рот воды набравши!

А Греция? А Кипр, превращённый в англо-американскую стратегическую базу, и именно как базу для нападения на Советский Союз? Не случайно же англо-американская печать объявила, что Кипр превращается в «опору против советской экспансии!» Макнейл заявил в комитете, что Англия должна иметь «сильные пункты, с которых мы можем защищать наши длинные внешние линии коммуникаций в случае войны». Какой войны? С кем? Когда? Он утверждал, что Англия вывела к настоящему времени свои войска со своих баз в других странах. Но он умолчал о том, как английские базы перешли к США и как США организуют свои базы на английской территории.

Разве США не получили от Великобритании авиабазы на Ньюфаундленде, на Бермудских островах, на островах Вознесения, Тринидад, Багамских? Разве США не построили 18 новых баз в Канаде? Разве

Макнейл забыл историю с американской военно-воздушной базой в Мелахе, находящейся под управлением британской администрации?

В свете таких фактов увёртки насчёт баз г-на Макнейла не могут никого ввести в заблуждение, как бы Макнейл ни старался об этом!

Представитель США г-н Остин следовал той же тактике: он ничего не говорил о фактах, приведённых нами в обоснование своих утверждений о том, что Соединённым Штатам принадлежит ведущая роль в деле подготовки новой войны: Он прошёл мимо замечаний о ген. Брэдли, о военном министре США Джонсоне, о ген. Ванденберге и т. д. и т. п. Пытаясь отвести внимание в сторону, в соответствии с обычной тактикой американской дипломатии, Остин сослался лишь на американский акт о взаимопомощи, предназначенной поддержать цели Северо-атлантического пакта, в котором сказано, что «США придерживаются такой политики по достижению международного мира и безопасности через организацию Объединённых наций таким образом, чтобы вооружённые силы не были использованы иначе, как в общих интересах».

Но такими общими фразами нельзя отделаться от упрямых и убедительных фактов, опровергающих эти фразы! Он заявил, что политика США заключается в том, чтобы сотрудничать со всеми государствами, и он подчеркнул эти слова — «со всеми государствами» — в создании всеобщей системы коллективной безопасности.

Но разве это не опровергается таким фактом, как организация Северо-атлантического пакта? Остин и его друзья продолжают твердить, что Северо-атлантический пакт не агрессивный, а оборонительный. Но от кого он обороняет своих участников? Но почему в этот пакт тянут пограничные Советскому Союзу Иран и Турцию, хотя они, как известно, вовсе не северо-атлантические страны? Почему, наконец, Ирану понадобилась военная помощь, о чём, как сообщает, например, «Нью-Йорк геральд трибюн» в номере от 18 ноября с. г., заявил находящийся сейчас в США шах Ирана, сказавший, что он будет просить у США предоставления ещё большего количества вооружения?

«Американская делегация, — заявил советский представитель, — предприняла на Политическом комитете контратаку, задавшись целью доказать, что СССР отклоняет предложения США о сотрудничестве и что он, в частности, отклонил такое предложение по Германии. Но разве Остин не помнит истории, связанной с заявлением бывшего посла США в Москве Смита в беседе 4 мая 1948 года с В. М. Молотовым о том, что «дверь, что касается США, всегда остаётся открытой для исчерпывающего обсуждения и урегулирования наших разногласий», от чего правительство США поспешило отказаться, как только советское правительство заявило, что оно может только приветствовать заявление правительства США, выразив надежду на возможность найти средства устранить имеющиеся разногласия и установить между нашими странами хорошие отношения, которые соответствовали бы как интересам наших народов, так и делу упрочения мира. Кто же отказался от сотрудничества?! Надо, кстати, напомнить, что для усиления значения такого отказа со стороны США г-н Бевин тоже поспешил заявить о том, что он не стремится принять участие в новой конференции, «пока не будет расчищена почва». Как г-н Бевин и его помощник г-н Макнейл «расчищают почву» для

сотрудничества с СССР, мы это видели по их выступлениям, например, на этой сессии, но не только на сессии...

В таком же извращённом виде г-н Остин, выступая в Политическом комитете, изобразил и дело в отношении «сотрудничества» по германскому вопросу. Он искажил обстоятельства, связанные с пресловутыми предложениями Бирнса и Маршалла о так называемых гарантиях против германской агрессии на 25 и даже на 40 лет! Но что это были за «гарантии»? В предложениях Бирнса и Маршалла не было ни слова о таких важных вопросах, как денацификация и демократизация Германии, как установление международного контроля с участием СССР над Руром, как ликвидация германских концернов, картелей, синдикатов, трестов и контролирующих их банковских монополий, явившихся вдохновителями и организаторами германской агрессии, как демилитаризация Германии, как искоренение остатков фашизма, как установление демократических порядков, как проведение земельной реформы с тем, чтобы крестьянам была передана земля крупных землевладельцев-юнкеров и т. д., и т. п. Обо всём этом г-н Остин предпочёл умолчать, так как это полностью опровергло бы его заявления о том, что СССР якобы не желает сотрудничать с США, Великобританией и Францией в урегулировании германского вопроса. Остин умолчал, естественно, и о том, что, вопреки достигнутой в Париже в июне 1949 года договорённости продолжить свои усилия по восстановлению экономического и политического единства Германии, США, Англия и Франция завершили раскол Германии, создав марионеточное антинародное боннское правительство, которое, правда, уже расплывается по всем швам.

Нет, это руководящие круги США срывают международное сотрудничество, пользуясь для этого всякой возможностью, всяким предлогом. Сотрудничество между народами мешает этим кругам реализовать американский план мирового господства. Политика мирного сотрудничества с другими странами не устраивает претендентов на мировое господство, мечтающих о превращении других государств в американские колонии, о низведении суверенных народов до положения рабов.

Но осуществление таких планов встречает на своём пути непреодолимое препятствие в мощном движении народов за мир, движении, возглавляемом Советским Союзом, верным стражем безопасности народов, последовательным и решительным врагом войны, другом и защитником мира!»

Указав затем, что в Политическом комитете была сделана попытка извратить принципы, особенности и сущность советской внешней политики, А. Я. Вышинский заявил, что это лживое и клеветническое изображение советской внешней политики полностью провалилось. Советский представитель в кратких чертах остановился ещё раз на вопросе о принципах, характере и особенностях советской внешней политики, как она сложилась и действует с самого начала Советского социалистического государства и до наших дней.

Он особо остановился на советской политике мира в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

«В 1936—1938 годах, — сказал А. Я. Вышинский, — было совершенно ясно, что Европа стоит на пороге войны, что Гитлер затевает большую войну при прямом попустительстве Великобритании и Франции.

Позиция Советского Союза оставалась неизменной и в это время. Следуя своей политике мира и борьбы против угрозы войны, советское правительство энергично выступало против предательской политики Мюнхена, открывшего ворота гитлеровской агрессии. Советский Союз был единственным государством, сохранившим верность своим международным обязательствам в отношении Чехословакии. Перед лицом надвигающейся гитлеровской агрессии Советский Союз неоднократно предлагал правительствам Великобритании и Франции заключить соглашение в целях отпора готовящемуся фашистскому нападению.

Все последующие события полностью подтвердили обоснованность тревоги, которую бил Советский Союз перед второй мировой войной.

Советская политика и накануне второй мировой войны оставалась той же политикой мира. Об этом свидетельствуют все последующие события, в частности позиция Советского Союза в переговорах в Москве в марте—мае 1939 года об англо-франко-советском соглашении для отпора гитлеровской агрессии. Как известно, несмотря на все усилия к достижению соглашения со стороны советского правительства, переговоры закончились провалом по той причине, что, как это открыто признал Ллойд-Джордж, «Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желали никакого соглашения с Россией».

Для правильного понимания хода событий нужно напомнить, что бековская Польша, имея союзниками Англию и Францию, заключила с немцами в 1934 году пакт о ненападении и что сами Англия и Франция в 1938 году пошли на совместную с Германией декларацию о ненападении, т. е. по существу подписали пакт о ненападении, хотя и названный декларацией.

Нужно также иметь в виду, что ещё в 1938 году имели место торговые переговоры с Германией, которые, однако, в то время не дали положительного результата. В июле 1939 года эти переговоры возобновились и закончились 19 августа 1939 года подписанием торгово-кредитного соглашения. Летом того же 1939 года немцы предложили советскому правительству заключить договор о ненападении. К этому времени было уже ясно, что ни Англия, ни Франция не намерены заключать соглашение с СССР и что, наоборот, политика Чемберлена — Даладье стремится направить гитлеровскую агрессию на Восток против недавно «гарантированной» Польши и против Советского Союза.

В такой обстановке советское правительство приняло решение заключить с Германией пакт о ненападении. Это был мудрый и дальновидный шаг, ибо он предопределил благоприятный для СССР и для всех свободолюбивых народов исход второй мировой войны. Это был шаг, продиктованный уверенностью в том, что гитлеровцы готовят нападение на СССР и что необходимо выиграть время для подготовки к отпору наглому агрессору. Это предвидение полностью оправдалось. Нельзя не отметить, что, готовя нападение на СССР, гитлеровское правительство пыталось прикрыть эти свои агрессивные намерения наглой кампанией, настоящим походом против коммунизма.

13 апреля 1941 года в результате переговоров, происходивших во время пребывания в Москве министра иностранных дел Японии Мацуока, был подписан пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а также декларация о взаимном уважении территориальной

целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Манчжоу-Го.

Поход против миролюбивых предложений Советского Союза прикрывается обстрелом с тех же по существу позиций, как это было в период до второй мировой войны, в период пакта четырёх, пакта Келлога и мюнхенских соглашений. Развязывается беспрецедентная травля коммунизма и «коммунистов», причём в коммунисты зачисляется каждый прогрессивно мыслящий человек, каждый, придерживающийся прогрессивных демократических взглядов. Не остаётся ни для кого секретом, что походом «против коммунизма» пытаются, как в своё время это делали гитлеровцы, прикрыть поход против Советского Союза и стран народной демократии, что этот поход является идеологической подготовкой к новой войне.

Вот обстановка, в которой мы начали и теперь заканчиваем нашу сессию, обстановка, которая настоятельно требовала и требует, чтобы Объединённые нации обрели в себе силы и покончили с таким положением. Всё ещё продолжается мобилизация агрессивных сил, действующих и против мира и против нашей организации, призванной служить делу укрепления мира.

Вот причины, побудившие советское правительство внести и защищать свои предложения, находящиеся сейчас перед Генеральной ассамблеей.

Мы против англо-американского проекта, поддержанного большинством Политического комитета, заявил А. Я. Вышинский, так как этот проект совершенно неудовлетворителен. Проект этой резолюции называется «Необходимые условия мира». Но в нём нет никаких условий, которые могли бы действительно содействовать укреплению мира. Этот проект, кроме того, содержит в себе ряд неправильных и противоречащих постановлениям Генеральной ассамблеи и уставу ООН положений. Так, проект резолюции обходит вопрос о сокращении вооружений, причём совершенно оставляет вне поля зрения вопрос о запрещении атомного оружия. Он подстрекает к ослаблению государственного суверенитета, исходя из ложной, опасной и вредной концепции, отрицающей важность и значение укрепления национального суверенитета. В этой резолюции содержится ряд пунктов, которые повторяют отдельные положения устава, ничего к ним не добавляя, что преследует единственную цель — замаскировать другие пункты этой резолюции, рассчитывая на то, чтобы узаконить систематические нарушения устава англо-американским блоком.

Проект резолюции, внесённый делегацией СССР, идёт по другому пути.

Советский Союз предлагает осудить подготовку войны, выражающуюся в пропаганде войны, поощряемой правительствами ряда стран и в особенности США и Англии, в гонке вооружений, в раздувании военных бюджетов, ложащихся тяжёлым бременем на население, в создании многочисленных военных, военно-морских и военно-воздушных баз на территориях других стран, в организации военных блоков государств, преследующих агрессивные цели в отношении миролюбивых демократических стран, и в проведении других мероприятий с агрессивными целями. Мы привели многочисленные факты, полностью доказавшие пра-

вильность наших утверждений. Эти факты остались неопровергнутыми, так как их и нельзя опровергнуть. Все эти факты доказывают, что в ряде стран и в первую очередь в США и Англии действительно идёт подготовка новой войны».

«На этих днях, — указал глава делегации СССР, — на собрании делегатов ассоциации Лэнд-грант колледжей и университетов, проводившей свой 63-й годичный съезд, один из ораторов, генерал, доказывал, что «нейтрализовать вражескую страну путём воздушной мощи является величайшим оружием демократии, озбоченной поддержанием мира». Он доказывал, что задачей военно-морского флота является «блокировать и морить голодом» и что против «единственно возможного» военного противника, располагающего могущественной сухопутной армией, «единственным эффективным средством» является «стратегическая бомбардировка!»

Важно не то, что нашёлся ещё один сумасшедший поджигатель войны. Важно то, что его слушает целая ассоциация колледжей и университетов! Что происходит на наших глазах? Оказывается, руководители военно-воздушного флота и военно-морского флота США перессорились в споре о том, какой лучший способ уничтожения наибольшего количества советских людей и советских городов. Экономисты подсчитывают прибыли, которые должна принести война «деловым» кругам США, прямо заявляя, что именно война может облегчить тяжёлое состояние американской экономики, всё больше и больше ощущающей силу ударов надвигающегося кризиса!»

А. Я. Вышинский привёл ряд новых фактов, свидетельствующих о военной подготовке США, и заявил далее:

Вот почему Советский Союз предлагает свою резолюцию с осуждением такой политики, политики подготовки новой войны, вот почему Советский Союз предлагает, подобно тому, как цивилизованные нации уже давно осудили как тягчайшее преступление против человечества использование ядовитых газов и бактериологических средств в военных целях, признать противоречащим совести и чести народов и несоместимым с принадлежностью к организации Объединённых наций использование атомного оружия и других средств массового уничтожения людей, считая недопустимыми дальнейшие оттяжки в принятии Объединёнными нациями практических мер по безусловному запрещению атомного оружия и по установлению соответствующего строгого международного контроля.

По мнению советской делегации, принятая Генеральной ассамблеей 23 ноября с. г. по настоянию США, Англии, Франции и Канады резолюция по атомному вопросу, равно как и резолюция от 4 ноября 1948 года, ни в какой степени не способствует разрешению проблемы безусловного запрещения атомного оружия и установления контроля для того, чтобы не допустить использования атомной энергии в военных целях. Советская делегация считает, что только безусловное запрещение атомного оружия и установление строгого международного контроля за исполнением решения о запрещении производства атомного оружия и использования атомной энергии в военных целях и способствовало бы ускорению развития и применения атомной энергии исключительно для мирных целей.

Я должен сказать, что советская делегация внимательно ознакомилась с разосланным председателем Генеральной ассамблеи г-ном Ромуло обращением к шести постоянным членам комиссии по атомной энергии. Советская делегация высоко ценит стремление г-на Ромуло обратить внимание Генеральной ассамблеи и всех государств на необходимость решения вопроса о запрещении атомного оружия и установлении строгого контроля над атомной энергией и считает необходимым заявить, что она согласна с тем, что необходимо продолжить поиски соглашения по этому вопросу, имеющему столь важное значение для человечества. Дальнейшие оттяжки в принятии Объединёнными нациями практических мер — я подчёркиваю: *практических мер* — по безусловному запрещению атомного оружия и по установлению соответствующего строгого контроля недопустимы. Никаких оттяжек! Со всеми оттяжками в этом важнейшем деле должно быть покончено. Советский проект резолюции это и предлагает. Он предлагает, чтобы вы, Генеральная ассамблея, этот международный форум мира, сказал своё авторитетное слово, рекомендовал комиссии по атомной энергии: разработать практические мероприятия, чтобы осуществить безусловное запрещение атомного оружия, установить строгий эффективный контроль над выполнением этого запрещения.

Советская делегация настаивает на этом сейчас, будет настаивать на этом и дальше.

Проект резолюции Советского Союза содержит пункт, в котором предлагается, чтобы Генеральная ассамблея обратилась ко всем государствам с призывом разрешать свои споры и разногласия мирными средствами, не прибегая к использованию силы или к угрозе силой. Это предложение было отвергнуто англо-американским большинством.

Советский Союз предлагает выразить пожелание, чтобы Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Китай, Франция и Советский Союз заключили между собой пакт по укреплению мира, объединив свои усилия в целях поддержания международного мира и безопасности народов, ответственность за что несут эти пять держав — постоянные члены Совета безопасности.

Это предложение в Политическом комитете — очевидно, это повторится и здесь — вызвало сопротивление со стороны ряда делегаций и было также отвергнуто, будто речь шла не о пакте по укреплению мира, а об объявлении войны!

Но выдвинутые против этого предложения соображения поражают своей ходульностью и слабостью.

Нам говорят, что нет необходимости в таком пакте, потому что есть устав — «самый торжественный пакт мира». Но устав не помешал же пяти государствам — членам ООН заключить Брюссельский пакт!

Но устав не помешал группе государств — членов ООН заключить Северо-атлантический пакт! Почему же устав мешает теперь заключить Пакт пяти держав — постоянных членов Совета безопасности?

Ясно, что это пустая отговорка.

Нам говорят, что дело поддержания мира и безопасности народов — это дело всех членов ООН, а не только постоянных членов Совета безопасности!

Но известна роль и значение именно пяти постоянных членов Совета безопасности в решении всех международных дел, известен их удельный вес, их авторитет, их влияние. Не ясно ли, что пакт между этими пятью державами, который устранил бы угрозу войны, избавил бы мир от бремени раздутых военных бюджетов, гонки вооружений и всех связанных с этим отрицательных явлений в политических и экономических отношениях между государствами, такой пакт явился бы могучей основой всеобщего доверия, основой мира и безопасности народов!

Ясно, что и изложенное выше соображение, выдвинутое против предложения о Пакте пяти, несостоятельно. Это пустая отговорка.

Нам говорят, что такой пакт не устранил бы всех разногласий; следовательно, он излишен.

Но никакой пакт сам по себе не может гарантировать немедленное устранение всех или даже некоторых важных разногласий. Но такой пакт может обеспечить устранение разногласий, разумеется, при соответствующем отношении к обязательствам, которые должны быть приняты сторонами в соответствии с таким пактом. Ясно, что такой пакт может сыграть весьма положительную роль в стабилизации дружественных отношений между государствами.

Ясно, что и это возражение не выдерживает критики. Это тоже пустая отговорка.

Таких отговорок можно придумать немало. Это делают и будут делать все враги мира, все зачинщики, вдохновители и организаторы новых войн.

Это, однако, не может и не должно останавливать борцов за мир в их благородной борьбе. Их поддерживают миллионы и миллионы честных и самоотверженных людей. Завтра их будет больше, чем сегодня. Борьба за мир, против поджигателей новой войны будет продолжаться, и в этой борьбе победят те, кто ненавидит войну, кто требует мира.

Могучее движение за мир сотен миллионов людей, движение народов преодолеет все препятствия на своём пути. Это несокрушимая сила, которая победит, которая принесёт человечеству избавление от войн и обеспечит мир во всём мире.

«Известия» № 284 (10124) и № 285 (10125)
от 2 и 3 декабря 1949 г.

РЕЧЬ Д. З. МАНУИЛЬСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОМИТЕТА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
ПО ИНДОНЕЗИЙСКОМУ ВОПРОСУ

(3 декабря)

В речи, произнесённой на заседании Специального политического комитета, г. Д. З. Мануильский заявил:

«Делегация Украинской Советской Социалистической Республики представляет свой проект резолюции по индонезийскому вопросу. Она не может согласиться с той резолюцией, которая представлена здесь от имени делегаций Австралии, Афганистана, Бирмы, Египта и других государств, которую защищал здесь представитель Индии.

Мотивы, по которым мы не можем согласиться с этой резолюцией, состоят в следующем.

Мы спрашиваем: изучили ли представитель Индии и другие соавторы представленной резолюции решения конференции «круглого стола»?

Если они этих документов не изучили, а это именно так, то как можно в таком случае одобрять эту конференцию и заключённые на ней соглашения? Почему голландская делегация, которая обязана иметь эти документы в своих руках, своевременно не представила их членам Специального политического комитета для того, чтобы они могли их изучить и с полным знанием дела вынести своё суждение по поводу конференции «круглого стола»?

Заверения представителя голландского правительства, сделанные на одном из пленарных заседаний, о том, что гаагская конференция привела якобы к удовлетворению интересов Индонезии, не отвечают действительности. Делегация Украинской ССР постарается доказать это некоторыми фактами.

Война голландских оккупантов, поддерживаемых Соединёнными Штатами Америки и Великобританией, против индонезийского народа продолжается и в настоящее время с не меньшей свирепостью, чем и раньше. Голландские оккупанты, вооружённые всеми видами новейшего вооружения, полученного из Соединённых Штатов Америки, при помощи танков, авиации, артиллерии ведут агрессивную войну против индонезийского народа, единственная «вина» которого состоит в том, что он хочет сам решить свою судьбу и быть хозяином своей страны, к естественным богатствам которой — каучуку, нефти, олову — тянутся загребущие руки голландских захватчиков, английских колонизаторов и американских монополистов.

Индонезийский народ не покорился иноземным захватчикам, он в тяжёлых условиях продолжает освободительную борьбу. Особенно жестокие бои с силами сопротивления индонезийского народа ведутся в районе Суракарты. Больше половины крупного, с многотысячным населением города Суракарты выжжено голландскими оккупантами.

Голландские власти истребляют индонезийское население в районах Джокьякарты, Мадина, Блитара, Кедири и в других местах Явы и Суматры.

Прокламированное 7 августа 1949 года исламистское государство «Даруль ислам», находящееся в западной части острова Ява со столицей Сингапарна, стало объектом нападения со стороны голландских войск.

Применяя чудовищные методы расправы, оккупационные войска под командованием голландского офицера Вестерлинга, выжигают в южной части Целебеса целые деревни и истребили уже там свыше 30 тысяч индонезийцев.

Ссылка голландского правительства на то, что так называемое правительство Хатта, с которым голландские захватчики заключили сделку, представляет якобы Индонезийскую республику, не отвечает действительности. Об этом говорит хотя бы тот факт, что воинские части Республиканской армии (ТНИ) не подчиняются приказам Хатта и переходят массами на сторону сил сопротивления индонезийского народа.

Насколько положение в Индонезии остаётся напряжённым, видно из того, что, как сообщает голландская печать, начальник голландской

разведывательной службы в Батавии полковник Сомер поклялся свой пост ввиду несогласия с политикой голландского правительства в отношении Индонезии.

Может ли Специальный политический комитет или Генеральная ассамблея пройти мимо режима насилия и беззакония, который установлен голландскими властями в Индонезии при помощи подкупленной клики Хатта? Делегация УССР полагает, что не может, ибо это было бы недостойно ООН.

Широкие демократические круги Индонезии, равно как и силы сопротивления, не признают ни так называемого правительства Хатта, ни конференции «круглого стола», ни её решений. В опубликованном силами сопротивления Индонезии манифесте, подписанном Харьоно — руководителем патриотического движения средней и восточной Явы, говорится, что никакое решение конференции «круглого стола», поскольку оно ограничивает власть Индонезийской республики, не будет признаваться индонезийским народом.

Кроме того, в этом манифесте содержится требование освободить политических заключённых, численность которых, по данным агентства Антара, только на Яве и Суматре составляет 70 тысяч человек.

Все сведения, которые поступают из Индонезии, говорят о том, что ни так называемое правительство Хатта, ни голландцы, несмотря на то, что последние захватили ряд крупных городов страны, не являются хозяевами положения в Индонезии.

Как же можно сейчас, когда происходит массовое истребление невинного индонезийского народа, принимать такую недостойную резолюцию, какую нам предлагают представители англо-американского блока.

Принятием этой резолюции Специальный политический комитет подписался бы под решениями гаагской конференции «круглого стола», которые решительно отвергаются самим индонезийским народом.

Делегация Украинской ССР, ознакомившаяся с этими решениями, со всей ответственностью заявляет, что сделка, заключённая голландскими аггессорами с кликой Хатта в Гааге, лишает индонезийский народ его суверенных прав иметь своё собственное независимое государство, права распоряжаться экономическими ресурсами своей страны, права вступать в самостоятельные дипломатические и торговые отношения с другими странами.

Так, например, возьмём статью 5 статута так называемого индонезийско-нидерландского союза. Из этой статьи явствует, что во главе голландско-индонезийского союза, а стало быть, и во главе индонезийского «суверенного» государства, стоит королева Юлиана принцесса Оранская-Насау или её законный наследник по короне Нидерландов.

Спрашивается: почему голландская королева должна возглавлять индонезийское государство, которое к тому же считается республикой, именуемой Соединёнными штатами Индонезии? Почему суверенный индонезийский народ, добивающийся республиканского образа правления, должен сажать себе на спину представителей иноземной королевской династии?

Возьмём, далее, соглашение по вопросам внешнеполитической деятельности. Оказывается, во внешних дипломатических отношениях

Соединённые штаты Индонезии, по существу, правами представительства пользоваться не будут. Одни из статей этого соглашения предусматривают, что в отношениях с некоторыми государствами Голландия берёт на себя представительство «интересов Соединённых штатов Индонезии» (статья 4). Другие статьи говорят о том, что Индонезия вообще лишается права самостоятельно устанавливать дипломатические отношения с иностранными государствами, а может это делать только по решению совместной конференции министров, т. е. с санкции той же Голландии (статья 1).

То же и в области внешнеторговых связей. В соглашении указывается, что торговые соглашения с иностранными государствами могут заключаться только с согласия обеих сторон, т. е. опять-таки с санкции голландского правительства.

Возьмём, далее, соглашение по экономическим и финансовым вопросам.

Соглашение по урегулированию долгов предусматривает, что Соединённые штаты Индонезии должны взять на себя уплату всех долгов, а также займов, полученных голландской администрацией в Индонезии с 1932 года. Соединённые штаты Индонезии должны взять на себя также уплату «всех внутренних долгов Индонезии к моменту передачи им суверенитета» (статья 25, параграф «д») и взять на себя ответственность за выплату процентов и амортизационных сумм по этим долгам (статья 26).

На индонезийский народ перекладывается бремя долгов голландского правительства в отношении других государств, связанное с эксплоатацией голландскими оккупантами естественных богатств Индонезии, равно как и бремя погашения всех расходов, понесённых голландцами в связи с их военными действиями против индонезийского народа.

А какие размеры принимают эти расходы, видно из того, что голландцы располагают в Индонезии войсками, численность которых доходит до 150 тысяч человек. Если принять во внимание тот факт, что голландские войска находятся в Индонезии с 1946 года, то можно представить себе, в какую кабалу попадает индонезийский народ.

Так, по сообщению «Нью-Йорк таймс» от 13 января текущего года, расходы голландского правительства на содержание армии и воздушных сил в Индонезии составили почти полмиллиарда долларов, покрытых пока США, но которые затем будут взысканы с индонезийского народа.

Если взять соглашение по вопросам военного порядка, то оказывается, что «вооружённые силы Голландии, согласно статье 1, должны быть выведены или реорганизованы как можно скорее, в соответствии с директивами, изложенными ниже».

Что представляют собой эти «нижеизложенные директивы», об этом говорит статья 8, которая гласит: «Вооружённые силы, о которых идёт речь в первой статье, будут находиться на положении гостей, которые пребывают на территории дружественной нации». Мало того, статья 51 главы 7, касающейся финансирования нидерландских вооружённых сил, обязывает правительство республики Соединённых штатов Индонезии предоставлять средства для питания, расквартирования, обслуживания и т. д. королевской голландской армии.

Не удивительно после этого, что один из подписавших гаагское соглашение вместе с Хатта — султан Гамид 2-й заявил, что основной

вопрос голландско-индонезийских отношений заключается в том, будут ли выведены голландские войска из Индонезии или нет? А что голландские оккупанты не собираются уходить из Индонезии. об этом свидетельствует тот факт, что они не только не выводят своих войск сейчас, а продолжают увеличивать их численность новыми контингентами.

Таким образом, совершенно ясно, что гаагские соглашения ведут не к созданию суверенного независимого государства в Индонезии, а к восстановлению в ней прежнего колониального режима.

Можно ли верить на слово голландскому правительству, что оно выведет свои войска из Индонезии, когда мы знаем, что это правительство неоднократно нарушало взятые на себя обязательства?

Известно, что Голландия нарушила заключённое с Индонезийской республикой крайне тяжёлое и невыгодное для этой последней Лингаджатское соглашение от 25 марта 1947 года. Равным образом голландское правительство не подчинилось призыву Совета безопасности от 1 августа 1947 года прекратить военные действия и продолжило их с целью удушения Индонезийской республики. Голландское правительство далее нарушило так называемое Ренвиллское соглашение от 17 января 1948 года, несмотря на то, что этим соглашением все основные требования Голландии были удовлетворены в ущерб интересам индонезийского народа.

Наконец, все помнят, как 18 декабря 1948 года, пользуясь перерывом в работе Совета безопасности из-за его переезда из Парижа в Нью-Йорк, голландское правительство возобновило военные действия, чтобы добить Индонезийскую республику.

В результате этих вероломных действий голландского правительства Индонезийская республика была фактически сведена до размеров султаната Джокьякарты, потеряла большую часть своей территории и превращена в один из 16 штатов так называемых Соединённых штатов Индонезии, причём остальные 15 штатов представляют собой, так же как и республика, возглавляемая кликой Хатта, марионеточные образования, созданные голландцами. А теперь нам предлагают утвердить гаагские соглашения, которые являются сделкой, заключённой между подкупленной верхушкой индонезийских феодалов и голландскими захватчиками при поддержке американских правящих кругов.

Равным образом нельзя при обсуждении результатов Гаагской конференции «круглого стола» обойти молчанием роль созданной решением Совета безопасности от 25 августа 1947 года комиссии ООН по Индонезии. Эта комиссия, образованная в составе представителей США, Бельгии и Австралии, лишь помогала голландским оккупантам в деле подавления освободительной борьбы индонезийского народа. Основная функция этой комиссии состояла в том, чтобы оказывать давление на Индонезийскую республику и заставить её принять все требования голландских оккупантов, направленные на фактическую ликвидацию этой республики. Известно, что пресловутое Ренвиллское соглашение, в силу которого у Индонезийской республики были вырваны наиболее богатые нефтью и каучуком районы Явы и Суматры, было результатом грубого нажима этой комиссии на политических лидеров Индонезийской республики с целью принудить их к капитуляции. В то самое время, когда велись переговоры на американском корабле «Ренвилл», эта комиссия пальцем

не швельнула, чтобы приостановить наступление голландских войск. Было совершенно ясно, что все эти переговоры являются лишь ширмой для прикрытия коварных действий голландских агрессоров. На деле под видом посредничества этой комиссии США осуществляли свою экспансию в Индонезии, стараясь при помощи голландских захватчиков проложить себе дорогу к нефтяным источникам и каучуковым плантациям Индонезии.

Так, по данным голландской газеты «Форвартс» от 29 января 1949 года, из общей суммы иностранных капиталовложений в 2,5 миллиарда долларов 1 миллиард падает на американские капиталовложения. Голландские оккупанты действуют в тесном союзе с такими американскими компаниями, как «Гудир», «Юнайтед стейтс раббер», «Стандард ойл», «Дженерал моторс», «Гудрич раббер компани» и другие. Так монополисты США, опираясь на голландских колонизаторов, при содействии индонезийских феодалов прибирают к рукам эти богатейшие районы мира, обрекая индонезийский народ на прозябание в условиях восстановленного силой чужеземных штыков колониального режима.

Стоя на почве решений Совета безопасности по индонезийскому вопросу, делегация Украинской ССР предлагает Генеральной ассамблее принять следующее постановление:

1. В качестве первого шага для урегулирования положения в Индонезии отвести голландские войска на позиции, которые они занимали до начала военных действий в декабре 1948 года.

2. Потребовать от голландского правительства освобождения политических заключённых-индонезийцев и прекращения террора голландских оккупационных властей против индонезийского народа.

3. Образовать комиссию ООН в составе представителей государств — членов Совета безопасности, которой поручить наблюдение за выполнением пунктов 1 и 2, а также расследование действий голландских властей, выразившихся в жестоком терроре, убийствах и преследованиях демократических деятелей индонезийского народа.

4. Поручить комиссии подготовить и представить в трёхмесячный срок Совету безопасности предложения по урегулированию конфликта между Голландией и Индонезийской республикой, исходя из признания независимости и суверенных прав индонезийского народа.

5. Комиссию ООН по Индонезии упразднить.

«Правда» № 340 (11447)
от 6 декабря 1949 г.

ОБФД В НЬЮ-ЙОРКЕ, ПОСВЯЩЁННЫЙ 32-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(10 ноября)

10 ноября Национальный совет американо-советской дружбы устроил обед в отеле Вальдорф-Астория по случаю 32-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и 16-й годовщины со дня установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. На обеде присутствовала тысяча человек.

А. Я. Вышинский начал свою речь на обеде выражением благодарности выступавшим ораторам и организаторам банкета за внимание и выраженные ими чувства дружбы к советскому народу, к Советскому Союзу, советскому правительству. «Мы, — сказал он, — высоко оцениваем значение вашей работы, направленной на укрепление в американском обществе правильных представлений о Советском Союзе, Советском государстве, советском народе, о его работе, его стремлениях, задачах, целях, его успехах».

«Здесь правильно говорили, — продолжал Вышинский, — что лучшее средство для укрепления американо-советских отношений — это знание фактов о жизни Советского Союза и США. Что касается СССР, то знание этих фактов, несомненно, разрушит чёрную работу тех, кому не нравится наша дружба, кому она, как говорят по-русски, стоит перек горла».

Советский Союз ведёт политику мира. Советский Союз требует, чтобы были приняты меры, которые обеспечили бы мир народам. Советская внешняя политика основана на принципе сотрудничества народов, уважения суверенного равенства народов. Эту политику советское правительство ведёт с первого дня Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало новой исторической эпохе. В октябре 1917 года свершилось то, о чём мечтали на протяжении веков лучшие представители человечества, многие из которых расплачивались за свои смелые мечты собственной жизнью.

В октябре 1917 года в России под руководством гениальных организаторов Советского государства Ленина и Сталина победила Великая социалистическая революция. Социализм воплотился в живую действительность. Явилось в жизнь Советское государство, новый тип государства, республика Советов, о которой говорил великий Ленин, что она явилась «не только формой более высокого типа демократических учреждений... но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму».

Вся внешняя политика советского правительства проникнута идеей борьбы за мир, за международное сотрудничество.

Я хотел бы напомнить несколько исторических фактов. Первым декретом, первым законом рабоче-крестьянского советского правительства была декларация о мире, предлагавшая всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире. Эта декларация, явившаяся могучим призывом рабоче-крестьянского правительства покончить с войной, была встречена яростным сопротивлением правительств Антанты, стремившихся во что бы то ни стало продолжать войну до последней капли крови... русского солдата.

На предложение советского правительства о мире державы Антанты ответили угрозами и обвинениями в нарушении союзных отношений. Молодая рабоче-крестьянская республика вступила в борьбу за мир, несмотря на все угрозы и давление со стороны бывших союзников царского правительства России. Спустя несколько дней Совет Народных Комиссаров вновь обратился к народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии.

«Мир, который мы предложили, — говорилось в обращении Совета Народных Комиссаров, — должен быть миром народов. Он должен быть

честным соглашением, обеспечивающим каждому народу свободу экономического и культурного развития». Но и это обращение осталось без ответа.

Советское правительство настойчиво продолжало идти к своей цели, несмотря на то, что угрозы со стороны Антанты становились всё настояще и определённое.

Советское правительство и позже неизменно подчёркивало основную линию своей внешней политики, выразившуюся в стремлении к миру.

Советское правительство призывало народы других стран добиться мира, чтобы отвратить опасность грядущих войн, чтобы обеспечить мир измученному и истрадавшемуся, разорённому и голодающему человечеству.

Такова была в те годы внешняя политика советского правительства, видевшего уже тогда свою основную задачу в борьбе против новых войн, в разоблачении всех тех шагов, которые предпринимались в целях подготовки новой войны и которые флагом пацифизма прикрывали подготовку войны на деле.

В 1934 году И. В. Сталин, определяя советскую внешнюю политику, говорил, что внешняя политика СССР есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. *(Аплодисменты.)*

В 1939 году, в самый канун второй мировой войны, советское правительство подтвердило свою верность этой же политике.

«Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны». Так говорил И. В. Сталин 10 марта 1939 года. *(Аплодисменты.)*

Все действия, все мероприятия, вся линия советского правительства в международных делах полностью и в точности соответствовали великим принципам, положенным в основу советской внешней политики, как это было выражено И. В. Сталиным. *(Аплодисменты.)* Такая политика была продиктована не какими-либо преходящими конъюнктурными обстоятельствами. Она вытекала и вытекает из коренных интересов и насущных нужд советского народа. Она вытекала и вытекает из жгучей потребности использовать каждый день и каждый час мирного труда в интересах организации нового, социалистического общества, в интересах повышения материального благосостояния народов Советского Союза, из необходимости удовлетворить многочисленнейшие и всё более и более растущие потребности новой жизни.

Социализм и мир — родные братья. Вот почему подлинным строителям социализма ненавистна война и нужен мир, обеспечивающий возможность творческого труда. *(Аплодисменты.)*

Никакими угрозами и никакими блоками нельзя заставить Советский Союз свернуть со своего пути в борьбе за мир и безопасность народов. *(Аплодисменты.)*

Вождь советского народа И. В. Сталин от имени советского правительства предупреждал тогда агрессоров, что мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ.

Победоносно закончив в союзе с остальными членами советско-англо-американской коалиции войну против гитлеровской Германии, Советский Союз принял за восстановление мирной жизни. СССР, будучи одним из учредителей ООН, последовательно ведёт борьбу за укрепление этой организации, против всех попыток поколебать и ослабить ООН, созданную как орган защиты мира и безопасности народов.

В 1946, 1947 и 1948 годах советское правительство внесло ряд предложений, направленных на укрепление мира и устранение грозной опасности войны. Несмотря на ожесточённое сопротивление поджигателей войны, советская делегация на 1-й, 2-й и 3-й сессиях Генеральной ассамблеи ООН добилась некоторого успеха. В 1946 году было принято советское предложение о всеобщем сокращении вооружений и вооружённых сил, включая и вопрос о запрещении атомного оружия. В 1947 году по инициативе Советского Союза была принята резолюция, осуждающая пропаганду войны в любой форме. 1948 год оказался менее удачным, так как предложение СССР о запрещении атомного оружия и сокращении на одну треть вооружений и вооружённых сил пяти великих держав было отклонено и вместо этого была принята беззубая, ничего не значащая резолюция о консультациях по вопросам атомной энергии и об информации в отношении так называемого обычного вооружения.

Но вот собралась 4-я сессия Генеральной ассамблеи, и Советский Союз, верный своей миролюбивой внешней политике, вновь поднял свой голос против подготовки новой войны, против использования атомного оружия, противоречащего чести и совести народов. *(Аплодисменты.)* Советский Союз внёс предложение о заключении между пятью державами Пакта по укреплению мира. Уже более полутора месяцев Генеральная ассамблея никак не может приняться за рассмотрение этих предложений. Можно ожидать, что, как и в 1948 году, организаторы и вдохновители новой войны примут все меры к тому, чтобы провалить советские предложения. Они думают, что это их избавит от необходимости отступить со своей позиции сохранить во что бы то ни стало за собой атомное оружие, поставив его под такой контроль, который ничего общего не имеет с действительным международным контролем и преследует трудно скрываемую цель обмануть на этот счёт общественное мнение мира.

Значение указанных выше предложений Советского Союза понятно. Несмотря на то, что Советский Союз ещё в 1947 году раскрыл секрет атомного оружия, имеет в своём распоряжении это оружие, его позиция о запрещении атомной бомбы и установлении строгого международного контроля остаётся неизменной. *(Аплодисменты.)*

СССР борется за мир, опираясь на поддержку миллионов и миллионов простых людей, проклинающих войну и жаждущих мира.

Советский Союз — оплот мира, знаменосец мира, которому он и впредь будет служить всеми своими средствами и силами на благо и на счастье всего человечества».

В заключение А. Я. Вышинский пожелал всем деятелям советско-американского совета новых и ещё больших успехов в его важной и благородной деятельности на благо народов США и СССР. *(Продолжительные аплодисменты.)*

«Известия» № 269 (10109)
от 15 ноября 1949 г.

(ТАСС)

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

(6 декабря)

6 декабря глава делегации СССР на 4-й сессии Генеральной ассамблеи ООН министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский и сопровождающие его работники советской делегации отбыли из Нью-Йорка, направляясь в Москву. Перед отъездом т. Вышинский сделал на борту парохода «Америка» следующее заявление для радио и печати:

«Радиоотдел организации Объединённых наций обратился ко мне с просьбой высказать своё мнение о результатах заканчивающейся 4-й сессии Генеральной ассамблеи. Я должен сказать, что результаты эти советская делегация считает неудовлетворительными. Эти результаты неудовлетворительны уже потому, что Генеральная ассамблея отказалась поддержать предложения Советского Союза, направленные на осуждение подготовки новой войны и на укрепление дела мира. Таким образом делу мира нанесён серьёзный удар. Кроме того, Генеральная ассамблея приняла ряд решений, которые противоречат принципу устава организации Объединённых наций, противоречат и той основной задаче, которая стоит перед ООН по укреплению мира и обеспечению безопасности народов.

Что касается Советского Союза, то Советский Союз, как известно, боролся за мир, борется за мир и будет и впредь бороться за мир со всей настойчивостью, решительностью и силой. Я уже сказал о своих впечатлениях, дав оценку работы организации Объединённых наций. Я могу добавить к этому следующее: покидая Соединённые Штаты Америки, я желаю американскому народу счастья и счастливой встречи нового года».

«Известия» № 289 (10129)
от 8 декабря 1949 г.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
НА СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ БЫВШИХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЯПОНСКОЙ АРМИИ
(ДЕКАБРЬ)

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
ПО ДЕЛУ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЯПОНСКОЙ АРМИИ,
ОБВИНЯЕМЫХ В ПОДГОТОВКЕ И ПРИМЕНЕНИИ
БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ
РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТНИКА ЮСТИЦИИ 3-го КЛАССА
Л. Н. СМЕРНОВА
(29 декабря)

I
ЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕССА

Товарищи судьи, товарищи члены военного трибунала!

Значение дела, которое в течение этих дней столь тщательно исследовалось вами, далеко выходит за пределы установления личной вины и определения степени ответственности преступников, сидящих на скамье подсудимых. Бесспорно, что единая цепь тяжчайших преступлений против мира и человечества связывает бывшего командующего японской Квантунской армией генерала Ямада с исполнителями злодейских предначертаний японских милитаристов — бактериологами из специальных секретных формирований Квантунской армии. Но, как было установлено на судебном следствии, эта цепь не обрывается на скамье подсудимых. Бактериологическая война планировалась и готовилась преступным японским империализмом как часть общего заговора агрессии против миролюбивых народов. В течение многих лет империалистическая Япония была главным очагом агрессии на Дальнем Востоке.

На закончившемся в 1948 году международном процессе главных японских военных преступников в Токио со всей очевидностью было установлено, что Япония на протяжении многих лет готовилась напасть на Советский Союз. В приговоре Международного военного трибунала записано: «Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (т. е. с 1928 года); что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что её целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке».

Подстрекаемые сросшимися с военно-феодалной верхушкой страны крупнейшими японскими монополистическими объединениями, так называемыми «зайбацу», японские империалисты заранее «включили» Советский Дальний Восток и даже «Сибирь до Урала» в состав так называемой «Сферы процветания Великой Восточной Азии». Однако одно дело «планировать» агрессию против СССР в кабинетах генерального штаба, лабораториях императорского института тотальной войны или

специальных комитетах пресловутого «исследовательского общества» японских империалистов, так называемого «Кокусаку-Кенкью-Кай», другое дело осуществить эту агрессию на практике.

Много раз японский генеральный штаб составлял и пересоставлял агрессивные планы войны с Советским Союзом, и, конечно, не миролюбием японских генералов и не гуманностью готовых на любое преступление ради лишнего процента прибылей японских «дзайбацу» нужно объяснить то, что эти планы откладывались исполнением. Мир на Советском Дальнем Востоке поддерживался только в результате гениальной сталинской политики, в результате победоносного завершения сталинских пятилеток, в результате неусыпной заботы большевистской партии и советского правительства об укреплении советских вооружённых сил.

Империалистическая Япония не переставала готовить агрессивную войну против СССР.

Вторжение в Маньчжурию и оккупация её в 1931 году означали новый этап развития японской агрессии. Для японских империалистов военная оккупация не была самоцелью, она должна была подготовить новые территориальные захваты и новые акты агрессии. Маньчжурия имела для них значение важнейшего плацдарма для нападения на Советский Союз и для вторжения в Китай. Вот почему, захватив Маньчжурию, они с первых же дней установления своего господства в этой стране стали готовить её как плацдарм для нападения на нашу Родину. В Маньчжурии была сконцентрирована основная ударная сила японского империализма — Квантунская армия. В Маньчжурию направлялась новейшая военная техника, создаваемая японской промышленностью. Оккупированная страна покрывалась густой сетью аэродромов и стратегических дорог. И, как известно суду, именно в Маньчжурии были развёрнуты секретные формирования японской армии, готовившие бактериологическую войну — тайное оружие японского империализма.

В 1936 году окончательно оформился преступный заговор против мира, в который империалистическая Япония вступила с гитлеровской Германией, заключив с нею договор о военно-политическом союзе, так называемый «антикоминтерновский пакт». Через некоторое время к нему присоединилась фашистская Италия. Этот договор, как установлено токийским Международным трибуналом, был направлен в первую очередь против СССР. «Антикоминтерновский пакт», — говорится в приговоре по делу главных японских военных преступников, — составлял основу политики Японии в последующие годы. Этот военный союз с Германией играл важную роль в политике Японии против СССР».

Японской правящей клике казались близкими к осуществлению преступные замыслы, направленные на отторжение Советского Приморья, захват Советского Дальнего Востока и порабощение великого китайского народа. Японская Квантунская армия быстро росла количественно и вооружалась новой техникой. Маньчжурия была превращена в арсенал войны против Советского Союза.

В 1937 году японская военщина спровоцировала так называемый «инцидент на мосту Марко Поло» и вторглась в Китай. Этот акт агрессии был совершён так же, как предшествовавшие ему агрессивные акты, без объявления войны. Вплоть до 1942 года кровопролитная война в Китае, унесшая миллионы жертв, в японских официальных источниках

называлась «Китайским инцидентом», так же как «Маньчжурским инцидентом» именовалась военная оккупация Маньчжурии. В 1938 году японские милитаристы напали на Советский Союз в районе озера Хасан. Боевые действия в районе сопки Заозёрной продолжались десять дней. За эти десять дней короткой и напряжённой борьбы брошенные в бой отборные японские войска были разбиты наголову Советской Армией. Проба сил оказалась явно не в пользу японской военщины, и она поспешно отступила, назвав эту начатую ею и проигранную агрессивную войну «Чанкуфынским инцидентом».

В 1939 году Квантунская армия, по указанию японского генерального штаба, начала войну против Монгольской Народной Республики и Советского Союза в районе реки Халхин-Гол. Начатые в мае 1939 года бои продолжались до сентября. В них принимали участие лучшие соединения Квантунской армии при поддержке больших масс авиации, артиллерии и танков. В результате этой борьбы советские и монгольские вооружённые силы уничтожили большую часть японских войск. Война в районе реки Халхин-Гол была проиграна империалистической Японией так же, как и война в районе озера Хасан.

Так, дважды начав агрессивную войну против Советского Союза, японские империалисты оба раза были разбиты в открытом бою, испытав на себе сокрушительную мощь ударов Советской Армии, но и это не остановило преступную подготовку агрессии против Советского Союза и других миролюбивых народов во имя создания «Великой Восточной Азии» — японского колониального государства, в котором побеждённым народам отводилась роль рабов, обрекаемых на нищету и вымирание.

Вместе с гитлеровскими людоедами японские империалисты мечтали об установлении господства над миром. Для достижения этой цели они готовились применить наиболее мучительные и бесчеловечные средства массового истребления людей. Они хотели утвердить своё господство на развалинах человеческой цивилизации. В этом преступном заговоре против мира и человечества, каким являлся союз гитлеровской Германии и империалистической Японии, бактериологическая война была одним из средств заранее планируемого истребления одной части населения мира для полного порабощения другой. В лице растленных представителей реакционной буржуазной науки хозяева империалистической Японии нашли исполнителей своих злодейских предначертаний. Общеизвестно, что бактериологическое оружие наряду с химическим и атомным оружием являются средствами агрессивной войны, причём средствами исключительно жестокими и бесчеловечными, главным образом в силу того, что жертвами этих видов оружия становятся мирные люди — женщины, дети, старики.

Именно поэтому всё передовое человечество, осуждая агрессивную войну вообще, особенно осуждает войну бактериологическую, химическую и атомную и требует запрещения применения этих средств войны, как противоречащих элементарным понятиям гуманности.

Именно поэтому Советский Союз и большинство других цивилизованных государств обязались не применять на войне химическое и бактериологическое оружие, подписав и ратифицировав Женевский протокол от 17 июня 1925 года «о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств»;

Советский Союз с первых дней своего существования неуклонно и последовательно борется за прочный демократический мир. Являясь подлинным оплотом мира и глашатаем идей социалистического гуманизма, Советский Союз, идя во главе демократических сил мира, решительно отвергает применение бесчеловечных средств массового истребления.

Именно поэтому, вопреки всем усилиям поджигателей новой войны из англо-американского блока, Советский Союз уже в течение ряда лет добивается в организации Объединённых наций безусловного запрещения атомного оружия.

Судебный процесс показал, что японские милитаристы самым деятельным образом готовились к бактериологической войне, изыскивая наиболее эффективные средства этой войны и способы их применения. Готовя бактериологическую войну, японский империализм создал мощное бактериологическое оборудование. Так же, как и гитлеровцы, японские милитаристы использовали новейшую технику, призванную служить прогрессу человечества, для целей мучительного человекоистребления. В акте судебно-медицинской экспертизы особо отмечено: «Необходимо подчеркнуть, что некоторые возбудители из числа применявшихся отрядами в естественной обстановке обладают способностью образовывать более или менее стойкие очаги заразных болезней, которые были ликвидированы или ограничены прогрессом науки и которые обвиняемые пытались вновь искусственно насаждать».

Так пытались вернуть человечество ко временам моровой язвы, к губительным эпидемиям холеры и чумы, к наиболее мрачным периодам средневековья злодеи, часть которых посажена на скамью подсудимых.

Невольно привлекает внимание единство методов массового истребления людей, которые применялись гитлеровскими военными преступниками и японскими империалистами. Невольно привлекает внимание и то кощунственное осквернение науки, глумление над её гуманными принципами, которое объединяет злодеяния гитлеровских и японских военных преступников. Когда в единоборстве с гитлеровской Германией войска Советской Армии, ломая сопротивление врага, шли на Запад, они встречали на своём пути дымящиеся развалины Трелинки, газовые камеры Майданека, печи крематориев Освенцима — злодейскую индустрию смерти, вызванную к жизни преступным германским фашизмом. В специальных «медицинских блоках» этих лагерей уничтожения фашистские врачи-экспериментаторы испытывали на беззащитных жертвах смертоносные инфекции и отравляющие вещества, медленно замораживали живых людей в ледяных ваннах, мучительно умерщвляли их в барокамерах. В лабораториях Познанского бактериологического института гитлеровские бактериологи культивировали бактерии чумы и готовились к применению бактериологического оружия против миллионов мирных людей, ибо в первую очередь на умерщвление мирного населения и причинение ему тяжчайших страданий, на возбуждение эпидемий в тылу врага направлена бактериологическая война.

Только сокрушающий удар советских вооружённых сил спас тогда человечество от ужасов бактериологической войны, в которые готовились ввергнуть мир гитлеровские злодеи. И когда, после разгрома гитлеровской военной машины, войска Советской Армии, верные своему

союзническому долгу, стремительным ударом разгромили основную ударную силу преступного японского империализма — Квантунскую армию, они вновь спасли человечество от ужасов бактериологической войны.

В двадцати километрах от Харбина находятся разрушенные взрывами и пожаром строения большого городка. Как это установлено на предварительном следствии и на суде, там помещалось специальное бактериологическое формирование Квантунской армии — отряд № 731, или «отряд Исии», — в течение ряда лет планомерно готовившее бактериологическую войну, начиная от выбора смертоносных инфекций, испытания их на тысячах беззащитных жертв и разработки методов культивирования бактерий, кончая массовым производством всего необходимого для ведения в громадных масштабах агрессивной бактериологической войны. Мы знаем, что бывший командующий Квантунской армией, ныне подсудимый на этом процессе генерал Ямада считал отряд Исии находившимся в боевой готовности и способным выполнить любые задания. Мы знаем также, что означала эта «боевая готовность» отряда Исии. Из показания Ямада видно, что японским генеральным штабом были утверждены три основных метода применения бактерий для целей войны: распыление бактерий с боевых самолётов, сбрасывание с самолётов специальных бактериологических бомб и наземное заражение населённых пунктов, водоёмов, пастбищ и т. д. по методу бактериологической диверсии.

Сама природа бактериологического оружия такова, что пределы его действия не ограничиваются линией фронта, вооружёнными силами противника или даже территорией подвергшейся нападению страны.

Развязываемая японскими империалистами бактериологическая война принесла бы неисчислимые бедствия не только населению страны, подвергшейся нападению, но и народам нейтральных стран. Это входило в злодейские планы японских военных преступников, для которых нейтральные государства должны были являться объектами новых актов агрессии.

Так, мечтая о мировом господстве, о «Великой Восточной Азии» под гегемонией Японии, правящая клика империалистической Японии готовилась обратиться против человечества злейших его врагов — невидимый мир наиболее опасных бактерий.

Ради достижения этих преступных экспансионистских целей в специальных камерах выращивались сотни миллионов блох, которые должны были заражены чумой и, помещённые в специальные бомбы или развешенные с самолёта, служить переносчиками инфекции.

Ради этой преступной цели устанавливалось мощное специальное оборудование, и четвёртый отдел отряда № 731 в течение одного «производственного» цикла вырабатывал десятки килограммов бактерий — миллионы миллиардов микробов, которые должны были заразить водоёмы и пастбища, быть сброшены на города и сёла и привести к гибели тысяч и тысяч мирных людей.

Ради этой преступной цели обрекались на мучительную гибель китайские патриоты и советские люди, закованные в кандалы и беззащитные в руках злодеев-экспериментаторов, мучительно умерщвляемые во внутренней тюрьме отряда Исии.

Ради этой преступной цели умерщвлялись китайские женщины и дети, заражённые холерой и чумой во время экспедиций отряда Исии в Китай.

II

ОРГАНИЗАЦИЯ ЯПОНСКИМИ ИМПЕРИАЛИСТАМИ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ
И ВЕДЕНИЯ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

На судебном следствии была с исчерпывающей полнотой исследована история создания специальных секретных бактериологических формирований японской армии в Маньчжурии и вполне установлены их структура, назначение и практические возможности.

Подготовка бактериологической войны была начата японской армией вскоре после захвата Маньчжурии.

Первоначально японская военщина создала небольшую бактериологическую лабораторию, начальником которой был назначен японский военный бактериолог Исии Сиро, который ещё до этого занимался в военно-медицинской академии изысканиями бактериологического оружия и был известен в военных кругах как ярый поборник бактериологической войны. Из показаний подсудимого Кадзицука видно, что с самого начала преступной деятельности Исии он получал поддержку со стороны стратегического отдела японского генерального штаба. Все исследования Исии были окружены глубокой тайной. Так как одно его имя могло расшифровать направление работы лаборатории, он изменил своё имя на Того, и его учреждение стало называться «отрядом Того». Из показаний подсудимого Карасава видно, что уже в то время Исии совершал преступные эксперименты на живых людях, испытывая действие бактерий на взятых японцами в плен китайских партизанах.

В 1936 году по требованию японского генерального штаба и по указу императора Хирохито были созданы мощные базы для претворения в жизнь злодейских замыслов и преступных экспериментов, проводившихся до этого Исии в лабораторных условиях. В Маньчжурии были созданы и приданы Квантунской армии два крупных бактериологических формирования, которые должны были обеспечить массовое производство средств бактериологической войны в количествах, достаточных для ведения японской армией бактериологической войны в больших масштабах. На протяжении ряда лет бактериологические формирования меняли свои наименования. Разумеется, японское командование не могло называть их настоящими именами, чтобы не вызывать возмущения не только людей всего мира, но и собственного народа. Поэтому бактериологические фабрики смерти всегда маскировались под обычные медицинские или ветеринарные учреждения. Так, именуемая «отрядом Того» лаборатория Исии развернулась в огромный институт бактериологической войны под нейтральным названием «Управления водоснабжения и профилактики Квантунской армии».

Иногда это формирование называлось «отрядом Камо». Впоследствии оно получило обычный номер войсковой части и стало называться «Маньчжурским отрядом № 731». Второе бактериологическое формирование сперва называлось «интпоэпизоотическим управлением Квац-

тунской армии», а затем «отрядом № 100». Оба отряда имели многочисленные филиалы. Японское военное командование располагало эти филиалы по определённым плану, на важнейших стратегических направлениях, соответствующих направлениям главных ударов, намеченных японским планом войны против Советского Союза. Об этом свидетельствует имеющийся в деле приказ главнокомандующего японской Квантунской армией генерала Умедзу от 2 декабря 1940 года за № 398/1-КО об учреждении четырёх новых филиалов отряда № 731 в Хайлине, Линькоу, Сунью и Хайларе. Но, сосредоточивая основные филиалы секретных бактериологических формирований, намеченных военными планами на направлениях главных ударов против Советского Союза, японская военщина готовила, как это вполне установлено на судебном следствии, бактериологическую войну не только против СССР.

Начиная с 1940 года отряд Исии проводил бактериологические атаки против китайских войск, во время этих нападений исследовались все виды бактериологического оружия, в том числе распыление чумных блох с самолётов, бактериальный дождь, заражение водоёмов, пища, населённых пунктов по методу диверсий.

Систематически готовилась бактериологическая война против Монгольской Народной Республики.

Подсудимый Ямада подтвердил на судебном следствии, что японская армия намеревалась обрушить град смертоносных бактерий на народы других государств, в частности на народы и армии, находившиеся в состоянии войны с Японией, — США и Великобританией. Об этом свидетельствуют также и другие предъявленные суду доказательства. В апреле 1945 года генерал Исии, получивший секретные указания японского генерального штаба об активизации подготовки бактериологического оружия, прямо говорил на оперативном совещании руководящего офицерского состава отряда № 731 о неизбежности бактериологической войны против США и Великобритании. Анализируя положение в районе Южных морей, Исии называл дату начала бактериологической войны — 1945 год, он заявил тогда: «Нам придётся применить последние средства, в том числе и бактериологическое оружие для того, чтобы добиться перелома в пользу Японии». Ещё в 1943 году научный сотрудник отряда № 731 Минато был командирован в лагери военнопленных для исследования свойств крови и иммунитета к заразным болезням у американских солдат. С весны 1945 года вся подготовка бактериологической войны в отряде Исии шла в направлении массового производства бактериологического оружия в таких масштабах, которые могли объясняться лишь короткими сроками, остающимися до дня начала бактериологических атак. Только разгром Квантунской армии советскими вооружёнными силами лишил японских империалистов возможности применить бактериологическое оружие против союзных наций.

Преступный характер деятельности секретных бактериологических формирований Квантунской армии доказывается не только показаниями допрошенных на судебном следствии подсудимых и свидетелей, но и самой структурой отрядов 731 и 100, их специальным техническим оснащением, размахом их работы.

В этом отношении особенно характерен отряд № 731. Это был мощный военный бактериологический комбинат со штатом около трёх

тысяч научных и технических работников. Вопросы водоснабжения и профилактики были не более чем ширмой, маскировавшей действительный характер деятельности отряда Исини. Профилактикой и водоснабжением занимался лишь один отдел отряда Исини — *третий отдел*, размещённый для отвода глаз на видном месте в городе Харбине, а в двадцати километрах от Харбина в районе глухой станции Пинфань был выстроен большой военный городок, оснащённый мощной специальной техникой и усовершенствованной аппаратурой, городок, вся деятельность которого была рассчитана на изыскание и производство секретного бактериологического оружия.

Суду был предъявлен циркуляр начальника штаба Квантунской армии (№ 1539 от 30 июня 1938 г.) об установлении особой военной зоны в районе станции Пинфань. Строжайшей тайной была окружена вся деятельность отряда № 731. Даже самолёты не могли пролетать вблизи станции Пинфань, где согласно 1-му параграфу приведённого выше циркуляра размещались «имеющие особое военное значение» постройки отряда Исини. Для авиации согласно 4-му параграфу циркуляра была установлена особая воздушная трасса и запретная воздушная зона. От внешнего мира помещения отряда Исини были ограждены высоким земляным валом и колючей проволокой. Главное здание отряда было выстроено в виде замкнутого четырёхугольника, скрывающего размещённый внутри двора корпус тюрьмы, в которой производились злодейские эксперименты над живыми людьми. Особый подземный ход соединял эту тюрьму с местом, к которому закрытые полицейские машины возводили обречённых на мучительную смерть людей. Население близлежащих деревень тщательно проверялось жандармерией. Проникнуть на территорию отряда могли лишь его сотрудники по служебным пропускам. Посторонним лицам — даже высшим чинам японской армии разрешалось входить на служебную территорию только по специальным пропускам за подписью главнокомандующего Квантунской армией. Для того, чтобы не возбуждать у окрестного населения подозрений и догадок о подлинном характере деятельности отряда № 731, его офицерский состав не носил присвоенных ему знаков различия медицинской службы, а одевался в обывайскую форму.

На суд бном следствии была детально исследована деятельность отряда № 731. Все отделы этого отряда, спрятанные от внешнего мира за стенами военного городка в районе станции Пинфань, ничего общего не имели с водоснабжением и профилактикой. Первый, исследовательский, отдел занимался изобретением средств бактериологической войны. Для этого в специальных лабораториях производились всякого рода изыскания и опыты, велись работы по выращиванию таких типов бактерий, которые, по мнению японских бактериологов, были бы наиболее эффективными для применения на войне.

Первому отделу подчинялась секретная тюрьма, в которой содержались подопытные люди и производились страшные эксперименты, на которых я останавлиюсь далее.

Второй, экспериментальный, отдел занимался проверкой на практике результатов изысканий, произведённых исследовательским отделом. Для этого в распоряжении экспериментального отдела имелись опытный полigon в районе станции Аньда и специальная авиационная

часть. В экспериментальном отделе велись работы по изысканию бактериологических снарядов для переноса бактерий на сторону противника. Там изобретались и испытывались керамические бомбы и особые бактериологические артиллерийские снаряды, а также специальные парашюты для сбрасывания смертоносного груза с самолётов. Сотрудники этого отдела работали над изготовлением образцов специальных пистолетов-распылителей, похожих на авторучки и тросточки, с помощью которых должны были переноситься бактерии или распространяться чумные блохи. Очевидно, что эти изыскания были безуспешными, так как уже в 1944 году в проекте табеля вооружения диверсионного отряда, разработанного вторым отделом управления сухопутных сил японской императорской ставки, значились пистолеты-распылители типа автоматической ручки по 4 — на взвод и по 3 — в штабе роты. Для целей диверсий отряд Исини изготовлял шоколадные конфеты, заражённые бактериями сибирской язвы.

Второму отделу было подчинено специальное отделение, в котором в громадных количествах выращивались блохи, предназначавшиеся для распространения эпидемии чумы. Я ещё остановлюсь на этом более подробно. Четвёртый, «производственный», отдел являлся настоящей фабрикой бактерий, производственная мощность которой позволяла выращивать бактерии в огромных количествах. В этом отделе практически претворялись в жизнь результаты работ первого, исследовательского, и второго, экспериментального, отделов. Выбранные для целей бактериологической войны, испытанные экспериментальным путём и выдержавшие эти испытания инфекции вводились в массовое производство. Из показаний подсудимых Кавасима и Карасава, бывших руководителей четвёртого отдела, мы слышали, товарищи судьи, что отряд № 731 располагал всем необходимым оборудованием для изготовления в течение нескольких дней 30 килограммов чумных микробов и соответствующего количества других болезнетворных микробов. В месяц четвёртый отдел мог производить до трёхсот килограммов бактерий чумы, до шестисот килограммов бактерий сибирской язвы, до одной тонны бактерий холеры. Уже эти страшные цифры свидетельствуют о том, что отряд № 731 был предназначен для массового изготовления бактериологического оружия для агрессивной войны. Этот вывод полностью подтверждается заключением судебно-медицинской экспертизы.

Экспертная комиссия отметила, что «оборудование четвёртого отдела 731 отряда позволяло развернуть производство огромного количества живых болезнетворных микробов... за один производственный цикл это оборудование могло обеспечить выход не менее 30.000.000 миллиардов микробов».

Устройством оборудования и его количество позволяли отряду осуществлять проведение нескольких производственных циклов одновременно, что делало месячную производительность оборудования отряда № 731 равной многим сотням миллионов миллиардов бактерий даже для микробов со средней скоростью размножения.

«Все эти огромные массы болезнетворных микробов, — говорится далее в заключении экспертизы, — в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и др., предназначались для производства бактериологического оружия, с целью массового истребления людей».

Материалами судебного следствия установлено, что наибольшее внимание бактериологи из отряда Исии уделяли преступным экспериментам с возбудителями инфекции сибирской язвы, холеры и в особенности чумы. В результате ряда бесчеловечных опытов над людьми и в результате бактериологических атак против китайского населения во время экспедиции в Китай начальник отряда Исии в качестве основных методов распространения эпидемии чумы принял, во-первых, сбрасывание с самолёта керамических бомб, начинённых заражёнными чумой блохами, и, во-вторых, рассеивание чумных блох с помощью особых приспособлений. Был разработан способ культивирования в массовом масштабе тех видов блох, которые могли быть переносчиками чумы. Разработку этого способа Исии считал особой заслугой отряда. Паразиты помещались в специальные ящики-инкубаторы и размножались там, питаясь кровью подсаживаемых в ящик грызунов.

Из показаний Кавасима видно, что за так называемый «производственный цикл» с каждого инкубатора снималось около десяти граммов, т. е. примерно тридцать тысяч, блох. Как установлено показаниями подсудимого Кавасима и подтверждено другими материалами дела, в одном лишь специальном отделении второго отдела отряда, возглавляемом неким инженером Танака, находилось 4 500 таких инкубаторов. Это означало, что только непосредственно отряд Исии, без его филиалов, мог, по минимальным подсчётам, произвести за один «производственный цикл» 45 килограммов паразитов. Из заключения судебно-медицинской экспертизы видно, что это количество соответствовало «многим десяткам миллионов» блох — распространителей смертельной инфекции чумы.

Давая показания суду, подсудимый Ямада заявил, что после инспекторского смотра отряда Исии ему особенно запомнились мощное оборудование для производства бактерий и специальные ящики с содержавшимися в них, как говорит Ямада, «в огромном количестве» живыми блохами, которые после заражения их должны были быть использованы для возбуждения эпидемии чумы. Поднявшись на вышку здания для того, чтобы осмотреть сверху первый полигон и аэродром отряда, бывший главнокомандующий Квантунской армией с интересом и удовлетворением выслушал доклад сопровождавших его офицеров о том, что заражённые чумой блохи испытываются на другом специальном полигоне путём рассеивания их с самолёта и, как показали эксперименты, являются эффективными оружием бактериологической войны.

«Я был крайне поражён, — заканчивает эти свои показания Ямада, — размахом исследовательских работ и колоссальными возможностями отряда по изготовлению бактериологического оружия».

Вряд ли мы можем, однако, поверить заявлению Ямада о том, что «колоссальные возможности» отряда в области подготовки бактериологической войны стали ему впервые ясны и так поразили его только после лично инспекторского смотра отряда Исии.

Из показаний самого Ямада видно, что непосредственно после назначения на должность командующего Квантунской армией он нашёл в числе других наиболее секретных документов, хранящихся в личном сейфе его предшественника, ныне осуждённого Международным военным трибуналом — главного японского военного преступника генерала

Умедзу, чертёж и описание бактериологической «бомбы системы Исии», наполняемой чумными блохами. Этот тип бомбы был утверждён генералом Умедзу, и Ямада согласился с мнением своего предшественника. При посещении отряда Исии Ямада лично осмотрел образцы этих бомб. «Колоссальные возможности» отряда Исии в деле мучительного человекоубийства должны были быть вполне ясны Ямада уже после доклада бывшего начальника санитарного управления Квантунской армии, подсудимого Кадзицука, подробно информировавшего Ямада о секретной работе отряда № 731 по изысканию и подготовке бактериологического оружия. Бесспорно установлено, однако, что после личного посещения отряда № 731 Ямада согласился с давно развиваемыми Исии преступными планами использования для бактериологической войны чумоносящих блох.

Этого не отрицает сам Ямада, заявляя: «При мне был окончательно усовершенствован способ применения блох, заражённых чумой, путём рассеивания их с самолётов с помощью специальных приспособлений и сбрасывания специальных бомб».

В августе 1944 года сменивший Исии на должности начальника отряда № 731 генерал Китано специально докладывал Ямада о результатах опытов по применению чумных блох на полигоне близ станции Аньда. В конце 1944 года, как это видно из показаний бывшего начальника оперативного отдела штаба Квантунской армии генерала Мацумура, по инициативе Ямада в кабинете командующего Квантунской армией состоялось оперативное совещание высших штабных офицеров, посвящённое вопросу применения в случае войны чумоносящих блох. На этом совещании присутствовали Ямада, начальник штаба Квантунской армии Касахара Юкио, его заместитель генерал Икеда, офицер стратегического отдела штаба, двоюродный брат императора Хирохито — принц Такеда и начальник оперативного отдела штаба Квантунской армии Мацумура.

Подробный доклад о способах применения в качестве бактериологического оружия блох, заражённых чумой, сделал генерал Китано. Из показаний Ямада видно, что вопрос о применении для целей бактериологической войны блох, заражённых чумой, был рассмотрен также специальной комиссией при штабе Квантунской армии.

В марте 1945 года, будучи вновь назначен начальником отряда № 731 и получив указание военного министерства Японии об усилении подготовки бактериологической войны, Исии сразу же после возвращения в Маньчжурию основное внимание уделил массовому культивированию блох и разведению грызунов. Уже на первом оперативном совещании, проведённом им в отряде, Исии заявил, что с максимальным успехом в бактериологической войне может быть использовано именно «оружие секции Танака», т. е. чумоносящие блохи.

В филиалы отряда были направлены шифрованные телеграммы, предлагающие всячески усилить культивирование блох. В отряде № 731 были произведены специальные занятия с сотрудниками филиалов, которые изучали на курсах способы культивирования блох. После этого все филиалы отряда начали усиленное культивирование паразитов, которые направлялись затем в отряд Исии. Так как блохи размножались в инкубаторах, питаясь кровью грызунов, филиалы отряда получили

здание усилить ловлю мышей и крыс. Из показаний свидетеля Морита суду известно, что лишь в одном Хайларском филиале отряда № 731 летом 1945 года одновременно содержалось около 13 тысяч крыс. Бывший интендант отряда — свидетель Хотта показал, что в 1945 году Исии рассчитывал использовать для разведения блох около трёх миллионов крыс, в связи с чем Хотта производил подсчёты заготовки необходимых кормов. Не подлежит сомнению, что все эти действия Исии были одобрены и санкционированы генеральным штабом Японии. Ещё в 1941 году, в связи с введением в действие плана «Кан-Току-Эн» и подготовкой войны против Советского Союза, Исии, ссылаясь на прямые указания генштаба, ставил перед сотрудниками отряда задачу — в громадных размерах усилить работу по культивированию паразитов.

Подсудимый Кавасима по этому поводу показал: «Исии передал нам, что в генеральном штабе высоко оценили результаты работы отряда и дали указание обратить особое внимание на усовершенствование и дальнейшую разработку бактериологических средств войны. После этой информации генерал Исии призвал нас к ещё более напряжённому труду для увеличения производительности отряда по размножению блох в ещё большем количестве. Тут же Исии отметил, что отряду удавалось в самых удачных случаях доводить размножение блох до 60 килограммов в 3—4 месяца, но теперь это количество необходимо довести до 200 килограммов за этот же период. Генерал Исии нам разъяснил, что все эти мероприятия по расширению производства бактериологического оружия необходимы в связи с изменившейся международной обстановкой, т. е. началом войны Германии против Советского Союза и введением в Квантунской армии плана «Кан-Току-Эн».

Та лихорадочная работа по подготовке к бактериологической войне, которую развернули с начала 1945 года отряд № 731 и его филиалы, работа которых заключалась в увеличении производства бактериальных масс, в накоплении в громадных количествах живых чумноящих блох и разведении грызунов, служащих для паразитов пищи и являвшихся источником их заражения, также проводилась по прямым указаниям генерального штаба и военного министерства Японии.

Это вполне установлено показаниями подсудимых Ямада, Кадзюцука, Ниси, Оноуэ, свидетеля Мацумура и других.

Я останавливаюсь столь подробно на омерзительной работе отряда № 731 по массовому культивированию предназначенных для заражения чумой паразитов, так как из прошедших перед вами доказательств очевидно, что в подготовляемой японскими агрессорами бактериологической войне этому виду бактериологического оружия отводилось одно из основных мест.

Вся деятельность отряда Исии и других бактериологических формирований японской армии является доказательством поистине чудовищного заговора японских империалистов против мира и человечества, заговора, который предусматривал применение смертоносного оружия бактериологической войны для истребления незащищённых людей и опустошения целых районов. Вы слышали во время судебного следствия показания одного из таких обученных в отряде № 731 убийц — бывшего курсанта отряда Фуруичи Ёсио, лично раздавшего во

время экспедиции отряда Исии в Китай голодным китайским военнопленным три тысячи булочек, которые он перед этим заразил бактериями брюшного тифа. В отряде Исии подготовлялись непосредственные исполнители бактериологических диверсий и участники бактериологических атак, люди, обученные убивать расчётливо, хладнокровно и беззаканно. Таково было основное секретное бактериологическое формирование японской армии — отряд генерала Исии.

Примерно такой же была структура отряда № 100. Нумерация отделов в этом отряде была другой, но от этого не менялась сущность производимых отрядом работ. И там велись изыскания наиболее эффективных видов бактериологического оружия; и там экспериментировали в целях испытания пригодности тех или иных культур бактерий; и там вводились в массовое производство выдержавшие испытания образцы; и там, наконец, готовились кадры людей, умеющих обращаться с бактериологическим оружием.

В отличие от отряда Исии, вся деятельность которого была направлена на уничтожение людей, отряд № 100 занимался также изысканиями способов заражения животных и растений и в этом направлении готовил оружие бактериологической войны. Но, кроме того, как это было доказано на судебном следствии, в отряде № 100, так же как и в отряде № 731, производились опыты над живыми людьми. Подготавливаемые отрядом № 100 массовые эпизоотии таких болезней, как сеп и сибирская язва, представляли громадную опасность для населения подвергшихся бактериологическим атакам районов.

Третьим секретным бактериологическим формированием японской армии, деятельность которого исследовалась судом, являлся нанкинский отряд «Эй» № 1644.

Подобно другим японским секретным бактериологическим отрядам, отряд «Эй» № 1644 несколько раз менял свои наименования и одно время назывался отрядом «Тама».

Представленные суду доказательства устанавливают, что нанкинский отряд также располагал мощным оборудованием по культивированию бактерий для целей бактериологической войны. Некоторое время нанкинский отряд возглавлялся тем же Исии, что уже определяло направление его деятельности, ибо все работы Исии, как это видно из материалов дела, преследовали цели подготовки бактериологической войны. Затем нанкинский отряд возглавлялся подсудимым Сато. О проводившихся в нанкинском отряде бесчеловечных опытах над людьми я скажу позднее. Вполне доказано, что отряд «Эй» № 1644 помогал отряду Исии в проведении бактериологических атак против китайских войск.

Таким образом, нанкинский отряд являлся таким же секретным бактериологическим формированием, как и отряд Исии, уступая, однако, последнему в производственной мощи.

Что касается отряда № 731, то все собранные и исследованные на суде доказательства дают основание характеризовать его как основной секретный бактериологический центр, созданный японскими империалистами на материке, систематически производивший изыскания в области бактериологического оружия и подготовку бактериологической войны и располагавший для этой цели громадными техническими

возможностями. Ряд показаний характеризует отряд № 731 как основной центр подготовки бактериологической войны.

В соответствии с указаниями японского генерального штаба штабом Квантунской армии было принято решение при возникновении войны с Советским Союзом бомбить авиационными снарядами, заражёнными чумными блохами, дальневосточные советские города и производить заражение советских тыловых районов путём распыления бактерий с самолётов.

Автор этого преступного и бесчеловечного плана бывший начальник оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии генерал Мацумура показал: «На случай войны с Советским Союзом бактериологическое оружие должно быть применено в районе городов Ворошилова, Хабаровска, Благовещенска и Читы».

Близость границ Советского Союза была первой и наиболее важной причиной того, что отряд № 731 был развёрнут именно в Маньчжурии.

Но подсудимый Кавасима указал и вторую причину. Преступные изыскания в области ведения бактериологической войны требовали многих человеческих жертв. Глубоко безнравственные и жестокие эксперименты над живыми людьми должны были сохраняться в глубокой тайне. Вот почему в качестве второй причины развёртывания отряда Исии в Маньчжурии подсудимый Кавасима указал (я цитирую его показания): «Возможность получения большого количества людского материала из числа лиц неазиатской национальности для производства бактериологических опытов над ними, а также большая территория Маньчжурии».

III

ПРЕСТУПНЫЕ ОПЫТЫ НАД ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ

Товарищи судьи! С чувством глубокой скорби о мучительно умерщвлённых японскими извергами людях я перехожу к исследованию тех окружённых до недавнего прошлого глубокой тайной чудовищных преступлений, которые совершались в отряде Исии при производстве бесчеловечных опытов над живыми людьми.

На судебном следствии эта сторона дела была исследована с максимальной полнотой. Медленное, мучительное умерщвление тысяч живых людей, переданных японскими жандармами на растерзание злодеям-экспериментаторам, полностью доказано не только показаниями подсудимых и свидетелей, но и подлинными документами, извлечёнными из захваченных войсками Советской Армии архивов японской жандармерии. Мы знаем детали и порядок производившихся в отряде Исии опытов над людьми, так же как никаких сомнений не оставляет и тот факт, что ни один из тех несчастных, которые были отправлены в отряд Исии в порядке так называемых «Токуи-Ацукаи» — «особых отправок», — не вышел оттуда живым. Из внутренней тюрьмы отряда, начальником которой являлся родной брат Исии Сиро, заключённые туда люди попадали после произведённых над ними экспериментов только в печь крематория. Японская жандармерия отправляла для уничтожения в тюрьму отряда Исии людей различных национальностей, пола, возраста,

среди них были старики и юноши, мужчины, женщины и даже дети; жизнь некоторых из них обрывалась через несколько дней после поступления в отряд. Мучительное существование других тянулось многие месяцы. Эти люди, схваченные японской жандармерией и отданные на произвол экспериментаторов, подвергались невероятным физическим страданиям и беспрерывно находились под страхом смерти. Из захваченных Советской Армией документов японской жандармерии нам известны имена некоторых жертв. Мы знаем о старом железнодорожнике Сун Чжаосане из Муданьзяна, о плотнике У Дян-сине, о ремонтном рабочем Чжу Чи-мэне, о китайском патриоте Ван Ине из Мукдена, вина которых заключалась в том, что они не хотели смириться с тем, что японские захватчики хозяйничают на китайской земле. Мы знаем о китайском коммунисте Чы Де-эне из уезда Хуан, Шаньдунской провинции, мучительно умерщвлённом в отряде Исии за то, что, претерпев пытки в японской жандармерии, он остался до конца верен своему народу и не стал предателем. Мы знаем о честном китайском торговом служащем Цзюнь Мин-ци из Дайрена, заподозренном жандармами в том, что он послал по почте в газету статью, обличающую японский оккупационный режим.

Священна память о солдате Советской Армии Демченко, попавшем в руки японских жандармов и до конца оставшемся верным долгу советского человека и принесённой воинской присяге. Под ужасными пытками Демченко отказался дать допрашивавшим его жандармам какие-либо сведения о Советском Союзе. «Тогда, — говорит свидетель, бывший заместитель начальника лагеря «Хогоин» Ямагиси, — я решил его уничтожить и с этой целью отправил его в отряд № 731».

Можно продолжать этот скорбный перечень имён людей, преимущественно китайцев и русских, умерщвлённых в тюрьме отряда Исии.

Мы не знаем, однако, имён большинства жертв. Попадавшие в тюрьму отряда Исии люди теряли имя, им присваивали номер, оставшийся за ними до смерти. Когда после произведённых над ним опытов человек умирал, писарь первого отдела вычёркивал номер из учётной карточки, тело умерщвлённого сжигалось в печи крематория, а в снятые с него кандалы заковывалась очередная жертва.

Подсудимый Кавасима говорил суду правду, заявляя, что в оккупированной японцами Маньчжурии отряд Исии не испытывал недостатка в людях для опытов.

Мы знаем это из подлинных жандармских отчётов. Невозможно представить себе более циничный и бесчеловечный документ, чем имеющаяся в распоряжении суда совершенно секретная инструкция штаба квантунской жандармерии от 12 марта 1943 года — о контингенте лиц, подлежащих уничтожению в порядке «особых отправок» в отряде Исии. Согласно этой инструкции, могли подвергнуться уничтожению не только все лица «просоветски или антияпонски настроенные», но вообще все лица, заподозренные японской жандармерией в антиправительственной деятельности или настроениях, даже в тех случаях, когда, как говорится в инструкции, «состав преступления даёт основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет оправдано или осуждено на короткий срок».

Уничтожению в порядке «особых отправок» подлежали не только сами заподозренные в антияпонской деятельности, но, как гласила

инструкция, «единомышленники лиц, подпадающих под категории «спецотправки» («Токуи-Ацукаи») ... если, несмотря на незначительность преступлений, освобождение их нежелательно». Уничтожению по этой инструкции подлежали также попавшие в руки жандармерии лучшие передовые люди, которые были обозначены в инструкции особой графой «Идейные преступники, связанные с национальным и коммунистическим движением». В «примечании» инструкции подчёркивалось, что начальники жандармских отрядов с полной решимостью могут ходатайствовать перед начальником квантунской жандармерии о применении «спецотправки» («Токуи-Ацукаи») ко всем перечисленным в инструкции категориям арестованных. Из этой инструкции видно, что в отряде Исии уничтожались не только лица, активно боровшиеся против японского гнёта, но даже и те заподозренные, дела в отношении которых не могли быть направлены в японский суд ввиду полной недоказанности какой-либо их вины.

Дававший показания перед судом японский советник жандармерии в так называемом Маньчжоу-Го, свидетель Тачибана подробно рассказал о порядке «особых отправок», при котором вопрос о жизни и смерти человека решался по произволу начальника жандармерии простой его резолюцией на жандармской справке.

Обречённых на смерть людей направляли в отряд Исии не только органы японской жандармерии, но и так называемые «японские военные миссии» — разведывательные органы японской армии.

На судебном следствии было установлено, в частности, что в Харбине при центральной японской военной миссии существовал специальный лагерь для русских, называемый «Хогоин», из которого систематически отправлялись в отряд № 731 для истребления многие десятки русских людей.

Это были люди, не желавшие выполнять требований японских разведывательных органов — вести враждебную работу против СССР. Это были люди, настроенные антияпонски, но судить их было не за что, так как даже по японским законам они не совершили никаких преступлений, за которые их можно было бы наказать по суду. Судьбой этих людей повлелестно распоряжались начальник лагеря «Хогоин» Иидзима и его заместитель Ямагиси, простой записки которых было достаточно для того, чтобы схватить намеченную жертву и отправить её в отряд № 731, откуда не было возврата.

Я говорил уже, что в тюрьму отряда № 731 доставлялись для уничтожения не только мужчины, но и женщины. Бывший начальник отдела кадров Квантунской армии полковник Тамура, направленный Ямада летом 1945 года для инспектирования работы отряда № 731, показал: «При обходе помещения меня провели во внутренний корпус, где содержались в специальных камерах живые люди, закованные в цепи и используемые, как мне объяснил лично Исии, для опытов. Среди этих подопытных я видел китайцев, европейцев, одну женщину. Как мне лично объяснил генерал Исии, эта женщина и европейцы являются русскими по национальности, доставленными в отряд жандармерией и военными миссиями Японии в Маньчжурии из числа подлежащих, по мнению карательных органов Японии, уничтожению».

Суду представлены доказательства того, что на протяжении всех лет,

в течение которых существовала тюрьма отряда № 731, в неё доставлялись обрекаемые на смерть русские женщины и китайки, схваченные японскими военными миссиями и жандармерией. И сможет ли кто-нибудь из нас позабыть скорбный образ неизвестной русской женщины с грудным ребёнком на руках, погибшей под пытками в отряде Исии! Об этой несчастной русской матери рассказал на суде подсудимый Кавасима. Она была доставлена в отряд беременной и родила в тюрьме. В течение двух лет она оставалась в руках злодейских экспериментаторов, подвергаясь страшным мучениям, забывая о собственной боли, в постоянном страхе за судьбу ребёнка. Оба они умерли, мать и её дитя, потому что, как говорил здесь Кавасима, никто из попавших в тюрьму отряда выйти оттуда живым не мог.

Обрекаемые на уничтожение в порядке «особых отправок» люди доставлялись в Харбин в особых тюремных вагонах или специальных автомашинах с максимальными мерами предосторожности, с сохранением глубокой тайны. Особыми жандармскими приказами тщательно регламентировалось, что подвергаемые «Токуи-Ацукаи» должны быть в пути закованы в ручные и ножные кандалы или крепко связаны по рукам и ногам верёвками.

Суду представлен подлинный оперативный приказ жандармерии Квантунской армии от 8 августа 1939 года за № 224, свидетельствующий о том, что в это время имела место «особая отправка» 30 заключённых в отряд Исии и что порядок отправки заключённых в отряд № 731 был именно таков, как я только что доложил суду. Вы имели возможность убедиться, какими громадными предосторожностями была обставлена операция по транспортировке этих заключённых, как тщательно подбирался конвой, сопровождавший обречённых на гибель людей к месту их уничтожения.

Количество жертв, уничтоженных японскими бактериологами во время производства преступных экспериментов, было огромно. По показаниям подсудимого Кавасима, который никак не заинтересован в том, чтобы преувеличить количество погибших, только в отряде № 731 ежегодно истреблялось до 600 человек, а с 1940 года по день капитуляции японской армии было лишено жизни не менее 3 тысяч человек. Представленные суду доказательства и, в частности, данные о произведённых в отряде за эти годы экспериментах свидетельствуют о том, что названное подсудимым Кавасима число жертв является самым минимальным. Документально установлено, что заключённые доставлялись в отряд Исии всеми японскими жандармскими отрядами и военными миссиями в Маньчжурии партиями различной численности — от нескольких человек до нескольких десятков жертв.

Исии делал всё, что только мог, чтобы увеличить число жертв, доставляемых в отряд в порядке «особых отправок». Когда отряд посещали руководители жандармерии, Исии лично показывал им свой отряд, чтобы эти посетители могли убедиться в том, что присланные жандармерией люди действительно истреблены и что та же участь ожидает новые жертвы. Об одном из таких разговоров Исии с начальником харбинского управления жандармерии Касуга показал адъютант последнего — свидетель Кимура.

Таким образом, массовое уничтожение живых людей, совершавшееся

в отряде Исии, полностью доказано материалами дела, и я перехожу к доказательствам тех бесчеловечных методов экспериментирования на живых людях, которые применялись в отряде, о которых невозможно говорить без содрогания и отвращения.

Доказано, что преступные опыты на живых людях производились в отряде № 731 как в так называемых лабораторных условиях, т. е. во внутренней тюрьме и в прилегающих к ней лабораториях, так и на специальном бактериологическом полигоне отряда близ станции Аньда. Опыты в лабораторных условиях производились главным образом сотрудниками первого отдела; опыты на полигоне производились 1, 2 и 4 отделами, но преимущественно эти опыты на полигоне проводили сотрудники второго отдела, испытывавшие на беззащитных жертвах образцы нового бактериологического оружия. Во всех случаях опыты доставляли тяжчайшие мучения жертвам экспериментов. В «лабораторных» условиях подопытным людям делались прививки наиболее опасных инфекций — чумы, сибирской язвы, сапа, различных тифов и других болезней.

Производя эти эксперименты на живых людях, злодеи в ряде случаев повторяли методы экспериментирования, известные науке, но применявшиеся только на животных. Так, для исследования эффективности вакцины японские экспериментаторы отбирали большую группу арестованных и часть из них вакцинировали, затем производилось заражение соответствующим заболеванием всей группы людей, и экспериментаторы ожидали результатов, т. е. смерти или тяжелых заболеваний не подвергшихся вакцинации людей. В большинстве случаев при испытании новых видов вакцин умирала вся группа, подвергавшаяся эксперименту. Тела погибших подвергались патолого-анатомическому исследованию и сжигались в крематории, а преступные опыты продолжались на новых партиях заключённых.

Об одном из таких опытов по испытанию противотифозной вакцины рассказал свидетель Фуруичи. По указанию начальника 1-го отдела Табэи он заразил воду бактериями брюшного тифа и напоил ею пятьдесят заключённых китайцев, части которых была сделана противотифозная прививка. В результате этого эксперимента большинство жертв заразилось брюшным тифом и умерло.

Все преступные эксперименты тщательно протоколировались. В ряде случаев результаты экспериментов фотографировались или снимались на киноплёнку. В протоколах экспериментов во всех случаях указывалась расовая принадлежность подвергшихся опытам людей. Мне хотелось бы привлечь ваше внимание, товарищи судьи, к одному обстоятельству, установленному на судебном следствии. Доказано, что в отряде № 731 производились на живых людях бесчеловечные эксперименты, не только связанные с подготовкой бактериологической войны, но и другие, не менее бесчеловечные и мучительные опыты, которые не были непосредственно связаны с подготовкой бактериологической войны, но тем не менее велись в широких масштабах. Эти опыты преследовали цели изучения пределов выносливости организма человека в определённых условиях, изучения отдельных вопросов профилактики и лечения неинфекционных заболеваний, которые могли интересовать только специальные отделы или санитарное управление штаба японской Квантунской армии.

Для производства подобных опытов над живыми людьми отряд № 731 имел барокамеру, в которой выяснялись пределы выносливости организма человека на больших высотах. Таким образом, экспериментаторы из отряда Исии производили те же опыты зловещного эсэсовского экспериментатора — доктора Рашера, которые нюрнбергский Международный трибунал по справедливости отнёс к числу наиболее жестоких и бесчеловечных экспериментов над живыми людьми, совершавшихся гитлеровскими злодеями. Помещаемый в барокамеру человек умирал медленной смертью, в невероятных мучениях. Из показаний подсудимого Ниси видно, что уничтожение людей в барокамере тщательно фиксировалось на киноплёнку. По самой природе их опыты в барокамере могли быть поставлены отрядом только по заданию командования военно-воздушных сил Японии.

В отряде № 731 были повторены и другие мучительные эксперименты над людьми, подобные производившимся Рашером в лагере смерти Дахау, а именно: опыты по обмораживанию, выполняемые по заданию санитарного управления. Опыты по обмораживанию производились отрядом Исии в массовых масштабах в течение многих лет. Эти бесчеловечные опыты подробно описаны рядом подсудимых и свидетелей. Они производились на русских людях и на китайцах. Подвергавшихся экспериментам людей выводили на мороз, иногда заставляя их опускать руки и ноги в воду. Некоторых из жертв заставляли двигаться, других оставляли неподвижными. Постукивая деревянным бруском по обнажённым конечностям, экспериментатор (мы знаем его имя — это был так называемый «научный сотрудник» отряда — врач Иосимура) определял наступление полного обмораживания. После наступления обмораживания жертвы водворялись в камеры, часть из них оставалась без лечения и умерла от гангрены.

Другой части заключённых производилась ампутация обмороженных конечностей: их лечили для того, чтобы подвергнуть затем новым экспериментам или убить после выздоровления. Опыты по обмораживанию фотографировались. Отчёты об экспериментах направлялись в санитарное управление Квантунской армии. Бывший начальник «учебно-просветительного» отдела Ниси рассказал суду о заснятом в отряде кинофильме, демонстрировавшем опыты по обмораживанию. Было показано, как люди, выведенные в поле на мороз ветром, протягивали навстречу ветру оголённые руки. Наступление полного обмораживания Иосимура устанавливал постукиванием палочкой по рукам. Готовясь к войне с Советским Союзом в зимних условиях, японские врачи ставили эти жестокие опыты по обмораживанию весьма широко. Для них строилось специальное помещение, в котором низкие температуры и подача ледящего ветра должны были создаваться искусственно. Все эти опыты не имели прямого отношения к подготовке бактериологических атак, но они должны быть отнесены к числу наиболее жестоких и преступных экспериментов над живых людях.

В лабораториях 1-го отдела отряда над вопросами изучения различных бактерий и вирусов работало не менее тридцати бактериологов. Доказано, что каждый из них производил опыты над живыми людьми. Я не имею возможности остановиться на всех опытах над живыми людьми, совершавшихся в отряде в так называемых «лабораторных условиях»,

но я напоминаю суду о том, что жертвами этих ужасных и бесчеловечных опытов одновременно служили двести-триста человек заключённых, содержащихся в тюрьме отряда, что ни одна из жертв не оставалась в живых и что в год во внутреннюю тюрьму отряда поступало не менее шестисот обречённых на смерть людей.

Тюрьма, как я уже говорил, подчинялась первому отделу отряда. Часть предназначенных для опытов заключённых передавалась для масовых преступных экспериментов второму отделу, который производил эти эксперименты на особом полигоне, в условиях, максимально приближённых к боевой обстановке. При этих опытах экспериментаторы скрывались в безопасных блиндажах, размещённых примерно в одном километре от места производства эксперимента. Жертвы опытов оставались на открытой площадке, связанные по рукам и ногам или крепко привязанные к особым врытым в землю железным столбам. При применении осколочных бактериологических снарядов немедленная смерть жертв не входила в расчёты экспериментаторов. Поэтому головы и наиболее уязвимые жизненные центры людей, подвергавшихся экспериментам, покрывались особыми металлическими щитами или толстыми ватными одеялами. Эти пропитанные человеческой кровью одеяла и металлические щиты хранились после дезинфекции до нового эксперимента в материальном складе отряда. Вы знаете о них из показаний свидетеля Хотти Рёочиро.

На полигоне Аньда было принято несколько способов экспериментирования на живых людях.

Наиболее часто применялось сбрасывание бактериологических снарядов, а также распыление бактерий и паразитов, заражённых чумой, с самолётов, пролетающих на небольшой высоте. В других случаях бактериологические снаряды располагались на земле на определённом, заранее рассчитанном расстоянии от привязанных к столбам людей, подрыв снаряда производился при помощи электровзрывателя из блиндажа, в котором находились экспериментаторы. Жертвы эксперимента освобождались от связывавших их пут через полтора-два часа после начала опыта. На специальных закрытых полицейских машинах они доставлялись во внутреннюю тюрьму отряда, где над ними производились наблюдения.

В абсолютном большинстве случаев никакой медицинской помощи людям, подвергшимся опытам на полигоне, не оказывалось.

В условиях полигона испытывалось оружие, рассчитанное на поражение, и потому наиболее высоко экспериментаторы оценивали те опыты, в результате которых наступала мучительная смерть всех подвергшихся эксперименту жертв. В условиях полигона было испытано на живых людях действие большинства смертоносных бактерий, над которыми производил исследования первый отдел. Однако основное внимание при проведении опытов на полигоне было уделено бактериям, которые японцами считались наиболее пригодными для целей массовой бактериологической войны, — бактериям чумы, сибирской язвы, холеры и т. п.

В январе 1945 года подсудимый Ниси присутствовал на одном из таких опытов, целью которого было выяснение возможности заражения газовой гангреной при температуре ниже 20 градусов мороза. Опытом

руководили начальник 2-го отдела полковник Икари и научный сотрудник Футаки. Десять заключённых были привязаны полукругом к железным столбам. Головы и спины жертв были защищены железными щитами и ватными одеялами. Подрыв заряжённого бактериями снаряда был произведён при помощи электрического тока. Этот эксперимент повлёк гибель всех жертв, умерших через несколько дней в тяжёлых мучениях.

Суду также известны подробные описания большого количества наиболее часто производившихся на полигоне опытов над людьми по заражению их чумой. Все эти опыты влекли мучительную смерть жертв. Я не буду останавливаться на описании отдельных экспериментов, производившихся над людьми на полигоне. Эти преступные опыты памятливы членам суда.

Бесчеловечные насильственные опыты над живыми людьми производились и в отряде № 100.

Подсудимый Митомо и свидетели Фукузуми, Сакурасита и Хатаки признали, что в этом отряде над заключёнными испытывалось действие различных ядов. Как показал подсудимый Митомо, когда несчастные жертвы преступных экспериментов настолько ослабевали, что над ними уже нельзя было продолжать опыты, их убивали и тела их зарывали на скотомогильнике. Сам Митомо умертвил одного подопытного заключённого, русского по национальности, которому он сделал инъекцию цианистого калия. Трёх русских, дошедших в результате опытов до полного истощения сил, расстреляли в присутствии Митомо японские жандармы.

Эти неслыханные зверства над живыми людьми творились сотрудниками отрядов №№ 731 и 100 при ближайшем участии японской жандармерии и японских военных миссий.

Перед судом было доказано, что и бактериологические отряды, и жандармерия, и военные миссии в Маньчжурии подчинялись непосредственно одному и тому же лицу — главнокомандующему японской Квантунской армией подсудимому Ямада, который, таким образом, несёт полную ответственность за злодеяния, совершённые над жертвами мучительных экспериментов в бактериологических формированиях, за сознательное умерщвление сотен и тысяч людей.

Вместе с ним разделяют эту ответственность подсудимые Кадзидука и Такахаши, руководившие соответственно деятельностью 731 и 100 отрядов.

Опыты над живыми людьми являются одной из страшных страниц этого дела о тяжчайших злодеяниях японской правящей клики и её наёмных убийц.

В этих злодеяниях достижения современной науки, добытые величайшими усилиями и жертвами учёных-гуманистов, борцов со смертью во имя блага человечества, ставились на службу мучительному человекоистреблению. Только лишённые чести, пресмыкающиеся перед японским империализмом, морально растленные человеконенавистники могли совершать эти противные природе человека преступления.

В отряде Исни поступившие туда для уничтожения люди не считались людьми. С кощунственным глумлением для них было создано особое условное название «брёвна».

ПРИМЕНЕНИЕ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ПРИ НАПАДЕНИИ
НА МОНГОЛЬСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ
И В ВОЙНЕ ПРОТИВ КИТАЯ

Товарищи судьи! Я перехожу к доказательствам, представленным суду в подтверждение того, что уже к 1939 году бактериологические формирования японской армии вышли из области исследования бактериологического оружия, из области лабораторных и полигонных испытаний этого оружия над людьми и встали на путь практического применения созданного ими оружия в боевых действиях, которые в то время вела японская армия на разных театрах войны.

Из показаний подсудимого Ниси видно, что впервые диверсионные группы отряда Исии, так называемый «отряд смертников» под командованием одного из наиболее жестоких экспериментаторов над людьми и участника почти всех бактериологических атак, подполковника Икари, применили в боевой обстановке оружие бактериологической войны против советско-монгольских войск. Это было в 1939 году, во время вероломного нападения Японии на Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол. При отступлении японских войск «отряд смертников», давший особое обязательство и скрепивший его иероглифами, написанными кровью (Ниси лично видел это обязательство при приёмке дел), отступая последним после разгрома японских войск, заразил воды реки Халхин-Гол бактериями острокишечных заболеваний. За этот преступный «подвиг» командовавший японскими войсками под Халхин-Голом, жестоко битый советско-монгольскими войсками и сам еле унёсший ноги японский генерал Огису Риппо наградил отряд Исии похвальной грамотой и ходатайствовал о производстве Икари в полковники.

Однако бактериологическая атака против советско-монгольских войск, совершённая так называемыми смертниками Икари, привычными безнаказанно умерщвлять беззащитных людей в лабораториях отряда, была только началом широкого применения бактериологического оружия в военной обстановке, к которому с 1940 года перешёл отряд Исии.

Во время бактериологических нападений на мирное китайское население были широко применены те виды бактериологического оружия, которые, по мнению японских военных преступников, являлись основными в планируемой ими бактериологической войне. В частности, особенно широко были применены во время этих бактериологических атак заражённые чумой блохи, сбрасываемые с самолётов с помощью особых приспособлений.

Первая экспедиция в Центральный Китай была направлена в 1940 году. Эту экспедицию возглавлял сам Исии. Во время экспедиции был заражён с помощью чумоносителей блох целый район близ города Нимбо и вызвана эпидемия чумы среди китайского населения.

Факт направления этой экспедиции в Центральный Китай полностью доказан не только признанием подсудимых и свидетельскими показаниями, но также официальными документами, захваченными Советской Армией в японских архивах.

В этой связи я позволю себе обратить внимание суда на два офици-

альных японских документа. Первый из них — это приказ командующего японской Квантунской армией генерала Умедзу от 25 июля 1940 года за № 659-Хэй, которым предписывается начальнику полевой железной дороги произвести перевозку отряда «Нара» из воинской части «Камо». Генерал Умедзу распорядился перевести этот отряд, состоявший из 40 человек, вместе с грузом в Центральный Китай. Второй документ — это приказ начальника управления полевой железной дороги Квантунской армии генерал-лейтенанта Кусаба от 26 июля 1940 года за № 178, в котором разработан маршрут этой перевозки со станции Пинфань через Харбин, Чанчунь, Мукден, Шанхай-гуань, Тяньцзинь в Шанхай. В примечании к приказу отмечено, что (я цитирую) «груз представляет собой особые материалы, требующие секретности, вследствие чего его название в график не вписано».

Ссылки в этих документах на отряд «Камо» (мы знаем уже, что так назывался в то время отряд Исии) и на отправку отряда «Нара» со станции Пинфань с беспорочно устанавливают, что в июле 1940 года происходила отправка из отряда № 731 группы сотрудников с секретным грузом в Центральный Китай, что эта группа является той самой экспедицией, о которой давали показания суду подсудимые Кавасима, Карасава, Ниси, Кадзицука и другие, что эта экспедиция была зашифрована под названием «отряд Нара».

Мы знаем также, какой груз был зашифрован словами «материалы, требующие особой секретности»: перед направлением отряда в Китай подсудимый Карасава получил задание изготовить для экспедиции 70 килограммов бактерий брюшного тифа и 50 килограммов бактерий холеры. Кроме того, второй отдел отряда снабдил экспедицию пятью килограммами заражённых чумой блох, т. е. примерно пятнадцатью миллионами заражённых чумой паразитов, упакованных в особые, устанавливаемые на самолёте приспособления для рассеивания их с воздуха.

Этот смертоносный груз и был тем «секретным грузом», который увезла с собой в Китай экспедиция Исии. Бактерии брюшного тифа и холеры были нужны участникам экспедиции для заражения водоёмов, заражённые чумой блохи сбрасывались с самолётов над городами и населёнными пунктами.

После возвращения в отряд участники экспедиции наиболее высоко оценивали смертоносное действие чумных бактерий, распространявшихся с помощью заражённых паразитов. Этому же мнению придерживался и сам преступный руководитель отряда № 731, лично возглавивший экспедицию в Китай — Исии Сиро. В 1941 году, зайдя в служебный кабинет Исии, подсудимый Кавасима, являвшийся тогда начальником общего отдела отряда, увидел, что Исии внимательно читает китайский медицинский журнал. Некоторые отрывки из заинтересовавшей его статьи Исии прочитал вслух. Китайские врачи описывали сильные вспышки эпидемии чумы в районе города Нимбо, южнее Шанхая. Особо отмечался необычный характер вспышки этой эпидемии чумы, поражающей людей, но не сопровождавшейся, как обычно, эпидемией среди грызунов. Комментируя эту статью китайского автора, Исии удовлетворённо отметил, что она подтверждает успешность проведённой им в 1940 году бактериологической атаки против китайского населения, во время которой совершалось разбрасывание с самолётов блох, заражённых чумой.

Таким образом, уже в 1940 году отряд № 731, по мнению его преступного руководителя, разрешил задачу выбора основного оружия бактериологических атак и начал применение этого оружия во время военных действий с целью дезорганизации тыла противника и распространения смертоносных эпидемий среди мирного населения страны, подвергшейся нападению. Исии придавал настолько важное значение экспедиции 1940 года, что приказал изготовить специальный фильм, посвящённый экспедиции.

Об этом фильме дал суду показания подсудимый Ниси. На киноплёнке были запечатлены различные моменты подготовки и проведения бактериологической атаки: укрепление на самолёте особых приспособлений для рассеивания заражённых чумой блох и самый процесс рассеивания чумных блох с самолёта. Фильм заканчивался особым разделом: «результаты работы». На экране проецировались статьи из китайских журналов и газет, описывающие вспышки чумы в районе города Нимбо. Этот фильм демонстрировался в тех случаях, когда отряд посещали какие-либо «знатные» посетители: главнокомандующий Квантунской армией Ямада, члены японской императорской семьи — принцы Такеда и Микаси, высшие штабные офицеры Квантунской армии и представители японского генерального штаба.

Экспедиции в Китай с целью проведения бактериологических атак против мирного населения совершались отрядом Исии неоднократно.

Летом 1941 года в Китай отправилась вторая экспедиция, которой руководил начальник отдела отряда полковник Оота.

Экспедиция была направлена со специальной целью распространения эпидемии чумы. Японское командование поставило перед экспедицией в качестве основной задачи — нарушение коммуникаций китайских войск, важным пунктом которых являлся город Чандэ, среди населения которого должна быть вызвана эпидемия чумы.

Для участия в экспедиции было выделено 30 специалистов-бактериологов, а общее количество участников достигало 100 человек. По возвращении из экспедиции полковник Оота в присутствии начальника общего отдела отряда, подсудимого Кавасима, сделал доклад Исии. Он доложил ему о том, что экспедиция произвела над городом Чандэ и другими населёнными пунктами в районе озера Дунтинху сбрасывание большого количества блох, заражённых чумой. Как Оота, так и Исии весьма высоко оценивали результаты этой экспедиции, во время которой среди китайского населения района Чандэ была вызвана сильная эпидемия чумы.

Третья экспедиция в Центральный Китай относится к 1942 году. Эта экспедиция готовилась особо тщательно. В мае 1942 года, вернувшись из Токио, генерал Исии созвал секретное совещание всех начальников отделов, на котором объявил, что в соответствии с полученными им указаниями японского генерального штаба отрядом должна быть направлена большая экспедиция в Центральный Китай для производства бактериологических атак против китайских войск. Бактериологические атаки должны были производиться близ железнодорожной линии, во время так называемого «стратегического отступления» японских войск.

Подготавливая эту экспедицию, Исии провёл несколько совещаний начальников отделов, посвящённых вопросам выбора бактерий для

возбуждения эпидемических вспышек. В результате этих совещаний было решено использовать бактерии чумы, холеры, брюшного тифа, паратифа и сибирской язвы.

Активное участие в бактериологической атаке против китайского населения в 1942 году принял нанкинский отряд «Эй» № 1644. По приказанию Исии подсудимый Кавасима изготовил в «производственном» отделе для экспедиции 130 килограммов бактерий паратифа и сибирской язвы. Остальные смертоносные бактерии, применявшиеся во время экспедиции, были выращены нанкинским отрядом.

Второй отдел отряда снабдил экспедицию большим количеством блох, которые должны были быть применены для распространения эпидемии чумы. В этой третьей экспедиции в Китай отряд Исии действовал против мирного китайского населения и китайской армии преимущественно подлым способом так называемых наземных бактериологических диверсий.

При отступлении японских войск сотрудники отряда Исии производили заражение водоёмов, рек, прудов, полей. Широко практиковалось заражение бактериями различных пищевых продуктов, которые якобы случайно оставались в жилых домах.

Участником этой экспедиции в Китай был один из свидетелей на настоящем процессе Фуруичи Ёсио, показания которого подробно характеризуют те подлые методы человекоистребления, которые были применены злодеями из отряда Исии во время третьей экспедиции в Китай.

Фуруичи показал суду о том, что летом 1942 года он был включён в состав группы, руководимой генералом Исии, которая применила против китайского населения бактерии тифа, паратифа, холеры и чумы в Чжеганском районе. «Я лично, — показывал Фуруичи, — в указанном районе заражал водоёмы, квартиры, колодцы бактериями тифа и паратифа, доставленными на самолётах отряда 731... По приказанию генерал-майора Исии было приготовлено три тысячи булочек. Эти булочки были заражены бактериями тифа и паратифа и розданы военнопленным китайцам, которых после заражения, с целью распространения инфекционного заболевания, выпустили из лагеря. Также по приказанию Исии было заражено тифом 300—400 штук специально изготовленного печенья. В это печенье я впрыскивал бактерии тифа, это печенье было роздано участникам диверсионной группы, которые оставляли его в домах местных жителей под видом забытых продуктов... Как мне известно, в результате произведённого нами заражения в районе Чжеган вспыхнула эпидемия тифа».

Как я упоминал уже об этом ранее, во время экспедиции 1942 года отряда № 731 оказал активную помощь так называемый нанкинский эпидемический отряд «Эй» № 1644.

Это засекреченное бактериологическое формирование японской армии было хорошо известно жителям города Нанкина под наименованием отряда «Тама», проводившего жестокие эксперименты над живыми людьми.

Упоминание об отряде «Тама» встречается в материалах токийского процесса над главными японскими военными преступниками. Международному военному трибуналу в Токио был представлен отчёт прокурора

нанкинского городского суда, в котором особо отмечалось, что отряд «Тама» — одно из наиболее секретных учреждений японской армии, систематически производивших злоешие эксперименты над живыми людьми, делая им прививки отравленными сывортками. В отчёте указывалось, что количество жертв отряда не поддаётся исчислению. Это сообщение о зверствах японских захватчиков привлекло внимание Международного военного трибунала, который попросил американское обвинение, представлявшее на токийском процессе интересы гоминдановского Китая, представить более подробные доказательства преступной деятельности отряда «Тама».

Вскоре после этого советское обвинение в Международном военном трибунале передало американскому главному обвинителю Джозефу Б. Кинану письменные показания Кавасима и Карасава, с достаточной полнотой раскрывавшие преступления японской правящей клики по производству злодейских опытов над живыми людьми при испытании бактериологического оружия. Но, повидимому, какие-то влиятельные лица были заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать разоблачению чудовищных преступлений японской воещины, и документы о деятельности отряда «Тама» и об аналогичных опытах, производившихся в отряде Исии, Трибуналу не были представлены.

Между тем факт участия отряда «Эй» № 1644 в экспедиции 1942 года полностью установлен показаниями бывшего начальника этого отряда — подсудимого Сато, подсудимых Кавасима и Карасава, показаниями бывшего полковника японской армии Мисина и рядом других доказательств.

После окончания экспедиции 1942 года в Китай генерал Исии сделал официальное заявление на оперативном совещании руководящего состава отряда о том, что применение бактериологического оружия в Чжеганском районе дало значительные результаты и вызвало ряд эпидемий тяжких инфекционных заболеваний.

Это заявление Исии соответствовало действительности, что видно, в частности, из захваченных в своё время японской 13-й армией документов китайского командования, в которых говорилось о вспышке чумы, вызванной японцами на оставленной ими территории.

v

БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ ДИВЕРСИИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР И МНР И АКТИВИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Подсудимый Кавасима заявил в своих показаниях, что, по его мнению, уже к 1942 году отряд № 731 окончательно разрешил проблему выработки действенных видов бактериологического оружия, годного к массовому применению в условиях войны, испытанного на громадном количестве человеческих жертв и неоднократно проверенного в бактериологических атаках против Китая.

Отряд № 100, находившийся в ведении ветеринарной службы японской Квантунской армии, также выполнял задания военного командования по совершению бактериологических диверсий.

Об этом дали показания военному трибуналу участники этих диверсий — подсудимые Хиразакура и Митомо, а также свидетели Кувабара и другие.

В 1944 году экспедицией отряда № 100 в районе Трёхречья было произведено заражение водоёмов на границе Советского Союза. В этой экспедиции участвовали подсудимые Хиразакура и Митомо.

В 1945 году подсудимый Хиразакура возглавлял экспедицию в районе Хайлара, имевшую целью произвести бактериологическую диверсию против Монгольской Народной Республики.

Из показаний свидетелей и подсудимых мы знаем, что сотрудники Хайларской экспедиции отряда № 100 действовали инкогнито. Чтобы не вызывать ни в ком подозрений, они именовали себя сотрудниками японской военной миссии в Хайларе. В захваченных советскими войсками японских документах Хайларской японской военной миссии имеется подтверждение того, что группа Хиразакура действовала весьма энергично.

В отчёте начальника миссии Аmano от 26 марта 1945 года под пунктом 7 значится следующая запись: «На основании оперативного приказа главного командования Квантунской армии в марте 1944 года из Синьцзинского отряда 100 была послана особая группа, и в настоящее время она во главе с начальником группы ревностно и активно выполняет свои обязанности».

Перед судом было доказано, что ещё до этого в район Хайлара неоднократно высылались из отряда № 100 диверсионно-разведывательные партии, которые должны были выяснять реальные возможности заражения скота с целью заноса эпизоотий остро инфекционных заболеваний на монгольскую территорию.

Все эти данные свидетельствуют о том, что отряд № 100 по приказам командования Квантунской армии не только готовил бактериологическую войну и диверсии против СССР, Китая и Монгольской Народной Республики, но и фактически производил диверсии и применял бактериологическое оружие.

На судебном следствии было доказано, что активность японских военных преступников по подготовке и развязыванию бактериологической войны в больших масштабах особенно возросла после вероломного нападения гитлеровской Германии 22 июня 1941 года на Советский Союз.

В это время правящая клика империалистической Японии усилила свои военные приготовления по всем видам вооружения и по всем родам войск, рассчитывая на победу Германии над СССР на западных фронтах, выжидала лишь удобного момента, чтобы вторгнуться на Советский Дальний Восток и захватить советские территории. К этому времени в основном были закончены приготовления японских империалистов к бактериологической войне и созданы все условия для массового изготовления бактериологического оружия.

Я говорил уже, что в 1944 году, с прибытием подсудимого Ямада на пост главнокомандующего японской Квантунской армией, приготовления к бактериологической войне значительно активизировались. Были ещё раз получены специальные указания японского генерального штаба о форсировании работ с чумоносителями блохами. Это указание было принято к неуклонному исполнению. Все филиалы отряда № 731

получили задания максимально усилить заготовку крыс, служивших для разведения блох.

Вы слышали от подсудимых Оноуэ и Ниси, а также от ряда свидетелей, как рьяно филиалы взялись за выполнение этого задания. Специальные команды солдат, переодетых в штатское платье, принялись шарить по домам, по амбарам, по полям для поимки крыс. Поощрялись крысоловы, давшие наилучшие показатели в охоте за грызунами. Было налажено массовое выращивание блох. В отрядах №№ 731 и 100 были переподготовлены кадры для непосредственного ведения бактериологической войны. Филиалы этих отрядов были переданы в подчинение командующих фронтами и армиями.

Подсудимый Сато, занимавший в то время должность начальника санитарной службы 5-й армии, оказывал филиалу № 643 активное содействие в заготовке крыс, обязав все воинские части 5-й армии ловить водяных и полевых крыс и передавать их филиалу.

Подсудимый Ямада неоднократно проверял готовность бактериологических формирований к войне, лично инспектировал их и обеспечил их готовность.

Всё было готово. Ждали лишь сигнала из Токио — начать военные действия против СССР. Но такого сигнала не последовало.

Могучий Советский Союз и его героическая армия сорвали планы агрессоров. Долгожданной для японских милитаристов решающей победы гитлеровских войск на советском фронте не наступило, и это сорвало планы нападения на Советский Дальний Восток.

Тем не менее заправили империалистической Японии продолжали усиленно готовиться к войне. Разбойничьи планы применения бактериологического оружия против СССР не были оставлены японским военным командованием до последнего дня существования японской армии.

Руководители бактериологических отрядов всё время — до самой капитуляции японской армии — поддерживали в своих подчинённых наступательный дух, ориентируя их на мощь бактериологического оружия и предсказывая скорое применение его в войне.

Таким образом, продолжал существовать очаг опасности бактериологической войны.

Ввиду явно враждебной политики Японии к СССР, несовместимой с пактом о нейтралитете, советское правительство в апреле 1945 года денонсировало этот пакт. В августе 1945 года верный своему союзническому долгу Советский Союз, в целях скорейшего окончания второй мировой войны, отдал приказ своим вооружённым силам разгромить японскую Квантунскую армию, являвшуюся ударной силой империалистической Японии. Приказ был выполнен в короткий срок, и этим героическая Советская Армия принудила к капитуляции японские вооружённые силы. Наступил конец второй мировой войны.

Перед самой капитуляцией японской Квантунской армии, по приказу военного командования, преступники, заметая следы совершённых злодеяний, уничтожили помещения и оборудование отрядов №№ 731 и 100, а также их филиалов.

Советскому Союзу и его вооружённым силам принадлежит величайшая заслуга избавления человечества от ужасов бактериологической войны.

АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМЫХ

Товарищи судьи! Я перехожу к анализу доказательств, устанавливающих личную ответственность каждого из подсудимых.

Я считаю, что в результате судебного следствия полностью установлена виновность всех преданных суду преступников.

Все они, от бывшего главнокомандующего японской Квантунской армией подсудимого Ямада до лаборанта отряда № 100 Митомо, но, конечно, в разной степени, активно участвовали в подготовке бактериологической войны, знали о страшных последствиях этой войны и понимали преступность своих действий. Большинство из них были активными участниками или инициаторами преступных опытов над живыми людьми.

Никакая ссылка на приказ вышестоящего начальника или на положение военнослужащего не может служить оправданием тех тягчайших преступлений, которые были совершены ими и полностью доказаны перед судом.

Ещё несколько лет назад преступники были уверены в безнаказанности, и, пользуясь ею, они свирепо глумились над беззащитными жертвами. В штабных кабинетах и в спрятанных от мира секретных лабораториях они вынашивали злодейские планы мучительного умерщвления миллионов людей. В ожидании начала бактериологической войны они проверяли смертоносное действие бактерий на мирных китайских женщинах и детях, на тысячах беззащитных людей, переданных в их руки безжалостной жандармской машиной.

Они не думали тогда о чаше расплаты. Сейчас, схваченные рукой правосудия и посаженные на скамью подсудимых, они пытаются трусливо оправдываться. Некоторые из них, в том числе даже такие, как главный преступник на этом процессе, который по справедливости должен быть отнесён к числу главных японских военных преступников, — подсудимый Ямада, — делают вид, что они потрясены услышанным на суде. Жестокие человеконенавистники пытаются ныне принять вид людей, догадывавшихся о преступлениях, но не вполне осведомлённых о них, или замаскироваться под слепых исполнителей приказа, не размышлявших о его преступном характере. Но никого не смогут обмануть эти трусливые полупризнания пойманных и изобличённых злодеев.

Анализ доказательств личной вины подсудимых я начинаю с подсудимого Ямада Отозоо, бывшего главнокомандующего Квантунской армией.

Для того, чтобы правильно определить степень его ответственности за те преступления против мира и человечества, которые являются предметом судебного рассмотрения по настоящему делу, необходимо прежде всего вполне уяснить роль, которую играл в японской колонии, так называемом «государстве Маньчжоу-Го», главнокомандующий Квантунской армией.

Это был полновластный хозяин страны и базировавшихся на её территории японских вооружённых сил, диктатор, в руках которого не более чем марионеткой являлся император Маньчжурин Генри Пу-И.

На должность главнокомандующего Квантунской армией назначались наиболее доверенные и влиятельные члены японской правящей клики, наиболее активные и деятельные участники преступного заговора агрессии, которым японские империалисты вверяли осуществление своих самых сокровенных разбойничьих планов.

Главнокомандующему Квантунской армией подчинялись все японские вооружённые силы и все органы управления оккупированной страны. В частности, ему полностью подчинялись те органы японской жандармерии, разведки и контрразведки, через которые осуществлялся безжалостный террор в отношении населения Маньчжурии.

Как признал это на судебном следствии сам Ямада, так называемые «Токуи-Ацукаи» — «особые отправки» в отряд Исии могли производиться только после санкционирования главнокомандующим Квантунской армией этого злодейского порядка расправы с нежелательными для японцев людьми.

На суде Ямада пытался преуменьшить свою роль в этом злодеянии, ссылаясь на то, что «особые отправки» были санкционированы ещё его предшественником генералом Умедзу, а сменив Умедзу, он не стал отменять этого распоряжения, не представляя себе, какие масштабы приняло уничтожение людей в порядке «особых отправок».

Жалкая попытка уменьшить свою собственную ответственность! Лично inspectируя отряд Исии, Ямада не мог не видеть сотен заключённых, подвергавшихся мучительным опытам во внутренней тюрьме отряда.

На суде Ямада пытался утверждать, что он «не помнит», посетил ли он тюрьму, inspectируя отряд. Но и это утверждение Ямада полностью опровергается представленными суду доказательствами.

Я напоминаю суду о том, что в начале июня 1945 года бывший начальник отдела кадров штаба Квантунской армии полковник Тамура по заданию Ямада inspectировал отряд Исии. Тамура осмотрел весь отряд. Он был проведён в тюрьму и видел там подвергавшихся опытам людей.

«При обходе помещений, — показал Тамура, — я был сопрождён во внутренний корпус, где содержались в специальных камерах, в каждой из которых в дверях были окна, живые люди, закованные в цепи и используемые, как мне объяснил лично Исии, для опытов... Среди этих подопытных я видел китайцев, европейцев, одну женщину. Как мне лично объяснил генерал Исии, эта женщина и европейцы являются русскими по национальности... из числа подлежащих, по мнению карательных органов Японии, уничтожению. Как я лично заметил в тех камерах, которые я видел, люди лежали прямо на полу и находились в тяжёлом беспомощном состоянии».

Детально ознакомившись с отрядом Исии, Тамура, по его словам, «был буквально поражён огромным размахом этого смертоносного производства», и то, что он увидел, превзошло все его ожидания. Вернувшись в штаб Квантунской армии, Тамура немедленно доложил обо всём, что видел, генералу Ямада, в частности, как показывает сам Тамура: «я доложил генералу Ямада о тех интересных опытах, которые генерал Исии и его сотрудники проводят над живыми людьми... Я рассказал ему о своём посещении тюремного корпуса и обо всём, что я там видел».

Был ли Ямада удивлён или «потрясён» услышанным от Тамура? Отнюдь нет. Всё, что рассказал Тамура, было давно известно Ямада и ни в коей мере не могло удивить его:

«По репликам и вопросам генерала Ямада, — показал Тамура, — я убедился, что он прекрасно осведомлён о положении в отряде № 731».

Да и как мог не быть «прекрасно осведомлённым» обо всём том, что происходило в отряде, этот главнокомандующий, тщательно следивший за преступными изысканиями в области применения для военных целей бактерий наиболее опасных заболеваний (вы помните, что Ямада по собственной инициативе вызывал в штаб генерала Китано для доклада о результатах опытов по применению чумных блох на полигоне Аньда — эти опыты производились во всех случаях на живых людях), создававший специальные комиссии высших штабных офицеров для утверждения образцов бактериологического оружия и разработки планов его применения, лично inspectировавший отряд и считавший отряд Исии, как говорил тот же Тамура, «способным выполнить любые задания»? Попытка загримироваться под солдата, лишь кое-что знавшего о преступлениях, совершавшихся в отрядах №№ 731 и 100, но не вполне отдававшего себе отчёт о масштабах и злодейском характере преступлений, хотя и не снимающего с себя ответственность за них, — эта попытка явно не удалась подсудимому Ямада.

Он не только знал о всех преступлениях Исии, Кадзицука, Такахаши, о злодеяниях, совершавшихся в отрядах №№ 731 и 100. Он планировал и направлял эти злодеяния, он торопил преступных экспериментаторов, ибо использование бактериологического оружия было включено японской правящей кликой в план ведения агрессивной войны.

Сам Исии и все другие преступники, изыскивавшие и совершенствовавшие средства злодейского человекоубийства, были в руках Ямада одними из орудий для осуществления планов японской агрессии.

Именно поэтому, как документально доказано на процессе, секретные бактериологические формирования были подчинены непосредственно главнокомандующему Квантунской армией Ямада, и от него ожидали приказа о применении средств бактериологической войны.

Попытка Ямада уменьшить свою вину, ссылаясь на то, что преступные опыты над живыми людьми были санкционированы его предшественником, осуждённым токийским трибуналом к пожизненному тюремному заключению генералом Умедзу, несостоятельна уже потому, что, сменив Умедзу, Ямада со рвением ещё большим, чем у его предшественника, стал активизировать работу отрядов в области практического применения наиболее опасных средств бактериологической войны.

Из показаний всех допрошенных на судебном следствии подсудимых и свидетелей видно, что с приходом Ямада на должность главнокомандующего японской Квантунской армией интенсивность подготовки бактериологической войны резко возросла, масштабы и число жертв преступных экспериментов увеличились, — преступное бактериологическое оружие проверялось на беззащитных жертвах ещё раз, перед тем, как быть обрушенным на человечество как ударное средство большой агрессивной войны.

Подготавливая в глубокой тайне бактериологическую войну против мирнолюбивых народов, подсудимый Ямада действовал как один из главных японских заговорщиков против человечества.

Достижению преступных целей этого заговора была посвящена вся жизнь Ямада. Он был генеральным инспектором военного обучения, членом высшего военного совета Японии, командовал крупнейшими военными соединениями в Китае, участвовал в подготовке нападения на СССР, и, наконец, именно ему были доверены должности главнокомандующего основной силой японского империализма — Квантунской армией и «посла» Японии в марионеточном Маньчжоу-Го, осуществлявшего там свирепый оккупационный режим.

Вина этого преступника доказана полностью; за совершённые преступления он заслуживает высшей меры наказания, предусмотренной законом.

Преступная деятельность подсудимого Ямада имеет непосредственное отношение как к отряду № 731, так и к отряду № 100. Оба эти отряда были подчинены Ямада, им направлялась вся работа секретных бактериологических формирований Квантунской армии, и таким образом этот подсудимый занимает особое место в ряду других.

Перехожу к доказательствам виновности подсудимого Кадзицука. Кадзицука Рюдзи занимал должность начальника санитарного управления Квантунской армии с декабря 1939 года. Он получил этот важный военный пост в то время, когда отряд Исии уже вполне развернул свою преступную деятельность и провёл первые бактериологические атаки против советско-монгольских войск в районе реки Халхин-Гол.

Кадзицука, давая показания на предварительном следствии и на суде, старался особенно подчеркнуть это обстоятельство.

По существу вся линия его защиты на суде сводится к попытке доказать, что о секретной работе отряда Исии он узнал лишь после прихода на службу в Квантунскую армию и что, будучи осведомлён об этой работе и, употребив его выражение, о «тайне из тайн» отряда Исии — опытах над живыми людьми, он не принимал в этих преступлениях активного участия.

Мы докажем, что эти утверждения подсудимого лживы и несостоятельны.

Полностью доказано, в частности, что значительно раньше того времени, когда он занял должность начальника санитарного управления Квантунской армии, ещё в 1936 году, будучи начальником санитарного отдела военно-санитарного управления военного министерства Японии, Кадзицука активно способствовал созданию специального секретного бактериологического формирования для подготовки бактериологической войны.

С согласия и при поддержке Кадзицука на должность начальника этого отряда, впоследствии названного отрядом № 731, был назначен Исии Сиро, с которым Кадзицука связывали близкие личные отношения, преступные идеи которого о подготовке агрессивной бактериологической войны Кадзицука поддерживал и разделял.

Таким образом, само создание отряда Исии произошло при активном участии Кадзицука.

Проект приказа о назначении Исии начальником отряда был подготовлен и завизирован не кем иным, как Кадзицука. После этого приказ был подписан военным министром.

Характеризуя Исии и касаясь своих личных отношений с ним, Кадзицука показывает: «Исии после возвращения из заграничной командировки, начиная с 1931 года, в кругу своих товарищей по военно-медицинской академии, к которым относился и я, а также среди авторитетных и влиятельных лиц и работников генерального штаба японской армии стал вести агитацию о необходимости подготовки Японии к бактериологической войне... Я лично соглашался с идеей и доводами Исии».

Кадзицука не отрицает своей осведомлённости о секретной работе отряда Исии по подготовке бактериологической войны. Он вынужден также признать, что «был хорошо осведомлён» о преступных опытах над живыми людьми.

На очной ставке с подсудимым Ямада, изблечённый последним, он подтвердил, что находился в курсе почти всех «бактериологических работ», производимых в отряде № 731. Он не отрицает того, что руководил исследовательскими работами 731-го отряда по проверке эффективности прививок вакцин чумы, холеры, сыпного тифа.

Из материалов судебного следствия мы знаем, что эти преступные изыскания во всех случаях производились путём жестоких опытов над живыми людьми.

Кадзицука пытается уменьшить степень своей ответственности, говоря, что он знал об опытах над людьми только со слов Исии и Китано, но не принимал в этих опытах непосредственного участия.

Объяснения Кадзицука по поводу его личного участия в преступной деятельности отряда № 731 противоречивы и совершенно несостоятельны.

Кадзицука старается представить себя человеком, обо всём знавшим, но ни в чём не участвовавшим.

Он говорит, например (я цитирую его показания): «Фактически я руководил работами отряда № 731 по всестороннему изучению и культивированию различных эпидемических бактерий, безотносительно к тому, куда они затем должны быть использованы. Этот вопрос меня, как начальника санитарного управления, не интересовал. Однако, зная о том, что производившиеся в отряде № 731 бактерии используются для опытов над живыми людьми и предназначены в качестве бактериологического оружия, я тем самым способствовал отряду № 731 в производстве бактериологического оружия. Конкретно моё руководство работой отряда № 731 заключалось в осуществлении контроля за производившимися в отряде работами по общему изучению и культивированию различных эпидемических бактерий. В этом направлении мною отдавались все необходимые указания начальнику отряда № 731, касающиеся вышеуказанных вопросов. В свою очередь я, как начальник санитарного управления, получал доклады начальника отряда № 731 по вопросам изучения и культивирования различных эпидемических бактерий. Кроме того, являясь специалистом-бактериологом, я давал различные советы по вышеуказанным вопросам».

Суду известно, что все те работы, которые в этом показании отнёс к своей компетенции Кадзицука, в отряде № 731 производились путём опытов над живыми людьми. Это подтверждает, что Кадзицука был не

пассивным наблюдателем, а активным участником тягчайших преступлений, совершавшихся в отряде № 731. Более того, эти преступления совершались по прямому приказанию Кадзицука.

На очной ставке с лаборантом отряда № 731 Сегоси Кадзицука вынужден был признать, что так называемые «исследования по обмораживанию» относились к его компетенции.

Отсюда единственно верный вывод, что эти особо жестокие по своему характеру опыты были проведены по его приказанию. Кадзицука признал также, что получал письменные отчёты Иосимура, производившего опыты по обмораживанию.

Я не буду повторять перед вами описание страшных экспериментов, производившихся Иосимура. Эти опыты были произведены в отряде № 731 по прямому приказанию Кадзицука, и я считаю доказанным, что подсудимый не просто знал, как это он пытался утверждать, о «тайне из тайн» отряда № 731 — опытах над живыми людьми, но был инициатором и руководителем наиболее жестоких и бесчеловечных экспериментов.

Кадзицука был полностью осведомлён о бактериологических атаках, проведённых отрядом № 731 против мирного населения Китая. Однако Кадзицука пытается объявить эти открытые атаки агрессивной бактериологической войны не более чем экспериментами.

«Безусловно, что для Китая это оружие было наступательным, — заявляет Кадзицука, — но для Японии, я считаю, оно было экспериментальным».

Циничная софистика этих рассуждений об «экспериментальном характере» бактериологических атак против китайского народа только лишней раз характеризует Кадзицука как безжалостного человеконенавистника, до сих пор считающего, что экспедиции отряда Исии в Китай — это только эксперименты, предшествующие агрессивной бактериологической войне.

В отличие от других высших штабных офицеров Квантунской армии Кадзицука не имел никаких ограничений в ознакомлении со всей работой отряда № 731.

Доказано, что он систематически посещал отряд № 731 и был полностью в курсе всей его деятельности.

Подсудимый Ямада показал, что после его прибытия в Квантунскую армию не кто иной, как Кадзицука, в конце июля 1944 года сделал подробный доклад о работе отряда № 731, причём указал, что этот отряд занимается секретной работой по изысканию и производству бактериологического оружия. По показаниям того же Ямада, «генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицука осуществлял руководство научно-экспериментальной работой отряда № 731 по изысканию и массовому производству бактериологического оружия».

Кадзицука лично сформировал филиалы отряда № 731, имевшие непосредственной задачей проведение бактериологического нападения на СССР.

Таким образом, всеми материалами дела доказано, что с момента организации отряда № 731 и вплоть до капитуляции Японии Кадзицука был одним из наиболее активных участников подготовки бактериологической войны.

Он являлся участником всех секретных оперативных совещаний при штабе Квантунской армии, на которых обсуждались вопросы практического применения бактериологического оружия в агрессивной войне. Именно Кадзицука осуществлял непосредственную связь между отрядом № 731 и высшим командованием Квантунской армии.

Виновность подсудимого Кадзицука доказана на судебном следствии, и как государственный обвинитель я в полном объёме поддерживаю обвинение против него.

Подсудимого Кавасима следует признать одним из преступников, наиболее осведомлённых о всей деятельности отряда № 731.

За время своей службы в отряде он занимал должности начальника отдела общих дел и начальника четвёртого, «производственного», отдела. В 1941 году он являлся, кроме того, начальником первого, так называемого «исследовательского» отдела, самого секретного из всех отделов отряда.

Свою работу в этом отделе Кавасима долго и тщательно скрывал от следствия, пока не был разоблачён свидетелем Фуруичи, работавшим в первом отделе под руководством Кавасима и опознавшим в нём своего бывшего начальника.

Наиболее долгое время Кавасима возглавлял занимавшийся массовым изготовлением бактерий четвёртый, так называемый «производственный», отдел отряда. В этой должности он прослужил с 1941 по 1943 год.

В этот период времени производственная мощность отряда № 731 была доведена, как мы знаем это из заключения судебно-медицинской экспертизы и показаний подсудимых и свидетелей, до колоссальной цифры — многих сотен миллионов миллиардов микробных тел в месяц.

Кавасима принимал непосредственное участие в опытах над живыми людьми.

Доказано, что в некоторых случаях он сам разрабатывал планы преступных экспериментов и, в частности, в июне 1941 года лично составил приказ о проведении опыта над людьми для испытания действия «бомб Исии», наполненных чумными блохами.

Из показаний Кавасима видно, что жертвами этого эксперимента были 15 заключённых китайцев. Кавасима принял непосредственное участие в проведении этого преступного опыта.

Равным образом Кавасима принимал участие в подготовке бактериологического оружия для нападения на мирное китайское население.

Показаниями самого подсудимого установлено, что для экспедиции отряда Исии в Китай в мае — июне 1942 года под руководством Кавасима было изготовлено огромное количество бактерий брюшного тифа, паратифа, сибирской язвы.

Показаниями свидетеля Фуруичи Кавасима изобличён в том, что он, руководя первым, исследовательским, отделом отряда, производил массовые преступные опыты по насильственному заражению живых людей и другие бесчеловечные эксперименты над людьми.

Таким образом, Кавасима несёт прямую ответственность за зверское истребление многих сотен заключённых во внутренней тюрьме отряда Исии.

Признавая все эти факты, Кавасима подтвердил на суде своё участие как в подготовке к бактериологической войне, так и в бесчеловечных опытах над живыми людьми.

Таким образом, виновность Кавасима полностью доказана.

Равным образом полностью доказана виновность подсудимого Карасава Томио, в 1933 году поступившего на службу в японскую армию, обучавшегося на медицинском факультете на средства генерального штаба, дважды прошедшего специальную бактериологическую переподготовку в военно-медицинской школе и назначенного в декабре месяце 1939 года на службу в отряд Исии, где он специализировался на массовом изготовлении бактериологического оружия.

В этом отряде Карасава быстро выдвинулся на должность начальника отдела.

По выражению его непосредственного начальника Кавасима, подсудимый Карасава «любил» своё дело и стремился всячески усовершенствовать массовое производство смертоносных бактерий.

Именно Карасава снабдил громадным количеством бактерий все экспедиции, организованные отрядом Исии для проведения бактериологических атак против китайского населения.

Изучая эффективность смертоносного действия бактерий, вырабатываемых его отделом, Карасава в 1943—1944 годах участвовал в опытах на полигоне Аньда по заражению людей путём взрыва бактериологических снарядов.

Во время войны подсудимому Карасава была поручена разработка вопроса о рассредоточении производства бактерий по всем филиалам отряда. С этой целью Карасава в 1944 году посетил филиалы отряда в городах Сунью, Хайларе, Линькоу и Хайлине и разработал проекты оборудования этих филиалов аппаратурой, необходимой для массового производства бактерий, служащих оружием бактериологической войны.

Во всём этом Карасава признал себя полностью виновным; помимо личного признания, он изобличается показаниями ряда других подсудимых и свидетелей, в частности показаниями Кавасима, Исии, характеризующих подсудимого как деятельного и активного участника подготовки агрессивной бактериологической войны.

На судебном следствии была полностью установлена виновность двух других подсудимых: Исии Тосихидэ и Оноуэ Масао. Первый из подсудимых — Исии являлся начальником филиала отряда № 673, а второй — начальником филиала № 643.

Оба этих подсудимых были полностью осведомлены о содержании преступной работы отряда № 731 по подготовке бактериологической войны и принимали активное участие в этой работе. Подсудимый Исии принимал участие в опытах над живыми людьми.

Так, материалами дела установлено, что в январе 1945 года Исии участвовал в опытах по заражению людей газовой гангреной. Жертвами этих опытов пали 10 китайских патриотов, умерших после эксперимента, как это видно из показаний самого Исии, в тяжёлых мучениях.

При приближении советских войск к городу Сунью Исии для того, чтобы скрыть преступную деятельность филиала № 673, приказал сжечь все помещения и оборудование филиала. Исии роздал подчинённому ему личному составу цианистый калий, приказав отравиться в случае

плениения советскими войсками. Этот приказ не был выполнен подчинёнными Исии, которые, за исключением единичных случаев, предпочли сдаться в плен.

Как Исии, так и Оноуэ являлись одними из наиболее деятельных помощников генерала Исии в подготовке бактериологической войны, полностью осведомлённых о планах Исии по применению бактериологического оружия. Оба этих подсудимых признали свою вину в предъявленных им обвинениях, они изобличаются, кроме того, показаниями свидетелей и предъявленными суду документами.

Подсудимый Сато Сюндзи вступил в 1922 году в японскую армию, он дважды прошёл, как и большинство остальных подсудимых, специальный курс военно-медицинской академии, прослужив значительное время на разных военно-врачебных должностях и в качестве преподавателя академии.

Сато в 1941 году в чине полковника был назначен в город Кантон на должность начальника бактериологического отряда № 8604, имевшего условное наименование «Нами», а в феврале 1943 года переведён в Нанкин на должность начальника бактериологического отряда «Эй» № 1644.

Я уже останавливался подробно на характеристике деятельности нанкинского отряда «Эй» № 1644. Так же, как и отряд № 731 и отряд № 100, нанкинский отряд являлся секретным бактериологическим формированием японской армии, созданным для целей агрессивной бактериологической войны.

Доказано, что именно отряд «Эй» № 1644 вместе с отрядом Исии проводил бактериологическую атаку против китайского мирного населения. Также доказано, что в отряде «Эй» № 1644 проводились жестокие эксперименты над живыми людьми.

Сам факт назначения Сато на должность начальника отряда «Эй» № 1644 уже свидетельствует о том, что он является активным участником агрессивной бактериологической войны. Это же подтверждается и данными о производственной мощности специальной аппаратуры отряда, предназначенной для массового культивирования бактерий. Эти микробы, вырабатываемые в больших количествах, должны были быть использованы для целей бактериологической войны, так как на судебном следствии было установлено, что производством вакцин нанкинский отряд почти не занимался.

Сато долго и упорно отрицал свою вину. Под тяжестью предъявленных доказательств он вынужден был признать, что командовал отрядами, являвшимися специальными бактериологическими формированиями, предназначенными для ведения бактериологической войны.

На судебном следствии Сато признал также свою полную осведомлённость об участии отряда «Эй» № 1644 в бактериологическом нападении в 1942 году на китайские войска в Центральном Китае во время так называемой чжеганской операции. Он признал также, что этот возглавляемый им отряд являлся бактериологическим арсеналом японской армии.

Являясь с 1944 года начальником санитарной службы пятой Квантунской армии, Сато оказывал практическую помощь филиалу отряда Исии в Хайлине. Он издал специальный приказ об организации специ-

альных команд для ловли грызунов и доставки их в Хайлинский филиал отряда № 731.

Сато являлся одним из активных участников подготовки бактериологической войны, и я считаю виновность его доказанной материалами дела.

Подсудимые Кикучи и Курусима служили лаборантами. Один — в филиале № 643, другой — в филиале № 162 отряда № 731.

Оба они помогали офицерам этих отрядов в культивировании бактерий, будучи вполне осведомлёнными о том, что их работа направлена на подготовку бактериологической войны.

Кикучи, кроме того, прошёл летом 1945 года подготовку на курсах при отряде № 731, где готовились кадры для ведения активной бактериологической войны. Этих фактов не отрицают сами подсудимые Кикучи и Курусима.

Таким образом, оба они должны отвечать за то, что являлись участниками подготовки бактериологической войны.

Назначенный в марте 1941 года на должность начальника ветеринарной службы Квантунской армии подсудимый генерал-лейтенант ветеринарной службы Такахаси Такаацу имел в своём подчинении отряд № 100, который являлся специальным формированием по подготовке и ведению бактериологической войны и производству бактериологических диверсий.

Сразу же по вступлении в должность Такахаси развил огромную активность и добился увеличения производственного потенциала отряда № 100 по изготовлению возбудителей остро-инфекционных заболеваний животных: сапа, чумы рогатого скота, сибиро-язвенных заболеваний, а также ядов и возбудителей болезней зерновых культур.

По прямой инициативе Такахаси в отряде № 100 было создано так называемое 6-е отделение, производившее в массовых масштабах культивирование бактерий для целей бактериологической войны и диверсий, а также занимавшееся преступными опытами над живыми людьми.

Подсудимым Такахаси была создана в соединениях Квантунской армии сеть филиалов отряда № 100, которые также занимались производством бактериологического оружия и были предназначены для непосредственного осуществления бактериологического нападения во время войны и бактериологических диверсий.

Лично руководя изысканиями бактериологических средств войны, Такахаси значительно расширил производственные возможности отряда № 100 путём создания новых отделений по производству бактерий и ядов.

Японской жандармерией доставлялись в отряд № 100 заключённые из тех же контингентов, которые направлялись для истребления в отряд № 731, и над ними производились злодейские опыты по изучению действия введённых в организм ядов. Все подопытные люди затем умерщвлялись, чтобы не оставалось свидетелей совершённых злодеяний.

Поскольку Такахаси осуществлял руководство отрядом № 100, он несёт ответственность и за эти злодеяния.

Такахаси руководил и диверсионной деятельностью отряда № 100. Этим отрядом закупались большие партии животных, над которыми в целях подготовки диверсий производились опыты массового заражения с воздуха.

Для изучения действия бактериологического оружия в естественных условиях по указаниям подсудимого Такахаси производились испытания на полигоне отряда № 731 в районе станции Аньда, где скот заражался опылением кормов с самолёта.

Кроме того, подсудимый Такахаси после систематической разведки приграничных с Советским Союзом районов Северо-Хинганской провинции направляет из отряда № 100 экспедиции, производившие заражение притоков пограничной реки Аргунь с целью проверки эффективности бактериологических диверсий в реках.

Все эти факты подсудимый Такахаси подтвердил перед судом.

Трибунал выслушал также показания подсудимого Хиразакура, который подтверждает активную роль подсудимого Такахаси в подготовке бактериологической войны и совершении бактериологических диверсий против СССР и Монгольской Народной Республики.

Таким образом, вина подсудимого Такахаси полностью установлена.

Подсудимый Хиразакура Дзенсаку, ветеринарный врач, призванный в декабре 1939 года в японскую армию, в июне 1942 года был назначен в отряд № 100.

Зная о том, что отряд занимается массовым изготовлением различных бактерий и сильно действующих ядов, предназначенных для диверсий и бактериологической войны с Советским Союзом, Хиразакура до момента его пленения активно участвовал в подготовке бактериологической войны против СССР и Монгольской Народной Республики. Он лично вёл изыскания в области разработки и применения бактериологического оружия.

В июле 1942 года Хиразакура принял участие в экспедиции в долину Трёхречья, в пограничной СССР Северо-Хинганской провинции, где после проведения опытов по заражению водоёмов и пастбищ при его личном участии был заражён сибирской язвой приток пограничной реки Аргунь.

В июне 1944 года, возглавляя разведывательно-диверсионную группу из семи сотрудников отряда № 100, Хиразакура произвёл разведку с целью установления, возможно ли заразить с самолётов в приграничных советских районах водоёмы, летние и зимние пастбища скота, сенокосные угодья и дороги.

Подробный письменный доклад о результатах разведки подсудимый Хиразакура представил начальнику отряда № 100 и устно доложил начальнику ветеринарной службы японской Квантунской армии подсудимому Такахаси.

Подсудимый Хиразакура в соответствии с распоряжением Такахаси произвёл в районе города Хайлар закупку крупной партии рогатого скота, которая должна быть заражена остро инфекционными болезнями и переправлена в целях бактериологической диверсии на территорию МНР. Однако в связи с быстрым наступлением частей Советской Армии Хиразакура этого выполнить не успел, так как вскоре после прибытия в Хайлар он был пленён наступающими частями Советской Армии.

В этих преступлениях подсудимый Хиразакура полностью изобличается как собственным признанием, так и показаниями подсудимых Такахаси, Митомо и свидетелей Кувабара и других.

Подсудимый Митомо Кадзуо в 1941 году добровольно вступил в отряд № 100 на должность лаборанта и, зная о том, что отряд № 100 ведёт подготовку к бактериологической войне, активно работал над изготовлением бактерий сибирской язвы, сапа и др.

В июле 1942 года совместно с подсудимым Хиразакура подсудимый Митомо участвовал в диверсионной экспедиции по заражению притока реки Аргунь.

В августе — сентябре 1944 года, работая под руководством сотрудника бактериологического отряда № 100 Ида Киёси, Митомо систематически производил преступные опыты над живыми людьми.

Подсудимый Митомо признал, что он лично испытывал на живых людях действие различных ядов.

В результате опытов Митомо один из заключённых умер, другой был умерщвлён Митомо инъекцией цианистого калия с целью сохранения тайны опытов. А трое — из тех же соображений — были в его присутствии расстреляны японским жандармом.

Хотя Митомо является рядовым лаборантом отряда № 100, но руки его обогреты кровью замученных им людей и деятельность его была сознательно направлена на подготовку бактериологической войны. Это со всей очевидностью установлено признанием не только самого Митомо, но и показаниями подсудимого Хиразакура и ряда свидетелей.

VII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Товарищи судьи! Ужасны и отвратительны преступления, совершённые злодеями, посаженными на скамью подсудимых.

Те злодеяния, которые совершались этими человеконенавистниками из секретных бактериологических формирований японской армии, воистину не имеют себе равных.

Определяя ответственность преданных суду преступников, мы должны учитывать не только уже содеянные ими преступления, уже совершённые и законченные.

Несмотря на всю чудовищность этих преступлений, мы ни на одну минуту не можем забывать о том, что они служили целям подготовки новых, ещё более чудовищных злодеяний.

Мучительные убийства тысяч людей должны были подготовить убийства миллионов. Безжалостные опыты над живыми людьми должны были предшествовать эпидемиям чёрной смерти и холеры. По замыслу японских империалистов, бактериологическое оружие должно было принести неисчислимые бедствия и страдания всему миролюбивому человечеству, повлечь истребление миллионов людей и опустошение необозримых пространств.

Вот почему, решая судьбу преступников, суд должен иметь в виду конечные цели этого преступного заговора против мира и человечества, во имя которых готовилось оружие бактериологической войны.

Мы знаем о том, что не все злодеи посажены на скамью подсудимых. Цепь участников преступного заговора, — я говорил об этом в начале своей речи, — не заканчивается преступниками, которым вы вынесете свой приговор.

Мы знаем, что секретные бактериологические формирования японской армии, перед которыми ставились преступные задачи подготовки и ведения бактериологической войны, были созданы по указу японского императора Хирохито.

Мы знаем имена тех преступников из японского генерального штаба и военного министерства Японии, которые поддерживали и направляли тайную работу секретных бактериологических формирований, щедро финансировали их, утверждали образцы бактериологического оружия и планировали день начала бактериологических атак.

По справедливости они должны были бы находиться рядом с бывшим членом высшего военного совета Японии и главнокомандующим Квантунской армией подсудимым Ямада.

Мы знаем имена презренных, морально растленных служителей японского империализма генералов бывшей японской армии — учёных-бактериологов Исии Сиро, Китано, Вакамацу Юдзиро, в лице которых правящая клика Японии нашла людей, готовых отдать свои специальные знания для подготовки преступной бактериологической войны.

Мы знаем имена злых человеконенавистников — бывших сотрудников отряда № 731 врачей и инженеров японской армии Оота, Мураками, Икари, Танака, Иосимура и многих других, хладнокровно и безжалостно умерщвлявших беззащитных людей, выращивавших на погибель человечеству многие миллионы заражённых чумой паразитов и сотни килограммов смертоносных микробов. Этим злодеям нет на скамье подсудимых.

Находясь за пределами нашей страны, они пользуются покровительством тех реакционных сил империалистического лагеря, которые сами мечтают о времени, когда смогут обрушить на человечество груз тринитротолуола, атомных бомб и смертоносных бактерий, но те из убийц, которые ныне находятся перед судом, подлежат строжайшей ответственности за все тяжчайшие преступления, совершённые ими.

Исходя из характера этого злодеяния, его направленности на зверское истребление огромных масс ни в чём не повинных людей — стариков, женщин и детей, — исходя из того, что преступниками производились бесчеловечные опыты, повлёкшие гибель тысяч беззащитных жертв, государственное обвинение считает, что все подсудимые должны понести наказание в соответствии со ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Все подсудимые совершили тяжчайшие преступления, и все они заслуживают сурового наказания. Но вы, товарищи судьи, при определении мер наказания подойдите дифференцированно к каждому подсудимому.

Как представитель государственного обвинения, я считаю, что к подсудимым Ямада, Кадзицука, Такахаси, Кавасима и Сато должна быть применена максимальная санкция — 25 лет лишения свободы; к подсудимым Карасава, Ниси, Оноуэ, Хиразакура и Митомо — от 15 до 20 лет лишения свободы. Что касается подсудимых Кикучи и Курусима, то, учитывая, что они являлись лишь исполнителями приказов, хотя и заведомо для них преступных, — считаю возможным ограничиться осуждением каждого из них к 3 годам лишения свободы.

Товарищи судьи! Значение этого процесса состоит в том, что он с необычайной ясностью показал звериное лицо разбойничьего японского империализма, в глубокой тайне подготовлявшего бактериологическую войну — одно из самых бесчеловечных орудий агрессии.

Час, когда против человечества должны были быть брошены страшные силы неисчислимых миллиардов болезнетворных микробов, был совсем близок, и только сокрушительный, стремительный, парализующий противника удар Вооружённых Сил Советского Союза спас мир от ужасов бактериологической войны.

С гордостью за свою могучую социалистическую Родину, спасающую человеческую цивилизацию от гибели, мы вспоминаем сегодня о великом подвиге советского народа в Отечественной войне.

Ваш приговор должен не только сурово и справедливо покарать преданных суду преступников и заклеить злодеяния японских агрессоров. Этот приговор должен прозвучать как грозное предостережение для поджигателей новой мировой войны, — таких же безжалостных и жестоких человеконенавистников, как и те, преступления которых будут осуждены вами.

Пусть помнят все замышляющие новые злодеяния против человечества и готовящие новые средства массового человекоистребления, что мир не забыл уроков второй мировой войны. На страже мира и безопасности стоят миллионы простых людей, могучий фронт демократических сил, возглавляемый великим Советским Союзом.

Это — могучая и всепобеждающая сила, которая сумеет остановить и сурово покарать любых поджигателей новой войны.

Грозным напоминанием об этом пусть прозвучит ваш приговор, товарищи судьи!

«Известия» № 309 (10149)
от 31 декабря 1949 г.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

АВСТРИЯ

Коммюнике Совета министров иностранных дел — 111—114.

Материалы о работе Союзнического совета по Австрии — 230—257.

Интервью Министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского с корреспондентами газет «Правда» и «Известия» об итогах Парижской сессии Совета министров иностранных дел — 434—440.

АЛБАНИЯ

Советско-албанское коммюнике о пребывании в Москве Албанской правительственной делегации — 97.

Б

БОЛГАРИЯ

Председателю Совета Министров Народной Республики Болгарии г-ну Г. Димитрову — 25.

К советско-болгарским торговым отношениям — 40.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 103—110.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 118—120.

Против клеветы и фальсификации. Речь А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН — 450—468.

Разоблачить клеветников до конца! Речь А. Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН — 477—488.

В

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Коммюнике Правительств СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам Германии — 99.

Обмен меморандумами между Министерством иностранных дел СССР и британским посольством в Москве — 101—104.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 108—110.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 118—120.

Ноты Правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции — 165—170.

ВЕНГРИЯ

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 108—110.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 118—120.

Окончание работ по редемаркации советско-венгерской границы — 125.

Против клеветы и фальсификации. Речь А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН — 450—468.

Разоблачить клеветников до конца! Речь А. Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН—477—488.

Г

ГЕРМАНИЯ

Президенту Германской Демократической Республики господину Вильгельму Пику, Премьер-Министру правительства Германской Демократической Республики господину Отто Гротеволу — 28—29.

Сообщение ТАСС — 37—38.

К вопросу о репатриации немецких военнопленных — 41—43.

Нота Советского правительства по поводу незаконного изменения западных границ Германии — 94—95.

Сообщение ТАСС — 97—98.

Коммюнике правительств СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам Германии — 99.

Коммюнике Совета министров иностранных дел — 111—114.

Ноты Правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции — 165—170.

Обмен дипломатическими миссиями между Правительством СССР и Временным Правительством Германской Демократической Республики — 174.

Материалы о работе Советской военной администрации и Советской контрольной комиссии в Германии — 205—229.

Выступление Министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского на Парижской сессии Совета министров иностранных дел — 366—399, 401—429.

Интервью Министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского с корреспондентами газет «Правда» и «Известия» об итогах Парижской сессии Совета министров иностранных дел — 434—440.

ГРЕЦИЯ

Сообщение ТАСС — 99—100.

Советская делегация призывает Генеральную ассамблею ООН спасти жизнь невиновно осуждённых греческих патриотов. Заявление А. Я. Вышинского на заседании Первого (политического) комитета Генеральной ассамблеи ООН — 489—490.

Положить конец фашистскому террору в Греции! Речь А. Я. Вышинского в Первом (политическом) комитете Генеральной ассамблеи ООН — 490—495.

Речь А. Я. Вышинского в Первом (политическом) комитете Генеральной ассамблеи ООН по греческому вопросу — 495—515.

Д

ДАНИЯ

Сообщение ТАСС — 94.

ДОКЛАДЫ

«32-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Доклад Г. М. Маленкова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября — 175—199.

ДУНАЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

Ратификация конвенции о режиме судоходства на Дунае — 97.

З

ЗАПРЕЩЕНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И СОКРАЩЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ

В Совете безопасности — 279—281.

Выступления Я. А. Малика на заседании Совета безопасности — 281—286, 320—324.

Речь Я. А. Малика в комиссии по обычным вооружениям Совета безопасности — 296—299.

Выступление Я. А. Малика на заседании атомной комиссии ООН — 299—304.

Выступление Д. З. Мануильского на заседании комиссии по обычным вооружениям — 307—312.

Выступление Д. З. Мануильского на заседании атомной комиссии ООН — 312—315.

Выступление С. К. Царапкина в комиссии ООН по обычным вооружениям — 315—320.

Выступление Д. З. Мануильского в Совете безопасности — 324—325.

Выступления Я. А. Малика в Специальном политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН — 515—520, 584—585.

Речь А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете — 520—541.

Речь А. Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН по вопросу об атомной энергии — 585—604.

И

ИНДОНЕЗИЯ

Речь Д. З. Мануильского на заседании Специального политического комитета Генеральной ассамблеи ООН — 621—626.

ИРАН

Заявление советского посла в Тегеране — 79—80.

ИСЛАНДИЯ

Сообщение ТАСС — 94.

ИСПАНИЯ

Речь главы делегации СССР А. А. Громыко в Первом (политическом) комитете Генеральной ассамблеи ООН по вопросу о франкистской Испании — 355—357.

ИТАЛИЯ

Сообщение ТАСС — 94.

Нота Советского правительства по поводу присоединения Италии к Северо-атлантическому договору — 120—122.

Ответ Правительства СССР на ноту итальянского правительства — 159—162.

Речь главы делегации СССР А. А. Громыко на заседании Первого (политического) комитета Генеральной ассамблеи ООН о бывших итальянских колониях — 335—344.

Выступление представителя СССР Я. А. Малика на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН — 362—365.

К

КИТАЙ

Опровержение ТАСС — 37.

В Министерстве иностранных дел СССР — 39—40.

К вопросу о торговле Маньчжурии с СССР — 124.

Министру Иностранных Дел Центрального Народного Правительства Народной Республики Китая г-ну Чжоу Энь-лаю — 171.

О прекращении дипломатических отношений между Советским Союзом и правительством Янь Си-шаня в Кантоне — 172—173.

К установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Народной Республикой Китая — 173.

КОРЕЯ

Председателю Кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сену — 30.

Советско-корейское коммюнике о пребывании в Москве корейской правительственной делегации — 85.

Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой — 86—88.

Обмен ратификационными грамотами Советско-корейского соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве — 115.

В Совете безопасности — 287—292.

М

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Премьер-Министру МНР Маршалу Чойбалсану — 23—24.

Премьер-Министру Монгольской Народной Республики Маршалу Чойбалсану — 32.

Н

НОРВЕГИЯ

Заявление посла СССР в Норвегии — 71—72.

Ответ Правительства СССР на заявление норвежского правительства — 72—76.

Сообщение ТАСС — 94.

Заключение договора между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Норвегии о режиме советско-норвежской границы — 201—202.

О

ОБ ОСУЖДЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВОЙ ВОЙНЫ И ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА ПЯТИ ДЕРЖАВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МИРА

Речи А. Я. Вышинского на заседаниях Генеральной ассамблеи ООН — 441—450, 611—621.

Речи А. Я. Вышинского на заседании Первого (политического) комитета Генеральной ассамблеи ООН — 541—583, 605—611.

П

ПОЛЬША

Г-ну Ю. Циранкевичу, Председателю Совета Министров Польской республики — 27.

К советско-польским торговым отношениям — 39.

Обмен ратификационными грамотами советско-польского договора о режиме советско-польской государственной границы — 80.

Подписание трёхсторонних торговых соглашений между СССР, Польшей, Финляндией и Чехословакией — 114—115.

Р

РЕПАТРИАЦИЯ

Сообщение ТАСС — 37 — 38.

О невыполнении соглашений о репатриации советских граждан — 80—84.

Заявление Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации — 101.

РУМЫНИЯ

К советско-румынским торговым отношениям — 44.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 108—110.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 118—120.

Окончание работ по демаркации советско-румынской границы — 163.

Заключение договора о режиме советско-румынской государственной границы и пограничной конвенции между правительством Союза ССР и правительством Румынской Народной Республики — 200—201.

Против клеветы и фальсификации. Речь А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН — 450—468.

Разоблачить клеветников до конца! Речь А. Я. Вышинского на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН — 477—488.

С

СВОБОДА ИНФОРМАЦИИ

Выступление А. А. Громыко на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН по вопросу о свободе информации — 357—362.

СВОБОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ТРИЕСТ

Выступление Я. А. Малика в Совете безопасности — 292—293.

СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАКТ

Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте — 46—71.

Заявление посла СССР в Норвегии — 71—72.

Ответ Правительства СССР на заявление Норвежского правительства — 72 — 76.

Меморандум Правительства СССР о Северо-атлантическом договоре — 88—94.

Сообщение ТАСС — 94.

Нота Советского Правительства по поводу присоединения Италии к Северо-атлантическому договору — 120—122.

Ответ Правительства СССР на ноту Итальянского Правительства — 159—162.

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

В Совете безопасности — 279—281, 287—292, 305—307.

Выступления Я. А. Малика в Совете безопасности ООН и его Комиссиях — 281—286, 292—304, 320—324.

Выступления Д. З. Мануильского в Совете безопасности ООН и его Комиссиях — 307—315, 324—325.

Выступление С. К. Царапкина в Комиссии ООН по обычным вооружениям — 315—320.

Речь главы делегации СССР А. А. Громыко на пленарном заседании Генеральной ассамблеи по вопросу о голосовании в Совете безопасности — 345—354.

На пресс-конференции у главы советской делегации на Генеральной ассамблее ООН А. Я. Вышинского — 469—477.

СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

К созданию Совета экономической взаимопомощи — 44—45.

Сессия Совета экономической взаимопомощи — 159.

США

Ответы тов. Сталина И. В. на вопросы генерального европейского директора американского агентства «Интернейшнл Ньюз Сервис» г-на Кингсбэри Смита — 21—22.

Ответ И. В. Сталина на телеграмму Кингсбэри Смита — 22—23.

Сообщение ТАСС — 97—98.

Коммюнике Правительств СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам Германии — 99.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 108—110.

Ответ Советского правительства на ноты США и Великобритании — 118—120.

Ноты Правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции — 165—170.

Речь А. Я. Вышинского на обеде в Нью-Йорке, посвящённом 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции — 626—629.

Заявление А. Я. Вышинского — 630.

Ф

ФИНЛЯДИЯ

Председателю Совета министров Финляндской республики г-ну К. Фагерхольму — 26.

Обмен ратификационными грамотами советско-финляндского договора о режиме советско-финляндской границы — 96.

Подписание трёхсторонних торговых соглашений между СССР, Польшей, Финляндией и Чехословакией — 114—115.

ФРАНЦИЯ

Коммюнике Правительств СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам Германии — 99.

Ноты Правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции — 165—170.

Ч

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Г-ну А. Запотоцкому, Председателю Совета министров Чехословацкой республики — 33.

Подписание трёхсторонних торговых соглашений между СССР, Польшей, Финляндией и Чехословакией — 114—115.

Ш

ШВЕЦИЯ

К советско-шведским торговым отношениям — 95—96.

Э

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОВЕТ ООН

Выступление С. К. Царапкина в Экономическом и социальном совете ООН — 326—332.

Выступление делегата СССР Кулаженкова на сессии Экономического и социального совета ООН — 333—334.

Ю

ЮГОСЛАВИЯ

Ответ Правительства СССР на ноту югославского правительства — 76—79.

Ответ Советского правительства на ноту югославского правительства — 104—108.

Нота Советского правительства югославскому правительству — 115—117.

Нота Советского правительства югославскому правительству по поводу незаконных арестов советских граждан — 123—124.

Ответ Советского правительства югославскому правительству — 125—134.

Ответ Советского правительства на ноту югославского правительства по поводу незаконных арестов советских граждан — 134—144.

Нота Советского правительства югославскому правительству — 144—159.

Нота Советского правительства югославскому правительству — 164.

В Министерстве иностранных дел — 174.

Сообщение ТАСС — 199—200.

Я

ЯПОНИЯ

Заявление управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации — 101.

Материалы о работе Союзного совета для Японии — 258—264.

Материалы о работе Дальневосточной комиссии — 265—278.

На Парижской сессии Совета министров иностранных дел. О мирном договоре с Японией — 430—433.

Речь государственного обвинителя государственного советника юстиции 3-го класса Л. Н. Смирнова на судебном процессе по делу бывших военнослужащих японской армии — 631—672.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аденауэр — 208.
 Айзекс — 42.
 Алехин — 201.
 Аmano — 657.
 Анкер — 202.
 Араванитис — 489.
 Аран — 79.
 Арнольд — 549.
 Афанасьев, С. А. — 71—73, 201.
 Ачесон, Д. — 111, 370—373, 376, 377, 380, 382, 383, 389, 391, 394—398, 400, 406—408, 410, 411, 414—416, 423, 425—428, 431—434, 436, 438, 439, 444, 536, 548, 550, 551, 564, 566, 592, 600.

Б

Бабкок — 218.
 Балодимос, А. — 513.
 Бапст — 215, 216.
 Бараньян, Ю. — 465, 466.
 Барбунакис, С. — 489, 490, 492.
 Барнард, Ч. — 531, 535, 536, 564, 590.
 Барух — 313, 591, 592, 595.
 Бэблер — 129, 153, 237, 238, 501.

Бевин, Э. — 47, 62, 111, 370, 371, 373, 376, 379, 382, 387, 388, 393, 406—408, 413, 419, 425—431, 434, 436, 512, 513, 543—545, 548, 550—552, 569, 615.
 Бейли — 587.
 Бенсон — 218.
 Бидо — 382.
 Бирнс — 336, 338, 344, 536, 600, 616.
 Блэккетт — 531, 597, 598, 602.
 Бонсдорф, И — 96.
 Борн — 219.
 Бранков, Л. — 569, 570.
 Братиану — 451.
 Браудер — 140.
 Брук — 578.
 Брэдли — 444, 522, 549, 557, 614, 615.
 Будисавлевич — 142.
 Буллит — 601.
 Буш — 536, 600.
 Бэрн, М. — 461.

В

Вакамэцу — 671
 Ванамо, И. — 96.
 Ван Ин — 645.
 Васситтарт — 466, 480.
 Ван Цзя-сян — 173.
 Ванденберг — 66, 615.
 Вахервуорн, Т. О. — 96.

Велебит — 570.
 Вербловский — 567, 578, 580.
 Верт — 587.
 Видела — 608.
 Вильсон — 606, 607.
 Винне — 536.
 Вишоюну — 451.
 Владимиров, И. В. — 199, 200.
 Влахос — 506.
 Вукадинович — 142.
 Вышинский, А. Я. — 40, 85, 86, 88, 97, 101, 102, 111, 126, 129, 131, 132, 148, 149, 154, 155, 318, 356—370, 374—384, 387—392, 394—397, 399, 401—434, 441, 450, 469, 472—477, 489—510, 512—515, 520, 541, 556, 585, 605—609, 611—614, 616, 618, 619, 627, 629, 630.

Г

Габриельсен, Х. — 201.
 Галифакс — 617.
 Гальдер — 220.
 Гамид 2-й — 624.
 Ганеваль — 218, 219.
 Гао-Ган — 124.
 Гарднер — 483.
 Гарриман — 568.
 Гаррисон, Д. У. — 102.
 Гаррис, С. — 479.
 Геббельс — 579.
 Гемето — 451, 462.
 Георгиу, Д. — 492.
 Герасимов — 581.
 Герхардсен, Э. — 202.
 Гитлер — 141, 380, 461, 575, 576, 579, 616.
 Говард — 609, 610.
 Горбунов, Т. С. — 581.
 Грейди, Г. — 508.
 Гровс — 536, 600.
 Гроза, П. — 451, 568.
 Громько, А. А. — 99, 100, 164, 165, 171, 172, 335, 336, 339, 343, 345, 347—349, 355—358, 362, 476.

Д

Гротеволь, О. — 28, 30, 192, 222, 224, 226, 227.
 Грубер — 237, 238.
 Губнер — 81.
 Гувер — 195.
 Гудериан — 220.
 Гусев, Ф. Т. — 102, 397.
 Гэрни — 356, 560.

Даладьё — 575.
 Даллес, А. — 569.
 Даллес, Д. — 289, 339.
 Демченко — 645.
 Дервянко — 258, 262, 263.
 Джессеп — 98, 591.
 Джилас — 568—570.
 Джонсон — 317, 545, 549, 557, 614, 615.
 Джонсон, Х. — 462.
 Димитров, Г. — 25, 26.
 Дикман, И. — 221—223.
 Дмитриев, Н. В. — 104.
 Дратвин — 215, 216.
 Дромар — 42, 205, 206.
 Дырин, З. И. — 104.

Е

Ежов, И. М. — 96.
 Елизаров — 219.
 Ерофеев, В. Я. — 110.

Ж

Жахов, Н. А. — 104.
 Желтов — 240, 248, 253, 256, 257.

З

Занкин, Д. И. — 201.
 Закар — 466.
 Запотоцкий, А. — 33, 34.
 Зарубин, Г. Н. — 94, 129, 234, 239.
 Зенькович, И. И. — 200.

И

Ида — 670.
Иидзима — 646.
Икари — 651, 652, 671.
Икеда — 641.
Илиопулос, Г. — 489, 490, 492.
Иоаннидис, А. — 489, 490, 492.
Иованович, В. — 570.
Иосида — 259.
Иосимура — 649, 664, 671.
Ииси (Того) — 635—649, 651—656, 660—663, 665—667, 671.

К

Кавасима — 639, 640, 642, 644, 645, 647, 653—656, 665, 666, 671.
Кадзицука — 636, 641, 642, 651, 653, 661—665, 671.
Кайзер — 208.
Карасава — 636, 639, 653, 656, 666, 671.
Кардель, Э. — 77, 126, 127, 129, 131—133, 148—150, 152—156.
Касахара — 641.
Касуга — 647.
Кафандарис — 507.
Кейверс — 597.
Кениг — 387.
Кермаунер — 116.
Керн, Э. — 257.
Керр — 568.
Кичучи — 668, 671.
Ким Ир Сен — 30, 31, 85, 86, 88.
Кимура — 647.
Кинан — 656.
Кинг — 527.
Киреев, Н. С. — 201.
Кирсанов, В. В. — 200.
Китано — 641, 661, 663, 671.
Ких — 490.
Клей — 42, 208, 211, 212, 387, 397.
Клемансо — 607.
Коктомов — 129.
Колбан — 202.
Конан, Д. — 536, 600.

Корнейчук, А. — 581.
Костас — 506.
Котиков — 218, 228.
Козн — 455, 461, 463, 464, 477, 478, 480, 482, 484, 509, 510, 513, 514.
Краус — 254.
Кувабара — 657, 669.
Кулаженков — 333.
Кумыкин, П. Н. — 96.
Курасов — 230, 232, 235.
Курусима — 668, 671.
Кусаба — 653.
Кэмпбел — 81.
Кэмроз — 359.

Л

Лаврентьев, А. И. — 127, 129, 150.
Ланге — 72, 73.
Латинович, Л. — 199, 570.
Лебедев, В. — 80.
Ленин, В. И. — 32, 140, 193, 198, 565, 571, 573, 574, 582, 608, 609, 627.
Леонтич — 116.
Лилленталь — 524, 531, 536, 550, 566, 592.
Ли Сын Ман — 288.
Литвинов — 607.
Ллойд-Джордж — 463, 617.
Ломпар, М. — 569.
Лукьянченко, Г. — 209, 214.
Лулчев — 451, 462, 465.
Лэнгмюр — 596.

М

Маевский, И. В. — 201.
Макартур — 101, 262—266, 268, 269, 271, 272, 274—277.
Макдугол, В. — 259.
Макклой — 536, 600.
Маккой — 268, 277.
Маклин — 215, 216.
Макнейл — 116, 339, 440, 497, 507—513, 560, 567, 575—583, 614, 615.

Макнерни — 387.
Макнил — 99, 100.
Макногон — 298, 313.
Маленков, Г. М. — 175, 547.
Малик, Я. А. — 98, 279, 281, 282, 284, 287—296, 299—303, 320—322, 324, 362, 515—519, 584.
Малик — 608.
Маниу — 451, 479.
Мануильский, Д. З. — 305—307, 312—315, 324, 325, 621.
Мао Цзэ-дун — 172, 194.
Маршон — 349.
Маркс, К. — 565.
Мартин — 570—572.
Маршалл — 314, 382, 616.
Массигли — 397.
Мацумура — 641, 642, 644.
Мацуока — 617.
Медина — 483.
Меньшиков, М. А. — 85, 97.
Микаси — 654.
Микоян, А. И. — 85, 97.
Милич — 569.
Миндсенти — 451, 460, 465, 466, 479, 481.
Мисина — 656.
Митомо — 651, 657, 659, 669, 670, 671.
Михай — 568.
Михайлов, Ф. А. — 201.
Мозделевский, З. — 80.
Мозговой, А. В. — 104.
Мозли, Ф. — 397.
Молотов, В. М. — 85, 162, 163, 336, 382, 393, 420, 474, 615.
Моннэ — 329.
Монтгомери — 52, 387, 579, 614.
Морита — 642.
Морита, К. — 261.
Москиос — 490.
Мразович — 174.
Мураками — 671.
Муратидис, Д. — 489, 490, 492.
Муссолини — 141.
Мэйкин — 458—460, 478, 482.

Н

Надь, М. — 466.
Надь, Ф. — 451.
Нейман — 508, 511.
Ниси — 642, 649, 650, 652—654, 658, 666, 667, 671.
Ноэль-Бейкер — 116, 149, 150, 440.
Нэш — 316.

О

Огису — 652.
Оноуэ — 642, 658, 666, 667, 671.
Оота — 654, 671.
Опарин — 581.
Оппенгеймер — 536, 597.
Оранская-Насау — 623.
Осборн — 298, 315, 528, 532—534, 567, 590.
Остин — 290, 292, 305—307, 557, 558, 560, 562—564, 567, 568, 572, 580—582, 615, 616.

П

Павленко — 581.
Пакконен, И. П. — 96.
Панюшкин, А. С. — 109, 265, 266, 268—272, 277.
Паркер, Р. — 580, 581.
Паччарди — 122, 160, 161.
Пессендорфер, Р. — 254.
Петерсон, М. Д. — 101—103.
Петков, Н. — 451, 452, 462, 465, 479, 485.
Пик, В. — 28, 30, 192.
Пяпинелис — 493, 511, 514, 515.
Пирсон — 321, 322, 545, 546, 551, 552.
Попович — 130.
Поселянов, Н. Ф. — 96.
Претяса, Г. — 201.
Пу-И, Г. — 659.
Пуль — 607.
Пушкин, Г. М. — 174.

Р

Рааб — 241.
 Радеску — 451, 567, 568.
 Райк — 164, 174, 191, 461, 569, 570.
 Ранкович — 141, 191, 569.
 Раск — 99, 100.
 Рашер — 649.
 Рейтер — 208.
 Реннер — 130, 145, 147.
 Ридсдэйль — 581.
 Рожанский — 581.
 Ройтер — 414.
 Ройялл — 349.
 Ромуло — 586, 620.
 Росс, Ч. — 22.
 Роцин, Н. В. — 37, 173.
 Рузвельт, Ф. Д. — 23, 345.
 Рундштедт — 579, 602.

С

Савоненков, Г. М. — 96.
 Садчиков — 79.
 Саймингтон — 284.
 Саймон, Д. — 617.
 Сайто — 260.
 Сакураита — 651.
 Санта Крус — 608.
 Сарадзис, Е. — 489, 490, 492.
 Сато — 643, 656, 658, 667, 668, 671.
 Свиридов — 240—243, 246, 252.
 Свирский — 360.
 Себолд — 262.
 Симич — 129.
 Слайтер, С. — 543, 575.
 Смирнов, А. А. — 427.
 Смирнов, Л. Н. — 631.
 Смит — 615.
 Смит, Кингсбэри — 21—23, 98.
 Соколовский, В. Д. — 211.
 Соланко, Р. — 96.
 Сомер — 623.
 Сомерто, К. — 96.
 Софулис — 507.
 Спаак — 330.
 Спаатс — 559, 614.

Сталин, И. В. — 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 62, 85, 98, 130, 145, 146, 147, 183, 192, 193, 194, 198, 228, 345, 441, 448, 463, 540, 554, 555, 565, 578, 579, 582, 587, 609, 610, 611, 627, 628.
 Стерлинг — 212.
 Стифен — 480.
 Стрелакос, А. — 489, 490, 492.
 Стрэнг, У. — 397.
 Судзуки — 260, 261.
 Сульман, Р. — 96.
 Сун Чжао-сан — 645.
 Сысов, И. Г. — 96.

Т

Табэи — 648.
 Такахаси — 651, 661, 668, 669, 671.
 Такеда — 641, 654.
 Такки, У. — 96.
 Таксис — 489.
 Талагани, Е. — 489, 490, 492.
 Тамура — 646, 660, 661.
 Танака — 640, 671.
 Тарасенко, В. А. — 290.
 Таурен, Л. — 96.
 Тачибана — 646.
 Тедлер — 578.
 Тзянг — 442.
 Тито — 127, 128, 150, 191, 569.
 Тихвинский — 171, 172.
 Токарев, С. Ф. — 96.
 Томас — 536.
 Томпсон — 460.
 Трумэн, Г. — 22, 23, 46, 54, 162, 311, 317, 357, 361, 444, 527, 548.
 Тэйлор — 219.
 Тэйлор — 357.

У

Уайборд — 103.
 Уайт — 206.
 У Дян-син — 645.
 Уикс — 397, 398.
 Умедзу — 637, 641, 653, 660, 661

Ф

Фадеев — 581.
 Фагерхольм, К. — 26, 27.
 Фамелис, И. — 489, 490, 492.
 Фарли — 356.
 Фигль — 243, 249.
 Флюккигер — 295, 296.
 Фостер — 140.
 Франк, Д. — 598, 599.
 Франко — 140, 355—357, 560, 561.
 Фу Бин-чан — 40.
 Фукузуми — 651.
 Фуруичи — 642, 648, 655, 665.
 Футаки — 651.

Х

Харьоно — 623.
 Хасимото — 263.
 Хатаки — 651.
 Хатта — 622—625.
 Хатчинс — 359.
 Хаули — 399.
 Хейс — 215, 216.
 Хекмат — 79, 80.
 Хенсел — 559.
 Хеплер — 275.
 Херст — 360.
 Хинкертон — 584, 589.
 Хиразаккура — 657, 669, 670, 671.
 Хирохито — 636, 641, 671.
 Ходжа, Э. — 97.
 Холл — 206.
 Хотти — 650.

Ц

Цалларис — 140, 496, 497, 507.
 Царапкин, С. К. — 305—307, 315, 316, 318, 319, 326—328, 330—332.
 Цзян Тин-фу — 586.

Цзюн Мин-ци — 645.
 Циранкевич, Ю. — 27, 28.
 Циримокоос — 503.
 Цудерос — 507.

Ч

Чан Кай-ши — 37.
 Чейс — 42, 207.
 Чемберлен — 575, 617.
 Чень Ли-фу — 37.
 Черчилль, У. — 54, 62, 345, 483, 572, 578, 579, 606.
 Чжоу Энь-лай — 171—173, 586.
 Чжу Чи-мэн — 645.
 Чиаурели — 581.
 Чойбалсан — 23, 24, 32, 33.
 Чуйков, В. И. — 29, 213, 214, 221—224, 226—229.
 Чы Де-эн — 645.

Ш

Шан — 262.
 Шильстад — 71, 72, 202.
 Шириков, И. И. — 104.
 Шмид, К. — 208.
 Шнюков, Г. П. — 77, 200.
 Шовель — 320.
 Шостакович, Д. Д. — 581.
 Шоу — 262.
 Шоукросс — 451, 455, 462—467, 478—483.
 Штейнер — 220.
 Штрахвиц — 254.
 Штумпф — 220.
 Шульман — 602.
 Шуман, Р. — 111, 370—372, 374—376, 380, 382, 389, 390, 393, 400, 406—408, 411—413, 415, 416, 423, 426, 427, 431, 434, 436.
 Штубер, Ф. — 254.

Э

Эберг, Ф. — 228.
Эватт — 499, 512, 513.
Эгбаль — 79.
Эйзенхауэр — 387, 578, 579.
Эйкельбергер — 259.
Энгельс, Ф. — 565.
Эстерхази — 466.
Этли — 527.

Ю

Юшков, А. А. — 104.

Я

Ямада — 631, 635, 637, 640—
642, 646, 651, 654, 657—
664, 671.
Ямагиси — 645, 646.
Янь Си-шань — 172.

Подписано в печать 3 октября 1953 г. А05495. Тираж 25 000 экз. Бумага 82×108^{1/32} 10³/₄, бум. л., 35,26 печ. л., 43,8 уч.-изд. л. Заказ № 286. Цена 12 р.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культуры СССР. Москва, Валовая, 28.

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

1949
ГОД

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1953